

ВОСТОЧНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Учредитель - Институт востоковедения РАН

Антон О. Захаров

**Очерки истории
традиционного Востока**

Москва
2007

ВОСТОЧНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Учредитель – Институт востоковедения РАН

Антон О. Захаров

Очерки истории традиционного Востока

Москва – 2007

Захаров А.О.

Очерки истории традиционного Востока.

М.: Восточный университет, 2007, 222 с.

ISBN 978-5-98196-003-1

Монография посвящена истории и историографии древнего и средневекового Востока. Реконструируется история древней Бактрии II в. до н.э. – I в. н.э. и Шривиджайи VII в. Анализируется понятие «древнего Востока» в отечественной историографии. В ряде очерков затрагиваются теоретические проблемы историографии и предлагается обоснование её объективности в свете кантианской философии.

Для историков, философов, культурологов, всех интересующихся историей Востока

ISBN 978-5-98196-003-1

© Захаров А.О., 2007

© Восточный университет, 2007

Содержание

Предисловие	4
<u>Очерк 1.</u>	5
Некоторые проблемы истории Бактрии во II в. до н.э. – I в. н.э.	
Введение	6
Глава 1. Греко-Бактрия при Евкратиде I)	21
§ 1. Этническая и социальная структура	21
§ 2. Политическая история	30
§ 3. Некоторые черты экономического развития	37
Глава 2. Основные вопросы истории Бактрии в конце II в. до н.э. – начале I в. н.э.	42
§ 1. Падение Греко-бактрийского царства	42
§ 2. «Пять владений» и «государство» «Больших Юечжей»	56
§ 3. Проблема «Герая» и возникновение Кушанского царства	67
§ 4. Основные черты бактрийской экономики в конце II в. до н.э. – начале I в. н.э.	82
Заключение	90
Приложение № 1. Проблема происхождения юечжей	92
Приложение № 2. Современное состояние проблемы кушанской хронологии	101
Приложение № 3. Некоторые проблемы истории Греко-Бактрии первой трети II в. до н.э.	117
<u>Очерк 2.</u>	127
Политическая организация Щривиджайи в историографии (The political organization of Śrīvijaya in historiographic perspective)	
<u>Очерк 3.</u>	161
О способах конструирования «древнего Востока» в российской историографической традиции	
Список сокращений	191
Список литературы	193

Предисловие

Дорогой читатель!

Предлагаемые Вашему вниманию очерки создавались в разное время, и лишь этим летом я решил собрать их вместе и после существенной переработки представить их Вашему суду. Это, вместе с тем, не означает, что все очерки были внутренне взаимосвязаны: слишком различен контекст их создания. Поэтому сейчас хотелось бы рассказать вкратце о структуре монографии и особенностях помещённых в ней исследований.

Первый очерк «Некоторые проблемы истории Бактрии во II в. до н.э. – I в. н.э.» представляет собой исправленный и дополненный вариант дипломной работы, защищённой в Московском педагогическом государственном университете под руководством к.и.н. З.В. Сердитых ещё в 2002 г. По существу, это историографический обзор проблем падения Греко-Бактрии и возникновения Кушанского царства. Я вовсе не претендую на какие бы то ни было открытия в этой области изучения древности и прошу рассматривать свой очерк как пропедевтику. Следует отметить, что в методологических и теоретических вопросах в настоящее время я занимаю вовсе не ту позицию, с которой был написан диплом. Он создавался в духе советской историографии, чёткое понятийное определение которой ещё ждёт своего часа; тогда мои преподаватели и коллеги говорили о «позитивизме–марксизме», что скорее всего означает подчёркнутое невнимание к теории. Во главу угла ставились источники и умение критически осмыслить их данные. Исследователь должен был быть беспристрастным в оценках, и его личность не должна была влиять на результат его деятельности. Но результат любого суждения зависит от правил вывода, а правила вывода в свою очередь подчинены принципам связи представлений, которые вовсе не вытекают из опыта, а напротив, создают самый опыт. И исследователь вовсе не абстрактный наблюдатель, а живой человек, включённый во всё многообразие общественных и природных отношений, занимающий в них определённое место и смотрящий на мир со своей точки зрения, вызванной как этим многообразием отношений, так и собственным осмыслением их, в чём задействованы и общечеловеческие способы мышления и субъективные (личностные) свойства познающего. Сами изучаемые нами объекты выражают наше Я, они создаются нашим разумом, в котором способность к объективному познанию основана на трансцендентальном единстве апперцепции, но конечный результат всегда несёт на себе печать эмпирического самосознания. Мой собственный интерес к проблеме исторической объективности, одно из возможных решений которой предлагается в одном из очерков, вызван, по-видимому, привитой мне в университете любовью к объективному знанию, протестом против постмодернизма – нынешней версии скептицизма.

В двух других очерках отстаивается методология конструктивизма и кантианская критическая философия, разделяемая мною в настоящее время. Второй очерк «Политическая организация Щривиджайи в историографии» (The political organization of Śrīvijaya in historiographic perspective) восходит к моей кандидатской диссертации и опубликованной по ней Восточным университетом монографии. Новый вариант текста написан по-английски не случайно: основная часть исследований Щривиджайи выходила на этом языке и желательно было сделать отечественную историографию доступной англоговорящей читательской аудитории. По сравнению с монографией автора этих строк, новый вариант существенно улучшен за счёт более тщательного анализа источников, прежде всего надписи Телага Бату-II. В третьем очерке «О способах конструирования «древнего Востока» в российской историографической традиции» исследуется логический статус понятия «древний Восток».

В монографии унифицированы сноски и список литературы и сокращений.

3 сентября 2006 г.

А.З.

Очерк 1. Некоторые проблемы истории Бактрии во II в. до н.э. – I в. н.э.

Введение.

История государств, возникших на развалинах эллинистического мира, давно привлекает внимание исследователей сложностью происшедших тогда процессов, обусловленных синтезом греческого и восточного (включая кочевое) начал, и сходством основных характеристик той эпохи с современной экономической, социальной, политической и идеологической ситуацией, выражающейся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии различных культур. Невзирая на значительный объем публикаций, не вполне ясна история Греко-Бактрии и Кушанской империи. Хотелось бы реконструировать период, прошедший от падения Греко-бактрийского царства до возникновения государства Кушанов, поскольку его история не находилась в центре внимания исследователей.

Хронологические рамки данной работы – от царствования греко-бактрийского монарха Евкратиды I (170–145 гг. до н.э.) до середины I в. н.э., когда первый кушанский царь Куджула Кадфиз, видимо, уже находился у власти. Тем самым рассматриваются эпоха поздней Греко-Бактрии, последовавший за ее падением период, который из-за малой изученности можно условно назвать «темными веками», и возникновение кушанской государственности. Географически исследование охватывает в первую очередь территорию Бактрии¹, но внимание уделяется и окружающим ее районам: Северо-Западной Индии, Парфии, Согдиане.

Основная часть работы посвящена различным аспектам этнической, политической, социальной и экономической истории Бактрии во II в. до н.э. – I в. н.э.

Обзор источников.

Используемые в работе материалы можно условно разделить на следующие группы: античная письменная традиция, китайские династические хроники, материалы археологических раскопок, эпиграфические памятники, нумизматические данные.

Начнем характеристику источников с *античной традиции*². Привлекаются такие ее виды, как научная (географическая) литература, энциклопедические труды и исторические произведения. Первая из них представлена трудами Страбона и Птолемея, вторая – работой Плиния Старшего «Натуральная история», а третья – эпитомой сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae», принадлежащей Юстину, трудами Геродота, Ктесия Книдского, Диодора Сицилийского и Флавия Арриана.

¹ Древняя Бактрия на современной политической карте соответствует Северному Афганистану, Южному Узбекистану и Южному Таджикистану: району к северу от Гиндукуша и к югу от Гиссарского Хребта. О проблеме локализации Бактрии см.: [Ставиский, 1977, с. 36сл.; Пьянков, 1982].

² Используемые в исследовании издания и переводы античных текстов указаны в списке литературы.

«География» Страбона (I в. до н.э. – I в. н.э.) состоит из 17 книг, из которых Средней Азии посвящена XI-я. В ней описываются Гиркания, Парфия, Маргиана, Согдиана, Бактрия. Как отмечает Г.А. Кошеленко, ценность собственно географических свидетельств уменьшается тем, что Страбон иногда смутно представлял себе действительную географическую ситуацию [Кошеленко, 1984, с. 255]. В труде Страбона соединяются свидетельства о природных условиях и образе жизни народов Средней Азии с их политической историей. Данные Страбона об экономике Греко-Бактрии вполне согласуются с материалами археологических изысканий. Основным его источником по среднеазиатскому региону был Аполлодор из Артемиды, чья информация, видимо, вполне достоверна.

Фрагменты работы другого древнегреческого географа Птолемея очень интересны. Но «География», написанная на рубеже I–II вв. н.э., весьма путанный источник, поскольку представляет собой компиляцию разновременных материалов. Правда, их точность весьма велика, поэтому использовать их данные допустимо [Кошеленко, 1984, с. 257].

Ко второму виду источников относится только труд Плиния Старшего «Натуральная история». Он состоит из 37 книг и датируется третьей четвертью I в. н.э., представляя собой совокупность сведений о всех сторонах античной науки. Работа Плиния компилятивна и содержит множество разновременных и разноплановых данных.

Из третьей группы античных источников – исторических сочинений – наиболее значима «История Филиппиков» (*Historiae Philippicae*) Помпея Трога. Она была написана в эпоху Августа и состояла из 44 книг. Её оригинал был утерян. Во II или III в. н.э. сочинение Трога было сокращено Марком Юнианом Юстином. О его первоначальном содержании некоторую, очень незначительную информацию дают «Прологи» – оглавление к работе Трога, составленное на основе оригинала. Данные о кочевническом завоевании Бактрии сохранились только в «Прологах». Эпитома же Юстина, давая подчас сбивчивые сведения (как, например, о времени возникновения Греко-бактрийского царства [Сердитых, Кошеленко, 1987, с. 238–239]), отличается усилением морализаторской стороны текста. Это подтверждается самим подходом Юстина к своей работе: «...я на досуге... извлек все, наиболее достойное внимания, и опустил то, что не могло ни доставить удовольствия... ни послужить полезным примером» (*Proem.*) [Маринович, 1982, с. 49]. Несмотря на это, источнику не следует отказывать в аутентичности, так как отмечаются и случаи, когда именно Юстин дает верную картину событий (например, возникновение Парфянского царства) [Кошеленко, 1984, с. 253]. Но «достоверность сообщаемых им сведений необходимо каждый раз проверять» [Кошеленко, 1982, с. 122].

Помимо Помпея Трога, в работе используются материалы Геродота, Ктесия Книдского, Флавия Арриана и Диодора Сицилийского. Имя первого из этих авторов не нуждается в особом представлении: почетный титул

«отца истории» твердо укрепился за ним. Его «История» – первый исторический труд, донесший до нас некоторую достоверную информацию о Средней Азии. Он был написан во второй половине V в. до н.э. Геродот опирался на устную традицию, чем объясняются фольклорные мотивы при описании исторических событий, но его этнографические сообщения очень важны. Поскольку Средняя Азия не находится в центре внимания Геродота, постольку сведений о ней не очень много.

Ктесий Книдский, автор «Истории Персии», жил во второй половине V – начале IV в. до н.э. Его труд до нас дошел лишь во фрагментах у других авторов; в современной историографии он рассматривается как прообраз исторического романа, хотя совсем игнорировать его сведения нельзя [Кошеленко, 1984, с. 252]. Все части труда Ктесия, дошедшие до нас, были собраны, изданы, переведены и прокомментированы И.В. Пьянковым [Пьянков, 1975].

Диодор Сицилийский (I в. до н.э.) создал «Историческую библиотеку», имеющую большое значение для историков из-за своей достоверности. В этом труде освещаются поход Александра Македонского, борьба диадохов, восстание греков в Бактрии, содержится материал о бактрийской экономике.

«Анабасис Александра» Флавия Арриана (II в. н.э.) «дает ясное и трезвое изложение событий похода Александра, почти лишенное риторических прикрас и морализирования» [Кошеленко, 1984, с. 254]. Оно содержит и некоторые географические и этнографические сведения о Средней Азии, ее населении и городах.

«История Александра Македонского» Курция Руфа привлекается только в связи с экономикой Греко-бактрийского царства, точнее, с природными условиями страны и занятиями жителей. Дата этого сочинения, целиком посвященного Александру, точно не известна, причем расхождения между исследователями колеблются в пределах четырехсот лет: от времен Августа до Константина [Маринович, 1982, с. 51–52]. Однако сведения по Средней Азии, сообщаемые Руфом, видимо, вполне достоверны.

Китайская традиция, представленная династическими хрониками и трудом Сыма Цяня, сохранила основные материалы об истории юечжей в Бактрии. Обстановка в Средней Азии во второй половине II в. до н.э. была известна в Китае благодаря сообщению Чжан Цяня, посла императора Уди. Его отчет был включен в «Ши-цзи» («Исторические записки») Сыма Цяня и составил основу 123-й главы. Работа великого китайского историка датируется концом II–началом I вв. до н.э. Но, как продемонстрировали А.Ф.П. Хулсева и М.А.Н. Лёва, первоначальный текст 123-й главы «Ши-цзи», где содержится отчет Чжан Цяня о Да-ся и юечжах, был утерян и восстановлен в III–IV вв. н.э. на основании «Цянь-Ханьшу». В их аргументации выделяются следующие аспекты: сложно объяснить то, что текст 123-й главы «Ши-цзи» практически лишен архаизмов, свойственных ос-

тальному источнику, и тождествен соответствующей ему 61-й главе «Цянь-Ханьшу», причем беспорядок (the disorder), вызванный спецификой материала, на котором записан источник – дерево, в параллельных частях точно такой же; предположение же о том, что Бань Гу копировал «Ши-цзи», не может быть принято, так как не учитывает его личность: он был одним из крупнейших ученых своего времени [Hulsewé, 1979, p. 11–25, esp. 19f.; см. также: Крюков, 1984, с. 256].

Поскольку история Китая в последние века до н.э. была наполнена борьбой с сюн-ну, то правящие круги и официальная историография проявляли постоянный интерес к их соседям как к потенциальным союзникам. В китайских хрониках указываются географическое положение, образ жизни, хозяйственная деятельность и политическая организация соседей. Во внимание китайцев попали и соседи сюн-ну юечжи, которые в 128 г. до н.э., согласно Чжан Цяню, жили к северу от реки Гуй (Амударья) и владели областью Да-ся, расположенной к югу от них [Zürcher, 1968, p. 359–361].

Более поздние хроники «Цянь-Ханьшу» («Анналы Старшей династии Хань») и «Хоу-Ханьшу» («Анналы Младшей династии Хань») помогают воссоздать историю Бактрии между падением Греко-Бактрии и возникновением Кушанской империи. Датировка «Цянь-Ханьшу» связана с жизнью ее автора Бань Гу (?–92 г. н.э.). События, отраженные в «Анналах Старшей династии Хань», доведены до 25 г. н.э. Фань Е, создавший «Хоу-Ханьшу», жил в V в. н.э. [Крюков, 1984, с. 356], но в этой хронике добавлены материалы по II в. н.э. [Кошеленко, 1984, с. 258].

Китайские хроники имеют некоторые специфические особенности. Во-первых, на китайском языке сложно передать иностранные имена и названия, поэтому согласовать сведения китайских хроник с рассмотренной выше античной традицией представляется еще сложнее. Во-вторых, звучание иероглифов со временем меняется. Поэтому установление произношения тех или иных имен и названий на древнекитайском и, соответственно, выявление степени справедливости их соотнесения с именами и названиями, известными из другой языковой традиции, тоже порождает трудности [Кошеленко, 1984, с. 258–259]. Эпоха после падения власти греков и начала кушанской истории известны только по сообщениям китайской традиции, поэтому любой исследователь вынужден опираться на ее сведения, хотя в её достоверности неоднократно высказывались сомнения.

Переводы китайских хроник предпринимались не раз. Один из наиболее часто используемых в отечественной историографии, принадлежащий Н.Я. Бичурину, уже устарел, так как был выполнен еще в середине XIX в. [Бичурин, 1951]. Автор классического исследования по географии Иранского нагорья Й. Маркварт включил в свою работу частичные переводы китайских хроник [Marquart, 1901]. Большое значение имел перевод К. Еноки, опубликованный в монографии А.К. Нарайна «Индо-греки» [Na-

rain, 1957, ch. VI]. В настоящее время наиболее важна работа Е. Цюрхера [Zürcher, 1968, p. 346–390], в которой собраны все отрывки китайских хроник, имеющие отношение к истории юечжей и кушанов. Переводы Е. Пуллеблэнка и А.Ф.П. Хулсева и М.А.Н. Лёве [Pulleyblank, 1968, p. 247–258; Hulsewé, 1979], выполненные на не менее высоком уровне, чем перевод Е. Цюрхера, охватывают только отдельные фрагменты китайских источников, поэтому могут привлекаться в качестве сравнительных. Недавние попытки Л.А. Боровковой перевести интересующие нас фрагменты заслуживают упоминания, но использовать ее работу сложно, поскольку на перевод сильное влияние оказала сомнительная историческая концепция исследовательницы [Боровкова, 1989; 2001]¹.

Охарактеризуем основные *археологические материалы* по изучаемому периоду (курганные могильники, поселения) и подходы к анализу керамики и погребального обряда. Число профессионально проведенных раскопок в Бактрии значительно, но наибольшую важность для освещения политической и экономической истории имеют исследования греческого города в Афганистане (сейчас городище Ай-Ханум), отождествленного с Александрией-Оксианой [Fouilles d’Ai Khanoum I, 1973; Guillaume, 1983; Francfort, 1984; Bernard, 1985; Leriche, 1986; Veuve, 1987; Guillaume, Rougelle, 1987; Rapin, 1992]. Благодаря раскопкам этого городища появилась возможность изучать систему расселения, характер экономических отношений, роль полиса в структуре Греко-бактрийского царства. Находки монет из слоя и из кладов на городище позволяют подробно исследовать товарно-денежные отношения. В области политических событий особенно важна эпиграфическая находка надписи, датированной 24 годом неизвестного летоисчисления [Bernard, 1985, p. 95–107].

Кроме огромного значения раскопок Ай-Ханум для истории Греко-Бактрии, они важны еще и потому, что в некоторых помещениях (в первую очередь в храме с уступчатыми нишами и в сокровищнице) присутствуют следы деятельности негреческого населения, вероятно, местного, которое пришло туда после гибели полиса. Этот период известен как «позднее заселение». В нем выделяются несколько последовательных этапов: начиная с короткого периода, когда после вторжения кочевников и пожара в городе

¹ Л.А. Боровкова [2001] предложила отказаться от понимания реки Гуй как Амударьи, связав ее с Сырдарьей (с. 104), и, следовательно, расширила границы Да-ся, которую рассматривает как Греко-Бактрию (с. 114). Но главный тезис действительно претендует на совершенно новую картину политической истории Западного Края: согласно ему, «когда большие юечжи переселились на запад, напали, [но] потерпели поражение от нее, и все подчинились и покорились Да-ся» (с. 92, 96, 101, 103 и др.). Столицей последней является город Ланьши, локализованный в районе нынешнего Душанбе (!) и отождествленный с Евкратидеей (с. 104, 114). Прежде всего, поражает отказ исследовательницы от рассмотрения точки зрения А.Ф.П. Хулсева и М.А.Н. Лёве, изложенной выше. Автор не утруждает себя обстоятельной аргументацией несостоятельности этой концепции, продолжая изучать периоды в порядке династических хроник. Следующим неясным моментом кажутся попытки четко установить расстояния по китайским источникам. Однако есть мнение, что они все искажены: «Hsü Sung complains that the distances in the Han shu are all wrong...» [Цит. по: Hulsewé, 1979, p. 123, n. 297]. Критику концепции Л.А. Боровковой см. также: [Заднепровский, 1991, с. 155–159].

никто не жил, до окончательного ухода пришедшего затем местного населения, занимавшегося металлургией в стенах сокровищницы (абсолютная датировка укладывается приблизительно в одно десятилетие, от 145 до 138/135 гг. до н.э.) [Rapin, 1992, p. 31–35, 394]. Долгое время считалось, что Ай-Ханум был сожжен около 100 г. до н.э., а «позднее заселение» закончилось в середине I в. до н.э. [Fouilles d’Ai Khanoum I, 1973, p. 104, 109–111] После того, как пожар был отнесен к 145 г. до н.э. согласно эпиграфическим и стратиграфическим данным [Bernard, Rapin, 1980, p. 10–38], данный период, с точки зрения некоторых исследователей, увеличивается до ста лет [Литвинский, Седов, 1984, с. 127]. Согласно Клоду Рапэну, город был полностью оставлен к 135 г. до н.э. Rapin, 1992, p. 394]. Это мнение основано на сопоставлении данных археологии и письменной традиции и, видимо, может быть принято.

Среди других поселений, которые содержат следы греко-бактрийского и более позднего периодов, выделяются Бактры (к сожалению, о столице Бактрии известно очень немного, так как античный город покрыт позднейшими напластованиями), Дильберджин, Шортепе, Емшитепе в Южной и Термез, Дальверзин-тепе, Халчаян(?), Тахти-Сангин, Саксанохур в Северной Бактрии [Gardin, 1957; Кругликова, 1974; Кругликова, Пугаченкова, 1977; Кругликова, 1986; Кругликова, 1999; Кругликова, 2001; Пугаченкова, 1987(2); Кругликова, 1973; Пидаев, 1987; Пидаев, 1991; Пидаев, 1998; Дальверзинтепе, 1978; Пугаченкова, 1966(2); Пугаченкова, 1971; Пичилян, 1991; Литвинский, Пичилян, 2000; Литвинский, 2001; Литвинский, Мухитдинов, 1969].

Одни из наиболее примечательных археологических памятников Бактрии – курганные могильники, принадлежащие, видимо, скотоводческому населению. Их исследовали А.М. Мандельштам, Б.А. Литвинский и другие археологи. Среди могильников выделяются Туп-хона, Тулхарский, Аруктауский, Бабашовский и Тепай-шах [Мандельштам, 1966(2); 1975; Литвинский, Седов, 1984]. Несколько позже был открыт и исследован Ксиров [Денисов, 1984; 1986; 1987; 1988]. В последнее время можно считать установленным, что материалы Ксирова относятся к эпохе падения Греко-Бактрии непосредственно, в то время как памятники Бишкентской долины (Тулхар, Аруктау, Туп-хона) принадлежат более позднему времени, не ранее 120 г. до н.э. [Lyonnet, 1997, p. 157–172] В целом курганные могильники представляют собой разновременные памятники, датировка которых вполне может колебаться в пределах нескольких столетий, от конца II в. до н.э. (Ксиров) вплоть до III в. н.э. Но основная их масса относится ко времени с конца II в. до н.э. по I в. нашей эры, когда появляется дальверзинский керамический комплекс [Масон, 1985, с. 255сл.]. Выделим также раскопки Орлата в Согдиане [Бернар, Абдуллаев, 1998; Пугаченкова, 1989(1)].

Но является ли керамика надежным показателем наличия кочевников, отражает ли погребальный обряд (в нашем случае курганные могильники) конкретную форму скотоводства – кочевую? Французский исследователь Ж.-К. Гарден [1989, с. 24–32] подчеркнул в своей статье неоднозначность подходов к бактрийскому археологическому материалу и их внутреннюю противоречивость. Вкратце его собственный подход может быть охарактеризован таким образом. История Бактрии отмечена постоянными вторжениями кочевников. Они фиксируются археологическими материалами (прежде всего «черепками сосудов») на бесписьменном этапе, но когда появляются письменные свидетельства, то учёные пытаются соотнести их с данными раскопок. В случае с падением Греко-бактрийского царства все обстоит не так-то просто. Во-первых, можно назвать не менее 15 археологических участков, в которых археологи видели присутствие «кочевников-завоевателей» Бактрианы. «Во-вторых, если рассуждать об исторической эпохе так же, как о более древнем периоде, отмеченном вторжениями или миграциями кочующих народов, то в керамике, найденной на этих участках, надо отыскать следы наших завоевателей, победителей греков».

Но конкретные находки не складываются в единую картину. Так, в Бактрах-Балхе кочевникам были приписаны сосуды, вылепленные из толстой глины, смешанной с гравием и песком, разнообразие по форме (в основном вазы средних размеров), орнамент которых схематичен (косая насечка у края или в верхней части, зажим края, лентообразный орнамент из глины), а наиболее заметной чертой данной коллекции является наличие ручек [Gardin, 1957, p. 34; Гарден, 1989, с. 28]. В то же время в Ай-Ханум видами кочевнической керамики являются балки (выделанные кружки) с плоским дном из толстой глины без декоративных элементов и без приделанных ручек. А керамика из курганных могильников Северной Бактрии демонстрирует совершенно другую черту: она изготовлена на круге (в отличие от балхской и ай-ханумской коллекции) [Мандельштам, 1992, с. 112]. Наиболее распространенным типом является бокал без ручки и кувшин. Исключение представляет Ксиров.

Ж.-К. Гарден приходит к выводу: «У нас нет каких-либо оснований приписывать их (данные памятники. – А.З.) тому же движению пастухов-кочевников родом из евразийских степей, (приведшему к падению Греко-Бактрии. – А.З.), на пути к оседлости на обрабатываемых землях Бактрианы. Другими словами, керамика в этом случае, несмотря на то, что представляется на первый взгляд, не является надежным показателем этих миграций... все вышеперечисленные атрибуции возможны, и моя (Гардена – А.З.) цель не в том, чтобы их оспорить» [Гарден, 1989, с. 30]. Французский археолог тем не менее отмечает, что легко найти «объяснение» всех этих различий: «1) мы наблюдаем одно движение народов, но проходившее в несколько потоков, отстоящих друг от друга по времени и каждый раз от-

меченных различным набором керамических изделий; 2) сами эти народы различны (скифы, сарматы, скифо-сарматы и т. п.), но объединены общим названием «кочевники»; 3) возможно, их образ жизни и экономический уклад отличались: одни народы были еще кочевниками, другие – уже оседлыми, третьи – в процессе перехода к оседлости; 4) можно также предположить, что они использовали различные сосуды: одни, сделанные вручную, традиционные, и, следовательно, «кочевнические», другие, изготовленные на круге, заимствованы у оседлых народов и т. п. Эти гипотезы также вероятны, ничто не препятствует даже их комбинации». Лишь сама их множественность, согласно Ж.-К. Гардену, является «лишним доводом для того, чтобы усомниться в надежности конструкций, столь частых для Центральной Азии, когда от наблюдений над керамикой переходят к гипотезам о той или иной разновидности народа с экономическим укладом кочевников, о какой бы эпохе не шла речь» [Гарден, 1989, с. 31].

Все эти наблюдения французского исследования представляются вполне логичными. Но какие же тогда выводы могут быть сделаны на основании керамических находок? Думается, их одних недостаточно для интерпретации. Для установления событий политической истории следует учитывать в первую очередь сведения письменной традиции и нумизматики. Тем не менее, у нас есть несколько памятников, с большой долей вероятности свидетельствующих о вторжении: Ай-Ханум, Ксиров и, возможно, Бактры. Скептицизм в отношении Бактр вызван отсутствием надежной стратиграфической шкалы из-за невозможности проведения раскопок, так как древний город перекрыт средневековыми и современными напластованиями. О городище Ай-Ханум известно, что это был греческий город, погибший в результате вторжения в 145 г. до н.э., и что следами вторжения являются две группы керамики: а) трехногая керамика (*céramique tripode*), б) шарообразная штампованная (*céramique globulaire et façonnée*) [Rapin, 1992, p. 141; Lyonnet, 1991]. Последняя находит аналогии в Ксирове [Lyonnet, 1991, p. 153–161]. Тем самым можно предположить, что материалы могильника Ксиров относятся к вторжению. Но памятники Бишкентской долины, во-первых, явно более поздние, чем Ксиров, во-вторых, их инвентарь скорее свидетельствует об отгонном скотоводстве¹. Таким образом, вопрос об отражении кочевого образа жизни в погребальной обрядности также не может быть решен на основании самого наличия могильников. Необходимо сопоставление со всем многообразием данных.

В работе использовались также *нумизматические источники*: монеты последних царей Греко-Бактрии, подражания им, выпуски скифских

¹ Весьма незначительно количество оружия, а керамика, изготовленная на гончарном круге, как показано выше, не может быть самостоятельным индикатором. Идея Г.Е. Маркова об отгонном скотоводстве представляется более продуктивной и, во всяком случае, более осторожной, нежели заявления А.М. Мандельштама о кочевниках [Марков, 1976, с. 38].

правителей Бактрии, монеты Фраата IV с ложным надчеканом и подражания им, кушанский, индо-скифский и индо-парфянский чеканы.

К данным нумизматики относятся монеты сами по себе, монетные находки и клады. Только благодаря греко-бактрийским, индо-греческим, индо-скифским, индо-парфянским и кушанским выпускам известны имена и титулы царей, правивших в Бактрии и в Северо-Западной Индии и не зафиксированных письменной традицией античности и древней Индии. Сопоставляя материалы кладов, можно установить хронологический порядок царствований. Среди кладов большое значение имеют клад из Кундуза, Мир-Заках I и II, Ай-Ханум [Curiel, Fussman, 1965; Curiel, Schlumberger, 1953; Wopewarachchi, Rahman, 1995]. Исходя из состава монетных находок, можно установить основной номинал, свидетельствующий о степени развития товарно-денежных отношений в экономике, выявить масштабы чекана того или иного правителя, очертить территорию, на которую распространялась его власть. Правда, более точную информацию в последнем отношении сообщает ареал находок медных монет.

Вообще монета, содержащая легенду, сама по себе представляется кладезем сведений: во-первых, узнается имя правителя и его идеологические претензии, так как присутствует титул; во-вторых, представлены экономические данные: любой экземпляр был произведен штемпелем при помощи определенных технических инструментов, таких как молот, что позволяет предположить разделение труда в металлообрабатывающей отрасли, а по материалу, из которого монета изготовлена, можно сделать вывод о металлургии и наличии либо отсутствии ювелирного дела. Что касается обстоятельств находок, то иногда они дают некоторую дополнительную информацию по экономическим вопросам: кувшины, внутри которых иногда хранились клады, могут свидетельствовать о керамическом производстве, а случайно найденные экземпляры – быть использованы, исходя из номинала, для установления характера торговли. Изображения на монетах позволяют выделить некоторые аспекты религиозных мировоззрений. Греко-бактрийская, индо-греческая, кушанская, индо-скифская и индо-парфянская нумизматика представлена в каталогах П. Гарднера, В. Смита, Р. Уайтхеда, Дж. Аллана, А.Н. Лахири, М. Митчинера, Р. Гёбля, Сатья Шравы, О. Бопеараччи [Gardner, 1886; Smith, 1906; Whitehead, 1914; Allan, 1936; Lahiri, 1965; Mitchiner, 1975–1976; Göbl, 1984; Satya Shrawa, 1985; Wopewarachchi, 1991; Wopewarachchi, Rahman, 1995; Sylloge..., 1998]. В отечественной историографии можно выделить публикации Е.В. Зеймалю, Э.В. Ртвеладзе и Ш.Р. Пидаева, Н.М. Смирновой [Зеймаль, 1983; Ртвеладзе, Пидаев, 1981; Смирнова, 1996, с. 41–67].

Что же касается «варварских подражаний», то при их рассмотрении возникает множество проблем, начиная от датировки и кончая атрибуцией. В работе используются подражания монетам Евкратиды I [См. их анализ: Зеймаль, 1984, с. 177–191. Ср.: Мандельштам, 1966(1), с. 85–91] и монетам

Гелиокла I [Массон В.М., 1956, с. 63–75; Зеймаль, 1983, с. 110–128; Ртвеладзе, 1979, с. 77–79; Пидаев, 1979, с. 87–88; Пугаченкова, 1987(1), с. 98–107; Абдуллаев, 2000(2), с. 368–377], а также монеты Фраата IV с надчеканом и подражания им [Зеймаль, 1983, с. 129–139]. Первые две группы, видимо, датируются эпохой после падения Греко-Бактрии до подчинения Северной Бактрии (где они локализируются) кушанской империей. Вне зависимости, произошло ли это при Куджуле Кадфизе или при Виме Так[то] (Сотере Мегасе), думается, допустимо полагать, что выпуск этих подражаний завершается ко второй половине первого века н.э.¹ Что касается их исторической интерпретации, то, наверное, это были выпуски правящих в Северной Бактрии династий с кочевнической родословной. Монеты Фраата IV с надчеканом и подражания им относятся к первой половине того же столетия.

Чекан скифских правителей Бактрии очень невелик в численном отношении, будучи представленным выпусками Сападбиза, Агезилеса, Танлисмаидата и Наштена [Rtveladze, 1993/1994, p. 81–96; Gardner, 1886, p. 119, pl. XXIV, 14–15; Mitchiner, 1975, vol. 4, p. 303, types 509–510; Mitchiner, 1976, vol. 5, p. 407, types 607–608 (608 – монета Танлисмаидата с надчеканом OTANNHΣ); Vorearachchi, Grenet, 1993, p. 299–307]. Эти монеты по стилистическим признакам относятся к докушанской эпохе, хотя отсутствие стратиграфической информации и затрудняет более точное определение их хронологии. Известный нам чекан Фсейгахариса, ранее помещавшийся в Бактрию, в свете последних данных с большей вероятностью может быть локализован в Согдиане [Ртвеладзе, 1999, с. 82]. Выпуски «Герая» неоднократно становились предметом изучения [Зеймаль, 1983, с. 129–139], но поскольку один из параграфов нашей работы посвящен их подробному анализу, здесь укажем лишь на то, что традиционное отнесение их ко времени до Кушанов выглядит неубедительным.

Среди *эпиграфических документов*, которых не так много, следует отметить греко-бактрийские надписи с экономическим содержанием на керамических сосудах, греко-бактрийский же пергамен, интересный своей информацией о политической истории, надпись на серебряной пластине из «позднего заселения» Ай-Ханум, принадлежащая негреческому населению, а также кушанские памятники [Rapin, 1992, p. 95–114, 139–142, pl. 53–56; Bernard, Rapin, 1994, p. 261–294; Bernard, Grenet, Rapin, 1996, p. 458–469]. Среди последних особое значение имеют надписи Канишки I бактрийским языком из Сурх-Котала (№ 4, Большая) и надпись из Рабатака, позволяющие реконструировать не только административное устройство империи, но и решать некоторые вопросы хронологии [Стеблин-

¹ Такая датировка базируется на том варианте кушанской хронологии, который в настоящее время представляется наиболее достоверным и основан на данных Рабатакской надписи. См.: [Sims-Williams, Cribb, 1995/1996, p. 75–142; а также «Приложение № 2. Современное состояние проблемы кушанской хронологии»]. Согласно этой хронологии, царствование Куджулы Кадфиза относится к 30–80 гг. н.э. [Cribb, 1993, p. 107–134].

Каменский, 1981, с. 333–334; Harmatta, 1994, p. 429–432; Sims-Williams, Cribb 1995/1996, p. 75–142]. Важны также надписи неизвестной эры, vyplненные алфавитами кхароштли и брахми, в первую очередь надписи кхароштли 103, 122 и 136 годов. Неизвестная эра в них благодаря трудам Ж. Фюссмана отождествляется с эрой Аза/Викрама [Fussman, 1980, p. 1–43], начавшейся в 58/57 г. до н.э. Среди памятников на брахми нельзя не назвать надпись Вимы из Мата, имеющую большое значение для решения проблем хронологии. Эпиграфические памятники на индийских языках опубликованы С. Коновом и Х. Людерсом [Konow, 1929; Lüders, 1961], хотя их число существенно увеличилось со времени их деятельности. Многие надписи были изданы в периодике.

Таким образом, несмотря на неравномерность и сложность интерпретации различных категорий источников, мы располагаем материалами, позволяющими изучить бактрийскую историю II в. до н.э.–I в. н.э.

Историография.

Что касается историографии темы, то в ней условно можно выделить несколько периодов. Сложности с их четкой фиксацией вызваны тем, что приходится учитывать историю изучения и Греко-Бактрии, и Кушанского царства. Эти две отрасли историографии древнего мира развивались одновременно далеко не всегда, и прирост новых знаний в каждой из них не обязательно означал достижение нового этапа в познании интересующей нас темы. История изучения Греко-бактрийского царства и Кушанской империи уже рассматривалась [Сердитых, 1996(1), с. 112–124; Юркевич, 1969, с. 103–115], в то время как период, переходный от греков к Кушанам, практически лишен трудов, специально посвященных его историографии.

Исследование Греко-Бактрии началось в XVIII в., когда академик Т.З. Байер выпустил первую посвященную ей монографию [Bayer, 1738], основанную на сообщениях античных авторов и первых известных ему немногочисленных монетах. По существу, эта работа представляла собой комментированную на уровне своего времени подборку античных источников. Никаких частных вопросов не ставилось, да и не могло возникнуть из-за недостаточности материалов. Роль монографии Байера в изучении Греко-бактрийского царства велика: помимо того, что вся информация, известная из античных источников, была сведена в одно целое, исследователю удалось довольно близко приблизиться к решению вопросов хронологии и политической истории. Так, уже Т.З. Байер предполагал подтвержденное в дальнейшем существование двух Евкратидов.

В середине XVIII в. француз Дегинь [Цит. по: Боровкова, 2001, с. 13–14] публикует пересказ китайских хроник, сведения которых о юечжах соотносит с тохарами-завоевателями Бактрии. Хотя это никак не обосновывается, упрекать Дегиня в этом недочете мы не вправе, так как ему принадлежит огромная заслуга в ознакомлении западноевропейских историков с богатейшим фондом китайских источников.

С начала XIX в. складываются предпосылки для начала изучения Греко-Бактрии и, впервые, Кушанской империи с помощью новых источников. Английские путешественники, проникая в Афганистан, знакомят мир с коллекциями древних монет и публикуют путевые записи, в которых содержится информация о городах, буддийских монастырях и произведениях искусства древности [Подробнее см.: Юркевич, 1969, с. 104–107].

Периодом «начального накопления материала» можно считать вторую половину XIX и первую четверть XX вв. Появляются первые сводные монографии [Lassen, 1865; Cunningham, 1868–1873; Gutschmidt, 1888], новые переводы китайских хроник [Бичурин, 1851–1951; Marquart, 1901], каталоги монет П. Гарднера, В. Смита, Р. Уайтхеда [Gardner, 1886; Smith, 1906; Whitehead, 1914]. Среди нумизматических работ особое место принадлежит монографии П. Гарднера, сумевшего расположить все известные тогда чеканы в хронологическом порядке и тем самым создать базу для дальнейших исследований монетного фонда. На его каталог ориентировались и Смит, и Уайтхед. Вышедшая в 1901 г. монография Й. Маркварта по географии Иранского нагорья в древности до сих пор остается классической работой по данной проблематике благодаря глубокой филологической подготовке автора, блестящего знатока китайской и античной традиции. Локализация Марквартом пяти владений юечжей остается наиболее аргументированной вплоть до сегодняшнего дня. Но история Бактрии рассматривается не самостоятельно, а в контексте всего «Эраншахра».

В начале XX вв. так и не удалось разрешить фундаментальную проблему кушанской абсолютной хронологии: Лондонский симпозиум, состоявшийся в 1913 г. [JRAS, 1913], хотя и несколько снизил степень расхождений во мнениях исследователей, убрав наиболее невероятные варианты, не привел к позитивному решению вопроса.

Следующий период начинается в 1920-х гг., когда, с одной стороны, Французская Археологическая Делегация в Афганистане (DAFA) начинает свои полевые сезоны (создана в 1922 г.), а с другой, значительно усиливаются филологические исследования проблемы этносов, принимавших участие в падении Греко-Бактрии (Г. Халоун, О. Мэншен-Хэлфен, И.И. Умняков). Из археологических успехов отмечу раскопки в Беграме, а в 1951 г. Джон Маршалл опубликовал материалы раскопок Таксилы, начатых еще в 1910 г. [Ghirshman, 1946; Marshall, 1951]. В 1929 г. С. Конов публикует надписи кхароштки в серии «Corpus Inscriptionum Indicarum» [Konow, 1929]. Изучение нумизматики несколько замедляется: в 1936 г. вышел единственный каталог Д. Алана [Allan, 1936].

Кроме изменения направлений исследований, на третьем этапе наблюдается тенденция к обобщениям и созданию цельных концепций истории Греко-Бактрии, Греко-Индии и Кушанского государства. В монографии «Cambridge History of India» (Volume I) греко-бактрийская и кушанская история рассматривались в двух главах, принадлежащих перу Э.-Дж.

Рэпсона и Дж. Макдональда. Если последний посвятил свой очерк эллинистическим государствам Бактрии, Сирии и Парфии [Macdonald, 1922, p. 427–466], то Э.-Дж. Рэпсон коснулся и проблемы падения Греко-бактрийского царства, рассматривая историю преемников Александра на Востоке [Rapson, 1922, p. 540–592]. 1930 год ознаменовался появлением книги Луи де ла Валле-Пуссэна, в которой Греко-Бактрия и Кушанское царство были освещены в контексте древнеиндийской истории [La Vallée-Poussin, 1930]. Бактрия I в. до н.э. не находилась в центре внимания индолога.

Фундаментальные концепции греко-бактрийской истории были созданы в двух прямо противоположных исследованиях У.В. Тарна и А.К. Нарайна [Tarn, 1938=1951; Narain, 1957]. Построения первого из них в дальнейшем были подвергнуты сокрушительной критике уже в работе второго. Это вызвано неприятием принятого английским историком постулата о всестороннем влиянии греков на общества Бактрии и Индии, тогда как индийский исследователь доказывал прямо противоположный тезис, согласно которому развитие этих обществ прошло безо всякого существенного воздействия извне. У.В. Тарн и А.К. Нарайн отличались и по своему отношению к вопросу о месте Греко-Бактрии и индо-греческих государственных образований в истории: с точки зрения У.В. Тарна, это часть истории эллинизма, по мнению же А.К. Нарайна, это часть индийской истории. Роль монографий этих исследователей очень велика: они сформулировали основные из возможных подходов к бактрийской истории, которые в настоящее время могут лишь уточняться, взаимно дополнять друг друга, но не быть отброшены. Кроме того, труд У.В. Тарна остается единственным обобщающим исследованием не только политической, но и социальной и отчасти экономической истории Бактрии и Индии эллинистической эпохи.

История Бактрии затрагивалась в сводном труде по истории «скифской эпохи» в Индии голландской исследовательницы Й.-Э. ван Лохюйзен де Леев [Van Lohuizen de Leeuw, 1949], правда, только в контексте хронологии и политогенеза Кушанской империи. На фоне трудов У.В. Тарна, А.К. Нарайна и Й.-Э. ван Лохюйзен де Леев сравнительно меньшее значение имеет публикация сводного тома «Всеобщей истории Индии», где главы о Греко-Бактрии и Кушанской империи писал Дж. Банерджеа совместно с Джаганатхом [Banerjea, 1957, p. 138–185; Banerjea J.N., Jagannath, 1957, p. 222–262]. На этом этапе были сформулированы многие теоретические вопросы, в частности, вопрос о степени влияния греков на Среднюю Азию. Началось создание археологической колонки региона (на базе Беграма и Балха, позднее Таксилы). Но история Бактрии I в. до н.э. не изучалась в качестве самостоятельного объекта и для решения вопросов исторического характера филологические данные не соединялись со сведениями других групп источников.

Четвертый период начался в 1960-е гг. Основными объектами исследований стали археологические источники и памятники бактрийского языка. Отметим раскопки Ай-Ханум, давшие материал по вторжению кочевников, а также Дильберджин, Тилля-тепе, Дальверзин-тепе, Саксонохур, Тахти-Сангин и другие памятники. Были открыты и исследованы курганные могильники (М.М. Дьяконов, А.М. Мандельштам, Е.П. Денисов, Б.А. Литвинский, А.В. Седов). Важным итогом стало составление археологической карты Афганистана [Ball, 1982], где располагалась Южная Бактрия. На этой стадии появляются исследования по различным сферам греко-бактрийского общества, в том числе по экономике и отдельно монетному делу [Bernard, 1985; Сердитых, 1988], тогда как ранее основное внимание уделялось политической истории. В нумизматике крупными событиями стали публикации греко-бактрийских, кушанских монет и «варварских подражаний» А.Н. Лахири, М. Митчинера, Э.В. Ртвеладзе/Ш.Р. Пидаева, Е.В. Зеймаля и Р. Гебля [Lahiri, 1965; Mitchiner, 1975–1976; Ртвеладзе, Пидаев, 1981; Зеймаль, 1983; Göbl, 1984].

В филологии возникла новая отрасль – изучение бактрийского языка, ставшего известным благодаря надписям из Сурх-Котала [Подробнее см.: Стеблин-Каменский, 1981, с. 314–346]. Были представлены новые переводы китайских хроник (Е. Пуллеблэнк, Е. Цюрхер, А.Ф.П. Хулсева и М.А.Н. Лёве). Хронология кушанской династии была рассмотрена на двух международных конференциях в Лондоне (1960) и в Душанбе (1968) [PDK, 1968; ЦАКЭ, 1974–1975], хотя, как и раньше, к единому мнению прийти не удалось.

Созданы обобщающие труды по истории Кушанской империи Б.Н. Пури, Дж. Розенфильда, Б. Чаттопадхьяя, Б. Кумара, Б.Н. Мукерджи [Puri, 1965; Rosenfield, 1967; Chattopadhyay, 1975; Kumar, 1973; Mukherjee, 1988]. Но история Бактрии в эпоху от падения власти греков до возникновения кушанской империи в целом не находится в центре внимания этих авторов. Так, и Б.Н. Пури, и Б. Чаттопадхьяй, и Б. Кумар, и Б.Н. Мукерджи касаются ее лишь во вводных главах своих монографий. Несмотря на то, что работа Дж. Розенфильда остается наиболее полной сводкой материалов и отличается осторожностью выводов, ее предметом было искусство кушанов, а не история регионов. Особняком стоят монографии В.М. Массона и Б.Я. Ставиского [Массон В.М., Ромодин, 1964; Ставиский, 1977], где, в отличие от работ индийских ученых, именно Бактрия при Кушанах стала основным объектом изучения. В работе В.М. Массона период от падения власти греков до возникновения кушанского царства впервые выделен в самостоятельную главу «Смутный период». Это свидетельствует о том, что исследователи заинтересовались конкретно-историческими вопросами, и о возникновении нового объекта изучения. Продолжая начатую В.М. Массоном и Б.Я. Стависким традицию, Г.А. Пугаченкова и Э.В. Ртвеладзе [1990] посвящают свою работу истории Северной Бактрии в древности. В 1984 г.

появилась обзорная монография Р.Н. Фрая [Frye, 1984] по древнему Ирану. Хотя Р.Н. Фрай учёл даже результаты археологических раскопок в СССР, история Бактрии с конца II в. до н.э. до начала I в. н.э. снова была включена в греко-бактрийскую и кушанскую историю.

В конце 1980-х–начале 1990-х гг. становится очевидным завершение этого периода. Во-первых, по политическим причинам прекращаются раскопки на территории практически всей Древней Бактрии (за исключением немногочисленных археологических работ в Узбекистане) и публикуются полученные в проведенных полевых сезонах материалы. Во-вторых, объем уже накопленных данных требует их обобщения. В-третьих, О. Бопеараччи опубликовал фундаментальный каталог греко-бактрийских и греко-индийских монет, в котором были решены многие спорные вопросы политической истории Греко-Бактрии. В-четвертых, открытие Рабатакской надписи привело к установлению более или менее точной Начальной Даты Канишки (первые два десятилетия II в. н.э.), вследствие чего все имеющиеся материалы нуждаются в новой интерпретации с учетом этой хронологии. Наконец, в области изучения истории Бактрии все более очевидной становится необходимость самостоятельного, а не увязанного в контекст греко-бактрийской или кушанской истории изучения эпохи между этими двумя государствами.

В нашей работе делается попытка реконструировать некоторые сюжеты этнополитической истории Бактрии от эпохи позднего Греко-бактрийского царства вплоть до возникновения государства Кушанов, для чего решаются следующие задачи:

1. характеризуется греко-бактрийское общество накануне вторжения кочевников (в эпоху Евкратида I);
2. исследуются основные проблемы истории Бактрии в период от падения власти греков включительно до царствования первого кушанского царя Куджулы Кадфиза.

Глава 1. Греко-Бактрия накануне вторжения (эпоха Евкратиды I).

§ 1. Этническая и социальная структура.

Целью данного параграфа является характеристика этнической картины Греко-бактрийского царства и одновременно его социальных структур.

До завоевания Бактрии греками под руководством Александра Македонского этот регион входил в состав империи Ахеменидов. Его население говорило в древности на бактрийском языке¹, который несколько позднее станет официальным языком кушанской империи. До наших дней не дошло каких-либо текстов, относящихся к более раннему времени, нежели кушанское (II век н.э. датируются бесспорные памятники бактрийского языка – легенды на монетах Канишки I и его надписи), и основными источниками для такого суждения являются данные топонимики и, в меньшей степени, Авесты [Стеблин-Каменский, 1981, с. 314–315]².

Бактрийский язык относится к группе восточноиранских языков. Он близок мунджи-йидга и пашто. О том, что в древности многие народы Средней Азии говорили на языках, родственных между собой, пишет Страбон (XV.2.8): «Впрочем, название Арианы распространяется на часть Персии и Мидии, а также на северные части стран бактрийцев и согдийцев. Ведь эти народности говорят почти на одном языке только с незначительными отступлениями». К древним народам, чьи языки были близки бактрийскому, можно отнести согдийцев, хорезмийцев и саков, включая хотанско-сакские племена [Ставиский, 1977, с. 7; Оранский, 1988, с. 142]. Родственные восточноиранским этносы – парфяне и мидяне, языки которых объединяются в западноиранскую группу.

Восточноиранские языки обладают некоторыми отличительными чертами [Грантовский, 1975, с. 82]. Во-первых, это показатель множественного числа *-ta* (сармато-аланский, осетинский, хорезмийский, согдийский, янгобский, янгулебский). Во-вторых, принципиальное отличие от западноиранской группы заключается в специфическом названии рыбы – *кара* – у восточноиранской группы (пашто, мунджи и йидга, памирские

¹ Недавно появился ряд работ известных исследователей Я. Харматты и И.В. Пьянкова, в которых отрицается мнение о том, что язык кушанских монет и надписей был языком бактрийского населения до вторжения кочевников во II в. до н.э. Оба исследователя рассматривают в качестве одного авестийский (?!). Но их доводы не выглядят убедительно. Странно, что не оговаривается, какой именно авестийский имеется в виду: язык Гат или Младшей Авесты, так как известно о существенных различиях между ними. См.: [Harmatta., 1994, p. 404; Хромов (при участии И.В. Пьянкова), 1998, с. 523, 707–708 (прим. 19); Пьянков, 2000, с. 238–239; Пьянков, 1996, с. 21–23]. Подчеркну, что Л.А. Хромов не высказывал отстаиваемой И.В. Пьянковым гипотезы.

² Среди топонимов, бесспорно иранских по происхождению, в первую очередь следует назвать второе название Бактр – Зариаспа (Strab.XI.9.2), т.е. «златоконная» [Кузьмина, 1977, с. 53]. Нельзя не указать на известное из греческих источников имя отца Роксаны Оксиарта, бактрийца по происхождению (Agrian. Anab. III.28.10; IV.18.4). Об именах ираноязычного населения Бактрии в эллинистическую эпоху см. ниже.

языки, хотано-сакский, согдийский, осетинский). Наконец, это развитие древнего звука *d* в *l* через форму *ḍ* (пашто, бактрийский, мунджи и йидга, частично ишкашимский и некоторые иные памирские языки)¹. Последняя форма свойственна бактрийскому, мунджи-йидга и пашто, являясь объединяющей их особенностью.

Древнеиндийский грамматик Панини, живший в IV в. до н.э., знал о существовании области *Bāhlīka* уже в V–IV вв. до н.э., причем, по мнению Э.А. Грантовского, эта форма с *l* не может быть результатом случайного искажения или индийского восприятия, так как известно более позднее собственно иранское слово *Bahl* > *Balh* [Грантовский, 1975, с. 90; Грантовский, 1998, с. 107]. При сопоставлении с авестийской формой *Bahdiš* «Бактрия» необходимо, согласно Э.А. Грантовскому, исходить либо из развития *ḍ* в *l*, либо из диалектной вариации *ḍ/l* в некоторых иранских языках Бактрии или соседних районов. Любая из этих двух возможностей, с точки зрения этого исследователя, позволяет объяснить форму восходящего к западноиранскому *dipi* «текст, надпись» древнеиндийское *lipi*-, а также варианты этого слова в эдиктах Ашоки: *dipi* и *lipi* [Грантовский, 1998, с. 107]². Это заимствование довольно определенно датируется второй половиной ахеменидской эпохи.

Другим фактом, позволяющим рассматривать древний язык Бактрии как восточноиранский, является упоминание Панини топонимов с носящим неиндийский характер окончанием *-kanthā* (*Chinanakanthā* и др.) [Грантовский, 1975, с. 87; Грантовский, 1963, с. 93–95]. Такие названия встречаются в местностях Варну (низовья Курама – коренная территория афганцев) и Ущинара (расположена в центре Пенджаба). Окончание *-kanthā* восходит к восточноиранскому слову *kanθā* «город, поселение», представленному почти во всех языках этой группы: хотано-сакском, согдийском, ягнобском, староосетинском. В западноиранской языковой группе оно неизвестно, за исключением редкого персидского слова *kand* «селение», являющегося поздним заимствованием из восточноиранской среды. В Средней Азии и Восточном Туркестане топонимы, восходящие к *kanθā*, широко распространены: Яркенд, Джаркент, Ташкент, Пянджикент, Самарканд (античные Мараканды, известные в ахеменидскую эпоху; следовательно, слово *kanθā* существовало уже тогда). Самоназвание афганцев «паштуны» восходит, согласно Э.А. Грантовскому, следующему в такой интерпретации Г. Моргенштерне, к древнеиранскому *parsava/parsu*, и такая форма отражена в «Аштадхьяи» («Восьмикнижии») Панини в форме *parṣu/parṣava* [Грантовский, 1963, с. 68–100, особенно 79–9].

¹ По справедливому замечанию И.М. Стеблин-Каменского, эта фонетическая особенность позволила «...сразу же классифицировать бактрийский язык как восточноиранский...». Им же указаны аналогии с мужданским и пашто: *malo* [mal] «сюда, здесь» с **imada-*, согдийским *mḍu*, мунджанским *māla*, сангулемским *mōḍ(ak)* «здесь, тут»; *pošalto* «обитель богов» из **nišadma(n)*; *lizo* «храм, акрополь» из **daiza* [Стеблин-Каменский, 1981, с. 339].

² О проблеме названия Бактрии см.: [Пьянков, 1982, с. 6–15].

До подчинения Бактрии Ахеменидами эта область практически не освещается данными письменных источников¹. Единственное исключение представляют сведения Ктесия Книдского [Diod. II.2,1–4; 5,1–4; 6,1–8. Подробнее см.: Пьянков, 1975, с. 46–67 (текст и перевод фрагментов), 116–120, 144–171 (комментарий)], сообщающего о могущественном Бактрийском царстве, ее сильно укрепленной столице Бактрах, множестве городов и о походе в эти земли ассирийского царя Нина и царицы Семирамиды. В литературе шли длительные дискуссии о достоверности информации Ктесия, но в настоящее время можно считать доказанным, что она не соответствует действительности [Koshelenko, 1991, p. 29–40; Ставиский, 1977, с. 5–6; Пьянков, 1998, с. 238–249]. Тем не менее, общества, обитавшие в оазисах Бактрии, уже достигли в своем развитии довольно сложных политических форм. Вероятно, это были вождества, охватывающие один оазис, причем могли существовать и их объединения («конфедерации», по Р.Н. Фраю и Г.А. Кошеленко) во главе с вождеством, чью власть признавали все остальные [Frye, 1984, p. 62; Koshelenko, 1991, p. 39]. Однако о единой Бактрийской державе говорить не приходится.

В VI в. до н.э. Бактрия вошла в состав державы Ахеменидов и стала одной из важнейших ее частей. Такое положение доказывается, в частности, тем обстоятельством, что сатрапом Бактрии становился обычно младший принц ахеменидской крови, один из наиболее близких персидскому царю людей [Пичикян, 1991, с. 28–29]. Персы, бесспорно, составляли в Ахеменидской империи господствующую общественную группу, но на местах, видимо, свои позиции сохраняла и местная аристократия [Ставиский, 1998(1), с. 264–265; Дандамаев, Луконин, 1980, с. 127, 162–186].

При господстве персов Бактрия была процветающей областью. Это подтверждается и освоением новых земель для орошения (например, Кобадиянского оазиса), и объемом налогов, выплачиваемых Бактрийской сатрапией – 360 талантов серебра, и золотыми пластинами из Амударьинского клада, созданными местными ремесленниками [Ставиский, 1998(1), с. 262, 266, 278–279]. К сожалению, из-за состояния источников невозможно охарактеризовать социальные структуры Бактрии в эпоху персидского господства, но допустимо предположить, что они в целом были близки структурам других древних земледельческих культур. При этом не следует забывать о тесной взаимосвязи оседлого и кочевого секторов хозяйства, обеспечивавшей определенную патриархальность общественных отношений. П. Бриан [Briant, 1982] предположил, что взаимодействие кочевого и

¹ Помимо Ктесия Книдского, чьи сведения рассматриваются ниже, многие исследователи пытаются использовать для реконструкции материалы такого сложного источника, как Авеста. Не вдаваясь в подробный анализ памятника, отметим, что, с нашей точки зрения, его противоречивость и отсутствие четких методических и методологических принципов интерпретации делают все ссылки на Авесту скорее предвзятыми, нежели доказательными. До сих пор не ясны ни время сложения даже отдельных фрагментов памятника, ни их место действия. Подробнее об источниковедческих проблемах авестологии см.: [Лелеков, 1992].

земледельческого населения в Средней Азии было жизненно необходимым элементом для успешного функционирования и тех и других обществ. По его мнению, завоевание Александра Македонского разорвало традиционное взаимодействие кочевников-скотоводов и оседлых земледельцев, что стало причиной слабости эллинистического государства. Власть греков, контролировавших только районы орошаемого земледелия и прекративших контакты со скотоводческой окраиной, нарушило сложившееся между ними равновесие. В отношении кочевников, с которыми бактрийцы могли поддерживать тесные хозяйственные связи в ахеменидскую эпоху, можно заметить, что в историографии давно утвердилась мысль об обитании рядом с территорией Бактрии и Индии племени саков-хаумаварга, отождествляемых с саками-амюргиями Геродота [Литвинский, 1972, с. 163–165, 173–174; Гафуров, 1972, с. 60]¹.

В 329 г. до н.э. Александр Македонский подчинил своей власти Бактрию, а впоследствии и Согдиану, хотя это и стоило огромных усилий (327 г. до н.э.) [Литвинский, 1998(1), с. 283–321; Дьяконов М.М., 1997, с. 510]. Оценка греко-македонского завоевания неоднозначна: с одной стороны, были принесены новые формы общественных отношений, связанные с полисом, началась чеканка монет в Бактрах (при Селевкидах), а с другой, по отношению к местному населению проводился «террор и геноцид» [Briant, 1974, p. 59–61]. Нельзя не отметить и существенного снижения числа поселений по сравнению с ахеменидской эпохой: 28 в селевкидский период против 47 [Кошеленко, Сердитых, 1987, с. 54–58].

В 323 г. Александр Великий умирает и начинается новая эпоха в истории и античности и Древнего Востока, связанная с деятельностью Диадхов – преемников великого македонца. Практически сразу же после смерти Александра в Бактрии начинается восстание греческих поселенцев. Как показал Г.А. Кошеленко [1979, с. 181–221], одной из главных предпосылок этого было недовольство греков своим положением, созданным политикой Александра, который основывал в покоренных землях военные колонии, а в уже существовавших городах стремился к единству македонян, греков и местного населения. Такие действия совершенно расходились с представлениями греков о формах колонизации Востока. Они хотели жить в полисах, самоуправляемых единицах, и править завоеванными

¹ Herod. VII.64: «Бактрийцы носили на головах шапки, очень схожие с мидийскими, тростниковые бактрийские луки и короткие копья. Саки же (скифское племя) носили на головах широкие островерхие тюрбаны, плотные, так что стояли прямо. Они носили штаны, а вооружены были сакскими луками и кинжалами. Кроме того, у них еще были сагарисы – [обоюдоострые] боевые секиры. Это-то племя (оно было, собственно, скифским) называли амиргийскими саками. Персы ведь всех скифов зовут саками. Бактрийцами и саками предводительствовал Гистасп, сын Дария и Атоссы, дочери Кира». По-видимому, это показывает определенную связь бактрийцев и саков. Косвенным свидетельством этого можно считать сообщение Курция Руфа, описывающего эпоху завоеваний Александра, гласящее: «Бактрийцы, среди этих племен самые воинственные и суровые, по своим нравам совсем не похожи на изнеженных персов; они жили недалеко от весьма воинственного племени скифов, привыкли к грабежам и всегда бродили с оружием в руках» (Curt. Ruf. Hist. IV.VI.3).

землями, а фактически почувствовали себя растворенными в массе покоренного населения да еще при необходимости подчиняться назначенному Александром чиновнику – гипарху. Поэтому в дальнейшем Селевкидам пришлось кардинальным образом пересмотреть градостроительную политику Александра, совместив ее с требованиями и пожеланиями греков с тем, чтобы сохранить свою социальную опору.

При Селевкидах Бактрия достаточно быстро окрепла, результатом чего стало провозглашение независимости бактрийским сатрапом Диодотом I. О дате этого события ведутся давние споры, но в свете исследований О. Бопеараччи наиболее вероятной представляется датировка отложения Бактрии временем царствования селевкидского царя Антиоха II, около 250 года до н.э. [Voreagachchi, Rahman, 1995, p. 26–27, 56]. Это обстоятельство не может рассматриваться в качестве смены общественного устройства в целом: возникшая Греко-Бактрия была прямой наследницей Селевкидов, оставшись эллинистической монархией.

В отечественной историографической традиции Г.А. Кошеленко сформулировал некоторые особенности социальных структур, свойственных эллинистическим государствам, подчеркнув их сложность и противоречивость: с одной стороны, на вершине иерархии находились македоняне и греки, объединенные в полисы, с другой, члены традиционных гражданско-храмовых общин; в последних, помимо полноправных граждан, существовали неполноправные свободные, рабы и полунезависимые землевладельцы [Кошеленко, 1979, с. 222–248; Гаиров, Кошеленко, Сердитых, 1992, с. 50; Свенцицкая, 1997, с. 520–527]. Полис характеризовался и наличием рабов классического типа [Кошеленко, 1985, с. 343]. Граждане полиса стремились войти в состав гражданско-храмовых общин, поскольку только там они могли обладать правом частной собственности, ибо полис такового не имел, являясь коллективным клерухом на царской земле [Кошеленко, 1979, с. 239; ср.: Голубцова, 1992, с. 59–84, особенно 78–79].

Говорить о существовании гражданско-храмовых общин в Бактрии не представляется возможным в силу того, что такая форма социальной организации возникла лишь в тех областях древнего Востока, где наблюдались многовековые традиции государственности и социальной стратификации, явно отсутствовавшие в рассматриваемом регионе.

Для реконструкции социальной структуры Греко-Бактрии могут быть привлечены такие источники, как раскопки городища Ай-Ханум и святилища Тахти-Сангина. Для этого они дали некоторые материалы преимущественно эпиграфического характера. Сама архитектура города и храма тоже позволяет прийти к определенным заключениям. Общее представление об эллинистической (а шире – ближневосточной) государственности можно распространить на Греко-Бактрию, правда, с меньшей вероятностью, чем предыдущие группы источников.

Раскопки Французской Археологической Миссии в Афганистане показали, что Ай-Ханум является типичным греческим полисом. В его архитектуре присутствуют такие традиционные для полисов сооружения, как театр, гимнасий; кроме того, специфический обычай погребения *intra muros* (внутри стен) благодетелей полиса [Бернар, 1986, с. 256]. Гражданские постройки характеризуются наличием помещений для купания, что, по мнению П. Бернара [1986, с. 257], может рассматриваться в качестве аргумента в пользу признания греческого характера города. Полис контролировал обширные земельные владения, представлявшие собой, с точки зрения исследователей, его (полиса) хору [Сердитых, 1984, с. 46]. Территория последней занимала свыше 10 000 гектаров. З.В. Сердитых [1984, с. 47] пришла к выводу о том, что в структуре Греко-Бактрии полис выполнял те же функции, что и в государстве Селевкидов: он являлся опорой правящей династии. О земельных отношениях в Греко-бактрийском царстве судить невозможно из-за отсутствия сведений, поэтому не ясно, был ли полис Ай-Ханум условным собственником земли, обязанным царю службой за владение земельным фондом.

Но привилегированное положение греческого населения в обществе не подлежит сомнению в свете того, что Греко-Бактрия была государством греков в Азии. Именно об этом этносе пишут античные авторы, упоминая события бактрийской истории: «Из этих кочевников в особенности получили известность те, которые отняли у *греков* Бактриану...» (Strab. XI.8.2); «Вследствие плодородия страны *греки*, которые склонили Бактрию к восстанию, приобрели такое могущество, что стали владыками не только Арианы, но, по словам Аполлодора из Артемиды, также и Индии...» (Strab. XI.9.1); «Завладевшие этой областью (Бактрией. – А.З.) *греки* разделили ее на сатрапии...» (Strab. XI.9.2).

Интересны данные эпиграфики из сокровищницы города. Приведу одну из надписей на сосуде (4а), хорошо читаемую и полную, что делает ее наиболее яркой из класса ей подобных:

Παρα Ζήνωνος	От Зенона
ἡθιμήνται	было сосчитано
διὰ Ὁξηβοάκου	при помощи Оксебоака
καὶ Ὁξυβάζου δρχ φ'	и посредника Оксубадза 500 драхм;
ἐσφράγισται Ὁξηβοάκης	Оксебоак запечатал (перевод И.Р. Пичикяна)

[Rapin, 1992, p. 98, pl. 53; Пичикян, 1991, с. 267].

Анализ имен собственных, известных из других надписей (не только из сокровищницы), позволил П. Бернару [1986, с. 256; см. также: Robert, 1973, p. 207–237] установить, что население Ай-Ханум было греческим, а негреческие элементы – полностью эллинизированными: из 14 имен девять греческих, три происходят из северной Греции (Македонии – Лисаний, Фессалии – Киней, Фракии – Трибалл), и только два иранских – Оксебоак и Оксубадз. В более поздней работе П. Бернар назвал тринадцать грече-

ских имен: Гермей, Гиппий, Каллисфен, Косма, Никерат, Филоксен, Филиск, Сосипатр, Стратон, Теофраст, Тимодем, Зенон и Исидора [Bernard, 1994, p. 104–105]. Клод Рапэн подчеркивает, что высшую должность директора банка, по эпиграфическим данным, занимал только чиновник греческого происхождения, в то время как казначеями могли быть и лица местного, иранского (бактрийского) происхождения [Rapin, 1983, p. 360, n. 65]. Тем самым отпадают сомнения в том, что греки находились на высшей ступени в административной иерархии Греко-бактрийского царства, ибо сокровищница Ай-Ханум, где располагался банк, была, скорее всего, государственной.

Что касается негреческого населения, то о нем можно сказать немного. Вероятно, оно подразделялось на местную аристократию (сложно рассматривать чиновников Оксебоака и Оксубадза в качестве представителей социальных низов¹) и на рядовых бактрийцев, возможно, организованных в общины (по крайней мере, *λαοι* в царстве Селевкидов обладали именно такой организацией, безотносительно к их личному правовому статусу [Бикерман, 1985, с. 165–166; Свенцицкая, 1997, с. 519; ср.: Голубцова, 1969, с. 128–199; Голубцова, 1972, с. 46–55]²).

Некоторые иные материалы для изучения социальной структуры бактрийского общества предоставил Тахти-Сангин. Изучавшийся Б.А.

¹ Предположительно к представителям местной элиты можно отнести и Атросока, автора вотива с изображением Силена Марсия и посвячительной надписью божеству Вахшу, основанием чего может служить сам факт именного посвящения. См.: [Литвинский, Виноградов, Пичикян, 1985, с. 84–110; Литвинский, Пичикян, 2000, с. 305 сл., табл. 73]. Авторы публикации в весьма осторожной форме выдвинули гипотезу о том, что Атросок мог быть жрецом, но это не обязательно.

² Е.С. Голубцова противопоставляет жителей деревень/общин кометов (*κομηται*) и лаой друг другу [Голубцова, 1969, с. 145]. Но приводимые ею документы заставляют усомниться в отсутствии деревень-общин у лаой. В частности, широко известная надпись Лаодики, где говорится о передаче Арридею, управляющему Лаодики, деревень, относящихся туда земли и скота и лаой со всеми их домами и всем им принадлежащим, допускает и противоположное толкование: сначала называются территориальные объединения – деревни, затем населяющее их население. Надпись Мнесимаха, анализируемая Е.С. Голубцовой, повествует о налоге в 117 статеров, который платил Мнесимах, и гласит следующее (в переводе А.Б. Рановича): «...так вот, что есть в моем имении: нижеследующие селения, а именно: селение Тобалмуры на сардской равнине на холме Ил; к этому селению принадлежат и другие селения, а именно Танду и Комдилипия, подать с этих селений (вносится) в хилиархию Питея пятьдесят золотых в год. Есть и клер в Кинарое вблизи Тобалмур, подать в год три золотых. Есть еще одно селение Периасасостры у вод Морста; подать в хилиархию [Саг]ария в год пятьдесят семь золотых. Есть и клер у вод Морста и в Нагриое; подать в хилиархию Сагария, сына Кореида, три золотых и четыре золотых оболы. Есть и еще селение в районе Аттуд, называемое Илукоме, подать в год три золотых и три золотых оболы. И вот, от всех селений и клеров и относящихся к ним усадебных участков, от крестьян со всеми их домами (*των λαων πανοικιον ουν τοις υπαρχουσιν* – у Е.С. Голубцовой лучше – «от живущих своими семьями лаой») и с принадлежащими, от винных мехов, от подати денежной и трудовой и всего прочего, получаемого от селений...». См.: [Ранович, 1950, с. 152]. Е.С. Голубцова оставляет термин «лаой» без перевода [Голубцова, 1969, с. 174–175] и рассматривает последовательность при перечислении как отражение разных источников дохода. Получается следующая схема: 1) от деревень, 2) от земельных участков (клеров), 3) от усадеб, 4) от лаой с их имуществом, 5) от сосудов с вином, 6) от денежной и трудовой подати, 7) от всего прочего, что поступает из деревень. Но возникает вопрос, из чего состоят деревни, где расположены усадьбы, а главное, земельные участки. Не ясно при таком подходе и местожительство лаой. Добавим, что в анализируемых надписях не упоминаются кометы. Эти возражения не отвергают в принципе подход Е.С. Голубцовой, но ставят под сомнение попытку не видеть в лаой общинников, хотя именно такое мнение высказывал один из крупнейших эллинистов У.В. Тарн [Тарн, 1949, с. 136].

Литвинским и И.Р. Пичикияном храм Окса дал миру богатейшую коллекцию вотивов и монументальный архитектурный комплекс [Литвинский, Пичикиян, 2000; Литвинский, 2001]. Храм Окса был очень богат, и в его сокровищницах хранились богатейшие пожертвования. Опираясь на многочисленные аналогии с малоазийскими храмовыми комплексами, сведения о религиозной политике Селевкидов и архив из Старой Нисы [Литвинский, Пичикиян, 2000, с. 341–345], можно утверждать, что храм Окса был и одним из крупнейших землевладельцев в Бактрии, по крайней мере, на протяжении эллинистической эпохи¹.

Возможно, жречество составляло отдельную социальную страту общества, не менее привилегированную, чем местная аристократия, хотя и слияние их не исключено. Но отношение жречества, наверняка неоднородного, к другим группам общества установить невозможно. Кроме того, жречество выделяется по профессиональному признаку, а не по этническому (как греки и бактрийцы) или генетическому (как аристократия с ее родами) критерию. Если избрать профессию в качестве критерия для выделения общественных групп, то следует вспомнить воинов, земледельцев, скотоводов, различные категории ремесленников; их взаимоотношение установить вообще не представляется возможным.

Возвращаясь к жречеству, отметим, что отправление обрядов при почитании греческих богов могло осуществляться (и, скорее всего, осуществлялось) жрецами-греками, которые в силу этого могли пользоваться большим влиянием в обществе, нежели жрецы иранского происхождения. Но, с другой стороны, в случае синкретизма греческих и местных культов² вполне вероятно, что отправление обрядов возлагалось на достаточно целостную группу служителей культа, для которой различия в этнической принадлежности отошли на второй план. О вероятности существования гражданско-храмовых общин в Бактрии было сказано выше.

Прежде чем завершить данный параграф, следует вкратце изложить точки зрения на проблему определения общественного строя древней Средней Азии. Это тем более важно, что в зависимости от ее решения раз-

¹ При кочевниках он был перестроен и продолжал функционировать. Стратиграфическую таблицу центрального зала храма Окса см.: [Литвинский, Пичикиян, 2000, с. 54–55; Литвинский, 2001, с. 9].

² К сожалению, проблематика религиозной ситуации в эллинистической Бактрии только начинает разрабатываться, поэтому конкретная периодизация синкретизма и выделение в этом процессе отдельных этапов-ступеней пока невозможна. Достоверно лишь то, что данный процесс протекал, и весьма интенсивно. Достаточно указать на синкретизм силена Марсия с местным божеством реки Вахшем (Оксом) или Гелиоса с Митрой [Литвинский, Пичикиян, 2000, с. 305–307; Сердитых, 1986(1), с. 279–282]. Согласно Францу Грене, храм с уступчатыми нишами из Ай-Ханум был посвящен не столько греческому Зевсу, сколько синкретичному божеству Зевсу-Митре, причем Митра обладал хтонической природой и не был подвергшимся зороастрийскому влиянию [Grenet, 1991, p. 147–152]. Это мнение разделяют не все исследователи, но, как бы то ни было, необходимо указать, что дата сооружения храма в любом случае свидетельствует о поздних этапах эллинистической эпохи, когда слияние божеств вполне могло иметь место, – 250 г. до н.э. [Литвинский, Пичикиян, 2000, с. 287–289]. О связи культа Митры с Бактрией см. также: [Лелеков, 1982, с. 35–41].

личные историки по-разному представляют себе бактрийский социум и, соответственно, его характеризуют.

С.П. Толстову [1938, с. 193; 1948(1), с. 48, 342–343] принадлежит идея о рабовладельческой формации в истории региона, которую прошли не только земледельческие культуры, но даже кочевники (!). Лишенная серьезных обоснований, эта концепция продолжала господствовать в отечественной историографии прежде всего (и только) потому, что официально утвержденной идеологией в СССР был истмат¹. Критиковалась распространенная практика зарубежных авторов использовать термины «феодализм» и «феодальный» для характеристики обществ Средней Азии [См., например: Tarn, 1951, p. 32f., 121]. Критика, однако, тоже не способствовала выработке какого-либо позитивного определения общественных отношений в регионе.

Недовольство примитивной и вульгаризаторской истматовской схемой привело к провозглашению А.М. Беленицким тезиса о том, что общества древней Средней Азии характеризовались «азиатским способом производства» [Беленицкий, 1970, с. 71–76]. Но из-за неясности самого термина эта гипотеза не получила распространения.

В недавней работе Е.В. Зеймаль, используя периодизацию И.М. Дьяконова, выделяющего стадии ранней и поздней древности [Дьяконов, 1994, с. 27–64], и настаивая на неравномерности общественного развития, выдвинул следующую концепцию: «Применительно к Парфии и Бактрии (до македонского вторжения)... можно говорить только о достижении ими стадии ранней древности. И именно на такое состояние наложились перемены, вызванные включением Греко-бактрийского и Парфянского царства в эллинистический мир. Можно предполагать, что именно «эллинизация» бактрийского и парфянского общества (как и последующее завоевание Бактрии да-юечжами – тохарами), нарушив естественный процесс развития, помешала его движению к стадии развитой древности и предопределила переход – после убыстренно и неполно пройденной стадии ранней древности – к раннефеодальному строю, сохранявшему некоторые черты (иногда только внешние), характерные для самых поздних стадий социального устройства первобытного общества» [Зеймаль, Пичикян, 1998, с. 367]. Тем не менее, выработки некоего обобщающего термина здесь нет. Сам подход И.М. Дьяконова, хотя и интересен, подвергся жесткой критике Ю.И. Семеновым [Семёнов, 1999, с. 89–91], указавшим на слабую логическую продуманность концепции. Не имея возможности останавливаться на этой проблеме подробнее, укажем на одну неясность при выделении стадий ранней и поздней древности: при этом совершенно игнорируются про-

¹ Доказательству рабовладельческого характера древних среднеазиатских обществ посвящены и специальные статьи, где обыкновенное упоминание рабов в источниках (впрочем, не всегда филологически верное) рассматривалось как достаточное основание для провозглашения общества рабовладельческим. См., например: [Массон, 1968, с. 93–101].

изводительные силы – следовало бы доказать их существенное изменение, хотя известно прямо противоположное: ручная в своей основе техника господствовала вплоть до капитализма, а хозяйство оставалось полунатуральным либо вообще натуральным. Отсутствует обобщающее определение общественного строя древней Средней Азии и в исследовании Б.А. Литвинского, обратившего, впрочем, внимание на важную особенность древних культур региона, просуществовавшую вплоть до Нового времени включительно: трехкомпонентную схему «город – сельские поселения – кочевники» [Литвинский, 1998(2), с. 553].

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Социальные структуры Греко-Бактрии могут быть обозначены лишь общо. Если избрать в качестве критерия для выделения групп этнос, то можно вести речь о греках и бактрийцах. Если критерием будет профессия, то точно засвидетельствованы жречество (с неясными внутренними взаимоотношениями), воины, ремесленники, земледельцы, чиновники. Критерий происхождения позволяет говорить об аристократии и простолюдинах: сложно предположить, что греки не были аристократией по отношению к остальному населению, но и внутри полисов идея об их равенстве между собой не очень убедительна. С точки зрения поселенческих структур могут быть выделены горожане, сельские жители и кочевники. Сведение этих разных структур в одну, с моей точки зрения, невозможно, так как не ясен необходимый для этого критерий. Все попытки дать определение общественному строю древней Средней Азии пока не увенчались успехом.

§ 2. Политическая история¹.

Основная задача данного параграфа – дать краткий обзор событий политической жизни Греко-бактрийского царства накануне вторжения кочевников. Это эпоха правления Евкратиды I, поскольку именно в его конце номады разрушают Ай-Ханум². Важно подчеркнуть, что, невзирая на немногочисленные письменные памятники³, источники по рассматриваемой проблематике позволяют сделать определенные выводы.

Начать необходимо с вопросов, относящихся к хронологии царствования Евкратиды I. Юстин сообщает: «Почти в одно и то же время как Митридат в Парфии, так и Евкратид в Бактрии, оба великие мужи, вступают на царство» (Iust. XLI.6.1)⁴. Следовательно, начало правления Евкратиды I соотносится с началом правления Митридата I в Парфии, что также являлось

¹ Предварительный вариант этого параграфа был опубликован. См.: [Захаров, 2001(1), с. 5–11].

² Долгое время существовал спор, был ли один Евкратид или их было двое. В настоящее время можно считать доказанным, что было два Евкратиды, как показал О. Болеараччи, опираясь на различия в расположении легенд на монетах, различный стиль и ареал монетных находок. См.: [Bopearachchi, 1991, p. 72–73; Смирнова, 1996, с. 41–67].

³ Недавно известный филолог К. Карттунен опубликовал полную сводку данных античной традиции об Евкратиде I, хотя в историческом плане автором не было предложено оригинальной концепции. См.: [Karttunen, 1999–2000, p. 115–118].

⁴ Eodem ferme tempore, sicut in Parthis Mithridates, ita in Bactris Eucratides, magni uterque viri, regna incunt.

предметом дискуссий. Долгое время эту дату определяли как 175 г. до н.э. [Gutschmidt, 1888, S. 45–46], однако в дальнейшем В. Рос несколько уточнил ее – это 171 г. до н.э. [Wroth, 1903, р. XX]. Сейчас последняя цифра остается общепринятой. Очевидно, правление Евкратида I должно начинаться с 170 г. до н.э. или около того [Narain, 1957, р. 53; Bernard, 1985, р. 95–107; Borearachchi, 1991, р. 66; Rapin, 1992, р. 114; Mitchiner, 1975, vol. I, р. 65–67; Oikonomides, 1984, р. 34; Гаибов, Кошеленко, Сердитых, 1992, с. 19; Зеймаль, Пичикян, 1998, с. 359].

В отношении конца царствования Евкратида I ситуация несколько иная: благодаря работе П. Бернара точно установлена дата падения греческого города в Бактрии (сейчас городища Ай-Ханум в Афганистане) – 145 г. до н.э., согласно надписи, датирующейся 24-м годом неизвестного летоисчисления. Французский исследователь полагает, что это эра Евкратида [Bernard, 1985, р. 97–105]. Но если общий контекст находки надписи действительно позволяет отнести ее к правлению этого царя, то существование особой эры Евкратида вызывает определенные сомнения: во-первых, у нас нет других надписей в той же системе летоисчисления, во-вторых, недавно открытый пергамен (фактически единственный памятник, который может быть сопоставлен с рассматриваемой надписью) датирован 4-м годом правления Антимаха I Теоса, Евмена и Антимаха II Никефора [Bernard, Grenet, Rapin, 1996, р. 458–469]¹. Понимая, что для более точных выводов данных явно недостаточно, есть основания ограничиться лишь признанием того, что надпись 24-го года принадлежит времени царствования Евкратида I. Анализ эпиграфических данных из сокровищницы Ай-Ханум, опубликованных Кл. Рапэном, показывает, что греческая администрация функционировала там со 150 по 146 г. до н.э. [Rapin, 1992, р. 96–114; Пичикян, 1991, с. 267–271, особенно 269]. Монет других царей, правивших после Евкратида I в Бактрии, при раскопках этого городища обнаружено не было, что стало основанием для утверждения об его гибели в 145 г. до н.э. [Borearachchi, Rahman, 1995, р. 30].

Н.М. Смирнова, исследовательница чекана Евкратида I, в своей недавней работе датировала его правление 170–145 гг. до н.э. [Смирнова, 1996, с. 41]. Автор одной из самых крупных монографий по истории греков в Бактрии У.В. Тарн предлагал для конца царствования Евкратида I несколько более раннюю дату: 159–158 гг. до н.э., которая оказалась ошибочной [Tarn, 1951, р. 219]. Другие варианты: 155 г. до н.э. (А. Гутшмидт, А.К. Нарайн, Дж.Н. Банерджеа, А.М. Мандельштам, В.М. Массон и Э. Бикерман) и 160 г. до н.э. (Х. Лассен и А. Симонетта) – сейчас отброшены [Gutschmidt, 1888, S. 49; Narain, 1957, р. 73; Banerjea, 1957, р. 166; Мандельштам, 1966(1), с. 66; Массон В.М., Ромодин, 1964, с. 115; Бикерман, 1975, с. 202; Lassen, 1865, S. XXIV; Simonetta, 1968, р. 182]. М. Митчинер

¹ Раздел о пергамене написан Клодом Рапэном. Датировочная формула: βασιλευόντων θεού Ἀντιμάχου καὶ Εὐμένους καὶ Ἀντιμάχου τοῦ υἱοῦ... («в правление царей Антимаха, и Евмена, и Антимаха...»).

предложил датировать конец правления Евкратиды I 135 г. до н.э., что было принято Ойкономидесом [Mitchiner, 1975, vol. I, p. 65–67; Oikonomides, 1984, p. 34]. Известный индолог, историк и нумизмат В.А. Смит относил правление Евкратиды I к 175–156 гг. до н.э., как и французский исследователь Луи де Ла Валле-Пуассэн (который, впрочем, годом смерти называл 155 г. до н.э.) [Smith, 1906, p. 4, 11; De La Vallée-Poussin, 1930, p. 234].

Евкратид I обычно считается узурпатором трона, восставшим против Деметрия. Однако долгое время не было единства во мнении: против какого именно Деметрия восстал великий бактрийский царь – Первого или Второго [Массон В.М., 1961, с. 39–45; Banerjea, 1957, p. 155]. В последнее время благодаря тщательным нумизматическим разработкам О. Бопеараччи можно, кажется, ответить на этот вопрос следующим образом: мятеж Евкратиды был направлен против Деметрия II [Borearachchi, 1991, p. 66].

О внешней политике Евкратиды I Страбон пишет: «Завладевшие этой областью [Бактрией] греки разделили ее на сатрапии; из них сатрапию Аспиона и Туриву парфяне отняли у Евкратиды»; «Они [парфяне] захватили также часть Бактрианы, оттеснив скифов и еще раньше Евкратиды и его сторонников» (Strab. XI.9.2 и 11.2). Г.А. Кошеленко показал, что в Мерве, первоначально греко-бактрийском владении, чеканятся ранние монетные выпуски Митридата I [Кошеленко, 1972, с. 79–102]. Существует точка зрения, согласно которой парфяне подчинили Аспион и Туриву уже после смерти Евкратиды I [Simonetta, 1958, p. 159], что противоречит цитированным выше данным Страбона [Rtveladze, 1995, p. 184], приписывавшего именно Евкратиду потерю двух сатрапий.

В свете новых данных из раскопок Гяур-калы необходимо вновь остановиться на вопросе о времени захвата Аспиона и Туривы. Поскольку монеты Евкратиды I, найденные на этом памятнике (большинство подъемные, но есть и из слоя), Н.М. Смирнова относит к поздним выпускам этого царя [Смирнова, 1999, с. 252–253, 258–259], постольку есть основания полагать, что еще в 50-е гг. II в. власть Евкратиды распространялась на Маргиану, но в это же десятилетие имело место и вторжение парфян под водительством Митридата I.

Вероятно, ведение многочисленных войн, о которых повествует Помпей Трог в изложении Юстина, удалось Евкратиду лишь большим напряжением сил: «Но бактрийцы, вовлеченные в непрерывные войны, потеряли не только царство, но даже свободу, поскольку были утомлены войнами с согдийцами, арахотами, дрангами, ареями и индийцами, и в конце концов, будто бескровные, были потеснены более слабыми парфянами» (Iust. XLI.6.4)¹. Свидетельством этого взлета политической активности, в

¹ Bactriani autem per varia bella iactati non regnum tantum, verum etiam libertatem amiserunt, siquidem Sogdianorum et Arachotorum et Drangarum et Arcorum Indorumque bellis fatigati ad postremum ab invalidioribus Parthis velut exsanguis oppressi sunt.

перспективе оказавшегося гибельным, является обильная чеканка¹, включающая знаменитый золотой экземпляр в 20 статеров, а также и удачная завоевательная политика в отношении Индии, подтверждаемая не только находками его монет к югу от Гиндукуша, но и письменной традицией в лице Юстина: «И так, освободившись за пять месяцев, он подчинил (своей) власти Индию» (Iust. XLI.6.4)². Были захвачены значительные (наибольшие за все время существования Греко-Бактрии) территории к югу от Гиндукуша, включая Гандхару, Арахосию и Паропамисады [Массон В.М., Ромодин, 1964, с. 114; Vorearachchi, 1991, p. 453, tableau V]. Как полагает О. Бопеараччи, Евкратид покорил царство Менандра I. В пользу этой гипотезы свидетельствует та связь, которую можно заметить между выпусками монет Менандра I и его бактрийского конкурента: в частности, расположение легенд на поздних монетах Менандра копирует тип монет Евкратида I [Vorearachchi, 1991, p. 66–72; Vorearachchi, Rahman, 1995, p. 30, 32, 58–59]. Эпиграфический материал свидетельствует о взятии Евкратидом I дани с покоренных индийских городов: надписи из сокровищницы Ай-Ханум содержат упоминание древнеиндийских монет из Таксилы: «десять тысяч каршапан из Таксилы» (κασαπανα ταξαηνα Α Μ) [Rapin, 1992, p. 98–101, 106–107]. Поэтому обычное мнение, что главным соперником Евкратида I на Индостане был Деметрий, должно быть отброшено [Гаибов, Кошеленко, Сердитых, 1992, с. 19].

Евкратид I, видимо, состоял в политическом союзе с Тимархом, провозгласившим свою независимость селевкидским наместником Мидии [Tarn, 1951, p. 218; Дадашева, 1976, с. 108]. Причины этого, вероятно, кроются в среднеазиатской политической ситуации: у бактрийского и мидийского правителей был общий враг – парфянский царь Митридат I.

В недавней работе О. Бопеараччи пересмотрел свою точку зрения на время принятия Евкратидом I титула ΜΕΓΑΣ («великий»): он полагает, что это событие имело место не позднее чем в 162 до н.э., так как восставший селевкидский сатрап Тимарх копировал монетный тип Евкратида I в своем чекане [Sylloge, 1998]. Думается, данная гипотеза вполне справедлива, хо-

¹ Общий объем выпусков Евкратида I можно представить по каталогу О. Бопеараччи, выделяющего 20 прижизненных и 5 посмертных серий [Vorearachchi, 1991, p. 199–216, pl. 16–22; ср.: Смирнова, 1987]. В свете новых данных следует, видимо, добавить по меньшей мере еще четыре серии: 1) уникальная тетрадрахма с переходным типом расположения легенды из монетных находок последних лет в Пакистане (клад Ай-Ханум IV), опубликованная О. Бопеараччи [Vorearachchi, Rahman, 1995, p. 106–107, № 239, комментарий – p. 58–59], на аверсе которой изображен царь в шлеме вправо, а на реверсе скачущие Диоскуры вправо при легенде, расположенной в две параллельные линии (обычный тип – верхняя часть легенды представляет собой полукруг над Диоскурами). См., например: [Vorearachchi, Rahman, 1995, p. 106–107, № 240–251]; 2) драхма из коллекции Музея истории народов Узбекистана [Бирюков, 1999, с. 80–81], лицевая сторона которой – царь в шлеме вправо, оборотная – скачущие Диоскуры вправо при простой легенде – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΚΡΑΤΙΔΟΥ, расположенной в две параллельные линии, притом что обычно такая легенда на раннем этапе выпусков Евкратида I встречается в сочетании с портретом царя только в диадеме, а не в шлеме; 3) один-два (?) экземпляра с крылатым гиппокампом на реверсе [Смирнова, 1999, с. 252–253, 258–259, № 22–23, табл. II]; 4) выпуск с крылатым перуном на оборотной стороне [Смирнова, 1999, с. 253, 259, № 24, табл. III].

² Quinto itaque mense liberatus Indiam in potestatem redegit.

тя в этом случае требуется объяснить, чем было вызвано введение Евкратидом I нового монетного типа. Ранее предполагалось [Захаров, 2000, с. 219; Захаров, 2001(1), с. 6], что возможны следующие варианты: либо он хотел провозгласить свою победу над Деметрием II, либо именно тогда началась его первая удачная кампания в Индию [Oikonomides, 1984, p. 32], либо этим он хотел подчеркнуть свою независимость от Митридата I. Последняя точка зрения должна быть оставлена после появления новых материалов из Гяур-калы: датировка парфяно-бактрийской войны 150 гг. до н.э. образует временной зазор между началом царствования Тимарха и, как следствие, введением нового титула, и самой войной. Гипотеза о начале индийских завоеваний, с другой стороны, вполне оправданна, так как Юстин сообщает о пяти месяцах, в течение которых Евкратид I выдерживал осаду Деметрия II, после чего он подчинил себе Индию (Iust. XLI.6.4). Если учесть, что Евкратид I восстал около 170 г. до н.э., сложно представить ситуацию, при которой индийские походы были предприняты лишь в 50-е гг. II в. до н.э. Кроме того, исходя из первой гипотезы (победа над Деметрием II), не ясно, как объяснить тот объем чекана Евкратиды I, который не содержит титула «великий». Поэтому пока выбор, видимо, может быть сделан в пользу удачного начала индийских походов как главной причины принятия Евкратидом I титула МΕΓΑΣ.

Очерк политической истории Греко-Бактрии в период правления Евкратиды I будет неполным без рассмотрения проблемы убийства этого царя¹. Юстин сообщает следующее: «По возвращении из индийского похода Евкратид был убит своим сыном, которого перед тем сделал соправителем (*quem socium regni fecerat*). Сын этот даже не старался скрыть отцеубийства, как будто он убил не отца, а врага. Он проехал по колеснице по отцовской крови и приказал бросить труп без погребения» (Iust. XLI.6.5).

Существует гипотеза У.В. Тарна, согласно которой Юстин допустил ошибку, и бактрийский царь был убит не своим сыном, а сыном Деметрия [Tarn, 1951, p. 219–222], но она основана на слишком большом числе допущений. Ее поддержал А.Д.Х. Бивар, подкрепив новыми источниками: «Деметрием, королем Инда» в «Сказках рыцаря» Чосера и отрывком французского перевода трактата «*de Casibus*» [Bivar, 1950, p. 7–13].

Те же авторы, кто признает аутентичность данных Юстина, имеют довольно противоречивые мнения по этому вопросу: так, Мионне предполагает, что это был Гелиокл, принявший титул ΔΙΚΑΙΟΣ («справедливый») для оправдания в убийстве отца как врага [Mionnet, 1837, p. 470]. Дж.Н. Банерджеа, Г.А. Пугаченкова, М.Г. Воробьева, А.М. Мандельштам и В.М. Массон разделяют эту точку зрения [Banerjea, 1957, p. 161; Пугаченкова,

¹ Поскольку политическая история Греко-Бактрии реконструируется в первую очередь по данным нумизматики, необходимо отметить, что авторы классических каталогов греко-бактрийских и индо-греческих монет П. Гарднер и А.Н. Лахири вообще не рассматривали данный сюжет, хотя первый и называл Гелиокла сыном Евкратиды. См.: [Gardner, 1886, p. XXIX; Lahiri, 1965].

Ремпель, 1960, с. 135; Пугаченкова, 1971, с. 84; Воробьева, 1963, с. 308; Мандельштам, 1966(1), с. 88; Массон В.М., Ромодин, 1964, с. 115]. Недавно ее в очень осторожной форме высказал П. Бернар, впрочем, не без сомнений [Bernard, 2000, p. 63]. Р. Рошетт категорически отверг подобное воззрение и указал на Евкратиды II как на убийцу, с чем согласен А. Симонетта [Rochette, 1835, p. 130, note. Цит. по: Borearachchi, Rahman, 1995, p. 31; Simonetta, 1958, p. 157]. Выдающийся русский востоковед В.В. Григорьев указывал на несостоятельность гипотезы о Гелиокле как убийце Евкратиды I [Григорьев, 1867, с. 326–328, 343]. А. Каннингэм отказался от обеих гипотез и назвал убийцей Аполлодота [Cunningham, 1869, p. 241]. Его поддержал В.А. Смит [Smith, 1906, p. 4].

А.К. Нарайн, а вслед за ним и отечественные исследователи (Б.Я. Ставиский, Н.М. Смирнова, В.А. Гаибов, Г.А. Кошеленко, З.В. Сердитых, Е.В. Зеймаль) полагают, что Евкратид I был убит Платоном, чей титул ΕΠΦΑΝΟΥΣ («явленный») показывает его амбиции и стремление видеть своего отца умершим естественной смертью [Narain, 1957, p. 70–73; Ставиский, 1977, с. 99; Смирнова, 1987, с. 21; Гаибов, Кошеленко, Сердитых, 1992, с. 20; Зеймаль, Пичикян, 1998, с. 362]. Р.Н. Фрай и О. Бопеараччи считают эту проблему на основании имеющихся данных неразрешимой, хотя французский исследователь и не видит оснований отказывать Юстину в аутентичности его сообщений [Frye, 1984, p. 186, n. 20; Borearachchi, Rahman, 1995, p. 31].

Но, по-видимому, можно отвергнуть связь убийцы с Аполлодотом, так как последний правил не в Бактрии, а к югу от Гиндукуша, где наследовал Антимаху I Теосу [Borearachchi, Rahman, 1995, p. 29], а, следовательно, его царствование синхронно Евкратиду I хотя бы на начальном этапе, до индийского похода. Вряд ли оправдана гипотеза Тарна–Бивара, поскольку для нее, во-первых, необходимо допущение ошибки в тексте у Юстина, а во-вторых, известно, что Юстин сокращал работу Помпея Трога, обращая основное внимание на морализирующие стороны оригинала [Маринович, 1982, с. 49сл.], поэтому не мог, наверное, не подчеркнуть, что отец был убит именно сыном.

Концепция А.К. Нарайна, ранее представлявшаяся достаточно убедительной, сейчас кажется не вполне удачной. Прежде всего, сразу подчеркнем, что она не учитывает свидетельства Юстина: убийца видел в своем отце врага, а вовсе не делал вид, будто Евкратид умер своей смертью (Iust. XLI.6.5). Платон вполне мог заявить о себе как о «явленном» царе, если не имел прав на престол, тогда как статус соправителя (socius regni) автоматически их обеспечивает. Титул Гелиокла I ΔΙΚΑΙΟΥ тоже присутствует на всех этапах правления этого монарха, что вызывает недоумение – зачем Евкратиду I «справедливый» соправитель?

Такие противоречия снимаются, если вернуться к точке зрения Т.З. Байера, согласно которой убийцей был не названный Юстином по имени

Евкратид II [Bayer, 1738, S. 95]. Изменение монетной легенды в таком случае следует рассматривать как подтверждение этого предположения: на ранних выпусках он именуется просто по имени, затем вводит эпиклезу ΣΩΤΗΡΟΣ («спаситель»). Причиной этого, кажется, можно назвать вторжение в Бактрию кочевников и гибель Ай-Ханум¹. Представляется, что именно разрушение одного из главнейших городов Бактрии вызвало как возмущение в среде бактрийских греков, так и возвращение Евкратида I из Индии и его убийство. Поскольку одной из важнейших обязанностей царя Бактрии было обеспечение безопасности страны [Абдуллаев, 1997, с. 54–60], постольку отсутствие Евкратида I в Бактрии и его присутствие в Индии во время атаки с севера должно было восприниматься как нарушение им своего долга. Его власть потеряла тем самым свою легитимность, почему и стало возможным совершить его убийство. Кроме того, некоторые монеты Кундузского клада демонстрируют и портретное сходство между Евкратидом I и Евкратидом II [Curiel, Fussman, 1965, №№ 113, 259–261, 207 и 265; Смирнова, 1996, с. 48], хотя этот аргумент может рассматриваться только как вспомогательный.

Также следует вкратце остановиться на проблеме взаимоотношений между Евкратидом I и Гелиоклом I², которого вполне справедливо считают последним царем Греко-Бактрии. Известно, что Евкратид I вводит особый монетный тип с легендой: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΕΓΑΣ ΕΥΚΡΑΤΙΔΗΣ («великий царь Евкратид») на аверсе и ΗΛΙΟΚΛΕΟΥΣ ΚΑΙ ΛΑΟΔΙΚΗΣ («Гелиокла и Лаодики») на реверсе [Gardner, 1886, р. XXIV; Массон В.М., Ромодин, 1964, с. 112; Borearachchi, Rahman, 1995, р. 108, №№ 263–264]. Необходимо рассмотреть вопрос о том, кто такие эти Гелиокл и Лаодика. Судя по всему, они были родителями Евкратида I, хотя существует мнение, согласно которому это дети последнего [Sallet, 1878, S. 301–304; Толстов, 1948(1), с. 239]. Однако анализ монет опровергает это представление, поскольку Гелиокл изображен в пожилом возрасте [Gardner, 1886, р. XXIV; Массон В.М., Ромодин, 1964, с. 112].

Достаточно интересную позицию занимают Н.М. Смирнова и Е.В. Зеймаль. Они полагают, что Гелиокл был не только отцом, но и старшим соправителем Евкратида I, чеканил свою монету и правил совместно с последним, а само введение этих коммеморативных монет им же инициировано [Смирнова, 1987, с. 18–19; Зеймаль, Пичикян, 1998, с. 360–361]. Но эта гипотеза неубедительна, поскольку никак не объясняет того факта, что Гелиокл изображен без королевской диадемы, а у Лаодики такой элемент головного убора присутствует [Gardner, 1886, р. XXIV; Borearachchi, Rahman, 1995, р. 30]. Кроме этого, этот тезис вступает, на наш взгляд, в проти-

¹ О вторжении кочевников подробнее см. в следующей главе.

² После работ О. Бопеараччи нет оснований полагать, что многочисленные монеты, выпущенные от имени Гелиокла и носящие одновременно легенды на греческом и кхарошти, принадлежат тому же Гелиоклу, что правил в Бактрии. См.: [Borearachchi, 1991, р. 98; Borearachchi, Rahman, 1995, р. 35].

воречие с данными Помпея Трога в изложении Юстина о том, что Евкратид «вступил на царство» (Iust. XLI.6.1), а не был соправителем. Из нумизматических материалов, совершенно не подкрепляющих гипотезу Н.М. Смирновой–Е.В. Зеймаля, следует выделить отсутствие монет Гелиокла I в Ай-Ханум, памятнике почти полностью раскопанном [Bernard, 1985, p. 154–157 (сводные таблицы)]. Монеты Гелиокла I не найдены до сих пор и в Термезе, на который власть Евкратида I, видимо, распространялась, поскольку известны находки чекана последнего из раскопок этого городища [Пидаев, 1998, с. 51]. Что же касается исторической интерпретации чекана Гелиокла I [Voreagachchi, 1991, p. 222–225], то вероятна следующая картина: он был одним из сторонников Евкратида I и после гибели своего патрона отомстил убийце отца Евкратиду II, после чего провозгласил себя царем с титулом «справедливый».

Подводя итоги, можно сделать следующий вывод: правление Евкратида I – это время последнего и наибольшего расширения Греко-бактрийского царства, так как среди всех греческих царей Бактрии именно этому правителю удалось объединить под своей властью максимальную территорию.

§ 3. Некоторые черты экономического развития.

В этом параграфе хотелось бы рассмотреть некоторые вопросы экономики Бактрии накануне вторжения. Начать следует с сельского хозяйства, что объясняется той ролью, которую последнее играло в любом древневосточном обществе: земледелие было основой экономики всех государственных образований. Вряд ли можно полностью согласиться с гидравлической теорией К. Виттфогеля, приписывающей ирригации ведущую роль в генезисе государства [Wittfogel, 1957], но и отрицать важность оросительных систем для политогенеза представляется некорректным [Васильев, 1981, с. 157–175; Васильев, 1980, с. 172–186; Васильев, 1993, т. 1, с. 60–82; Андрианов, 1979, с. 5–7].

Нельзя не отметить очень высокий уровень греко-бактрийского сельского хозяйства, нашедший свое отражение в античных источниках. В частности, Страбон утверждает, что именно плодородие земель позволило правителям Бактрии подчинить Индию (Strab. XI.II.1). Он пишет, что «... Бактриана... производит все, кроме оливкового масла» (Strab. II.I.14 et XI.XI.1). Особенно важна информация Курция Руфа: «Природа Бактрии богата и разнообразна. В некоторых местах многочисленные деревья и виноградная лоза дают в изобилии сочные плоды; тучную почву орошают многочисленные источники, где почва мягкая, там сеют хлеб, остальную землю оставляют под пастбища» (Curt. Ruf. VII.IV.26).

Как видно из данного отрывка, в этом центрально-азиатском регионе было развито и виноградарство, и скотоводство [Сердитых, 1996(2), с. 148–

156]. З.В. Сердитых подчеркивает, что из сообщения Страбона о культуре риса в Бактрии (Strab.XV.1.18) следует «не только то, что эта культура была популярна в Бактрии, но также и то, что она предполагает наличие ирригационных систем» [Сердитых, 1996(2), с. 149]. Археологические материалы свидетельствуют о том, что оросительные системы действительно существовали в античную эпоху, с одной стороны, и наблюдалась тенденция к орошению всех доступных территорий, с другой [Сердитых, 1996(2), с. 152]. Увы, эффект «непрерывного орошения» мешает исследовать большую часть региона¹, поэтому можно с уверенностью говорить лишь о подобном процессе в Восточной Бактрии, где находился один из крупнейших городов Средней Азии того времени Ай-Ханум [Gardin, 1980, p. 480–501; Gardin, Gentelle, 1976, p. 59–99; Gentelle, 1978; Gardin, Lyonnet, 1980, p. 99–154; Сердитых, Валиев, 1987, с. 283–290; Gentelle, 1989; Lyonnet, 1997; Gardin, 1998; Кошеленко, Сердитых, 2000, с. 227–234]. В греко-бактрийскую эпоху орошалась почти вся долина этого города, причем постройка некоторых каналов оказалась сопряжена с весьма большими трудностями: воду надо было вести по предгорьям (например, канал № 2, по нумерации экспедиции) [Сердитых, 1996(2), с. 152], так что может быть сделан вывод о весьма значительных расходах на его постройку.

Что касается подчиненных Евкратиду I провинций, то Маргиана и Ария в античной традиции устойчиво связывается с виноградарством: «...и в Маргиане, говорят, часто встречаются стволы виноградных лоз толщиной в два обхвата, а виноградные грозди 2 локтей длины. Подобные же истории рассказывают и об Арии, но эта страна даже превосходит другие качеством вина, так как там сохраняют вино в несмоленных сосудах по крайней мере в течение трех поколений» (Strab. II.1.14). Плиний Старший также указывает на то, что Маргиана «...единственная в этом регионе, где произрастает виноградная лоза» (Plin. Nat. Hist. 6.46–47). В отношении индийских территорий, завоеванных Евкратидом в ходе его индийских походов, сложно сделать какие-либо выводы, кроме тех, которые являются общими для всего индо-греческого периода. Главными сельскохозяйственными культурами были рис, ячмень, пшеница, просо, хотя выращивались также кунжут, хлопчатник, лен, босмор (вид хлебного злака), бобы [Сердитых, 1996(2), с. 153–154]. Ирригация известна в Индии с древнейших времен.

Переходя к освещению ремесла Бактрии накануне вторжения, отметим, что и археологические, и нумизматические источники свидетельствуют о высокой степени его развитии. Начнем с металлургии, так как именно эта отрасль ремесленного производства возникла первой. Археологически высокий уровень металлообработки и ювелирного дела подтверждается [Массон В.М., 1985, с. 263; Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 77; Сердитых, 1988, с. 94–96]. Можно указать на находки различных изделий

¹ В настоящее время этому препятствуют и политические причины.

из железа: гвоздей, заклепок, больших пластин, лезвий ножей, наконечников копий, долот, серпов, – и бронзы: наконечников стрел, булавок, колокольчиков, декоративных пластин, пуговиц [Сердитых, 1988, с. 95–96]. Так как были найдены золотые листья для венка, розетки [Сердитых, 1988, с. 110], то, вероятно, существовало и ювелирное дело. Из профессии кузнеца уже выделилось несколько специальностей, включая черных металлургов, рабочих по цветным металлам, ювелиров. Поскольку крица поступала в Ай-Ханум из районов ее добычи и только в городе подвергалась дальнейшей обработке (большое количество шлаков обнаружено на территории Ай-Ханум [Сердитых, 1988, с. 94]), можно предположить, что существовали и горняки.

В качестве источника по ремеслу можно исследовать и монеты. Во-первых, их производство осуществляется на монетном дворе и в нем участвует несколько ремесленников разных специальностей, в том числе резчики штемпелей, литейщики, наконец, мастера, чеканившие монеты. Кроме того, обязательно присутствовал контроль пробы металла, ведь чеканка – прерогатива государства.

В Греко-Бактрии существовало и керамическое производство [Gardin, 1973, p. 121–188]. Известен так называемый «ай-ханумский керамический комплекс» [Седов, 1984, с. 171–180], по которому датируются археологические материалы. Особенностью керамики греко-бактрийского времени является ее явный прогресс по сравнению с предыдущим – ахеменидским – периодом. Ведущий специалист по керамическому комплексу Бактрии Б. Лионне на основании многолетнего изучения этого вида источников сделала вывод о том, что местное население адаптировало даже не отдельные формы сосудов наподобие тарелок, но весь греческий по характеру керамический инвентарь, достаточно быстро и на долгое время [Lyonnet, 1997, p. 147]. Причем восприняты были даже такие специфические типы посуды как кратеры, не говоря уже о простых кувшинах и флягах (*simples cruches; gourdes*).

Строительное дело также развито: строительство Ай-Ханум и других городов региона осуществлялось под руководством опытных архитекторов (четкий план города и отдельных сооружений) [Сердитых, 1988, с. 87]. Именно при Евкратиде I в Ай-Ханум предпринято грандиозное по размаху строительство, в частности, начата постройка сокровищницы, оставшаяся незавершенной [Бернар, 1986, с. 255]. Так как антаблемент зданий изготовлялся из дерева, то есть основания говорить о плотниках и столярах [Сердитых, 1988, с. 88].

Что касается торговли, то можно сделать некоторые наблюдения. После работ П. Бернара неоправданно сомневаться в наличии мелкой розничной торговли хотя бы в крупных городах Бактрии, таких как Ай-Ханум. Данное утверждение подкрепляется соотношением находок серебряных и бронзовых монет из этого города: семь к ста пятидесяти трем (из 184 эк-

земляров, относящихся к греко-бактрийским, и найденным не в кладах, а при раскопках только 31 – серебряные, а из этого числа следует вычесть 24, которые находились в дворцовой сокровищнице). Это свидетельствует о глубоком проникновении товарно-денежных отношений в экономическую структуру города [Bernard, 1985, p. 5–18]. Несмотря на то, что выпуски всех царей рассматриваются в комплексе, такая ситуация была характерна и для правления Евкратиды I, тем более при тех же археологических исследованиях были обнаружены и десять заготовок для чеканки [Bernard, 1985, p. 5–18], а сейчас точно установлено, что Ай-Ханум пал приблизительно одновременно с убийством этого царя.

В отношении международной торговли отметим: концепция П. Бернара о широких экономических связях Бактрии со странами, расположенными к западу от нее, опирающаяся на значительные находки монет Евкратиды вне пределов Греко-бактрийского царства [Bernard, 1985, p. 107–111], более вероятна, чем гипотеза Г.А. Кошеленко о политических причинах этого распространения бактрийских выпусков [Кошеленко, 1972, с. 98]. И хотя к западу от Бактрии располагалась враждебная ей Парфия, блокировавшая торговые пути, эпиграфические данные свидетельствуют о том, что оливковое масло все-таки поступало во владения Евкратиды I: на сосудах из сокровищницы Ай-Ханум обнаружены упоминающие его надписи [Rapin, 1992, p. 96–97]. Распространение монет Евкратиды I к югу от Гиндукуша свидетельствует о тесных контактах с Индией. Бронзовый чекан этого правителя выпускался именно в этом регионе, а состав находок его из Ай-Ханум и Беграма практически одинаков [Bernard, 1985, p. 104–114].

Предположение о реформе монетного дела при этом правителе, состоящей в выпуске серебряных номиналов к северу, а бронзовых – к югу, достаточно убедительно, хотя уже отмечалось, что это мероприятие вряд ли было удачным и подобных попыток в практике других греко-бактрийских царей не наблюдается [Сердитых, 1988, с. 160]. Но можно возразить: ведь после Евкратиды I Бактрия уже не была единой державой, а все последующие греко-бактрийские правители владели лишь какой-либо ее частью, так как она была покорена кочевниками между 145 и 128 гг. до н.э. Власть индо-греческих царей вовсе не распространялась на территории к северу от Гиндукуша. Однако в настоящее время нельзя думать, будто реформа привела к какому-либо усилению государства: сама возможность безнаказанного убийства Евкратиды I только подчеркивает неабсолютный характер его власти.

Прежде чем завершить краткий обзор греко-бактрийской экономики, упомяну еще один важный факт – значительное общее увеличение поселений в данном регионе по сравнению с ахеменидской и селевкидской эпохами. В первую археологически зафиксировано 47, во вторую лишь 28, в то время как в греко-бактрийский период 76 поселений, то есть почти

вдвое больше, чем было в VI–IV вв. до н.э. и почти втрое – чем в IV–первой половине III вв. до н.э. [Кошеленко, Сердитых, 1987, с. 54–58].

Таким образом, подводя итоги главы, можно сделать следующий вывод: накануне вторжения кочевников Греко-Бактрия представляла собой высокоразвитое в экономическом и политическом отношении эллинистическое государство, объединившее под своей властью и значительные земли к югу от Гиндукуша, достигнув наибольшего расширения своей территории.

Глава 2. Основные вопросы истории Бактрии в конце II в. до н.э. – начале I в. н.э.

К числу основных проблем бактрийской истории в конце II в. до н.э. – начале I в. н.э. есть основания относить следующие: падение Греко-бактрийского царства и его результаты, политическая история региона, проблема «Герая» и возникновение Кушанского царства, экономическое развитие Бактрии. Рассмотрение их целесообразно вести в таком же порядке.

§ 1. Падение Греко-бактрийского царства¹.

Среди проблем падения Греко-Бактрии можно выделить следующие: когда и какой/какие этнос/этноты кочевников свергли власть греков, каково было взаимоотношение между завоевателями и покоренной территорией. Задачей данного параграфа является анализ всех групп источников в связи с проблемой этносов, принимавших участие в падении Греко-Бактрии, и с вопросом о дальнейшей судьбе греков. Уже указывалось, что начальный период вторжения завоевателей приходится на 145 г. до нашей эры, когда в огне пожара гибнет восточная столица Бактрии Ай-Ханум. В 128/126 г. до нашей эры Чжан Цянь был свидетелем того, что власть юечжей распространяется и на территорию к югу от Амударьи, хотя они сами живут еще к северу от этой реки. Процессы, происходившие между 145 и 128/126 годами до н.э., представляют собой один из вопросов истории, имеющих множество решений в историографии.

Основной проблемой интерпретации данных античной традиции является согласование информации Страбона и Юстина относительно этнонимов племен кочевников, участвовавших в покорении Греко-Бактрии. Первый говорит о четырех группах: «Из этих кочевников в особенности получили известность те, которые отняли у греков Бактриану, именно асии, пасианы, тохары и сакаравлы, которые переселились из области на другом берегу Иаксарта рядом с областью саков и согдианов, занятой саками» (Strab. XI.8.2). В «Прологах» же к 41-й книге работы Помпея Трога сообщается о сарауках и асианах, покоривших Бактрию², тогда как в «Прологах» к 42-й книге – об асианах, царях тохаров и гибели сарауков³. Попытки согласовать эти данные предпринимаются уже давно. Тем не менее, если иметь целью создание единой картины⁴, следует признать вполне приемлемым как с графической, так и с исторической точек зрения пред-

¹ Предварительные результаты исследования данной проблемы опубликованы. См.: [Захаров, 2001(2), с. 446–454].

² In Bactrianis autem rebus ut a Diodoto rege constitutum est: deinde quo regnante Scythicae gentes Saraucac et Asiani Bactra occupavere et Sogdianos (Prologus libri XLI).

³ Reges Thocarorum Asiani interitusque Saraucarum (Prologus libri XLII).

⁴ Этот аргумент логического характера убедителен в данном случае потому, что другие гипотезы еще менее обоснованы.

положение о том, что в тексте у Страбона следует читать «...асии, или асианы» (ἡ ασιανῶν) вместо «асии, пасианы» (πασιανῶν) [Haloun, 1937, S. 244; Narain, 1957, p. 132; Ставиский, 1963, с. 345; Гафуров, 1972, с. 130; Грантовский, 1970, с. 165–166].

Существуют и другие гипотезы. У.В. Тарн считал, что пасианы – это парсии и отождествлял их с хорасмиями [Tarn, 1951, p. 292]. Уже С.П. Толстов в своей рецензии отметил отсутствие достаточной аргументации этого мнения и предпочел этимологию Томашека «апасиаки/пасики» [Толстов, 1940, с. 205; Daffinà, 1967, p. 54–56; Ставиский, 1998(2), с. 409–410]. Впрочем, доказательств такого предположения также нет. Страбон (XI.8.8) пишет, что в страну апасиаков бежал Арсак, спасаясь от Селевка Каллиника, связывая это племя с Парфией и с более ранним временем – серединой III в. до н.э. Существует и еще один, восходящий к У.В. Тарну, вариант, будто пасианы-парсии – это персы [Frye, 1984, p. 192]. Но последние никогда не обитали за Яксартом-Сырдарьей.

Таким образом, в античной традиции падение Греко-бактрийского царства связывается с асиями/асианами, сакарауками (сакараулы и сарауки, по мнению всех учёных, представляют собой одно и то же племя) и тохарами. Значение этих наименований также представляет отдельную тему дискуссий. Асиев часто связывают с аланами и, как следствие, с осетинами [Габуев, 1999, с. 77; ср.: Frye, 1984, p. 191, n. 42; Перевалов, 2002, с. 207–215]. Т.А. Габуев признает, что данная параллель построена ретроспективно и что никто из античных авторов не указывал на тождественность асиев с аланами и не помещал их рядом. Более того, в таком случае загадочным выглядит то обстоятельство, что асии названы Помпеем Трогом царями тохаров. Возможно, речь следует вести не об этнониме, а названии клана, тогда все идентификации становятся излишними. Г. Халоун предложил вообще читать «Cusani» вместо «asiani» в тексте 42 пролога к произведению Помпея Трога [Haloun, 1937, S. 253, n. 4], хотя, строго говоря, это не более чем допущение, не имеющее под собой серьезных обоснований, поскольку тогда придется исправлять и текст Страбона.

Значение этнонима сакараук/сакаравак не ясно: в зарубежной историографии господствует отождествление Г. Бэйли: «Начальники саков» (Saca commanders) [Bailey, 1979, p. 27–28; Harmatta, 1994, p. 409]¹, а в отечественной основными являются такие варианты, как «быстродвигающиеся саки» [Гафуров, 1972, с. 130], «белые (светлые)» [Грантовский, 1975] и «саки-хаумаварга» [Ставиский, 1998(2), с. 409–410]². Но в отношении идентификации юечжей с какими-либо из вышеперечисленных этносов предлагаются самые различные подходы, причем нередко диаметрально противоположные друг другу.

¹ Справедливости ради подчеркну, что такое воззрение восходит еще к Стену Конову, и оно принималось многими учеными. Подробнее см.: [Литвинский, 1972, с. 170–171].

² О проблеме саков-хаумаварга см.: [Литвинский, 1972, с. 158–174, особенно с. 163 сл.].

«Цянь-Ханьшу» сообщает: «Ранее, когда сюн-ну разбили Больших юечжей, юечжи ушли на запад и стали правителями Да-ся, тогда как царь Сэ (или Сэ-ван) ушел на юг стал правителем Гибини. Народ сэ разделился и рассеялся, и везде они создали несколько царств» [Zürcher, 1968, p. 363].

Что касается хронологии, то вторжения в Бактрию имели место в период от 145 г. до н.э., когда кочевники разрушили греческий полис Ай-Ханум [Bernard, 1985, p. 97–105], до того момента, когда Чжан Цянь увидел Да-ся полностью подчиненной юечжам [Zürcher, 1968, p. 359–361]. Датировка последнего события точно не установлена: например, Г. Макдональд считал, что это событие имело место в 126 г. до н.э., Й.Э. ван Лохуизен де Леев – 129, а Б.Я. Ставиский – 128 г. до н.э.; Гюстав Халоун допускал первую и третью возможности [Macdonald, 1922, p. 459; Van Lohuizen de Leeuw, 1949, p. 33; Ставиский, 1977, с. 96; Haloun, 1937, S. 249].

Но все вышеперечисленные подходы к периодизации упираются в проблему соотнесения античных данных и китайских хроник. Какой из этносов Страбона и Юстина известен в Китае под названием юечжей? На этот вопрос существует несколько вариантов ответа. В основу его решения были положены как лингвистические, так и исторические критерии.

Долгое время, пока для этнонима «юечжи» в древнекитайском языке предлагали транскрипцию *ngint-tsie* или *ngiwät-tia*, что отражало название *geti* и его производные [Maenchen-Halfen, 1945, p. 77], некоторые авторы отождествляли юечжей с массагетами [Толстов, 1948(1), с. 242–245; Дьяконов М.М., 1961, с. 189; Ставиский, 1998(2), с. 410; Зуев, 1974, с. 198–201]. В настоящее время Э. Пуллеблэнк подверг вполне обоснованной критике данную гипотезу, показав, что в исследуемую эпоху такая транскрипция была невозможна. Согласно его точке зрения, в эпоху ранней Хань термин «юечжи» должен был произноситься как *Ywati* [Pulleyblank, 1966, p. 29]. На этом основании он предложил, вслед за Й. Марквартом, соотносить юечжей с ятиями Птолемея (VI,12) [Marquart, 1901, S. 201; Pulleyblank, 1966, p. 17]. Ему возразил П. Даффина, полностью отвергнув возможность подобной этимологии [Daffina, 1967, p. 45, n. 6]. Кроме данных вариантов, существуют транскрипции Г. Халоуна *zgüjā* и Г. Бэйли *γᾱdiik* [Haloun, 1937, S. 316; Bailey, 1964–1965, p. 6]. Э. Пуллеблэнк сомневается в предположении Г. Халоуна [Pulleyblank, 1966, p. 17]. В настоящее время А.Ф.П. Хулсева и М.А.Н. Лоуи вновь вернулись к старой реконструкции произношения юечжей: *d'ād/d'ai-ngiwät-diëg/zie* или *tier/tiei*, не высказывая, впрочем, никаких более рискованных предположений об отражении в этой реконструкции названия *geti* [Hulsewé, 1979, p. 119, n. 276].

Кажется, все сложности восстановления древнего произношения порождены отсутствием надежных источников. Ю.В. Бромлей в своей монографии предлагает различать эндоэтноним (самоназвание) и экзоэтнонимы (названия, даваемые данному этносу другими социумами) [Бромлей, 1983, с. 45–46]. Это заставляет с остороженностью отнестись к античной, ин-

дийской и китайской традициям, поскольку не ясно, экзо- или эндоэтноним они отражают. Наиболее яркий пример того, что один и тот же народ обладает несколькими этнонимами, представляют немцы: русские называют его немцами, англичане – германцами (German), французы – алеманами (Allemand), в то время как самоназвание его – дойч (Deutsch) [Бромлей, 1983, с. 46, прим. 6]. Тем самым некорректно утверждение о необходимости лишь одного названия для одного народа, причем *языковые формы в других языках не обязательно должны быть транскрипциями единого исходного этнонима*. До сих пор не ясно, как называли себя сами юечжи, тохары и другие народы.

В то же время большинство исследователей связывает юечжей с тохарами¹ античных авторов [Умняков, 1940, с. 181–193]. Так считали А. Каннингэм, А. Гутшмидт, Э. Херцфельд, К. Тревер, Н. Дибвойз, Й.Э. ван Лохюйзен де Леев, Дж. Банерджеа и Джаганнатх [Cunningham, 1888, p. 54; Gutschmidt, 1888, S. 70; Herzfeld, 1935; Тревер, 1940, с. 8; Debevoise, 1938, p. 37, 55; Van Lohuizen de Leeuw, 1949, p. 50; Banerjea, Jagannath, 1957, p. 262]. В современной историографии подобной точки зрения придерживаются А.К. Нарайн, Р.Н. Фрай, Б.Н. Мукерджи, П. Бернар, К. Абдуллаев [Narain, 1957, p. 134; Frye, 1984, p. 191; Mukherjee, 1988, p. 12–13; Bernard, 1987, p. 759; Бернар, Абдуллаев, 1997, с. 68]. У этой концепции есть и свои уязвимые места, но она по крайней мере объясняет следующее обстоятельство: китайцы с IV в. н.э. переводили термин «юечжи» как «тохары» и называли Бактрию Тохаристаном. В индийских пуранах кушаны, принадлежавшие, видимо, к юечжам, появляются только под следующими именами: Tuṣkara, Tuṣāra, Tukhāra, Turuṣka [Bachhofer, 1941, p. 245; Rosenfield, 1967, p. 8]. Но на то, что связь тохаров с юечжами остается гипотетичной, указывал Б.Я. Ставиский, правда, без единого аргумента [1977, с. 103].

Достаточно сложной является концепция У.В. Тарна, согласно которой юечжи – это асии/асианы, а тохары – одно из подчиненных их орде племен [Tarn, 1951, p. 185, 284–295, экскурсы 11, 20, 21]. Ее в первой части придерживается Б.Н. Пури, отрицая связь с тохарами [Puri, 1965, p. 5f.]. На мой взгляд, подобное утверждение нуждается в дополнении, сделанном Й.Э. ван Лохюйзен де Леев: асии – одна из частей юечжей, причем их следует рассматривать как господствующий клан в этой орде номадов в изучаемый исторический период [Van Lohuizen de Leeuw, 1949, p. 38]. Такое предположение объясняет то, что Помпей Трог называл асиев царями тохаров. Отсюда еще нельзя утверждать, будто асии – не тохары, вполне веро-

¹ Определенный интерес представляют свидетельства греческого географа Птолемея, упоминавшего тохаров трижды: как народ, живущий к югу от Окса/Амударьи в Бактрии (Ptol. VI.11.2); как обитателей Согдианы, соседей ятиев, в свою очередь обитавших на Яксарте/Сырдарье (Ptol. VI.12.4); наконец, как народ на границах Серики (Ptol. VI.16.2; 16.5; 16.8). По Б.Я. Ставискому, в этом следует видеть отражение сообщений разновременных авторов [Ставиский, 1977, с. 34]. Возможно, что здесь отразились сведения о переселении данного народа, что может быть увязано с юечжами китайских хроник; в таком случае, уравнение «тохары=юечжи» получает дополнительную поддержку.

ятно, что здесь соединились названия целого этноса и одного из его кланов, сыгравшего одну из главных ролей в падении Греко-Бактрии. Асиев/асиан многие исследователи связывают с усунями китайских хроник [Габуев, 1999, с. 82–83], причем иногда даже считая их Кушанами [Cunningham, 1888, p. 54; Бернштам, 1947, с. 41–47]. При этом упускается из виду не только тот факт, что кушаны по данным «Цянь-Ханьшу» и «Хоу-Ханьшу» – лишь одно из пяти владений (*си-хоу*), но и прямые указания на то, что усунь не уходили из Семиречья [Zürcher, 1968, p. 365, 367; Haloun, 1937, S. 252–254].

Но отождествление юечжей как с тохарами, так и с асиями/асианами упирается в одну очень спорную проблему: что обозначалось в Китае названием Да-ся? Если это греки, то как объяснить, что «Ши-цзи» говорит: «Да-ся расположена более чем в 2000 ли к юго-западу от Дайваня (Ферганы), к югу от реки Гуй. Что до их обычаев, то они живут осёдло в обнесённых стенами городах и домах. Их обычаи те же, что и в Дайвани. У них нет главных царей или правителей, но везде в своих окружённых стенами городах они выбирают мелких правителей. Их войска слабы и боятся войны, но они великолепны в торговле... В Да-ся большое население, исчисляющееся более чем в миллион человек. Их столица называется Ланьши, там есть рынок, где продаются все виды товаров» [Zürcher, 1968, p. 360–361]. Насколько известно, в момент падения Ай-Ханум Греко-бактрийское царство под руководством Евкратиды I достигло наибольшего могущества, объединив наибольшую за все время своего существования территорию (см. выше).

Было выдвинуто предположение, что сначала в Бактрию вторглись саки, а после юечжи [Rapson, 1922, p. 566; Vallée-Poussin, 1930, p. 235; Пугаченкова, 1966(2), с. 243; Пугаченкова, 1971, с. 11]. Саки всеми историками отождествляются с сакаравами/сарауками античных авторов и народом *saï* китайских хроник. После исследований Б. Лионне [Lyonnet, 1997, p. 157–172] приоритет саков, однако, поставлен под сомнение. Если Да-ся – это бактрийские греки [Ставиский, 1977, с. 100; Гаибов, Кошеленко, Сердитых, 1992, с. 21] после прихода кочевников, то где нумизматические свидетельства правления тех «мелких правителей»: как известно, нет никаких монет, которые могут быть датированы периодом после падения Греко-Бактрии и тем более нет таких, где можно было бы увидеть признание какого-либо господства любых кочевников (саков или юечжей). При этом известно, что никакого упадка земледелия не было и что ирригационные системы продолжали функционировать даже более экономно, чем в эпоху Греко-бактрийского царства [Сердитых, 1996(2), с. 148–156; Сердитых, Валиев, 1987, с. 283–290], т.е. говорить об упадке государственности как будто нет оснований. Предположение, будто Да-ся – тохары, высказанное К. Еноки, автоматически влечет за собой вывод, что юечжи не могут быть тохарами, ибо не могли же они покорить самих себя [Enoki, Koshelenko,

Haidary, 1994, p. 173]. Но Э. Пуллеблэнк полагает, что тохары связаны с Ферганой, чье китайское название – Дайвань, которое должно было произноситься как *da`-`iwan* и отражать **Tahwar* [Pulleyblank, 1966, p. 22]. Некоторые авторы полагают, что Да-ся – целиком Бактрия [Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 394], что в свете исследований П. Бернара [Bernard, 1987, p. 758–768] представляется не соответствующим археологическим материалам, свидетельствующим о полиэтничности населения той эпохи. Очевидно, что данная проблема не имеет однозначных решений. Следует подчеркнуть, что Р. Гиршман и Б.Н. Мукерджи связывали Да-ся с Восточной Бактрией [Ghirshman, 1946, p. 112–113; Mukherjee, 1969, p. 395–400; Mukherjee, 1988, p. 11–12. Ср.: Daffinà, 1972, p. 87–92]. Это предположение более корректно отражает сложную археологическую ситуацию в Бактрии, однако оставляет без ответа лингвистическую сторону вопроса, почему именно такое название прилагалось к определенной территории.

Следует отдельно рассмотреть позицию известного японского исследователя К. Еноки [Enoki, 1959, p. 227–237; Enoki, Koshelenko, Haidary, 1994, p. 173]. Он полагал, что античные и китайские источники отражают два разных этапа завоевания Бактрии, в результате чего проблема соотношения этих данных снималась сама собой. Но в таком случае вновь возникает вопрос об абсолютной хронологии этих этапов. Если точно известно два рубежа: 145 и 128/126 гг. до н.э., то необходимо дать ответ: куда исчезли племена, упоминаемые античными авторами, и нарисовать убедительную картину взаимодействия юечжей с ними, для чего данных явно недостаточно. Если покорены были тохары, то нет ответа на вопрос, почему кушаны, их правители известны в Индии по имени покоренного народа. С другой стороны, как справедливо отметил К. Абдуллаев, в китайских хрониках при описании странствований юечжей ни разу не упоминается Яксарт/Сырдарья, откуда, по Страбону, пришли кочевники, покорившие Бактрию [Абдуллаев, 2000(1), с. 216, прим. 12].

В отечественной исторической традиции особое место занимает О.В. Обельченко, предлагавший связать гибель Греко-бактрийского царства с сарматами и посчитать ошибочными сведения китайских хроник [Обельченко, 1961, с. 174, 176; Обельченко, 1974, с. 202–209; Обельченко, 1992, с. 222–228]. А.С. Скрипкин также склонялся к сарматской гипотезе, не делая при этом критических замечаний в отношении китайских источников [Скрипкин, 1990, с. 201сл.]. Но, несмотря на сходство погребений сарматского круга и курганных могильников Бактрии, нельзя не отметить и их существенное различие, еще более проявившееся в более раннем памятнике Ксирове [Литвинский, Седов, 1984, с. 130–133].

Согласно Б.А. Литвинскому, на сегодняшний день нет достаточных данных, чтобы решить проблему падения Греко-Бактрии [Литвинский, Седов, 1984, с. 174]. Интерес представляет мнение А.М. Мандельштама, согласно которому нет необходимости пытаться отождествить юечжей с ка-

ким-либо из этносов Страбона и Помпея Трога: это их общее имя в Китае [Мандельштам, 1978, с. 133–141]. Вспомним, что сначала Г. Халоун, а позже К. Еноки предполагали, что юечжи – скифы, хотя и с разных позиций [Haloun, 1937, S. 243–318; Enoki, Koshelenko, Haidary, 1994, p. 174]. Страбон же и Помпей Трог прямо называют вторгшиеся в Бактрию племена скифскими. Однако Э. Пуллеблэнк подверг критике лингвистическую сторону подобной идентификации [Pulleyblank, 1966, p. 17].

Таким образом, можно сделать достаточно неутешительный вывод: для решения этнического аспекта проблемы падения Греко-Бактрии лингвистика не дала пока никаких твердых оснований: все реконструкции и сопоставления остаются лишь предположениями, требующими в свою очередь подтверждения другими данными.

Необходимо привлечь археологические материалы для решения проблем этносов. Некоторые сюжеты истории Бактрии в конце II века до н.э. – начале I века н.э. были рассмотрены П. Бернаром и К. Абдуллаевым. Они убедительно показали наличие в то время в Бактрии двух основных соперничающих групп. Анализируя материал из Халчаяна, П. Бернар указал на неправомерность предложенной Г.А. Пугаченковой интерпретации нескольких скульптурных композиций как изображений кавалерии юечжей и бактрийской знати [Пугаченкова, 1971, с. 65–73]. П. Бернар подверг такую трактовку критике, задав правомерный вопрос: почему катафрактарыи выглядят преследуемыми юечжами [Bernard, 1987, p. 760–762]. Исследовав костюм катафрактариев и сопоставив его с изображением доспехов правителей на индоскифских монетах (например, выпусках Танлисмайдата), французский исследователь пришел к выводу, что они аналогичны, поэтому можно говорить о наличии групп скифов в Западной Бактрии. Материал из Тилля-тепе, с точки зрения П. Бернара, подтверждает такой вывод: кольцо на шее – характерный атрибут индо-парфянских царей, наследников индо-скифов [Bernard, 1987, p. 763–764]. В недавней публикации к вышеуказанной аргументации были добавлены материалы вооружения из Орлатского могильника и монета Наштена, опубликованная О. Бопеараччи [Бернар, Абдуллаев, 1997, с. 75–84]. Этот выпуск близок чекану греко-индийских и индоскифских царей [Бернар, Абдуллаев, 1997, с. 82–84]. К. Абдуллаев указывал и на настенные росписи из раскопок Дальверзин-тепе, связанные с саками [Abdullaev, 1995, p. 154].

Однако катафрактарыи были основным видом войска в Парфии (Iust. XI.1.2) [Пугаченкова, 1966(1), с. 27–43], поэтому росписи Халчаяна могут быть связаны и с ними. Невозможно отрицать наличие в Западной Бактрии скифов: имя «Танлисмайдат» имеет иранское происхождение [Bernard, 1987, p. 762], но можно вспомнить и о влиянии Парфии на этот регион: монеты Фраата IV с надчеканом и подражания им [Зеймаль, 1984, с. 187–189, табл. XVII–XVIII; Зеймаль, 1983, с. 129–135, табл. 16, 17] сделаны та-

ким образом, чтобы не повредить изображения парфянского правителя¹. Сводку монет Парфии в Бактрии дал Э.В. Ртвеладзе [Rtveladze, 1995, p. 190]. Китайская хроника «Хоу-Ханьшу» повествует, что Куджула Кадфиз, подчинив другие четыре владения, сначала начал войну с Ань-си, т.е. Парфией или ее владениями [Zürcher, 1968, p. 367]. Все вышеуказанные материалы дают определенные основания предположить, что в Бактрии того времени было множество мелких владений и, следовательно, раздробленность [Гафуров, 1972, с. 134], вопреки мнению Э.В. Ртвеладзе [Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 46].

Необходимо остановиться и на материалах раскопок Ай-Ханум. К. Рапэн вслед за П. Бернаром выделяет два вторжения кочевников, последовавших во время так называемого «позднего заселения». После падения власти греков последовал короткий промежуток времени, засвидетельствованный в сокровищнице города повторным использованием недргоценных материалов (État IIIa). Второй этап (État IIIb) – первый грабеж сокровищницы и разрушение дворца Ай-Ханум кочевниками. Возможно, так новые власти хотели уничтожить символ греческой мощи. К этому времени относится надпись на неизвестном языке на серебряной пластине (inscription runique sur loupe d'argent)², который К. Рапэн считает возможным вслед за В.А. Лившицем связывать с саками. Следующий период (État IIIc) характеризуется деятельностью местного населения, занимавшегося металлургией и плавившего драгоценные металлы в стенах сокровищницы. На последнем этапе (État IIId) засвидетельствован ее последний грабеж кочевниками, основные следы которого были найдены при раскопках храма с уступчатыми нишами [Rapin, 1992, p. 288–289, 31–35, 139–142]. Каждая из волн завоевателей оставила свою керамику, к сожалению, в небольших количествах. Первая группа – трехногая керамика (céramique tripode), вторая – шарообразная штампованная (céramique globulaire et façonnée) [Rapin, 1992, p. 141; Lyonnet, 1991, p. 153–161], имеющая аналогии в могильнике Ксиров [Арт, 1977–1981]. Эти керамические группы, вероятно, могут быть связаны с «саками» и юечжами соответственно [Захаров, 2001, с. 450]. Поскольку Ксиров типологически близок этапу IIId «позднего заселения» Ай-Ханум, постольку можно не сомневаться в присутствии юечжей в восточной Бактрии. Вероятно, именно этот регион был известен в Китае как Да-ся, согласно гипотезе Р. Гиршмана и Б.Н. Мукерджи.

Б. Лионне в своем великолепном исследовании керамики и населения Восточной Бактрии пришла к подобным же выводам: «штампованные горшки в форме бутылки» (pots façonnés en forme de bouteille) были приписаны юечжам, а бокалы на ножке, известные по раскопкам в Бишкентской долине, – миру западных скифов, сакарауков [Lyonnet, 1997, p. 157–172]. Сомнения исследовательницы вызвала интерпретация трехногой керамики,

¹ Тезис о принадлежности этого надчекана Сападбизу/Сапалейзису см.: [Сарианиди, 1989, с. 130].

² Один из недавних анализов неизвестного письма см.: [Harmatta, 1994, p. 417–421].

которая была неизвестна скифским культурам запада, но которую хорошо знали усунь и древние китайцы. Выше мы связывали эту керамическую группу с «саками». Думается, что оснований для отказа от такой точки зрения по-прежнему нет: если отрицать присутствие сакского элемента в Ай-Ханум, то необходимо объяснить появление там упоминавшейся надписи на серебряной пластине. Вне зависимости от того, справедлива или нет предложенная Я. Харматтой расшифровка, гипотеза о том, что надпись принадлежит ираноязычным сакам, явно более предпочтительна, нежели совершенно умозрительное предположение о том, что она сделана на «тохарском» языке¹. Первый тезис подтверждается надписью на чаше из кургана в районе Иссык-Куля [Акишев, 1978, с. 54–55, ил. 70–71], сохранившей ту же письменность, что и рассматриваемый нами памятник. Тем не менее, требуется объяснить сходство трехногой керамики с материальной культурой усуней и китайцев. Думается, что вполне вероятно заимствование такой формы «саками» у усуней, по соседству с которыми они обитали (первоначальный ареал народа «сэ» (саков) китайских хроник – Семиречье) [Крюков, 1988, с. 226–232]. По крайней мере, такое суждение более корректно, чем утверждение об участии усуней в завоевании Бактрии (так как последнее противоречит китайской традиции – см. выше).

Но в каком отношении находились эти «саки» с носителями культуры могильников Бишкентской долины? Б. Лионне считает последних сакарауками [Lyonnet, 1997, p. 165]. Тогда с какой группой племен связывать «сэ» китайских хроник? Наверное, допустимо полагать, что этноним «сэ» отражает общее название «сак», в то время как «сакараук» есть наименование конкретного племени. Какая из предложенных для последнего термина этимологий правильна, значения не имеет: в любом случае название содержит конкретизирующий элемент: или «вожди саков», или «белые саки», или «быстродвигающиеся» саки. Поэтому вполне возможно, что создатели памятников Бишкентской долины были саками, но не «сакарауками», которые, наоборот, являлись обладателями трехногой керамики, вопреки мнению Б. Лионне. Более того, если учесть нижнюю дату могильников Бишкентской долины, относящуюся ко времени не ранее 120 г. до н.э. [Lyonnet, 1997, p. 167], и помнить о сарматских чертах в их материальной культуре, то не выглядит нереальным восхождение этих памятников непосредственно к племенам «сарматского круга», которые не участвовали вместе с тем в столкновении с Греко-бактрийским царством, уже не существовавшим к моменту их прихода в Северную Бактрию. Правда, такое предположение несколько натянуто из-за сведений о столкновении Парфии непосредственно с племенами саков [Debevoise, 1938, p. 35–38]. Как бы то ни было, вряд ли возможно сомневаться в том, что в событиях, приведших к гибели Греко-Бактрию и серьезно потревоживших Парфию, уча-

¹ Как мне представляется, говорить об ираноязычности юечжей несколько преждевременно и более убедителен тезис об их тохароязычности. См. «Приложение № 1. Проблема происхождения юечжей».

ствовало множество племен, многие из которых были саками, в то время как другие представляли собой юечжей-тохаров.

Любое исследование эпохи от падения Греко-Бактрии до образования Кушанской империи будет неполным без анализа данных курганных могильников Северной Бактрии, принадлежащих, видимо, скотоводческому населению. Среди могильников выделяются Туп-хона, Тулхарский, Аруктауский, Бабашовский и Тепай-шах [Мандельштам, 1966(2); Мандельштам, 1975; Литвинский, Седов, 1983]. Позднее был открыт и исследован Ксиров [Денисов, 1984, с. 131–138; Денисов, 1986, с. 147–163; Денисов, 1987, с. 138–147; Денисов, 1988, с. 289–296]. Датировка и интерпретация этой группы источников вызвала значительные разногласия в историографии.

Согласно А.М. Мандельштаму, курганные могильники должны датироваться концом II в. до н.э. – началом I в. н.э. Они принадлежат тем кочевникам, которые сокрушили Греко-бактрийское царство, причем вначале исследователь предполагал, что это памятники юечжей [Мандельштам, 1966(2)]. Позднее А.М. Мандельштам пересмотрел свои взгляды и высказывался более осторожно: просто о кочевниках [Мандельштам, 1975; Мандельштам, 1978, с. 133–141]. Р.Н. Фрай, П. Бернар и В.М. Массон поддержали его концепцию [Frye, 1984, p. 193; Bernard, 1984, p. 146–147; Массон В.М., 1985, с. 255–256, 264]. Е.П. Денисов высказал предположение, что юечжей следует связывать с могильниками Ксиров и Бабашов, тогда как предположение А.М. Мандельштама о связи памятников Бишкентской долины не верно [Денисов, 1983, с. 36–37]. Но такая постановка вопроса, видимо, хотя и принципиально иная с точки зрения интерпретации, может рассматриваться как дальнейшее развитие идей А.М. Мандельштама, поскольку хронология, предложенная последним, не отвергается, а меняется лишь угол зрения на памятники.

Аргументы иного порядка против этого направления были выдвинуты А.В. Седовым и Б.А. Литвинским. Их доводы по датировке строятся на тщательном учете керамических и других находок в курганах. Курганные могильники датируются ими периодом с I по IV вв. н.э. Верхняя грань, кажется, может быть опущена до III в. н.э., так как все находки, более поздние по отношению к другим (египетская фигурка Птах-Сокара, например) могут быть датированы III в. н.э. Керамика из курганов, рассматриваемая как единый комплекс, по их мнению, резко отлична от классических ай-ханумских типов, с чем в принципе трудно не согласиться, хотя выделяются и общие формы [Литвинский, Седов, 1984, с. 128, табл. XI и XII]. Датировка же керамики из Ай-Ханум, как считает А.В. Седов, должна быть продлена минимум до середины I в. до н.э., поскольку объединяются комплексы собственно греческого города и позднего заселения [Седов, 1984, с. 171–180]. Однако сразу же после упадка власти греков, т.е. в поздних слоях Ай-Ханум наблюдаются резкое ухудшение технологии изделий и опре-

деленная деградация форм [Lyonnet, 1991, p. 153–161], поэтому говорить о том, что комплекс керамики четвертого периода Ай-Ханум мало отличается от предыдущего, с нашей точки зрения, не вполне корректно. По Кл. Рапэну, позднее заселение Ай-Ханум закончилось к 135 г. до н.э. [Rapin, 1992, p. 394]. Более того, как показала Б. Лионне, керамика из слоев позднего заселения Ай-Ханум аналогична керамике из могильника Ксиров [Rapin, 1992, p. 394].

В недавно опубликованной фундаментальной монографии Бертиль Лионне снова остановилась на проблеме датировки курганных могильников и подробно проанализировала концепцию А.В. Седова. Указав на то, что дата падения Ай-Ханум известна (145 г. до н.э.), и материалы раскопок не позволяют говорить о длительности (тем более вековой) периода позднего заселения, французская исследовательница выделила два обстоятельства, препятствующих поздней датировке рассматриваемых памятников. Во-первых, на этапе позднего заселения встречена керамика, однотипная найденной в могильниках Ксиров, Туп-хона, Тулхар и Аруктау, а именно: «штампованные горшки в форме бутылки» (*pots façonnés en forme de bouteille*) есть в погребениях Ксирова, Туп-хоны и Ай-Ханум, «трёхногие вазы» (*vases tripodes*) представлены на всех указанных объектах. Во-вторых, Тулхар и могильник БМ-VII содержат цилиндрико-конические бокалы без ножки, известные в ай-ханумском керамическом комплексе [Lyonnet, 1997, p. 166, 159–161]. Поэтому отрицать наличие материалов археологии, относящихся ко времени непосредственно после падения Греко-Бактрии, неправомерно. Таковыми являются курганные могильники и поселения с соответствующим керамическим комплексом.

Одно из наиболее существенных возражений против поздней хронологии курганных могильников, предложенной А.В. Седовым, видимо, заключается в следующем соображении: на каком основании все могильники рассматриваются как единое целое? А.В. Седов указывает на то, что их керамическому комплексу находятся аналогии в керамике тех слоев Дальверзин-тепе и Халчаяна, которые традиционно относятся ко времени I в. до н.э. – I в. н.э., т.е., по терминологии В.М. Массона, к «юечжийскому периоду». Однако если следовать датировке А.В. Седова, то рассматриваемый стратиграфический слой поселений будет соответствовать времени с первого по третий век нашей эры! Дата Канишки, таким образом, вновь возвращается к 278 г. н.э. (схема Р. Бхандаркара и Е.В. Зеймаля). Но возникает вопрос: как в этом случае согласовать известные дальверзинский и зартепинский керамические комплексы во времени, ведь уже в IV в. н.э. в Бактрии начинается кушано-сасанидская эпоха. Получается следующая картина: на весь подъем экономики в эпоху Кушанов приходится пятьдесят–сто лет. Однако как тогда объяснить такой взлет, остается совершенно

непонятным¹. Кроме того, совершенно не учитываются найденные в могильниках нумизматические материалы.

Нижняя дата Ксирова на основании типологической однородности его керамики с материалами «позднего заселения» Ай-Ханум может быть связана со второй половиной II в. до н.э., у других же могильников, видимо, она относится ко времени не ранее 120 г. до н.э. [Lyonnet, 1997, p. 167]. Основания для такого подхода следующие: ни один бокал на ножке не был найден в Ай-Ханум, ни один цилиндро-конический бокал без ножки не был обнаружен в самом западном могильнике Бабашов, в 128 г. до н.э. на восточных рубежах Парфии появились скифские племена. В отношении верхней грани, вероятно, оправданно выглядит третий век нашей эры. Что касается исторической интерпретации данных керамики из могильников, то Б. Лионне справедливо связывает Ксиров с юечжами, а памятники Бишкентской долины со скифо-сарматским миром [Lyonnet, 1997, p. 165].

Отношения между племенами, оставившими памятники Бишкентской долины, и другими группами могут быть реконструированы весьма условно. Наличие в могильниках Бишкентской долины трехногой керамики заставляет предположить интенсивный процесс взаимодействия и ассимиляции в материальной культуре племен. Этим, видимо, объясняется и малое распространение горшков в форме бутыли, принадлежащих, согласно Б. Лионне, юечжам. Но утверждать на этом основании, будто сами юечжи быстро растворились среди других племен, не корректно: китайские хроники рассматривают именно их как господствующую силу в Бактрии, повествуя об исторических событиях в регионе [Zürcher, 1968, p. 360–367]. Идею о том, что юечжи быстро смешались с саками, высказывала еще Й.Э. ван Лохуйзен де Леев [Van Lohuizen de Leeuw, 1949, p. 45]. Все вышеизложенное заставляет также вспомнить о тезисе А.К. Нарайна об атаке Греко-Бактрии с множества направлений и в разное время [Narain, 1957, p. 138]. Но следует подчеркнуть, что памятники Бишкентской долины, видимо, не принадлежат непосредственно кочевому населению, так как керамика, найденная там, явно сделана оседлыми жителями, а оружия обнаружено слишком мало для утверждения о кочевом состоянии тех, кто был похоронен в этих могильниках [Марков, 1976, с. 38; Мандельштам, 1992, с. 112].

После падения Ай-Ханум и гибели Евкратида I (145 г. до н.э.) греческая власть еще сохранялась на территории Западной Бактрии, к западу от реки Кундуз. По данным нумизматики засвидетельствованы три царя Греко-Бактрии: Евкратид II, Платон и Гелиокл I. Первый из этих владык, как уже указывалось, был убийцей своего отца Евкратида I, стремясь отомстить ему за гибель Ай-Ханум. Незначительное количество его выпусков [Vorearachchi, 1991, p. 217–219, pl. 22–23] заставляет предположить, что царствовал он недолго. Платона, как и Евкратида II, считают эфемерным

¹ О несостоятельности идей Е.В. Зеймаля о кушанской хронологии см. приложение № 2.

правителем на основании незначительных объемов его выпусков [Gardner, 1886, Р. XXVI; Массон В.М., Ромодин, 1964, с.117], которого очень быстро сменил Гелиокл I [Narain, 1957, р. 72]. Неправильное чтение одной из монограмм на монетах Платона как 165 г. до н.э. привело к ложному представлению о датировке времени его царствования [Gardner, 1886, р. XXVI; Массон, Ромодин, 1964, с. 117], но сейчас можно считать доказанным, что этот вариант невозможен [Гаибов, Кошеленко, Сердитых, 1992, с. 20]. Точная локализация чеканки Платона затруднена, хотя она, по-видимому, имела место в Бактрии, ибо легенда известна только греческая [Массон В.М., Ромодин, 1964, с. 117; Vorearachchi, Rahman, 1995, р. 31].

Последним из греко-бактрийских царей был Гелиокл I, сменивший Платона и Евкратида II. Вполне вероятно, что он не имел прав на престол и сверг убийцу отца Евкратида II, стремясь достичь справедливости, мстя за своего патрона. Именно так можно интерпретировать титул на его монетах: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΙΚΑΙΟΥ ΝΑΙΟΚΛΕΟΥΣ («справедливого царя Гелиокла») [Vorearachchi, 1991, р. 222–225, pl. 25–26]. Необходимо обратить внимание на тот факт, что Гелиоклов было два, как доказал О. Бопеараччи на основании анализа монограмм на монетах Агафоклейи и Стратона и на двуязычных экземплярах Гелиокла [Vorearachchi, Rahman, 1995, р. 35]¹. Отказ от атрибуции монет с двуязычной легендой Гелиоклу I, правившему в Бактрии, делает несостоятельной гипотезу Б.Я. Ставиского [Ставиский, 1977, с. 99–100], предположившего, будто вторжению кочевников противостояло сильное государство во главе с *этим правителем* (как указывалось ранее, царство Евкратида I было достаточно могущественным, чтобы покорить значительные районы Индии). Некоторые отечественные историки разделяют эту концепцию [Гаибов, Кошеленко, Сердитых, 1992, с. 20]. Правление Гелиокла I в Бактрии начинается вскоре после смерти Евкратида, а заканчивается до 128/126 г. до н.э., когда Чжан Цянь увидел Дася уже полностью покоренной юечжами [Бичурин, 1951, с. 183–184]. Столкновение с Платоном и Евкратидом II не прибавляло силы Гелиоклу I и способствовало победам кочевников. Думается, в падении централизованного владычества греков междоусобицы сыграли не последнюю роль. Но Гелиокл I, несомненно, был самым могущественным среди всех наследников Евкратида I, так как кочевники чеканили монету в подражание именно этим двум царям².

Что касается вопроса о греках и кочевниках после падения централизованной власти первых, в том числе и Гелиокла I, то он, наверное, может

¹ Исследователь указал на шесть монет Агафоклейи и Стратона с перечеканом Гелиокла, свидетельствующих о том, что его правление началось после этих правителей. Кроме того, на поздних сериях с греческой легендой изображен пожилой мужчина, а перечеканка Гелиоклом II монет Антиалкида показывает, что правление первого из них должно датироваться началом I в. до н.э., так как начало царствования второго обычно относят к 100 г. до н.э.

² О подражаниях выпускам греко-бактрийских царей см. параграф «Пять владений и «государство» «Больших юечжей».

быть разрешен на основании китайских хроник. Процитирую «Ши-цзи» ещё раз: «Да-ся расположена более чем в 2000 ли к юго-западу от Дайваня (Ферганы), к югу от реки Гуй. Что до их обычаев, то они живут осёдло в обнесённых стенами городах и домах. Их обычаи те же, что и в Дайвани. У них нет главных царей или правителей, но везде в своих окружённых стенами городах они выбирают мелких правителей. Их войска слабы и боятся войны, но они великолепны в торговле... В Да-ся большое население, исчисляющееся более чем в миллион человек. Их столица называется Ланьши, там есть рынок, где продаются все виды товаров» [Zürcher, 1968, p. 360–361]. Видимо, управление осуществляется в каждом городе своим местным главой. Казалось бы, сохранился даже полис как структура: власть выборная. Но с большей вероятностью можно предположить, что правитель из своей среды выбрала местная знать (одновременно греческая и бактрийская), ибо других свидетельств о существовании полиса в Средней Азии после падения Греко-Бактрии нет. В свою очередь, все правители подчинялись кочевникам. Так как «Цянь-Ханьшу» сообщает об юечжах уже и к югу от Амударьи («реки Гуй») [Zürcher, 1968, p. 364–365], то можно предположить окончательное падение греческой государственности к концу II в. до н.э. [Гаибов, Кошеленко, Сердитых, 1992, с. 21].

Таким образом, можно сделать вывод: археологический материал Ай-Ханум свидетельствует о вторжении в Бактрию двух больших групп кочевников. Помня о сложностях с лингвистическими уравнениями, допустимо условно связать группы с саками и юечжами соответственно. Е.П. Денисов высказал предположение о связи юечжей с могильниками Ксиров и Бабашов [Денисов, 1983, с. 36–37]¹, тогда как предположение А.М. Мандельштама о связи памятников Бишкентской долины не верно. Поскольку Ксиров типологически близок периоду «позднего заселения» Ай-Ханум, постольку можно не сомневаться в присутствии юечжей в Бактрии. Сопоставляя эти материалы с античной традицией, есть некоторые основания связывать юечжей с тохарами, а саков-обладателей трехногий керамики с сакарауками. Памятники Бишкентской долины принадлежат еще одной, третьей группе, появившейся в Бактрии уже после крушения Греко-Бактрии. Материальная культура этих могильников свидетельствует о том, что ее носители уже не были кочевниками в полном смысле этого слова. Греки какое-то время сохраняли свою независимость и власть над отдельными территориями Бактрии; впоследствии же их правящие дома были подчинены юечжам и в каждом городе был свой правитель. К концу II в. до н.э. греческая государственность исчезла окончательно.

¹ Вполне соглашаясь с гипотезой Е.П. Денисова и предвидя возражение, обоснованное географическим положением Бабашова – Северо-Западная Бактрия, – хотелось бы подчеркнуть, что нужно помнить и о сообщении античных авторов о тохарах, столкнувшихся с Парфией в 123 г. до н.э. Подробнее см.: [Debevoise, 1938, p. 35–38, especially 37–38; Гаибов., Кошеленко, Сердитых, 1992, с. 42–43]. Возможно, могильник Бабашов оставлен именно той группой юечжей.

§ 2. «Пять владений» и «государство» «Больших Юечжей»¹.

В этом параграфе хотелось бы дать очерк политической истории Бактрии до возникновения Кушанской империи.

Обсуждаемый историками материал связан с истолкованием данных китайских хроник. «Цянь-Ханьшу» (в переводе А.Ф.П. Хулсеев) сообщает следующее: «Государство Больших юечжей. Местонахождение правителя в городе Цинь-ши, расположенном в 11600 ли от Чанани. Оно не подчиняется генерал-губернатору Западных провинций. В нём 100000 домохозяйств, 400000 жителей, включая 100000 способных носить оружие. На восток до ставки генерал-губернатора расстояние в 4770 ли, а на западе можно достичь Ань-си (Парфии) за 49 дней пути, на юге оно присоединило Гибинь. Земля, климат, сорта продуктов (товаров), образ жизни и чекан подобны Ань-сийским (парфянским). Страна производит одnogорбого верблюда. Большие юечжи были первоначально страной кочевников. Население двигалось вместе со своими стадами и следовало тому же образу жизни, что и сюнну. Там было более 100000 обученных лучников, и по этой причине они полагались на свою силу и легкомысленно относились к сюнну. Первоначально народ обитал между Дуньхуаном и Цилянem. Затем пришло время, когда шаньюй Мао Тунь атаковал и разгромил юечжей. И шаньюй Лао-шан убил правителя юечжей, сделав из его черепа чашу для питья. После чего юечжи ушли далеко, пройдя Давань (Фергану) и перейдя на запад, атаковали и подчинили Да-ся. Центральный город был поставлен к северу от реки Гуй для двора правителя. Оставшаяся небольшая группа юечжей, оказавшихся неспособными уйти, нашла покровительство среди племён Циан Южных гор и была названа малыми юечжами. Первоначально Да-ся не имела верховного владыки или вождя, и в городах свободно утверждались небольшие правители. Обитатели слабы и боятся воевать, в результате, когда юечжи пришли сюда, они сделали всех их своими подданными. Они обеспечивают продовольствие для послов Хань. Там пять си-хоу (владений). Первое называется си-хоу Сю-ми, резиденция правителя в городе Хо-мо; расположено в 2841 ли от местопребывания генерал-губернатора и в 7802 ли от «преграды Ян». Второе называется си-хоу Шуан-ми, резиденция правителя в городе Шуан-ми, расположено в 3741 ли от местопребывания генерал-губернатора и в 7782 ли от «преграды Ян». Третье называется си-хоу Гуй-шуан, резиденция правителя в городе Ху-цао, расположено в 5940 ли от местопребывания генерал-губернатора и в 7982 ли от «преграды Ян». Четвёртое называется си-хоу Си-дунь, резиденция правителя в городе По-мао; расположено в 5962 ли от местопребывания генерал-губернатора и в 8202 ли от «преграды Ян». Пятое называется си-хоу Гао-фу, резиденция правителя в городе Гао-фу; расположено в 6041 ли от местопребывания генерал-губернатора и в 9283 от «преграды Ян».

¹ Некоторые результаты исследования опубликованы, правда, с досадными опечатками. См.: [Захаров, 2002(1), с. 18–29]

Все пять си-хоу подчиняются юечжам» [Hulsewé, 1979, p. 119–123; cf.: Zürcher, 1968, p. 364–365].

«Хоу-Ханьшу» содержит некоторую дополнительную информацию: «Идея «Ханьшу», будто оно (Гао-фу) было одним из пяти владений юечжей, – неправда. Оно ранее принадлежало Ань-си (Парфии); только когда юечжи разгромили Ань-си, они получили район Гао-фу» [Hulsewé, 1979, p. 122, n. 296. Cf.: Pulleyblank, 1968, p. 248; Zürcher, 1968, p. 367–368]. Вместо Гао-фу пятым владением (*си-хоу*) называется Ду-ми [Zürcher, 1968, p. 367].

В течение многих лет продолжалась дискуссия по вопросу о конкретной локализации владений¹. В зарубежной историографии широкое распространение получила концепция Й. Маркварта. Сопоставив данные «Цянь-Ханьшу» и «Хоу-Ханьшу», информацию китайского паломника-буддиста Сюань Цзана, совершившего в VII в. путешествие в Индию из Китая через Среднюю Азию, и хронику «Бейши» (VII в.) Й. Маркварт расположил Сю-ми в Вахане, Шуан-ми в Читрале; Гуй-шуан помещено им на севере Гандхары (район между реками Кунаром и Пяндширом), Си-дунь в окрестностях Парвана (также на Пяндшире), а Гао-фу связано с окрестностями Кабула [Marquart. 1901, S. 242–248]. Историография проблемы локализации пяти владений была детально изложена А.М. Мандельштамом [Мандельштам, 1957, с. 60–64], поэтому следует лишь дополнить ее последними разработками.

Некоторые исследователи предпочитают не высказывать никаких рискованных предположений [Rosenfield, 1967, p. 11, n. 18 (p. 282); Frye, 1984, p. 251], впрочем, придерживаясь скорее гипотезы Й. Маркварта. Последняя поддерживается (с определенными дополнениями) одним из самых серьезных кушановедов Индии Б.Н. Мукерджи, а также Бхаскаром Чаттопадхьяем, принята она и в обобщающей монографии по Индии [Mukherjee, 1969, p. 395–400; Mukherjee, 1988, p. 11–12; Chattopadhyay, 1975, p. 28; Banerjea, Jagannath, 1957, p. 226]. Ранее крупные синологи Эдуар Шаванн и Гюстав Халоун в общем согласились с точкой зрения Й. Маркварта [Chavannes, 1907, p. 190 sqq.; Haloun, 1937, S. 257 f.]. Балдев Кумар считает ее неверной, исходя из того, что в случае ее принятия все владения оказываются вне Да-ся, которую он понимает как собственно Бактрию – территорию к югу от Гиссара (район к северу от Амударьи) и окрестности Балха [Kumar, 1973, p. 18–19]. Против концепции Маркварта выступил известный итальянский исследователь Паоло Даффина в статье с критическим разбором гипотезы Мукерджи [Daffinà, 1972, p. 87–92]. Однако его аргументы в основном филологические, археология и тем более нумизматика им не рассматриваются вообще.

¹ Проблема, относятся ли эти владения к юечжам или нет (отрицательный ответ дает К. Еноки [Enoki, Koshelenko, Haidary, 1994, p. 174]), видимо, лишена под собой каких-либо оснований: китайцы сохранили за династией Кушанов наименование «Большие Юечжи». См.: [Давидович, 1976, с. 60–61].

В отечественной историографии внимание к данной проблеме было вызвано масштабными археологическими работами на территории Южного Узбекистана и Таджикистана¹. А.М. Мандельштам полагал маловероятным, чтобы небольшая горная область в Бадахшане, где по Й. Маркварту находилась Гуй-шуан, стала организующим и руководящим центром при сложении Кушанской империи [Мандельштам, 1957, с. 64]. В.М. Массон, согласившись с этим наблюдением, считал, что Гуй-шуан располагалась в плодородной долине Кашкадарьи [Массон В.М., Ромодин, 1964, с. 152]. Однако там отсутствуют монетные находки, которые можно было бы связать с ранними Кушанами. Кроме того, при этом совершенно игнорируется важная роль Бадахшана в истории древнего Востока: во-первых, только там добывался лазурит, во-вторых, этот район был богат металлом, в-третьих, далеко не всегда более богатая земледельческая страна становится центром объединения, яркими примерами чего служат история Ассирийской державы, Персидской империи, монголов и т.п. Широко известно противостояние Китая и сюнну, причем кочевники по степени экономического развития уступали Китаю [Крадин, 1996; Крадин, 2000(3), с. 5–16]. Г.А. Пугаченкова, проводившая раскопки Халчаяна, думает, что он «играл роль резиденции «Гераева рода», причем «город, разросшийся на территории Дальверзин-тепе, является столицей коренного владения Кушанов, фигурирующего в древней хронике под названием Ходзо» [Пугаченкова, 1966(2), с. 248].

Дальнейшая разработка проблемы пяти владений велась в русле анализа нумизматического материала. Б.Я. Ставиский предположил, исходя из тезиса о единой линии эволюции «подражания монетам Евкратиды I \Rightarrow монеты «Герая», что ареал последних и является областью Гуй-шуан, причем владение располагалось в Южной Бактрии, в долине Кундуздарьи. Последнее, по Б.Я. Ставискому, следует из того факта, что необходимо помнить о связи раннего чекана Куджулы с подражаниями монетам Гермеса и районом Паропамисад [Ставиский, 1977, с. 120–121]. Район же Сурхандарьи, где особенно широко распространены подражания монетам Гелиокла I, должны быть связаны с другим юечжийским владением.

Чуть ранее известный специалист по среднеазиатской нумизматике Е.А. Давидович опубликовала клад монет «Герая», предложив периодизацию истории региона в юечжийский период, основанную на различиях в сообщениях династических хроник [Давидович, 1976, с. 56–78]. Первый этап (между 139–125 гг. до н.э.) связан с завоеванием юечжами Да-ся, состоящей из нескольких владений. Последние зависят от юечжей, находящихся к северу от Амударьи. На втором этапе (по «Цянь-Ханьшу», до 25 г.

¹ Широко дискутируемая проблема: входили ли территории к северу от Амударьи в состав Бактрии как историко-культурной области, – наверное, может быть решена утвердительно. См.: [Ставиский, 1977, с. 36сл.; Массон В.М., 1985, с. 250; Сердитых, Кошеленко, 1987, с. 239–240; Пьянков, 1982]. Противоположную точку зрения см.: [Зеймаль, 1983, с. 46].

до н.э.) складывается государство Больших Юечжей, их столица расположена к северу от Амударьи, южная граница – Гибинь. На территории, подчиненной юечжам, и существуют пять владений. На третьем этапе (по «Хоу-Ханьшу», доводящей события до 125 г. н.э.) распадается государство Больших Юечжей, правители владений получают независимость, начинается складывание Кушанской империи при Куджуле Кадфизе, который сумел подчинить остальные четыре си-хоу. Однако двумя годами позже А.Ф.П. Хулсеве и М.А.Н. Лёве показали, что первоначальный текст 123-й главы «Ши-цзи» Сыма Цяня был утерян и восстановлен в III–IV вв. на основании данных «Цянь-Ханьшу» [Hulsewé, 1979, p. 11–25, esp. 19f.], тем самым первые два этапа, выделяемые Е.А. Давидович, не могут противопоставляться друг другу.

Е.В. Зеймалю принадлежит гипотеза о том, что подражания монетам Гелиокла I чеканились владением Гуй-шуан, а монеты «варварского Евкратиды» – владением Шуан-ми [Зеймаль, 1978, с. 202]. Подражания монетам Гелиокла I могут быть точно связаны с долиной Сурхандарьи, так как именно там известны основные их находки (в Термезе, Халчаяне, Дальверзин-тепе, Шерали-тепе, Барат-тепе, Паенкурбан и других памятниках) [Ртвеладзе, Пиданев, 1981, с. 25–26; Абдуллаев, 2000(2), с. 369–370, 375–376 (прим. 16)]. Ленинградскому нумизмату возражает Э.В. Ртвеладзе, не без оснований указывая на отсутствие монет Куджулы Кадфиза в том регионе, где найдены подражания монетам Гелиокла I, и присутствие их в Кабулистане и Гандхаре [Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 49]. Местоположение Гуй-шуан, с точки зрения Е.В. Ртвеладзе, не вполне ясно. Однако, по мнению этого исследователя, существует противоречие между данными нумизматики и китайских хроник, связанное с количественным несопадением реконструированных по монетным находкам владений и числом си-хоу по китайской традиции. Помимо известных районов, где обращались монеты: подражания чеканам Евкратиды I и Гелиокла I, существует еще две группы монет, а именно чекан Фраата IV с надчеканом и подражания ему и продолжающие эту линию эволюции выпуски Сападбиза, локализующиеся в Западной Бактрии.

В недавней работе Э.В. Ртвеладзе предложил помещать Гуй-шуан в район Баглана, где были расположены крупные династические храмы Кушанов: Сурх-Котал и Рабатак [Ртвеладзе, 2000, p. 39–42, 145–148]. Однако этот аргумент не очень убедителен, так как известно о существовании династического храма в Мате (район Матхуры, Индия), а термин, обозначающий в бактрийском языке такой храм: βαυολαγγο, – встречен в надписи из Айртама, расположенного в Северной Бактрии [Harmatta, 1994, p. 432].

Публикуя материалы раскопок Тилля-тепе, В.И. Сарияниди локализовал одно из владений юечжей к северу, другое к югу от Амударьи [Сарияниди, 1989, с. 173]. Основанием для этого послужили находки подражаний монетам Гелиокла I, обнаруженных В.И. Сарияниди почему-то в

могильниках Бишкентской долины (где их никогда не было), и монет «Герая» [Сарианиди, 1989, с. 172–173]. Остальные данные нумизматики не были учтены.

Недавно со своей концепцией локализации столицы государства «Больших юечжей» выступил К. Абдуллаев. С его точки зрения, Цяньши (Гяньши, по Бичурину; Chienchi u Хулсеу; Ch'ien-shi ch-end у К. Еноки в монографии А.К. Нарайна) должен быть отождествлен с Дальверзин-тепе, а центр владения Гуй-шуан (Хоцзо, по Н.Я. Бичурину; Hu-tsao у А.Ф.П. Хулсеу) в Халчаяне [Абдуллаев, 2000(2), с. 208–210]. Дальверзин-тепе впервые был назван столицей Больших Юечжей Г.А. Пугаченковой [Пугаченкова, 1966(2), с. 248]¹. Гипотеза о Гуй-шуан в Халчаяне не вполне обоснована, так как при раскопках не было найдено ни одной монеты не только Куджулы Кадфиза, бесспорного основателя династии Кушанов, но даже и «Герая», в последнее время с ним отождествленного².

В последнее время в отечественной историографии появилась весьма оригинальная концепция локализации пяти си-хоу, предложенная Л.А. Боровковой. Она расположила Сю-ми в 30 км восточнее нынешнего города Худжанта (бывший Ленинабад), где находилось второе владение Шуан-ми, или в 120 км западнее Коканда; Гуй-шуан находилось в районе Бекабада, Си-дунь – в районе Хаваста, Гао-фу – на месте Ура-тюбе [Боровкова, 2001, с. 172сл.]. Подобные заключения представляются совершенно не соответствующими историко-археологической обстановке. На территориях, где Л.А. Боровкова размещает владения юечжей, нет никаких монетных находок, которые можно было бы связать с ранними Кушанами. Монет Куджулы Кадфиза/Киоцзюкю китайских хроник не встречено даже к северу от Амударьи, если не считать его выпусками чекан «Герая».

Но одна из идей Л.А. Боровковой заслуживает внимания. С ее точки зрения, владений было больше чем пять известных, которые попали в поле зрения китайцев сначала вследствие того, что обеспечивали продовольствием китайских послов (согласно «Цянь-Ханьшу»), либо поскольку владение Гуй-шуан покорило другие четыре («Хоу-Ханьшу») [Borovkova, 2000, p. 100f.]. Тем не менее, последовательность, с которой рассказывается о пяти си-хоу, заставляет усомниться в причинах интереса к ним китайцев:

¹ Исследовательница тем самым в рамках одной монографии объединила столицу Больших юечжей как таковых и Кушанов как одного из пяти си-хоу.

² Монетные находки в Халчаяне см.: [Пугаченкова, 1966(2), с. 109–124]. Следует вкратце остановиться на идее Ф. Грене о датировке рельефов Халчаяна. Французский исследователь полагает, что одна из скульптур, изображающая «парфянского принца» [Пугаченкова, 1971, с. 50] может быть связана с Варданом I, о котором Тацит сообщал: «Вардан, вынужденный отступить от Селевкии, переносит свой лагерь на поля Бактрии» (Annales. XI.8–10); для всей же композиции предлагается дата 47 г. н.э. и поддерживается гипотеза Джо Крибба о чекане «Герая» как принадлежащем Куджуле Кадфизу [Cribb, 1993, p. 107–134] и тезис Г.А. Пугаченковой о связи «Герачей» и Халчаяна [Грене, 2000, с. 130–135]. Думается, данная идея достаточно интересна, но она никак не вытекает из самих археологических материалов. Добавим, что иконографическое сходство скульптур и портретов на монетах может быть объяснено и общностью этнического типа. До тех пор, пока не будет доказана принадлежность Халчаяна Куджуле Кадфизу, все исторические выводы о его взаимоотношениях с Парфией останутся гипотетическими.

«Первоначально Да-ся не имела верховного владыки или вождя, и в городах свободно утверждались небольшие правители. Обитатели слабы и боятся воевать, в результате, когда юечжи пришли сюда, они сделали всех их своими подданными. Они обеспечивают продовольствие для послов Хань. Там пять си-хоу (владений)». Это можно понимать так, что продовольствием китайских послов снабжали или юечжи, или Да-ся. Но наличие значительного числа владений хорошо согласуется с общим представлением о кочевниках: например, в истории сюн-ну наблюдается весьма разветвленная система рангов среди кочевой аристократии [Крадин, 1996, с. 69–139, особенно 115, 133].

По-видимому, свидетельства китайских хроник воспринимались некритически теми исследователями, которые в своих наблюдениях опирались преимущественно на археологию и нумизматику. В китайских летописях содержится указание на то, что пять владений находились в пределах Да-ся, а не к северу от Амударьи, территории, также принадлежавшей юечжам. О локализации Да-ся сообщает «Ши-цзи»: «Да-ся расположена... к югу от реки Гуй». Река Гуй обычно отождествляется с Амударьей. Все попытки Л.А. Боровковой оспорить такую интерпретацию остаются недостаточно доказанными (по ее мнению, это Сырдарья) [Боровкова, 2001, с. 104], так как учитывают только филологические основания, в то время как необходимо использовать данные античной географической традиции, археологии, нумизматики и других смежных дисциплин. Ю.А. Заднепровский предложил в своей рецензии на монографию Л.А. Боровковой отождествить реку Гуй с Зеравшаном [Заднепровский, 1991, с. 155–159], что вызывает определенные сомнения, поскольку последний точно не входил во владения Парфии (Ань-си), через которые, согласно тем же китайским хроникам, река Гуй протекала [Hulsewé, 1979, p. 116; Бичурин, 1951, т. 2, с. 151]. Тем самым находки подражаний монетам Евкратида и Гелиокла не могут дать информации о локализации владений, известных из «Цянь-Ханьшу» и «Хоу-Ханьшу», поскольку они были сделаны в районах Узбекистана и Таджикистана.

Известная французская исследовательница Б. Лионне полагает, что невозможно установить зоны господства тех или иных кочевнических племен на основании распространения тех или иных монет [Lyonnet, 1997, p. 168]. Ее аргументы сводятся к следующему. Во-первых, в разных по инвентарю могильниках (Ксирове и Бишкентской долине) были найдены монеты одного типа – подражания оболам Евкратида. Во-вторых, в памятниках с одинаковым инвентарем (в Бишкентской долине и на Зеравшане), принадлежащих скифскому (сакскому) населению, обнаружены разные монеты: подражания Евкратиду, Евтидему и подлинный экземпляр Гелиокла. В-третьих, в памятниках Бишкентской долины точно нет монет Гелиокла. Наконец, при раскопках Бабашова не найдено вообще никаких монет.

Вероятно, А.М. Мандельштам справедливо отметил, что Й. Маркварт максимально точно локализовал пять си-хоу, исходя из филологических наблюдений [Мандельштам, 1957, с. 64]. Однако необходимы иные подтверждения данной концепции. Как отмечалось выше, картина нумизматических находок не совпадает с материалами китайских хроник. На сегодняшний день она выглядит следующим образом: подражания монетам Евкратида I: Южный Таджикистан (долины среднего и нижнего течения Кафирнигана, Дангаринский и Пянджский районы) [Зеймаль, 1984, с. 186]; подражания монетам Гелиокла I: Южный Таджикистан (Гиссарская и Яванская долины, Дангаринский, Кобадрианский и Пархарский районы), Южный Узбекистан (долина Сурхандарьи), Северный Афганистан, Пакистан (Таксила) [Зеймаль, 1983, с. 110]; подражания монетам Фраата IV с надчеканом и чекан Сападбиза: Западная Бактрия. Известна находка подражания оболу Евкратида I на Талашкан-тепе II (долина Шерабаддарьи), отличающегося от всех прочих изображением царя на аверсе: он показан без шлема, в диадеме, иная и степень искаженности легенды; видимо, это другая ветвь подражаний [Ртвеладзе, Пидаев, 1981, с. 20–21; Зеймаль, 1984, с. 179]. На Талашкан-тепе II найдено и два подражания монетам Гелиокла I, причем последние найдены и в долине Шерабаддарьи (Зар-тепе и Шор-тепе) [Ртвеладзе, Пидаев, 1981, с. 25].

Передают ли эти монетные находки политическую историю, вопрос довольно сложный. Во-первых, некоторые подражания были найдены не в слое на поселении, а в могильниках. Поэтому мы не можем установить их место в денежном обращении. Более того, кажется, сам факт помещения монеты в могилу не оставляет сомнения в том, что она изымалась из обращения, либо в принципе и не была для него предназначена (по крайней мере, иначе объяснить находки подражаний оболам Евкратида I исключительно в могильниках очень сложно¹). Основная группа монет Фраата IV с надчеканом и подражания им были подняты на Тахти-Сангине в *ботросе* – яме для хранения культовых подношений божеству, куда их принесли в качестве религиозного дара. Делать на основании этого вывод, что они были отчеканены в долине Вахша, неверно методологически. Монеты этой группы помимо Тахти-Сангина были обнаружены в некрополе Тилля-тепе и Беграме [Koshelenko, Sarianidi, 1992, p. 24, 27–29, pl. 1, fig. 5; Сарианиди, Кошеленко, 1982, с. 309–312, рис. 1, 2; Ghirshman, 1946, pl. XXII, 7]. Место находки выпуска Наштена неизвестно.

Чекан Сападбиза может быть довольно точно локализован в Западной Бактрии: находки его монет были сделаны на Зар-тепе, Кампыр-тепе, Хайрабад-тепе (южный Узбекистан) и Дильберджине (Балхский оазис Афганистана) [Rtveladze, 1993–1994, p. 83]. Кажется, можно отнести данный

¹ О случае на Калаи-мир см. [Литвинский, Седов, 1984, с. 121]. Заметим, что подражания оболам Евкратида I серебряные, а, следовательно, являются сокровищем и могли перемещаться на значительные расстояния от места чеканки.

район к территории владений Сападбиза. На основании иконографического сходства чеканов к династии этого правителя отнесен еще Агезилес, чьи монеты известны только по музейным собраниям [Mitchiner, 1975, vol. IV, p. 303, type 510]. Однако входили ли владения Сападбиза в пять си-хоу юечжей, не ясно. Для решения этой проблемы следовало бы установить этимологию имени правителя, но еще более важно выяснить местонахождение Да-ся. Судя по археологическим данным, Да-ся допустимо локализовать в Восточной Бактрии [Bernard, 1987, p. 758–768; Захаров, 2001(2), с. 448–449]. Помимо этого, необходимо подчеркнуть, что юечжи не были зависимы от Парфии, а Сападбиз признавал парфянский сюзеренитет, надчеканивая подлинные драхмы Фраата IV таким образом, чтобы не повредить изображения парфянского правителя¹. Однако Г.А. Кошеленко и В.И. Сарианиди рассматривают монеты Фраата IV и подражания им как выпуски сакских правителей Западной Бактрии [Koshelenko, Sarianidi, 1992, p. 29]. В любом случае представляется неправомерным утверждение о связи чекана Сападбиза с юечжами. Вдобавок именно Западная Бактрия дала значительное число парфянских монет (12 идентифицированных и 4 экземпляра плохой сохранности найдены на Тилля-тепе, в Мазари Шерифе, на Старом Термезе, Мирзабек-кале, Меймене, Кампыр-тепе, в Айртаме) [Rtveladze, 1995, p. 190], что в значительной мере совпадает с ареалом находок чекана Сападбиза. Монеты Танлисмаидата были найдены в Меймене (северо-западный Афганистан), к западу от предполагаемых владений Сападбиза [Rtveladze, 1995, p. 187].

В связи с вопросом о Парфии в Западной Бактрии рассмотрим проблему атрибуции и датировки погребальных сооружений Тилля-тепе. По мнению Г.А. Пугаченковой и Л.И. Ремпеля, это памятник сако-парфянской культуры [Пугаченкова, Ремпель, 1986, с. 209–213]. В.И. Сарианиди же полагает, что это юечжийско-кушанские погребения [Сарианиди, 1989]. Аргументы Г.А. Пугаченковой и Л.И. Ремпеля: прямые аналогии большинства изобразительных мотивов и стиля ювелирных изделий из Тилля-тепе в памятниках парфянской Нисы и предметах из сако-парфянских слоев Таксилы, – в свете анализа нумизматических находок и данных о Да-ся выглядят, с одной стороны, убедительными. Но с другой стороны, следует отметить, что для принятия гипотезы Г.А. Пугаченковой и Л.И. Ремпеля необходимо доказать существование так называемой «юечжийско-кушанской культуры», резко отличной от «сако-парфянской».

Дело в том, что практически невозможно найти какие-либо особенности материальной культуры юечжей². Керамические комплексы, терракотовые статуэтки свидетельствуют скорее в пользу единой юечжийско-

¹ Связь этих чеканов кажется несомненной многим исследователям. См.: [Rtveladze, 1993–1994, p. 82f.; Wroth, 1903, p. 114].

² Единственное исключение – выделенные Б. Лионне и Е.П. Денисовым и редко встречающиеся в археологических комплексах штампованные горшки в форме бутылки [Lyonnet, 1997, p. 159–160, 165–166].

скифской культурной матрицы (по крайней мере, с определенного момента), о чем, кстати, и писал В.И. Сарианиди, указывая в публикации некрополя Тилля-тепе на многочисленные аналогии материалов памятника скифо-сарматской культуре [Сарианиди, 1989, с. 46–135]¹. Добавим, что о «скифо-сакско-юечжийском мире» говорил, хотя и по иному поводу, А.Д. Грач [Грач, 1980, с. 92]. Подражания чекану греко-бактрийских правителей не являются этническим индикатором и, как показано выше, не связаны с пятью си-хоу. Кроме того, в настоящее время следует вновь рассмотреть монетные находки из Тилля-тепе в свете исследований Джо Крибба. Найденный там обол «Герая» [Koshelenko, Sarianidi, 1992, p. 22, pl. I, fig. 1], отождествленного с Куджулой Кадфизом [Cribb, 1993, p. 107–134], заставляет не только отнести погребения к I в. н.э. но и отказаться от рассмотрения их в качестве памятника одного из си-хоу юечжей. Вероятно, это могилы знати уже существовавшей Кушанской империи. Наличие богатых женских погребений подтверждает сведения письменной традиции о высоком положении женщин среди кушанской аристократии [Mukherjee, 1988, p. 372–373f.; Мукерджи, 1984, с. 62–63]. В одной из недавних работ Дж. Ильясов обратил внимание на одну интересную деталь, общую для раннекушанской и индоскифской нумизматики: наличие чехла на хвостах лошадей, изображенных на реверсах [Ильясов, 2001, с. 17–30]. Не касаясь сейчас вопроса о происхождении этой традиции, отметим, что это может быть истолковано двояко: либо юечжи быстро смешались с саками (о чем писала Й.Э. ван Лохуйзен де Леев), либо саки унаследовали ее от *пазырыкцев* (на чем настаивает Дж. Ильясов, попутно замечая, что последние были юечжами) [Van Lohuizen de Leeuw, 1949, p. 45; Ильясов, 2001, с. 21–22]. В целом, данное наблюдение лишь подтверждает точку зрения о тесной связи кочевников индо-бактрийского региона – юечжей и саков.

Возвращаясь к гипотезе Й. Маркварта, отметим, что Да-ся, расположенная, вероятно, в Восточной Бактрии, не дала пока никаких монетных находок, которые можно было бы связать с юечжами, впрочем, как и Бадахшан. Объяснениями данного факта могут являться, во-первых, полное игнорирование данных филологии (в духе археологических и нумизматических концепций), во-вторых, признание недостаточности данных в настоящий момент, в-третьих, само кочевое прошлое юечжей, при котором переход к чекану монеты требует времени. В целом нельзя полагать, что проблема «пяти владений» получила какое-либо удовлетворительное решение.

Прежде чем завершить параграф, рассмотрим имеющий принципиальное значение вопрос о распространении власти юечжей на территории к

¹ Прочитую одно из высказываний автора, посвященное костюму юечжей: «И кушаны, и парфяне связаны происхождением с кочевой средой, так что конические шапки их государей скорее всего восходят к более древним скифским традициям» [Сарианиди, 1989, с. 57]. В.И. Сарианиди указывал и на отличие реконструированных по материалам раскопок бактрийских полукафтано-подобных от скифских: последние длиннее и доходят до середины бедер, а нередко и до колен [Сарианиди, 1989, с. 88].

югу от Гиндукуша. В цитированных выше отрывках китайских хроник существует противоречие между сообщениями «Цянь-Ханьшу» и «Хоу-Ханьшу»: согласно первому источнику, Гао-фу (район Кабула) входило в состав пяти си-хоу, согласно второму – было покорено только при Куджуле Кадфизе. Большинство исследователей принимают сторону поздней хроники [Массон В.М., Ромодин, 1964, с. 151–152; Фрай, 1972, с. 234–235, 275; Mukherjee, 1988, p. 11; Kumar, 1983, p. 18], однако в последнее время французский нумизмат О. Бопеараччи пытается доказать распространение власти юечжей в Северо-Западной Индии (Паропамисадах и Гандхаре) уже в I в. до н.э. на основании изучения чекана Гермея и подражаний ему [Bopearachchi, 1991, p. 121, 125; Bopearachchi, Rahman, 1995, p. 37f.; Sylloge, 1998]. Прежде всего хотелось бы отметить, что с позиции изучения нумизматического материала: его систематизации и относительной хронологии [Bopearachchi, 1991, p. 112–125; Bopearachchi, Rahman, 1995, p. 37–44], выводы исследователя представляются вполне обоснованными. Но в вопросах исторической интерпретации монетных данных существуют известные пробелы. Основным аргументом О. Бопеараччи – подражательный характер основной массы монет с именем Гермея, сопоставляемый с подражаниями чекану Евкратида I и Гелиокла I. Никаких иных доказательств, кроме сведений китайской традиции, опровергнутых внутри нее самой, не приводится. Я уже высказывал сомнения в идее О. Бопеараччи, правда, без развернутой аргументации [Захаров, 2000, с. 220]. Потребность же в такой достаточно велика.

Главным возражением против рассматриваемой концепции является методологическое основание – невозможность напрямую связывать подражательные монетные выпуски с этнической характеристикой тех, кто их чеканил. В случае с подражаниями монетам Евкратида и Гелиокла выше отмечалось отсутствие достаточных данных для их атрибуции любому из си-хоу китайских хроник. Известны иные серии подражаний чекану греко-бактрийских правителей, которые определенно не могут рассматриваться как выпуски юечжей: например, подражания монетам Евтидема I из Согдианы. Начало их чеканки, как показал тот же О. Бопеараччи, – последние годы жизни этого царя [Bopearachchi, 1991–1992, p. 1–21], т.е. то время, когда юечжи жили еще в китайской провинции Гань-су [Mukherjee, 1988, p. 3–10]. Выше указывалось, что подражания чекану Фраата IV рассматриваются Г.А. Кошеленко и В.И. Сарияниди в качестве выпусков сакских правителей западной Бактрии. Наличие же на последних выпусках подражаний монетам Гермея имени Куджулы Кадфиза может быть истолковано так, что последний подчинил себе монетные дворы Паропамисад и Гандхары и продолжил традиционную чеканку, но со своим именем.

Кажущееся противоречие между длительной линией выпусков подражаний монетам Гермея и завершающей ее начальной фазой чекана Куджулы объясняется из китайской традиции: владение Гуй-шуан покорило

остальные четыре и другие территории, в том числе и район Кабула (где ранее чеканились подражания Гермею). Против гипотезы О. Бопеараччи свидетельствует и то, что в источниках Гао-фу никогда с Гуй-шуан не совпадает и, очевидно, обозначает разные территории. Вопрос, кто же выпускал подражания монетам Гермея, может быть решен в пользу саков или индо-парфян. Последний вариант более вероятен, так как Гао-фу, по «Цянь-Ханьшу», принадлежало Ань-си. Не исключено также, что саки чеканили данные монеты сначала, а позже их сменили индо-парфяне [Banerjea, 1957, p. 184]. Возражение О. Бопеараччи, согласно которому подражания монетам Гермея резко отличаются по своим стилистическим характеристикам от выпусков индо-скифов, базируется на единственном предположении, что в Индии к последним относятся только династия Мауэса, Аза I и их наследников. Но филологические наблюдения позволяют лишь сделать вывод о том, что династия Мауэса является скифской, но не обобщенное умозаключение, согласно которому только она такова. Тем более это не следует из монетных данных. В данной связи следует вспомнить о существовании каких-то сакских владений в Индии еще в первой половине II в. до н.э., о чем писали Д.Р. Бхандаркар, С. Чаттопадхьяя, Б.Н. Пури и Б.А. Литвинский при анализе данных «Махабхашьи» Патанджали [Bhandarkar, 1934, p. 275–280; Chattopadhyaya, 1955, p. 1; Puri, 1957, p. 58–60; Литвинский, 1972, с. 167].

Что касается вопроса о «государстве Больших Юечжей», которому, согласно «Цянь-Ханьшу», подчинялись пять владений, и его дальнейшей судьбе («Хоу-Ханьшу» о нем ничего не знает), то следует помнить о специфике кочевнического общества: самостоятельно номады не могут достичь государственности, это происходит лишь в результате растворения их внутри завоеванного земледельческого социума. Применительно к бежавшим со своих родных земель юечжам говорить, наверное, можно только о племенах или их союзах, возможно, о вождествах, но не государстве. А власть любого вождя в кочевых социумах сильна лишь до тех пор, пока он устраивает остальных кочевников, в первую очередь их знать [Крадин, 1992, с. 150сл.]. Нет оснований полагать, будто власть вождя Больших Юечжей базировалась на чем-либо помимо авторитета и военных успехов. Поскольку после падения власти греков в Бактрии между юечжами и саками шла борьба за гегемонию, причем далеко не столь удачная для юечжей, постольку, вероятно, допустимо предположить потерю вождем Больших Юечжей своего авторитета и укрепление тенденции к сепаратизму внутри знати, а также последующее обретение самостоятельности отдельными владениями других представителей кочевой аристократии.

Подводя итоги, можно сделать определенные выводы. Во-первых, со времен Й. Маркварта более четкой локализации пяти владений юечжей, в том числе Гуй-шуан, предложено не было, но и его концепция остается не

более чем гипотезой¹. Во-вторых, нельзя считать, что чекан подражаний монетам Евкратида I и Гелиокла I может быть приписан любому из пяти си-хоу юечжей. Скорее всего, на территории к северу от Амударьи располагались владения Больших Юечжей, и именно они (а не си-хоу!) выпускали подражания монетам Гелиокла I и Евкратида I. Но количество их точно не установлено. Возможно, то были владения могущественной кочевой знати, наподобие рода Суренов в Парфии. Известные две ветви подражаний оболам Евкратида I имеют разную локализацию и, вероятно, хотя и далеко не бесспорно, отражают существование двух владений. Подражания монетам Гелиокла I являются, видимо, выпусками одного владения, существовавшего длительное время.

Но в целом, наверное, допустимо предположить, что сама проблема пяти юечжийских владений таковой даже не является: если владений кочевой аристократии наверняка больше, чем пять, то бессмыслен и поиск этих последних. Исключение будет представлять Гуй-шуан, поскольку именно там зародилась кушанская государственность. На территории Западной Бактрии располагались не входившие в состав пяти си-хоу владения Сападбиза, чье правление предположительно может датироваться первой половиной I в. н.э. и его династии, к которой относят также Агезилеса. В этом же регионе, наверное, располагались владения Танлисмаидата. В качестве гипотезы можно допустить, что в той же части Средней Азии находился и домен Наштена. Судя же по количеству владений, можно предположить, что в Бактрии данной эпохи была раздробленность, а следовательно, и шла борьба за гегемонию. Скульптура Халчаяна, изображающая столкновение юечжей и саков (согласно П. Бернару [Bernard, 1987, p. 758–768]), подтверждает данный тезис. На Паропамисады и Гандхару в рассматриваемое время власть юечжей не распространялась, эти территории попадают под контроль юечжей только при Куджуле Кадфизе.

§ 3. Проблема «Герая» и возникновение Кушанского царства.

В этом параграфе хотелось бы рассмотреть вопросы, связанные с ранней историей Кушанской династии: начальные этапы становления кушанской государственности и первые шаги по превращению вчерашнего кочевого владения в обширную империю. К числу проблем, относящихся к кушанскому политогенезу, следует отнести и проблему «Герая», начиная от датировки выпущенных им монет и кончая их исторической интерпретацией. Особая важность этого вопроса состоит в том, что в зависимости от его решения должны рассматриваться история возникновения Кушанского государства (при Куджуле Кадфизе или ранее) и соответственно вопросы истории Бактрии в период, предшествовавший кушанскому.

¹ Хотя давно было замечено, что ранние монеты первого кушанского царя Куджулы Кадфиза связаны именно с территориями к югу от Гиндукуша.

Об образовании Кушанского царства китайская хроника «Хоу-Ханьшу» сообщает: «Более чем сто лет назад ябгу владения Гуй-шуан по имени Киоцзюкю атаковал и разрушил других четырех ябгу и провозгласил себя царем; царство было названо Гуй-шуан. Царь вторгся в Ань-си, взял Гао-фу, разрушил Пу-ту и Гибинь и полностью овладел их землями. Киоцзюкю умер в возрасте более восьмидесяти лет...» [Zürcher, 1968, p. 367]. Киоцзюкю обычно отождествляется с Куджулой Кадфизом, известным по монетным легендам [Cunningham, 1890, p. 41], поэтому исследователи были вынуждены постоянно искать для «Герая» свое место в истории. Остановимся на проблеме «Герая» подробнее.

Монеты «Герая» известны с середины XIX в., когда А. Каннингэм опубликовал о них сообщение [Cribb, 1993, p. 108]¹. Затем последовала работа П. Гарднера, а позднее свое видение проблемы изложил сам А. Каннингэм. Так были созданы две различающиеся версии в интерпретации этих выпусков. П. Гарднер предложил читать легенду как ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ ΗΡΑΟΥ ΣΑΚΑ ΚΟΙΡΑΝΟΥ («правлящего Герая, короля саков») и датировать его правление временем между 128 г. и серединой I в. до н.э. [Gardner, 1874, p. 161–167; Gardner, 1886, p. XLVII–XLVIII, 116; pl. XXIV, 7]. Напротив, А. Каннингэм не согласился с чтением ΣΑΚΑ, заменив его ΣΑΝΑΒ'ом в разных вариантах, что обозначало титул tsanyu=шаньюй [Cunningham, 1888, p. 47–58]². Кроме того, имя правителя отец индийской археологии читал как ΜΙΑΟΥ, последнее же слово легенды – как ΚΟΡΡΑΝΟΥ («кушан»). Исследователи монет «Герая» в дальнейшем опирались на чтения П. Гарднера и А. Каннингэма, выбирая то или иное написание легенды и реконструкцию имени.

А.Н. Зограф пришел к выводу о необоснованности чтения ΜΙΑΟΥ и предпочтительности ΗΡΑΟΥ, на основании метрологии монет датировав их выпуск второй четвертью или серединой I в. до н.э. [Зограф, 1937, с. 29, 21–23]. Им же была изложена история изучения монет «Герая», более позднюю историографию осветил Е.В. Зеймаль [Зеймаль, 1983, гл. XI]. Ленинградскому нумизмату принадлежит гипотеза, согласно которой именем правителя является слово ΣΑΝΑΒ, а ΗΙΑΟΥ – транскрипция арамейского титула MR'Y [Зеймаль, 1983, с. 155 сл.]. Е.В. Зеймаль помещал рассматриваемые выпуски во II в. н.э. [Зеймаль, 1983, с. 157]. Р.Ф. Тарасенко полагает, что в легенде на монетах в принципе не содержится имени правителя [Тарасенко, 1989, с. 50–56]³.

¹ В работе Дж. Крибба опубликованы фотографии почти всех известных монет «Герая»: [Cribb, 1993, pl. XXIII–XXVII]. Но не учтен, например, обол «Герая» из Дильберджина. См.: [Кругликова, 1983, с. 40–43].

² Справедливости ради следует отметить, что чтение «кушан» было предложено Г. Ольденбергом в «Indian Antiquary», vol. X, p. 215. Цит. по: [Cunningham, 1888, p. 48].

³ Исследователь предложил читать ΣΑΝΑΒ как «Джанаб», по аналогии с ΖΑΟΟΥ «Джабгу» и ΚΟΖΟΥΛΟ «Куджула», и перевел этот титул как «великий». Концепция Р.Ф. Тарасенко не выдерживает критики: указанное соотношение нарушает филологические закономерности, слово же «Джанаб» никогда не обозначало эпитет или титул, будучи обращением к высшим сановникам со значением «господин» [Ртвеладзе, 1997(1), с. 19].

С точки зрения исторической интерпретации «Герая» считали «отцом» [Ghirshman, 1946, p. 109; Толстов, 1948(1), с. 149–150] или «предшественником» [Tarn, 1951, p. 505; Rosenfield, 1967, p. 17; Пугаченкова, 1966(2), с. 189; Ставиский, 1977, с. 119 (Б.Я. Ставиский указывает: «дед или отец»)] Куджулы Кадфиза, наместником Вимы Кадфиза [Зеймаль, 1983, с. 155], иногда помещали его между этими двумя правителями, делая еще одним кушанским царем и отождествляя с Сотером Мегасом [MacDowall, Wilson, 1970, p. 221–240]. М. Митчинер даже провозгласил «Герая» настоящим объединителем «пяти владений» юечжей, а Куджулу Кадфиза сделал его наместником в долине Кабула [Mitchiner, 1973, p. 55–57, 59, 61]. По мнению Б.Н. Мукерджи, мы не знаем, в каких отношениях между собой были «Мияй» и Куджула Кадфиз, но монеты первого предшествовали монетам второго и при «Миае» была создана основа для дальнейшей территориальной экспансии Кушанов [Mukherjee, 1988, p. 26]. Д.В. Бирюков полагает, что «Герай» был одним из преемников царей Греко-бактрийского царства, получившим, возможно, чисто греческое воспитание(!), хотя и был выходцем из юечжийской среды [Бирюков, 1995, с. 18–28]. В недавней работе Э.В. Ртвеладзе предположил, что монеты «Герая» выпускались несколькими правителями с родовым именем «Кушан» и чеканились с конца II века до н.э. до второй половины I в. н.э. [Ртвеладзе, 2000, p. 39–42, 145–148].

По поводу датировки чекана «Герая» существуют значительные разногласия. Так, В.М. Массон относил его вначале ко второй половине I в. до н.э., а позже к его середине, А. Симонетта к 50–40-м гг. до н.э., Р. Гиршман и Б. Чаттопадхьяй – к последней четверти I в. до н.э., А.М. Мандельштам – к концу I в. до н.э. или к ее рубежу, что предполагал С.П. Толстов, ранее допуская возможность их чеканки I в. н.э.; М.М. Дьяконов склонялся к последнему мнению [Массон В.М., 1955, с. 40; Массон В.М., Ромодин, 1964, с. 153; Simonetta, 1958, p. 183; Ghirshman, 1946, p. 109, 112; Chattopadhyay, 1967, p. 11–16, especially 15 (автор придерживается чтения «Мияй»); Мандельштам, 1966(1), с. 91; Мандельштам, 1966(2), с. 143–144; Толстов, 1948(2), с. 149; Толстов, 1939, с. 117; Дьяконов М.М., 1950, с. 174]. Ранней даты придерживался Р. Гёбль – вторая половина II в. до н.э., вслед за ним и Д.В. Бирюков, а поздней – А. фон Заллет (100 г. н.э.) [Цит. по: Зеймаль, 1983, с. 150; Бирюков, 1995, с. 23; Sallet, 1878, S. 389]. Е.А. Давидович отнесла выпуски «Герая» ко второму этапу истории юечжей по своей периодизации (до 25 г. н.э.), заметив, что аргументы А.Н. Зографа не были отвержены другими исследованиями [Давидович, 1976, с. 71 сл.]. Б.А. Литвинский и Г.А. Пугаченкова поддержали этот тезис [Литвинский, Седов, 1983, с. 61; Пугаченкова, 1987(1), с. 101–102; Пугаченкова, 1989(2), с. 97]. Широкоую датировку монет «Герая» – рубеж н.э. плюс–минус несколько десятилетий – предпочитал ранее Э.В. Ртвеладзе, говоря о возможности двух вариантов реконструкции отношений между «Гераем» и Куджулой Кадфи-

зом: 1) либо между ними шла борьба за власть, если они были современниками; 2) либо кушаны в силу каких-либо причин были вынуждены уйти на юг за Гиндукуш, потеряв свои владения в Бактрии, если первый предшествовал второму [Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 49, 51]. Все эти противоречия показывают сложность проблемы. Определенным подтверждением такого состояния вопроса может служить тот факт, что во многих монографиях по кушанской эпохе, а также по Древней Индии и индоевропейцам в Средней и Центральной Азии проблема «Герая» вообще не рассматривается, хотя иногда сам «Герай» упоминается [Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 395; Puri, 1994, p. 247–263; Puri, 1965, p. 1–11; Banerjea, Jagannath, 1957, p. 222–262; Narain, 1990, p. 151–176; Van Lohuizen-de Leeuw, 1949, p. 367–368].

Единственное, в чем сошлось большинство исследователей, занимавшихся изучением выпусков «Герая», – это место чеканки его серебряных монет. Практически нет сомнений в локализации ее в Бактрии [Cribb, 1993, p. 119–120; Mukherjee, 1988, p. 26; Зеймаль, 1983, с. 149–150; Давидович, 1976, с. 70]. Все предположения С.П. Толстова о чекане их в Хорезме, или Кушании на Зеравшане [Толстов, 1939, с. 119; Толстов, 1948(2), с. 149], или Согде [Толстов, 1948(1), с. 181] совершенно несостоятельны хотя бы потому, что в этих районах монет «Герая» не найдено¹.

Тем не менее, недавняя работа английского исследователя Джо Крибба позволяет надеяться на решение проблемы [Cribb, 1993, p. 107–134]. Была предложена следующая интерпретация: монеты «Герая» выпускал Куджула Кадфиз. Серебряные тетрадрахмы и оболы чеканились в Бактрии, к северу от Гиндукуша, бронзовые – в Северном Пакистане. С бактрийскими выпусками можно заметить опосредованную связь через линию подражаний монетам Евкратиды I, но ее значение для хронологии не исчерпывающее [Cribb, 1993, p. 119–121]. Уже Джон Розенфильд указывал на сходство портретного изображения на монетах «Герая» с образами скифских правителей-сатрапов Северной Индии Зейониса, Раджувулы, Нахапаны и Чаштаны на их выпусках [Rosenfield, 1967, p. 17]. А Перси Гарднер в первой публикации, посвященной «Герая», сопоставил его чекан с парфянским, что позднее развили Е. Томас и А. фон Заллет [Gardner, 1874, p. 165]. Е. Томас соотнес крылатую богиню Победы над конной фигурой с тем же элементом над бюстом царя Парфии, возникшим на парфянских монетах в конце I в. до н.э., и отметил появление этой черты в чекане правившего в древнем Пакистане Гондофара, тоже изображающем конного царя [Thomas, 1876, p. 35]. А. фон Заллет использовал данное сопоставление для предположения о том, что «Герай» был близким современником Гондофара [Sallet, 1878, S. 373]. Джо Крибб замечает:

¹ О местах находок монет «Герая» см.: [Зеймаль, 1983, с. 149–150; Cribb, 1993, p. 110–120]. Критику гипотезы С.П. Толстова см. также: [Пугаченкова, 1965, с. 131, 134–135].

«Изображение правителя вместо божества на реверсе, обычное для греческих прототипов, знаменательное нововведение... Парфянские монеты традиционно имеют на реверсе образ сидящего Аршака, основателя парфянского царства, но с правления Фраата III, 70–57 гг. до н.э., появляется обычай изображать правящего парфянского царя на оборотной стороне монет. Обычно это изображения сидящего правителя, но на трех выпусках царь показан всадником, как на монетах «Герая»: на медной монете Фраатака около 2 г. до н.э. – 4 г. н.э., серебряной тетрадрахме 26 г. н.э. Артабана II (10–38 гг. н.э.) и на серебряной тетрадрахме 80–83 гг. н.э. Пакора II (78–105 гг. н.э.)» [Cribb, 1993, p. 121]. Образ крылатой богини Победы Ники над головой правителя появляется в парфянском чекане в 80–70 гг. до н.э. и становится обычным в период с правления Орода II (57–38 гг. до н.э.) до чекана Фраатака (2 г. до н.э.–4 г. н.э.) [Cribb, 1993, p. 122]. Однако этот тип не встречается в сочетании с фигурой всадника.

В I в. до н.э.–I в. н.э. изображение всадника было обычным в чеканах владык Северного Пакистана. Наиболее тесную взаимосвязь монеты «Герая» обнаруживают, как уже было показано Е. Томасом и А. фон Заллетом, с выпусками Гондофара, имеющего тот же тип «конного государя, коронуемого крылатой богиней победы, летящей над его головой». Особенно интересен факт, доселе не отмеченный нумизматами: буквы между ногами коня. У «Герая» это ΣΑΝΑΒ греческими буквами, у Гондофара – акшара кхароштни *sat* и монограмма из *ka* и *bu* [Cribb, 1993, p. 122, fig. 8]. Акшары кхароштни в той же позиции встречаются и на монетах Зейониса [Cribb, 1993, p. 122, fig. 8; Gardner, 1886, p. 110–111, pl. XXIII, 4–5]. Попытки объяснить чекан Гондофара заимствованием у «Герая» наталкивается на определенные трудности, одна из которых состоит в необходимости найти прототип для монет «Герая», так как в Бактрии он был новшеством, в то время как для Гондофара источником послужили монеты его скифских предшественников (Аза и других), также изображавших всадника и использовавших акшары кхароштни в том же положении [Cribb, 1993, p. 122–123].

Таким образом, монеты «Герая» являются результатом развития двух направлений: подражаний монетам Евкратиды I и чекана Гондофара [Cribb, 1993, p. 123]. Следует упомянуть и связь выпусков «Герая» с монетами Сотера Мегаса, о которой писали Д. МакДоуэлл и Г. Вильсон указавшие на использование в чеканах этих правителей бюста на аверсе и всадника в обрамлении греческой легенды на реверсе монет, причем в обоих случаях отсутствует перевод с греческого на пракрит и письмо кхароштни на оборотной стороне [MacDowall, Wilson, 1970, p. 221–240]. Дж. Крибб добавил, что совпадает и точечный ободок аверса в этих двух чеканах, а также и те и другие выпуски осуществляются по пониженному аттическому стандарту [Cribb, 1993, p. 123].

Для окончательного вывода о временном и типологическом положении монет «Герая» английский нумизмат анализирует его медные выпус-

ки. Легенда на реверсе последних, расположенная также, как и на тетрадрахмах, читается ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΥ ΗΛΙΟΥ ΚΟΙΛΑΝΟΥ [Cribb, 1993, p. 118]. На аверсе вокруг бюста государя находится легенда кхароштли. Исследователь предлагает следующее чтение: *maharayasa rayatirayasa / devaputra kuyula kata kapasa* [Cribb, 1993, p. 124]¹, – такое же, как на широко известном позднем типе монет Куджулы Кадфиза «бык и верблюд» [Gardner, 1886, p. 112, pl. XXIII,7; Smith, 1906, p. 67, pl. XI,4; Satya Shrava, 1985, p. 72–73, type IV; Зеймаль, 1967, с. 56, тип 3]. Последний был копией с монет Зейониса. Дж. Крибб заметил, что медные выпуски «Герая» и монеты Зейониса совпадают по своему химическому составу: в них присутствует железо [Cribb, 1993, p. 124]. Известны монеты Гондофара, перечеканные в одном случае типом «бык/лев» Зейониса, в другом – ранним типом Куджулы «Гермей/Геракл» [Cribb, 1993, p. 124]. Есть основания полагать, что Куджула Кадфиз наследовал Гондофару в районе Кабула (хотя между ними существует небольшой промежуток времени, когда в Кабульском районе выпускались монеты наследника Гондофара Абдагаса), после чего он сменил Зейониса в его сатрапии, расположенной, видимо, далее к востоку, в Таксиле [Cribb, 1993, p. 124–125].

Джо Крибб проанализировал греческую легенду на серебряных монетах «Герая» и предложил такое чтение основных элементов: ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ ΗΛΙΟΥ(Ο)/ΗΛΙΟΥ ΚΟΡΡΑΝΟΥ/ ΚΟΡΣΑΝΟΥ ΣΑΝΑΒ [Cribb, 1993, p. 125–129]. Он интерпретирует легенду исходя из того факта, что монеты «Герая» имеют свой прототип в выпусках Евкратиды I и подражаниях им. Используя расположение легенд на прототипах, была высказана гипотеза, согласно которой верхняя надпись, размещенная полукругом, представляет собой титул (у Евкратиды на тетрадрахмах это титул ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ – «великого царя»), а нижняя – имя (у Евкратиды ΕΥΚΡΑΤΙΔΟΥ) [Cribb, 1993, p. 129–130]. На монетах «Герая» первому соответствует ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ ΗΛΙΟΥ(Ο)/ΗΛΙΟΥ, второму ΚΟΡΡΑΝΟΥ / ΚΟΡΣΑΝΟΥ.

Что же касается надписи ΣΑΝΑΒ, то она соответствует положению монограмм на монетах Евкратиды и размещению отдельных букв в чеканах Гондофара и Зейониса, более того, по своему размеру составляющие эту часть легенды буквы меньше других. Дж. Крибб отметил и совпадение конечной «беты» и акшары кхароштли *bi* на медных выпусках «Герая» [Cribb, 1993, p. 130]. В свете публикации одной монеты «Герая», где на месте слова ΣΑΝΑΒ стоит надпись ANTEIX, Э.В. Ртвеладзе предполагает, что это последнее обозначает «отражающий врага», как и термин ΣΑΝΑΒ, который В.А. Лившиц возводит к иранскому «sana-bar» с тем же значением [Ртвеладзе, 1997(1), с. 17–23]. Однако такое понимание вызвало возражения Ю.Г. Виноградова, так как «αντεῖχον – претеритное образование (ао-

¹ Дж. Крибб указывает и на иные чтения легенды, предложенные Б.Н. Мукерджи и принятые М. Митчнером [Cribb, 1993, p. 124, n. 32].

рист) от глагола $\alpha\nu\tau\epsilon\chi\omicron$, в то время как в титулатуре всех правителей употреблялись прозвища или эпитеты, выраженные либо существительным..., либо прилагательным..., но никоим образом глагольными формами» [Ртвеладзе, 1997(1), с. 22]. Ю.Г. Виноградов полагает, что либо поиск следует вести личных имен монетариев, либо мы имеем дело с названием города «Антиохия», не слишком умело выполненном.

Традиционно понимаемое как свидетельство подчиненного положения «Герая» слово $\tau\upsilon\rho\alpha\nu\nu\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma$ ¹ отнюдь не имеет такого значения. В эпоху, когда чеканились эти монеты, индо-парфянские цари Абдагас и Сасан использовали титул $\beta\alpha\varsigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\omicron\tau\omicron\varsigma$ вместо обычного $\beta\alpha\varsigma\iota\lambda\epsilon\omega\varsigma$ [Cribb, 1993, p. 130; Mitchiner, 1976, vol. 8, types 1120, 1122, 1126, 1131–1132, 1140, 1141(?) (Abdagases); 1125 (Sasan)]. Это косвенно подтверждает отнесение чекана «Герая» к их эпохе. Одной из проблем, которой Джо Крибб не уделяет внимание, является поиск значения для термина $\eta\iota\alpha\omicron\upsilon(\omicron)/\eta\iota\alpha\iota\omicron\upsilon$, обозначающего, по его мнению, «царь». Это слово сопоставляется исследователем с широко известным и явно негреческим титулом $\zeta\alpha\omicron\omicron\upsilon$ на монетах Куджулы типа «голова Августа», которому в легенде кхароштки соответствует *Yauasa* [Cribb, 1993, p. 130; Gardner, 1886, p. 123 “Kadaphes”, pl. XXV,5; Smith, 1906, p. 66–67, pl. XI,3; Satya Shrava, 1985, p. 70–71, type II].

Один из вопросов, тщательно исследованный Дж. Криббом, – проблема имени $\kappa\omicron\rho\rho\alpha\nu\omicron\upsilon/\kappa\omicron\rho\varsigma\alpha\nu\omicron\upsilon$ = «Кушан»: «Современное понимание этого слова как обозначения династии затемняет его значение, использованное здесь (на монетах «Герая». – А.З.) в качестве личного имени» [Cribb, 1993, p. 130]. И тем не менее есть определенные основания полагать, что Куджула Кадфиз носил имя «Кушан». Дж. Крибб привлекает надписи кхароштки, датированные 122 и 136 гг. по эре Аза. Первая, так называемая надпись из Панджтара происходит из Гандхары (Panjtar inscription). В ней отмечается, что она была сделана в правление «великого царя Кушана» (*maharayasa Gusanasa*) [Konow, 1929, p. 67–70]. Вторая – надпись на серебряном свитке из Таксилы (Taxila silver scroll inscription), сообщающая о приношении пожертвований в дар за здоровье «великого царя, царя царей, сына богов Кушана» (*maharajasa rajatirajasa devaputrasa Khusanasa*) [Konow, 1929, p. 70–77]. Дж. Крибб указывает еще на одно свидетельство: в выполненной шрифтом брахми надписи Вимы из Мата в Индии (inscription of Vima at Māṭ in India) Вима назван «сыном Кушана» (*Kusanaputro*) [Lüders, 1961, p. 135]. Эти надписи, по мысли английского нумизмата, подтверждают, что царь «Кушан» правил после Гондофара и до Вимы Кадфиза, чему соответствует и чекан «Герая». Легенду кхароштки на серебряных монетах из Таксилы Дж. Крибб читает как «великого царя царей Кушана Куджулы» (*maharajatirajasa khosanasa kuju...*); портрет же царя такой же, как и на монетах «Герая», но носит маленькую шапочку

¹ Эта идея восходит к Дж. Кеннеди [Kennedy, 1913, p. 124–127].

(“a small bonnet”); на реверсе – крылатая богиня Победы Ника [Cribb, 1992. P. 131–145].

В целом гипотеза Джо Крибба выглядит достаточно убедительно. Но возникают некоторые вопросы. Прежде всего, в очередной раз при решении проблем выпусков «Герая» не было учтено, что они серебряные, причем из полновесного металла (в них не менее 80% серебра) [Давидович, 1976, с. 72–73], в то время как чекан индо-парфян демонстрирует понижение веса: известны немногочисленные высокопробные монеты Гондофара, после чего чеканятся выпуски пониженного качества; резкое же обесценение серебряной монеты происходит в конце правления индо-скифского царя Аза II [Borearachchi, Rahman, 1995, p. 48]. Именно это обстоятельство вынуждало таких исследователей, как А.Н. Зограф и Г.А. Пугаченкова, помещать чекан «Герая» в середину I в. до н.э., приближая его к полновесным эмиссиям греко-бактрийских правителей.

Во-вторых, подражания тетрадрахам Евкратида I представляют весьма специфический чекан, о котором известно немного: единственная пока находка зафиксирована в Таджикистане, причем легенда искажена и схематизирована [Довутов, 1980, с. 125–127; Зеймаль, 1983, с. 103, 108–109]; тем самым, судить о локализации, хронологии и тем более типологии данных выпусков возможности пока нет. Кроме того, и подражания оболам и подражания тетрадрахам имеют искаженную легенду, что в случае знания греческого языка было бы, наверное, невозможно. В-третьих, определенные сомнения внушают аттические легенды и стандарт монет «Герая». К югу от Гиндукуша чеканка осуществлялась по совершенно иному, введенному Аполлодотом I, стандарту – «индийскому» (по терминологии О. Бопеараччи) [Borearachchi, Rahman, 1995, p. 29]. Если Куджула заимствовал тип Гондофара, то почему он отказался от кхароштки на монетах «Герая»? Игнорировал Дж. Крибб при рассмотрении и отказ от серебра и переход Кушанов к золотой чеканке при Виме Кадфизе.

Известный французский исследователь Ж. Фюссман подверг сомнению предположение Дж. Крибба о существовании имени «Кушан» [Fussman, 1998, p. 626], между тем как вполне допустимо, что на монетах «Герая» стоит родовое имя, а отнюдь не личное. Родовые имена хорошо засвидетельствованы в истории кочевых народов, например, в Парфии (Сурены, Карены [Гаибов, Кошеленко, Сердитых, 1992, с. 48]). Общеизвестно наименование Дария I из Бехистунской надписи «Ахеменид» [Бехистунская надпись, 1980, с. 24]. Более весомо сомнение Ж. Фюссмана в справедливости использования надписи 122 г. неизвестной эры: она была утеряна в 1853 г. и известна только по данным А. Каннингэма, в эпоху деятельности которого алфавит кхароштки был расшифрован, но его изучение находилось в начальной стадии. К этому добавляется то, что надпись неполная [Fussman, 1998, p. 626]. Но следует подчеркнуть, что практически все исследователи полагали данную надпись принадлежащей кушанскому

царю: Куджуле [Van Lohuizen-de Leeuw, 1949, p. 361] или Виме [Kumar, 1973, p. 44] Кадфизам, причем первый вариант, как указывалось выше, предпочитает Джо Крибб (в свете последних исследований он выглядит более вероятным). Часть надписи Gusanasa многие авторы, в том числе Стен Конов и Е.В. Зеймаль, рассматривают в качестве транслитерации имени «Кушан» [Konow, 1929, p. 67–70; Зеймаль, 1968, с. 20], в чем, наверное, неоправданно сомневается Ж. Фюссман [Fussman, 1998, p. 626].

Проанализируем не рассмотренные Дж. Криббом обстоятельства. Полновесность чекана «Герая» можно связать с вероятностью сохранения в Бактрии запасов серебра. Кроме того, мы не знаем, какие монеты обращались в Восточной Бактрии (Да-ся) в эпоху господства юечжей. Допустимо полагать, что прототипом для выпусков «Герая» послужили не подражания монетам Евкратида I (на ободах, между прочим, легенда расположена совершенно не так, как на монетах «Герая»), а иной чекан, который пока неизвестен. Более вероятно, что в этой роли выступили подлинные тетрадрахмы Евкратида I, видимо, обращавшиеся какое-то время в Бактрии после падения власти греков. Но тогда требуется объяснить то, что на монетах «Герая» правитель изображен в диадеме, а не в шлеме, как на подлинных выпусках Евкратида. Чекану ранних индо-парфян, кажется, не свойственно изображать бюст царя в диадеме [Gardner, 1886, p. 108f., pl. XXII–XXIII; Smith, 1906, p. 54–58, pl. IX; Mitchiner, 1976, vol. 8, p. 727f.]. Тем не менее, только связью с выпусками греко-бактрийских правителей объясняется и аттический стандарт, и отсутствие кхароштии, и заимствование расположения легенды, если оно имело место быть.

Есть еще одно обстоятельство, ранее отмеченное нумизматами: серебряные подражания ободам Евкратида I практически не встречаются на поселениях. Может быть, их изъяли из обращения и перечеканили в монеты «Герая»? Сознавая всю шаткость подобного предположения, автор этих строк предлагает его только в качестве альтернативной рабочей гипотезы. Монеты Сападбиза, одного из правителей Западной Бактрии в начале I в. н.э., тоже серебряные. Следует, видимо, вспомнить о рудниках Бадахшана, где существовали значительные запасы серебра [Сердитых, 1986(2), с. 111]. Но, видимо, они сокращались, поэтому Кушанам пришлось перейти на золото, что объясняется также и нуждами международной торговли, в том числе с Римом [Гафуров, 1972, с. 150; Mukherjee, 1988, p. 55, 358–360], и необходимостью подчинить рынки завоеванных территорий, унифицируя денежное обращение [Зеймаль, 1983, с. 179]. Источники золота для чекана многие исследователи видят в перечеканке римских ауреусов, иногда подчеркивая и наличие в распоряжении Кушанов своих рудников в Индии [Kumar, 1973, p. 46; Mukherjee, 1988, p. 483–484, n. 225; Шарма, 1987, с. 436]. Определенное влияние римского монетного дела на кушанское особых сомнений не вызывает [MacDowall, 1968, p. 134–149], хотя последний в отношении номиналов самостоятелен: известны динары, двойные дина-

ры, полудинары и монеты в четверть динара (динар весит около 8 г.) [Зеймаль, 1965, с. 8].

Известные исследователи М. Алрам и Е.В. Зеймаль согласились с гипотезой Крибба, но первый из них внес некоторые коррективы [Alram, 1999, p. 19–48; Zeimal, 1999, p. 239–244]. М. Алрам, принимая начальную дату Канишки по Р. Гёблю – 278 г. н.э. и идею об отражении в китайских хрониках имен только Вимы Так[то] и Вимы Кадфиза, при этом соглашается с датировкой правления Куджулы Кадфиза согласно Дж. Криббу и Р. Гёблю 30–80 гг. н.э. [Göbl, 1976, p. 21], а также с мнением о принадлежности монет «Герая» чекану Куджулы. Правда, в отношении последнего наблюдается некоторая настороженность: «С другой стороны, не может быть исключено, что монеты «Герая» происходят от главы клана юечжей, который правил к северу от Гиндукуша в районах Бактрии, будучи современником Зейониса, Гондофара и Куджулы Кадфиза»¹.

Но такая трактовка находится в разительном противоречии с тем, что на рассматриваемых выпусках присутствует слово «кушан»². С точки зрения М. Алрама, нельзя относить выпуски «Герая» к поздним стадиям чекана Куджулы, потому что они демонстрируют последовательность деградации. Кажется, в данном случае трудно решить вопрос о месте чекана «Герая» в хронологической последовательности выпусков Куджулы. Заметим, однако, что концепция М. Алрама совершенно не объясняет, во-первых, наличия на монетах «Герая» грамотной греческой легенды при отсутствии таковой на ранних выпусках Куджулы «Гермей/Геракл», во-вторых, типологического сходства элементов титулатуры в чекане «Герая» и наследников Гондофара Абдагаса и Сасана: ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ («властвующего») и ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ («царствующего») [Mitchiner, 1976, vol. 8, types 1120, 1122, 1126, 1131–1132, 1140, 1141(?) (Abdagases); 1125 (Sasan)].

Прежде чем завершить рассмотрение проблемы «Герая», следует вкратце охарактеризовать новые подходы к ее решению, принадлежащие Д.В. Бирюкову и Э.В. Ртвеладзе [Бирюков, 1995, с. 18–28; Ртвеладзе, 1997(1), с. 17–23; Ртвеладзе, 2000, с. 39–42, 145–148]. Как уже указывалось, концепция Д.В. Бирюкова сводится к тому, что «Герай» был одним из преемников царей Греко-бактрийского царства, получившим, возможно, чисто греческое воспитание, будучи выходцем из юечжийской среды. Его выпуски непосредственно примыкают к греко-бактрийскому чекану. Существуют даже подражания монетам «Герая». Д.В. Бирюков думает, что юечжи вначале просто переселились в Бактрию (Да-ся), а потом поэтапно ее завоевали. Этот вывод исследователь делает, ссылаясь на «Хоу-Ханьшу», а ведь это более поздняя хроника, нежели «Цянь-Ханьшу», где

¹ “On the other hand it may not be excluded that the Heraios coins come from a clan chief of the Yuezhi, who as a contemporary of Zeionises, Gondophares and Kujula Kadphises, ruled north of the Hindu Kush in parts of Bactria” [Alram, 1999, p. 25].

² Это было ясно уже А. Каннингэму. См.: [Cunningham, 1888, p. 49].

нет ни слова о переселении: прямо указывается, что юечжи «прошли через Давань (Фергана) и к западу от этой страны они поразили и подчинили Дася» [Zürcher, 1968, p. 365]. Кроме того, исследователь совершенно не учитывает других источников по эпохе падения власти греков, в первую очередь материалы Ай-Ханум. Рассмотрение проблемы «Герая» вне всей истории региона, с моей точки зрения, невозможно. Д.В. Бирюков, и Э.В. Ртвеладзе высказывают ту же мысль, что и Джо Крибб, о слове ΚΟΡΡΑΝΟΥ как личном имени. Датировка выпусков «Герая» второй половиной II в. до н.э. не объясняет отсутствие их в знаменитом Кундузском кладе, где представлены монеты многих греко-бактрийских и индо-греческих царей [Curiel, Fussman, 1965], включая правивших уже после падения Греко-Бактрии. Опять-таки не учитывается титул и неизвестная греко-бактрийским династам иконография: царь-всадник, коронуемый богиней победы, в их чеканах не встречается. Не рассмотрен Д.В. Бирюковым и Э.В. Ртвеладзе вопрос о соотношении титулов ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ («властвующего») и ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ («царствующего»).

Э.В. Ртвеладзе предположил, что правителей, выпускавших монеты «Герая», было несколько, а чеканили их с конца II в. до н.э. до второй половины I в. н.э. [Ртвеладзе, 2000, с. 39–42, 145–148]. Работа исследователя не содержит критики концепции Джо Крибба, а главное, не объясняет различий между чеканом «Герая» и именными выпусками Куджулы Кадфиза. О проблеме интерпретации легенды уже говорилось. В дополнение к этому Э.В. Ртвеладзе без достаточных оснований приписывает другим владениям юечжей подражания монетам Евкратиды I и Гелиокла I, не отвечая на вопрос (да и не задавая его), почему в одном случае мы имеем дело с подражаниями, а в другом – с именным чеканом. Китайские же хроники ничего не сообщают о приоритете владения Гуй-шуан над другими вплоть до царствования Куджулы Кадфиза.

Таким образом, можно сделать вывод о приемлемости гипотезы Джо Крибба относительно чекана «Герая» и приписать последний Куджуле Кадфизу. Тем самым снимается проблема взаимоотношений «Герая» с пятью си-хоу и Кадфизом I. Но некоторые вопросы, возникающие в связи с такой интерпретацией, пока остаются неразрешенными (например, проблема бактрийского прототипа для монет «Герая»).

Рассмотрим иные проблемы раннекушанской истории. В предыдущем параграфе указывалось, что если вопрос локализации пяти юечжийских владений и неразрешим, то установить местоположение княжества Гуйшуан=Кушан тем не менее необходимо. Другая проблема связана с деятельностью первого кушанского государя Куджулы, именно с его территориальными захватами, уровнем развития при нем кушанского государства. Более сложным является вопрос о причинах возникновения последнего.

Прежде всего подчеркну, что установить местонахождение Гуйшуан при современном уровне знаний можно лишь общо. Представляется целесообразным в первую очередь очертить приблизительные границы региона, вне коего поиск этого владения явно будет несостоятельным. Во-первых, родина кушанского царства вопреки мнению многих исследователей не может локализоваться на территории к северу от Амударьи. Во-вторых, ошибочно помещение этого владения в район Кабула или в Западную Бактрию. Тем самым остается единственный регион – территория, которая нами отождествляется с Да-ся и охватывает район Восточной Бактрии, Бадахшан и горные области к югу от Гиндукуша (Вахан, Читрал, междуречье Кунара и Пяндшира)¹.

В распоряжении исследователей имеются две категории источников, которые часто привлекаются в связи с этой проблемой: данные китайских хроник и нумизматические памятники. Еще раз процитируем текст «Цянь-Ханьшу»: «Там пять си-хоу (владений). Первое называется си-хоу Сю-ми, резиденция правителя в городе Хо-мо; расположено в 2841 ли от местопребывания генерал-губернатора и в 7802 ли от «преграды Ян». Второе называется си-хоу Шуан-ми, резиденция правителя в городе Шуан-ми, расположено в 3741 ли от местопребывания генерал-губернатора и в 7782 ли от «преграды Ян». Третье называется си-хоу Гуй-шуан, резиденция правителя в городе Ху-цао, расположено в 5940 ли от местопребывания генерал-губернатора и в 7982 ли от «преграды Ян». Четвёртое называется си-хоу Си-дунь, резиденция правителя в городе По-мао; расположено в 5962 ли от местопребывания генерал-губернатора и в 8202 ли от «преграды Ян». Пятое называется си-хоу Гао-фу, резиденция правителя в городе Гао-фу; расположено в 6041 ли от местопребывания генерал-губернатора и в 9283 от «преграды Ян». Все пять си-хоу подчиняются юечжам» [Hulsewé, 1979, p. 119–123; Cf.: Zürcher, 1968, p. 364–365]. В «Хоу-Ханьшу» последовательность та же, но вместо Гао-фу пятым владением называется Ту-ми [Zürcher, 1968, p. 367].

Можно заметить, что имеется совершенно четкий порядок в перечислении владений: Гуй-шуан всегда помещено в центре. Если сам перечень не является поздней вставкой, восходящей к сведениям китайского генерала Бань Чао, долгое время служившего в Западном Крае, как думает Э. Пуллеблэнк [Pulleyblank, 1968, p. 250ff.], то это косвенно свидетельствует в пользу срединного положения владения Гуй-шуан. С другой стороны, как отмечалось выше, вовсе нет гарантий, что сам перечень содержит *все реально существовавшие* владения юечжей, следовательно, нахождение

¹ Детальное изложение проблемы «пяти владений» юечжей с историографией см. в предыдущем параграфе.

ние Гуй-шуан в центре в значительной мере условно и может быть объяснено избирательной направленностью и фрагментарностью источников¹.

Вторая группа источников – данные нумизматики – содержат определенную информацию, впрочем, не всегда убедительно интерпретируемую. Так, нет оснований полагать, будто находки подражаний монетам Евкратида I и Гелиокла I могут как-то помочь в решении проблемы локализации Гуй-шуан². Другая группа монет, непосредственно связанная с ранней кушанской историей, – чекан самого Куджулы Кадфиза. Наиболее ранними его выпусками являются монеты типа «Гермей/Геракл» [Зеймаль, 1965, с. 7], а основные находки монет этого правителя сделаны к югу от Гиндукуша [Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 396; MacDowall, 1991, p. 243–250]. Казалось бы, это позволяет поместить владение Гуй-шуан в этот регион и отказаться от отнесения его к Восточной Бактрии. К сожалению, никаких аргументов в пользу этого мнения нет, так как мы не знаем, на какой стадии своей власти Куджула начал чеканку: это могло иметь место, с одной стороны, еще до подчинения четырех си-хоу и начала завоеваний (тогда эта концепция подтверждается), но это могло случиться и позднее, после захвата района Кабула, где подражания монетам Гермей и выпускались. В последнем случае предложенная гипотеза остается неподтвержденной. В пользу тезиса о позднем начале чекана говорит такой факт, как незначительность монетных типов Куджулы со своим именем и подражательный характер его чекана [Satya Shrava, 1985, p. 63–67; Rosenfield, 1967, p. 13–15]. Лишь монеты «Герая» демонстрируют известную упорядоченность, но они распространены, вероятно, в первую очередь в Бактрии, в Кабуле и его окрестностях их встречено немного [Зеймаль, 1983, с. 149–150; Cribb, 1993, p. 112–114, 116–117].

Таким образом, вопрос о локализации Гуй-шуан сохраняется. Но есть некоторые соображения, позволяющие несколько уточнить размытую политическую карту региона. Почему именно в рассматриваемый период возникает кушанское государство (в I в. н.э.)³, а не в предыдущий? Думается, можно выделить несколько факторов. Это, с одной стороны, восстановление экономики всего бактрийского региона после вторжения кочевников и падения Греко-Бактрии⁴. С другой, это возникновение в Индии сильной (по соответствующим меркам) державы Гондофара, распространившего свою власть и на долину Кабула⁵, тем самым приблизившегося к областям, где, по Й. Маркварту, располагались «пять владений». Последнее достаточно четко укладывается в общее представление об ускорении

¹ Широко известна значительная роль числа «пять» в китайской культуре. См.: [Подосинов, 1999, с. 45–88, особенно 48–57].

² Об этом см. предыдущий параграф.

³ Вопросы кушанской абсолютной хронологии рассматриваются в Приложении № 2.

⁴ Экономическое развитие региона кратко характеризуется в следующем параграфе.

⁵ Датировка Гондофара второй четвертью I в. н.э. в настоящее время общепринята [Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 393]. О распространении его власти см.: [MacDowall, 1985, p. 555–566; Rosenfield, 1967, p. 129–130; Vopearachchi, Rahman, 1995, p. 48].

политогенеза под влиянием соседей, из-за войн и при достижении определенного демографического оптимума [Васильев, 1980, с. 180; Классен, 2000, с. 6–23; Крадин, 2000(2), с. 317–319]. В Западной Бактрии правители, связанные с Парфией, а возможно, и самостоятельные, начинают свою чеканку монеты (Сападбиз, Наштен), что косвенно свидетельствует об усилении центростремительных тенденций общественно-политического развития.

Следует отметить, что недавно Э.В. Ртвеладзе указал на новый тип монет Фсейгахариса, обладающий арамейской легендой, и, исходя из этого, отметил возможность чеканки этих монет в Согде, где широко распространены арамейские легенды [Ртвеладзе, 1999, с. 82]. Думается, что при полном отсутствии выпусков Фсейгахариса в Бактрии локализовать их в Согдиане, опираясь не на умозрительное (по облику правителя на монетах), а четкое эпиграфическое обоснование, целесообразнее. Тем самым, можно констатировать, что в первой половине I в. н.э. возникает определенное политическое давление на юечжийские владения в Да-ся. То, что Й. Маркварт помещал Гуй-шуан на север Гандхары, наверное, подтверждает то, что именно Куджула Кадфиз испытал максимальное воздействие Гондофара. Это могло заставить его начать деятельность по созданию силы, способной противостоять натиску индо-парфянских владык. Бадахшан же был важнейшим на Древнем Востоке центром добычи лазурита, кроме того, его копи содержали богатые залежи металлов, жизненно необходимые земледельческим районам [Сердитых, 1986(2), с. 111]. Следовательно, контроль над ними позволял властвовать над долинами Бактрии не в меньшей степени, чем при обладании доступа к торговым путям.

По китайским хроникам Куджула первоначально подчинил другие четыре владения. Нет оснований не доверять этим сведениям, наоборот, они лишь подчеркивают, что в первую очередь основатель кушанской империи объединил территории, позволявшие в стратегическом отношении вести политику по многим направлениям: и на юг от Гиндукуша, и на запад в долину Балха, и на север против других юечжей и саков. Но первый удар испытал на себе район Гао-фу (Кабул), на который недавно распространилась власть Гондофара, способного оттуда угрожать юечжам Гуй-шуан. В этой связи вспоминаются данные «Перипла Эритрейского моря» (§ 47), сообщающие, что к северу от Таксилы находился воинственный народ бактрийцев во главе с царем. А.А. Вигасин видит здесь отражение противостояния Куджулы и индо-парфян [Вигасин, 2001, с. 10–12]¹, с чем можно согласиться.

Не вдаваясь в филологические тонкости анализа китайских терминов, обозначающих завоевания Куджулы Кадфиза в Индии [См.: Kumar,

¹ Исследователь предлагает реконструкцию концовки 47 параграфа, при которой там упоминается царь «Кушан», именуемый так по своему собственному уделу, что в случае принятия филологических обоснований служит в пользу концепции Джо Крибба о существовании имени «Кушан».

1973, p. 24–31; Mukherjee, 1988, p. 30–42; Гафуров, 1972, с. 147], отметим лишь, что в результате всех своих походов, по данным нумизматики, он сумел завоевать Кабулистан и Гандхару вплоть до Таксилы. Тем самым в его распоряжении оказалась вся Северо-Западная Индия [Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 396]. Поскольку чекан «Герая» встречается и в районах к северу от Амударьи и в Западной Бактрии (Дильберджин) можно полагать, что и на долину Балха Куджула сумел распространить свою власть. В отношении территорий к северу от Амударьи следует указать на то, что, будучи серебряными, монеты «Герая» могли проникать далеко за территорию своего выпуска, поэтому пока говорить о подчинении районов к северу от Амударьи уже при Куджуле несколько преждевременно.

Последний вопрос нашего исследования: на каком уровне развития находилось государство Куджулы, – должен, видимо, решаться на основании перекрестного анализа основных источников. С одной стороны, очевидны масштабы завоевательной политики, с другой, неоднократно подчеркивалась подражательность ранней кушанской чеканки, из чего многие авторы делали вывод об окончательном оформлении кушанского государства лишь при Сотере Мегасе или даже Кадфизе II, проводшем монетную реформу, инициировав золотую чеканку монеты [Массон В.М., Ромодин, 1964, с. 159, 161]¹. Вторая точка зрения базировалась также и на предположении о «Герае» как предшественнике Куджулы. Однако если гипотеза Джо Крибба о принадлежности чекана «Герая» Куджуле, верна (а она достаточно убедительна), то сомнения в слабости государства, идея о его переходном характере отпадают.

Хотелось бы указать еще на один факт, мимо которого, к сожалению, прошли исследователи, увлеченные поиском иконографических свидетельств: на титулатуру монет Куджулы. Уже на раннем типе «Гермей/Геракл» он использует титул, полученный от предков – «ябгу / джабгу» (полностью легенда кхароштхи на монетах выглядит таким образом: *Kujula kasasa kušana yavugasa dhramathidasa*) [Зеймаль, 1967, с. 56, рис. 1,1; Gardner, 1886, p. 120, pl. XXV,1–2; Smith, 1906, p. 33, pl. VI,14; Satya Shrava, 1985, p. 68–69]. Вспомним, что на позднем типе монет Куджулы «бык/верблюд» титул заменяется на «великого царя, царя царей» (*maharajasa rajatirajasa kujula kara kaphasa (devaputrasa)*) [Зеймаль, 1967, с. 56, рис. 1,3–4; Satya Shrava, 1985, p. 72]. Нельзя не отметить, что без титула Куджула монет не чеканил, в то время как основатель другой кочевой по происхождению династии Аршакидов Аршак вначале обходился простой легендой ΑΡΣΑΚΟΥ («Аршака»), лишь позднее добавив к ней царский титул ΒΑΣΙΛΕΥΣ («царь»), что, по мнению Г.А. Кошеленко, обозначало «окончательное оформление Парфии как суверенного государства» [Ко-

¹ Отмечу, однако, что В.М. Массон был склонен рассматривать чекан Сотера Мегаса как принадлежащий Куджуле. Эта идея оказалась несостоятельной в результате открытия Рабатакской надписи. См.: [Sims-Williams, Cribb, 1995/1996, p. 75–142].

шеленко, 1971, с. 213]. Следовательно, Куджула, хоть и усваивал принятые в индийском регионе монетные типы, постоянно подчеркивал свою власть и оформлял ее как независимую.

Подводя итоги, можно сделать некоторые выводы. В настоящее время в отношении интерпретации чекана «Герая» наиболее убедительно выглядит гипотеза Дж. Крибба о принадлежности его Куджуле Кадфизу. Возникновение государства Кушанов в I в. н.э. было вызвано факторами как внешнего, так и внутреннего характера. Завоевательная политика первого кушанского царя привела к значительным успехам как в Индии, так и в Бактрии. Окончательное оформление кушанского государства есть основания относить к концу правления Кадфиза I (когда был принят титул «великого царя, царя царей»).

§ 4. Основные черты бактрийской экономики в конце II в. до н.э. – начале I в. н.э.

В этом параграфе хотелось бы вкратце охарактеризовать экономическое развитие Бактрии в изучаемую эпоху, для чего необходимо рассмотреть сельское хозяйство, ремесло, торговлю и денежные отношения после вторжения кочевников.

Сами результаты завоевания Бактрии оцениваются в историографии с разных позиций. Первая точка зрения состоит в том, что гибель Греко-бактрийского царства привела к дальнейшему раздроблению и децентрализации [Гафуров, 1972, с. 134]. Иногда проявляется «номадофобный», по выражению З.В. Сердитых, подход к исследованию роли кочевников [Цит. по: Сердитых, 1996(2), с. 156, прим. 6]. Согласно же предположениям других авторов, вторжение кочевников не было фатальным рубежом в истории Бактрии [Bernard, 1967, р. 93–94; Литвинский, Седов, 1984, с. 127]. Некоторые исследователи утверждают, что на смену раздробленности юечжи несли централизацию [Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 46]. В связи с последним тезисом отметим, что он представляется неубедительным в свете тех материалов, которые были представлены выше: после падения относительно централизованной власти Евкратиды I кочевники установили свое господство над Да-ся, а немногочисленные династические распри преемников этого царя лишь облегчилиномадам задачу дальнейшего завоевания региона. Кроме того, сама идея о централизации, которую несут кочевники (!), выглядит не учитывающей специфику кочевых обществ, характеризующихся скорее тенденцией к самостоятельности и создававших относительно прочные объединения преимущественно для организации набегов на земледельцев [Крадин, 1992, с. 150сл.].

Что касается сельского хозяйства, то его изучение археологами показало некоторое сокращение орошаемой территории в Восточной Бактрии по сравнению с греко-бактрийской эпохой [Сердитых, 1996(2), с. 152]. На территории долины Ай-Ханум перестал функционировать лишь канал № 2

и связанные с ним поселения, что объясняется стремлением кочевников взять под свой контроль ирригационные системы и вести хозяйство более рентабельно, поскольку этот канал был очень дорогостоящим и не оправдывал затрат по поддержанию его в пригодном для использования состоянии [Сердитых, 1996(2), с. 152]. Кроме того, кушанское, в частности, юечжийское, время характеризуется освоением ранее не использовавшихся территорий: районов Ак-тепе и Кала-и Заль в долине Нижнего Кундуза, Кулук-тепе и Кишт-тепе (орошавший их канал также был выведен из Кундуза), а также Чар-Гула, снабжавшегося водой из Ханабадарьи [Сердитых, Валиев, 1987, с. 288].

Наблюдается основание новых поселений, занятых в сельском хозяйстве. Наиболее типичным и относительно хорошо изученным для всей кушанской эпохи является Аккурган в Северной Бактрии [Пидаев, 1978]. Его базой также было ирригационное земледелие, а воду брали из Шерабадарьи. Непосредственно в поселении производили продукцию, необходимую для нужд сельского хозяйства: зернотерки и жернова.

Особое место при освещении экономики в юечжийскую эпоху занимает Мирзакул-тепе, расположенный недалеко от Термеза и существовавший в I в. до н.э. – I в. н.э. Земледельческий характер поселения подтверждается и характером застройки (отсутствует цитадель) и находками преимущественно орудий сельскохозяйственного труда (фрагмента железного серпа, зернотерок, жерновов), и общей площадью (несколько больше 1 га) [Пидаев, 1978, с. 50, 29–30 (рис. 2 – план городища)]. В хумах из Мирзакул-тепе были найдены остатки муки, предположительно пшеничной. Ш.Р. Пидаев ссылается и на сообщения античных авторов о земледелии в Бактрии: Плиния («в Бактрии хлебные зерна величиной с наши колосья» – *Nat. Hist.* XVIII.7) и Теофраста («иногда величина зерна в Бактрии достигала величины оливок» – «Исследования о растениях». VIII.4.5) [Пидаев, 1978, с. 103]. Но ссылка на Теофраста применительно к кушанской эпохе вызывает недоумение: ведь этот ученый жил в 371–287 гг. до н.э.(!) [Стратановский, 1974, с. 45–83, особенно 51; Теофраст, 1951], следовательно, информация, им сообщаемая, если и достоверна, принадлежит более раннему времени, нежели исследуемое Ш.Р. Пидаевым. Археолог предполагает, что Мирзакул-тепе и Аккурган представляли собой общины, ссылаясь на аналогии с древней Индией [Пидаев, 1978, с. 105]. Отрицать возможность такой формы социальной организации нельзя, но мы не в состоянии установить конкретные характеристики общины, её форму собственности и основные группы общинного населения. В целом говорить об упадке земледелия нет оснований.

Особое место при анализе экономики занимает характеристика роли города. Как известно, в результате вторжения кочевников погиб Ай-Ханум. Но причины этого, по справедливому замечанию Г.А. Кошеленко и З.В. Сердитых, кроются в политической структуре этого города: будучи

полисом по своему происхождению, он не смог пережить крушения породившей его государственности [Кошеленко, Сердитых, 1987, с. 57–58]. Сам же «юечжийский» период истории Бактрии должен рассматриваться как дальнейший подъем городов: основаны Зар-тепе (ставший одним из крупнейших центров в кушанскую эпоху), Будрач, Гарав-кала, Ишк-тепе и другие [Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 67–69]. Продолжают существовать Бактры, Термез, Дильберджин, Дальверзин, Халчаян, Тахти-Сангин, Саксонохур [Литвинский, Седов, 1984, с. 127–128]. Создается монументальный памятник искусства Бактрии того времени – халчаянский дворец [Пугаченкова, 1966]. Некоторые ученые полагают, что были произведены перестройки храма [Кругликова, 1986, с. 34сл.] и фортификационных сооружений [Долгоруков, 1979, с. 76] в Дильберджине. Правда, в отношении Дильберджина существуют сомнения в датировке. И.Т. Кругликова при создании своей хронологии исходила из тезиса о сходстве изображений Диоскуров в росписи из Дильберджина с обликом этих божеств на монетах Евкратида I. Но впоследствии такую аналогию сочли невозможной, а недавно Ло Муцио показал, что иконография дильберджинских Диоскуров связана с римской традицией I–II вв. н.э. [Lo Muzio, 1999, p. 41–66, pl. 1–19]. Тем самым общая датировка постройки была омоложена. Видимо, возведение храма можно датировать II–I вв. до н.э. [Литвинский, Пичикян, 2000, с. 293].

Кушанская эпоха рассматривается как подъем городской жизни [Шахова, 1996], поэтому, вероятно, не будет большим преувеличением сказать, что греко-бактрийская и юечжийская эпохи явились последовательными этапами развития, приведшими к взлету городов в кушанское время. В северной Бактрии по сравнению с ахеменидской эпохой в первых веках нашей эры зафиксировано в девять раз больше поселений (191 против 21) [Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 65]. Однако есть определенные сомнения в том, что развитие происходило равномерно. Основанием для этого служит сравнение данных о масштабах колонизации Южной Бактрии. К I в. до н.э., эпохе юечжей, относится 48 поселений, зафиксированных в каталоге В. Болла [Ball, 1982, t. II, p. 375–376]. В греко-бактрийский же период происходило значительное общее увеличение поселений в данном регионе по сравнению с ахеменидской и селевкидской эпохой: 76 против 47 и 28 соответственно [Ball, 1982, t. II, p. 374–375; Кошеленко, Сердитых, 1987, с. 54–58]¹. Такое уменьшение сложно объяснить иначе чем кочевым вторжением. Это подтверждает высказывание Н.Н. Крадина о третьем типе кочевых империй: «Они образовывались после завоевания номадами оседлых государств и миграции на их территорию (в том числе и данническими кочевыми империями). В результате кочевники и земле-

¹ Правда, следует указать на то, что Восточная Бактрия, по данным Б. Лионне, в юечжийскую и кушанскую эпоху находилась в состоянии стагнации, тогда как в Северной, наоборот, происходил резкий подъем цивилизации [Lyonnet, 1997, p. 169–172, 220–227].

дельцы делили одну экологическую зону и оказывались объединены в рамках одной социополитической и даже экономической системы. Это нередко отрицательно влияло на земледельцев, но форсировало развитие номадов» [Крадин, 1992, с. 175].

Ремесленное производство также развивалось, хотя и заметно некоторое снижение качества изделий из слоев позднего заселения Ай-Ханум в сравнении с предыдущими. Но это обстоятельство не должно вводить в заблуждение, поскольку, во-первых, подъем городов был бы невозможен при отсутствии хороших ремесленников, во-вторых, гибель греческого населения полиса, которое и создавало греческие по своему характеру предметы, не могла не привести к такому результату. Керамическое производство унаследовало некоторые формы от греко-бактрийского времени: хумы, тагора, другие виды сосудов [Novikov, 1996, p. 24–25; Дальверзинтепе, 1978, с. 146–150; Пидаев, 1987, с. 90–91]¹. Ш.Р. Пидаев на основании данных корреляции керамических комплексов Северной Бактрии установил основные формы изделий, относящихся к юечжийской эпохе: цилиндрико-нические кубки на ножке и поддоне, бокалы колоколовидной и рюмкообразной форм, чаши на ножках с отогнутым и вогнутым краем, фиалы, горшки, кувшины с невысоким горлом и подтреугольной закраиной, плоским дном и ручкой [Пидаев, 1978, с. 95; Дальверзинтепе, 1978, с. 146–150]. Все эти формы, кроме кухонной посуды, покрывались ангобом различных оттенков красного и реже коричневого цветов.

Интерес представляет то обстоятельство, что в курганных могильниках представлена керамика, сделанная на гончарном круге [Мандельштам, 1992, с. 112], причем довольно сложных форм, таких как кувшины, бокалы, горшки, миски, фляги, вазы. Оружие было найдено, но его в целом немного. В связи с этим кажется неправомерным использовать сам термин «кочевники» по отношению к населению, оставившему данные памятники, если даже их предки таковыми и являлись. Г.Е. Марков полагал, что, судя по погребальному инвентарю, могильники могут свидетельствовать в крайнем случае об отгонном скотоводстве [Марков, 1976, с. 38]. Вероятно, такое утверждение вполне оправданно.

Исходя из изложенных выше наблюдений, возникает вопрос о влиянии юечжей и саков, по данным античных авторов и китайских хроник, кочевников, на бактрийский социум. Думается, что юечжи и саки² пошли по третьему пути развития кочевых империй – завоевательному, когда номады подчиняют земледельческое общество и переселяются на его территорию. В результате их дальнейшее развитие происходило по законам эво-

¹ Н.С. Сычева к формам, унаследованным от эллинистической эпохи, относит, помимо тагора, также миски, амфоровидные кувшины, одноручные и двуручные кувшины. Среди технологических приемов, восходящих к античной традиции, исследовательница выделяет штампованный орнамент, частичное ангобирование и некоторые виды лощения. См.: [Сычева, 1978, с. 250–257; Lyonnet, 1997, p. 173–217].

² Чеканы Танлисмайдата и Наштена подтверждают это. Р. Гиршман полагал, что в Северной Бактрии располагалось государство сакарауков. См.: [Ghirshman, 1946, p. 110–111, 114].

люции земледельческих цивилизаций. Что именно позволило вчерашнимномадам перейти к оседлости, не вполне ясно, однако некоторые условия, этому способствовавшие, вероятно, могут быть названы.

Во-первых, экологическая обстановка в плодородных районах Бактрии не позволяла успешно развиваться кочевому типу хозяйства, а в предгорьях, пригодных для скотоводства, не было возможностей для ведения экстенсивного кочевания, тем более значительных групп номадов. Во-вторых, само продвижение кочевников в долину Амударьи было вызвано давлением со стороны таких же кочевых соседей, занявших все территории, пригодные для этого хозяйственно-культурного типа. Наверное, юежжи не покинули бы свои земли, если бы могли их удержать. Тем более странным будет предположение, что им удалось бы после поражения, кончившегося бегством, сломить своих вчерашних победителей. Безусловно, это далеко не полный перечень факторов, многие из которых нам на сегодняшний день не известны. Следует подчеркнуть, что инвентарь из могильника Ксиров отражает, возможно, именно культуру кочевников: там встречена лепная керамика, составляющая около 45% от общего ее количества (14 лепных сосудов и 17 сделанных на гончарном круге) [Денисов, 1988, с. 295]. При этом могильники на реке Ксиров демонстрируют существенное отличие от памятников Бишкентской долины: основные керамические формы – горшки и кувшины (24 и 7 соответственно), нет бокалов, мисок, ваз, двуручных кувшинов и фляг [Денисов, 1988, с. 295]. Иной и погребальный обряд: костяки вытянуты по линии «запад–восток», а не «север–юг», что свойственно памятникам Бишкентской долины [Денисов, 1983, с. 36–37].

Монетное дело в первое время после гибели Ай-Ханум и вторжения кочевников не претерпело сколько-нибудь значительных изменений: известны так называемые «посмертные выпуски» Евкратида I, отличающиеся от варварских подражаний своим качеством, стилем, содержанием металла [Borearachchi, 1991, pl. 22, series 21–25]. После начала выпуска последних в обращении, видимо, какое-то время оставались греко-бактрийские монеты, что еще более вероятно, учитывая то, что монеты «Герая» восходят, вероятно, к подлинным выпускам греческих царей Бактрии.

Торговлю после кочевнического завоевания никак нельзя считать отмирающей. Подобному утверждению будет противоречить, во-первых, уже цитированный отрывок из китайских источников: «В Да-ся большое население, исчисляющееся более чем в миллион человек. Их столица называется Ланьши, там есть рынок, где продаются все виды товаров» [Zürcher, 1968, p. 360–361]. Во-вторых, известно о том, что торговля Китая с Западом началась в 106 г. до н.э.: был отправлен первый караван [Мандельштам, 1957, с. 32]. В-третьих, в Аккургане было обнаружено 152 монеты, датирующиеся в целом кушанской эпохой, но большинство из них

мелкого номинала, поэтому можно сделать вывод о широком проникновении товарно-денежных отношений и в сельскую местность [Пидаев, 1978, с. 104]. Это подтверждается раскопками Мирзакул-тепе, еще одного сельскохозяйственного поселения, где обнаружены только бронзовые или медные выпуски (27 экземпляров) [Пидаев, 1990, с. 32–39]. Наиболее поздняя монета – Канишки I, поэтому поселение может быть с большой долей вероятности связано с юечжийской эпохой. Однако необходимо указать на некоторое сокращение торговых операций по сравнению с предыдущей эпохой, нашедшее свое отражение в выпусках подражательного характера и вызванное в значительной степени раздробленностью, царившей в Бактрии.

Что касается социально-экономических отношений в Бактрии конца II в. до н.э. – начала I в. н.э., то приходится констатировать явный недостаток источников, требующихся для их описания. Опираясь на данные парфянского архива из Старой Нисы, А.Р. Мухамеджанов предположил существование царского и храмового землевладения, хотя большинство земель, по его мнению, принадлежали общинам [Mukhamedjanov, 1994, p. 289–290]. Соглашаясь с такой характеристикой, сделаем оговорку: нельзя не учитывать вероятности того, что внутри общины были сильны частнособственнические начала. Но из-за отсутствия достоверной и прямой (а не косвенной) информации все суждения оказываются гипотетическими. Единственное, что можно утверждать с уверенностью, так это высокий статус кочевников-завоевателей в социуме. Вполне вероятно и слияние кочевой аристократии со старой бактрийской знатью: процесс вполне естественный для «завоевательной» модели кочевых империй [Крадин, 1992, с. 175]. Именно этим можно объяснить использование кушанами бактрийского языка в качестве основного в монетных легендах [Фуссман, 1988, с. 48]. Греки, как было показано выше, к концу второго века до н.э. полностью теряют свою власть.

Рассмотрим некоторые аспекты влияния кочевников на материальную культуру Бактрии. В.М. Массон посвятил отдельный очерк кочевническим компонентам кушанского археологического комплекса – предметам, в которых можно заметить следы культуры завоевателей [Массон В.М., 1986, с. 258–264]. Это заостренные костяные палочки с навершием в виде многофигурной головки или сжатой в кулак руки, иногда с навершием в виде головы коня, использовавшиеся, по мнению В.М. Массона, в качестве булавок. Исследователь останавливается и на терракотовых статуэтках всадников, носящих глухой кафтан и остроконечный головной убор, типичный для кочевых племен Средней Азии и Южного Казахстана. Появление коня на подражаниях монетам Гелиокла и конного государя в чекане «Герая» и Сотера Мегаса также рассматривается как следствие культа коня, распространенного среди кочевых народов. Приземистые кувшины с широким дном из раскопок курганных могильников, с точки зрения В.М.

Массона, хотя и изготовлены на гончарном круге, «явно следуют эталонам, принесенным сюда этими кочевниками».

А.Д. Бабаев также остановился на некоторых аспектах взаимодействия оседлой и земледельческой культур. Им описана уникальная терракотовая статуэтка из Чим-Кургана, изображающая сакского вождя [Бабаев, 1980, с. 199]. «Серебряное наременное украшение с изображением двух горных козлов... – все это относит нас в кочевой мир... Помимо перечисленных выше находок, к кочевому миру можно отнести фигуры животных – лошадей, верблюдов, джейранов, оленей, а также всадников с колчаном на боку» [Бабаев, 1980, с. 200]. На вышеупомянутой пряжке между козлами расположено дерево. А.Д. Бабаев связывает козлов с кочевым миром, опираясь на найденный Б.А. Литвинским сосуд с изображением процессии козлов в могильнике Вахшской культуры, датирующийся серединой второй половины II тысячелетия до н.э., и Амударьинский клад [Бабаев, 1980, с. 202]. Однако эти данные свидетельствуют скорее в пользу того, что тема козла всегда была популярной в бактрийском искусстве и вторжение кочевников могло лишь придать ей (и придало) новый импульс.

Терракоты, изображающие всадника, стали темой отдельной работы Х.Ю. Мухитдинова. Публикуя материал из Саксанохура, исследователь пришел к выводу о том, что «возрождение и появление подобного образа (всадника. – А.З.) ... связано с изменением этнического состава населения на данной территории и массовым переселением новых ираноязычных групп, где были сохранены старые доэллинистические традиции» [Мухитдинов, 1980, с. 219]. К новым ираноязычным группам автор, судя по контексту, относит «сако-юеджийские племена» [Мухитдинов, 1980, с. 219–220]. Однако Амударьинский клад свидетельствует о древности образа коня в культуре Бактрии. Известен муляж-отливка «конь в галопе» из Ай-Ханум, датирующийся П. Бернаром временем ранее конца III в. до н.э. [Bernard, 1971, p. 433]. Особенно важно, что на монетах Евкратиды I изображались всадники Диоскуры [Voreagachchi, 1991, pl. 16–22], а сам правитель – в беотийском шлеме, по мнению А.Н. Ойкономидеса, показывающем то, что этот царь поддерживался в первую очередь кавалерией [Oikonomides, 1984, p. 29–34]. На реверсе монет Платона появляется синкретичное божество Гелиос-Митра, стоящий на колеснице [Voreagachchi, 1991, pl. 24; Сердитых, 1986(1), с. 279–282]. Конь появляется и на некоторых сериях чекана Эвтидема I, причем это далеко не полный перечень правителей Греко-Бактрии и греко-индийских государств, использовавших данный символ в своем чекане [Voreagachchi, 1991, p. 48 et al.]. Некоторые Селевкиды также изображали коня (например, Селевк II и Антиох III) [Voreagachchi, 1991, p. 48].

Другое животное – козел – может быть связано и с земледельческой культурой, тем более что глиптика Дашлы сохранила его образ [Сарианиди, 1977, с. 92–93]. Кроме того, дерево в окружении козлов встречается

еще в древнейших земледельческих культурах Передней и Средней Азии [Антонова, 1984, с. 100–113]. «Мотив «животное–растение» наиболее явно воплощается у земледельческо-скотоводческих народов, практикующих сезонный отгон скота, в обрядах выгона его на пастбища весной и возвращения оттуда осенью. У таджиков Каратегина и Дарваза до революции скот содержался в хлевах по четыре-пять месяцев... У всех народов, имеющих многотысячелетнюю традицию земледелия и скотоводства, связь животного и растения, реализовавшаяся в символических образах, имела хотя и различную в деталях, но в целом сходную мотивировку. Одной из самых распространенных была защита с помощью растения от темных сил» [Антонова, 1984, с. 108–109]. Это подтверждает и мнение Г.Е. Маркова о типе хозяйства населения, оставившего курганные могильники, и показывает синкретизм представлений в древней Бактрии. Еще П. Бриан предположил, что взаимодействие кочевого и земледельческого населения в Средней Азии было жизненно необходимым элементом для успешного функционирования и тех и других обществ [Briant, 1982]. Поэтому вторгшиеся в Бактрию группы кочевников (саков и юечжей) скорее всего, достаточно спокойно влились в уже существовавшую систему, не нарушив принципиально ее равновесия. Более того, следы их влияния заметны, но при том столь незначительны (в сравнении с остальным культурным комплексом)¹ потому, что оно в целом не было инородным для существовавшей традиции. Однако кочевое вторжение способствовало определенному усилению внимания к культу коня и домашних животных, придав этой тенденции новый импульс.

Подводя итоги главы, можно сделать следующий вывод: вторжение кочевников не привело к распаду экономической системы Бактрии и, следовательно, не может рассматриваться как некий фатальный рубеж в ее истории, хотя темпы развития, вероятно, снизились (по крайней мере, это верно в отношении поселений Восточной Бактрии).

¹ Его характеристика дана в работе: [Массон В.М., 1985, с. 250–272, табл. СІХ–СХХІІІ].

Заключение.

В результате проведенного исследования возникает следующая картина истории Бактрии. Греко-бактрийское царство накануне вторжения кочевников, в эпоху Евкратида I (170–145 гг. до н.э.), представляло собой достаточно сильное эллинистическое государство с преобладанием в политической сфере греков, которым подчинялось местное бактрийское население. В экономическом отношении Бактрия была очень развитой страной, что отметили и античные авторы.

Археологический материал Ай-Ханум свидетельствует о двух последовательных волнах вторжения номадов, приведших к падению Греко-Бактрии. Можно связать их с сакарауками и юечжами соответственно. Греческая государственность погибла не сразу, а продолжала существовать до конца II в. до н.э. Памятники Бишкентской долины принадлежат другой группе кочевников-саков, пришедшей в регион уже после падения Греко-Бактрии.

Все попытки поместить пять владений юечжей на территории к северу от Амударьи неубедительны. Локализация пяти си-хоу Й. Марквартом до сих пор остается наиболее аргументированной. В Бактрии в I в. до н.э. шла борьба за гегемонию и царила политическая раздробленность.

Гипотеза Джо Крибба о том, что чекан «Герая» выпускался Куджулой Кадфизом в последние годы жизни, наиболее вероятна. Правление Кадфиза I помещается Дж. Криббом в период с 30 по 80 гг. н.э. Чекан «Герая» продолжает линию эволюции выпусков индо-парфян, в первую очередь Гондофара, и подражаний монетам Евкратида, а, возможно, и подлинных выпусков последнего. Все гипотезы, помещающие «Герая» в I в. до н.э., оказываются опровергнутыми. Возникновение кушанского царства было вызвано факторами политического и экономического характера. Уже при Куджуле Кадфизе характер государственности был, вероятно, вполне сложившимся.

Далее, экономика Бактрии после падения греческой власти в целом продолжала развиваться, хотя заметно снижение темпов развития, чему не могло не способствовать длительное существование политической раздробленности. Однако распада экономической системы не произошло, почему и стал возможным дальнейший подъем в кушанскую эпоху. Материальная культура испытала влияние кочевников, но не столь значительное. Определенные формы керамики унаследованы от предшествующего этапа. Постепенно были созданы условия для дальнейшего роста сети городов — одной из основных черт Кушанской империи.

Что касается вопроса о социальной истории Бактрии в рассматриваемую эпоху, то ответ на него кроется в кочевническом прошлом юечжей. Допустимо предполагать, что, пойдя по третьему пути развития кочевых империй (по терминологии Н.Н. Крадина), они достаточно быстро пере-

шли к оседлым формам скотоводства. Их аристократия заняла господствующие позиции внутри уже существующей бактрийско-греческой. Но рядовые кочевники, перейдя к не столь подвижным способам ведения скотоводческого хозяйства, вполне могли быть постепенно приравнены к остальному податному сословию крестьян-общинников. Падение Греко-Бактрии, особенно одного из столпов греческой культуры на Востоке – Ай-Ханума, скорее всего, в сочетании с вторжением кочевников привело к сокращению рабства в любых его формах. Продолжала существовать община, что подтверждают данные Мирзакул-тепе и Аккургана. К сожалению, мы практически не располагаем данными о земельных отношениях в Бактрии, поэтому представляется целесообразным удержаться от рискованных гипотез.

Таким образом, в истории Бактрии II в. до н.э. – I в. н.э. после падения эллинистического государства греков под ударами кочевых племен наступила эпоха взаимодействия номадов с оседлым земледельческим обществом, характеризующаяся политической раздробленностью и борьбой за гегемонию, в которой приняли участие племена юечжей и саков, а также Парфия. В I в. н.э. из владения Гуй-шуан возникает новое царство – Кушанская империя.

Приложение № 1. Проблема происхождения юечжей¹.

История юечжей до их переселения на территорию Бактрии известна лишь в самых общих чертах. Наиболее спорным вопросом является их этническая принадлежность. Существует несколько ответов на него. На основании методики анализа можно условно выделить два главных исследовательских направления – археологическое и лингвистическое, внутри которых существуют довольно противоречивые течения.

В основе археологического направления лежит метод сопоставления материальной культуры Бактрии I в. до н.э. с сопредельными регионами с целью поисков аналогий. К его представителям относятся в первую очередь А.М. Мандельштам, О.В. Обельченко, С.И. Руденко, С.А. Яценко, Б.И. Вайнберг [Мандельштам, 1966(2); 1974, с. 190–197; 1975; 1978, с. 133–141; Обельченко, 1992, с. 219–228; Руденко, 1960, с. 176, 339; Яценко, 2001; 1999, с. 145–170, особенно с. 153; Вайнберг, 1998, с. 241–256]².

Второй подход является лингвистическим, или филологическим. Он заключается в достаточно обоснованном принятии уравнения кушаны=юечжи и анализе языковой принадлежности кушанов. Их этногенез рассматривался Б.Н. Пури, Б. Кумаром (с подробной библиографией более ранних работ), исследователями бактрийского языка (языка Сурх-Котальской надписи) [Puri, 1974, с. 182–189; Kumar, 1973, р. 1–8]. Среди них есть сторонники различных концепций: так, Вальтер Хеннинг и Гарольд Бэйли придерживаются точки зрения о ираноязычности кушанов, Л.Г. Герценберг выступает за возможность происхождения этой династии из хотано-сакских племен, а В.В. Иванов выводит кушанов из так называемой «тохарской» языковой семьи [Henning, 1965, S. 84; Bailey, 1968, р. 37; Герценберг, 1974, с. 344–349; Иванов, 1967, с. 106–118].

Во всех остальных случаях никаких серьезных выводов сделать нельзя: внешний облик царей на монетах не свидетельствует в пользу той или иной теории; наличие общей символики (по Дж. Ильясову [Ильясов, 2001, с. 17–30]) может истолковываться и как родство, и как заимствование, и как типологическое сходство, связанное с общим хозяйственно-культурным типом.

В рамках археологического направления первой следует рассмотреть концепцию А.М. Мандельштама, поскольку именно он изучал могильники Северной Бактрии и опубликовал результаты раскопок. Исследователь опирался на данные китайских хроник, вполне достоверных с его точки зрения, и пытался соединить археологию с письменной традицией [Мандельштам, 1974, с. 190–197; 1978, с. 133–141]. А.М. Мандельштам указал

¹ Опубликовано ранее. См.: [Захаров, 2002(2), с. 447–455]. Печатается с исправлениями.

² Ни С.И. Руденко, ни С.А. Яценко не рассматривали данную проблему специально, обращаясь к ней при рассмотрении изучаемого ими материала: первый – Пазырыкской культуры, второй – среднеазиатских тамг и костюмов народов Средней Азии.

на сходство между исследованными им памятниками и культурой сарматского круга, подчеркнув при этом существование отличий. Используя результаты краниологического анализа (сходство с андроновской культурой), археолог признавал, что определенную часть погребенных составляло иранское население. В целом миграция с востока (из Ганьсу) не отрицается, внимание обращается на недостаток объективных данных (во время работы ученого). А.М. Мандельштам, таким образом, стремился к синтезу сведений источников без выделения какого-то важнейшего.

О.В. Обельченко, другой представитель археологического направления, признавая (как и А.М. Мандельштам) важность археологии, в конкретных результатах пришел к совершенно противоположным выводам [Обельченко, 1992, с. 223–226]. Видя явное сходство изученных им в Согде (а не непосредственно в Бактрии!) могильников с культурой сарматского круга, он полностью отверг данные китайской традиции как несостоятельные и недостоверные, не объяснив механизм возникновения этой информации. О.В. Обельченко не касался и вопроса о степени сходства между памятниками Бишкентской долины и курганов Согда, о чем А.М. Мандельштам писал: «Археологические материалы показывают, что кочевники, расселившиеся в Северной Бактрии, отличаются от тех, которые обосновались в Согдиане: это были разные племена, культура которых, однако, носила в определенной степени близкий характер» [Мандельштам, 1978, с. 138–139]. Чтобы не быть голословным, приведу такой аргумент, как расположение костяков погребенных: в Северной Бактрии господствует северная (с отклонениями) ориентация, в Согде – южная [Мандельштам, 1978, с. 134–135]. Предположение О.В. Обельченко о восхождении юечжей к племенам сарматского круга не убедительно, так как доказана более поздняя датировка памятников Бишкентской долины [Lyonnet, 1997, p. 167].

Концепция К. Еноки о могущественной державе юечжей, предшествовавшей более поздним сюнну, основывается на единственном аргументе – письме шаньюя Мао-туня, повествующем о том, что сюнну разбили юечжей, в то время как Лоу-лань, усуни, Hu-chieh и другие двадцать шесть стран были им подчинены [Enoki, Koshelenko, Haidary, 1994, p. 175–176]. К. Еноки видит здесь отражение результата победы над юечжами, а не обыкновенное перечисление владений. Доказательств иного рода японский автор¹ не предлагает. Тезис об империи юечжей не находит поддержки в китайских источниках, так как они не упоминают термин «юечжи» вплоть до «Ши-цзи», если только не делать разнообразных филологических допущений наподобие уравнений юечжи=юйши («народ нефрита») или юеч-

¹ Строго говоря, К. Еноки нельзя отнести к любому из направлений, поскольку основой для его умозаключений служит лишь письменная традиция и априорное убеждение в достоверности последней. Мы рассматриваем его здесь, поскольку одним из тезисов его концепции является утверждение о связи юечжей с Пазырыкской культурой Алтая (в этом он следует С.И. Руденко) [Enoki, Koshelenko, Haidary, 1994, p. 177–178].

жи=chü-chih, раскритикованных самим К. Еноки [Enoki, Koshelenko, Haidary, 1994, p. 171–173]. Гипотеза этого историка не соответствует и пространственному представлению о причинах образования кочевых империй. Н.Н. Крадин указывает на такие факторы, как прямую пропорциональность степени централизации кочевников величине соседней земледельческой периферии и синхронность роста и упадка земледельческих «мир-империй» степной «полупериферии» [Крадин, 2000(2), с. 317–319]. К этому добавляются отсутствие внутренней потребности в централизации для кочевников, необходимость существования сильного земледельческого государства-империи и наличие контактов номадов с последней, а также локальные экологические процессы, климат, политическая ситуация, личные качества лидеров, обыкновённое везение. В целом идея об империи юечжей выглядит неубедительно.

В рамках археологического направления нельзя не обратить внимания на монографию Б.И. Вайнберг, которая при анализе этнической географии Турана в древности, связывая два типа курганных могил – подбойные и, с меньшей степенью вероятности, катакомбные – с юечжами, следует в этом А.М. Мандельштаму и Ю.А. Заднепровскому [Вайнберг, 1998, с. 248–249; Мандельштам, 1978, с. 133–141; Заднепровский, 1962, с. 159–168]. Доказать такую гипотезу после того, как выявилась невозможность отнести подбойные и катакомбные памятники Бишкентской долины к наследию юечжей, несколько затруднительно (см. выше). Кроме того, датировка Б.И. Вайнберг ранних могил этих типов в Приаралье IV в. до н.э. заставляет задуматься над вопросом, почему мы ничего не знаем об этих «юечжах» (как бы их не называли) из античной традиции, которая в эпоху походов Александра Македонского получила множество сведений о кочевых группировках Средней Азии. Против подхода А.М. Мандельштама, О.В. Обельченко и Б.И. Вайнберг необходимо привлечь и такой аргумент, как принципиальная возможность (а скорее – реальная обоснованность) существования у *одной* социальной общности *различных* способов погребения [Массон, В.М. 1976, с. 149–176; Ольховский, 1986, с. 73; Чвырь, 1996, с. 430].

Ряд авторов приписывает юечжам пазырыкскую культуру Горного Алтая [Руденко, 1960, с. 176, 339; Enoki, Koshelenko, Haidary, 1994, p. 177–178; Яценко, 1999, с. 153; Ильясов, 2001, с. 21–22]. Эта концепция представляется совершенно бездоказательной, так как типологическое сходство культур «сакского» («скифского») круга отнюдь не отрицает их существенных различий и этнического многообразия [Погребова, Раевский, 1988, с. 156–165]. Более конкретные аргументы таковы. Во-первых, это различия в ориентации погребённых: в могильнике Ксиров скелеты ориентированы головой на запад [Денисов, 1983, с. 36], в памятниках Бишкентской долины – на север [Мандельштам, 1978, с. 134], в Тилля-тепе присутствуют и то, и другое направление (на север четыре, на запад два) [Сарианиди, 1989,

с. 48], в пазырыкской культуре [Полосьмак, 1997, с. 48] преобладающей является восточная ориентация. Если признать, что в погребальном памятнике отражается картина мира, свойственная населению, оставившему данный памятник¹, то необходимо объяснить указанные различия.

Во-вторых, в Бактрии отсутствуют погребения коней, широко распространенные у пазырыкцев². Единственное исключение – в 4-м погребении Тилля-тепе у северного края могилы были найдены череп и кости ног коня, которые В.И. Сарианиди рассматривает как «первое и единственное свидетельство погребальной трапезы» [Сарианиди, 1989, с. 85–86]. Допустимо, разумеется, предполагать, что захоронения не сохранились, а имевшиеся были съедены мышами, следы деятельности которых были неоднократно замечены при раскопках некрополя. Но в пользу первого мнения свидетельствует то обстоятельство, что сам холм был раскопан практически полностью и других следов конских погребений не найдено. В могильниках же Северной Бактрии, включая Ксиров, никаких захоронений лошадей не обнаружено [Мандельштам, 1966(2); 1975; Литвинский, Седов, 1983; Денисов, 1984, с. 131–138; 1986, с. 147–163; 1987, с. 138–147; 1988, с. 289–296]. Единственное объяснение, совершенно произвольное по методологии, заключается в утверждении (а не доказательстве) тезиса об эволюции, которую претерпели носители пазырыкской культуры после ухода с Алтая и прихода в Бактрию. В погребениях Тилля-тепе не найдено и высоких головных уборов, которыми славится пазырыкская культура [Полосьмак, 2001, с. 108–185; Сарианиди, 1989, с. 53, 57, 70, 88, 112, 117 (реконструкции одежды); ср.: Яценко, 1989, с. 251–293, особенно с. 290 сл.]. Кроме того, китайские хроники, помещая родину юечжей в район современной провинции Ганьсу, определенно не отправляют их на Алтай (гипотеза Еноки об империи юечжей не доказана). Есть и иные обстоятельства, препятствующие утверждению о связи юечжей с пазырыкской культурой, например, проблема языка для самой пазырыкской культуры и вероятность миграций как носителей определенных общих черт культуры. В данном случае вопросов явно больше, нежели ответов. Единственное, что в выведении юечжей из Пазырыка не противоречит китайской традиции, так это общее указание на их происхождение из Центральной Азии, а не с Запада.

Гипотеза об ираноязычности кушанской династии и юечжей была недавно повторена С.А. Яценко на основании изучения одного из видов источников – среднеазиатских знаков-тамг [Яценко, 2001, с. 4, 94, 98–99;

¹ Этот постулат безоговорочно принимается всеми археологами, хотя некоторые и оговаривают необходимость критического подхода к памятнику, так как не все элементы даже погребального обряда, не говоря уже об идеологии, его сопровождавшей, находят свое отражение в могильном устройстве. См., например: [Ольховский, 1986, с. 65–76; Ольховский, 1993, с. 78–97; Ольховский, 1995, с. 85–98; Кызласов 1993, с. 98–112].

² См. общую характеристику пазырыкской культуры: [Грязнов, 1992, с. 161–178; Полосьмак, 2001 (монография целиком посвящена публикации «замерзших могил» из долины реки Ак-Алаха, принадлежащих к пазырыкской культуре; в ней дан подробный анализ костюма, посуды, войлоков, татуировки и бальзамирования, погребений и положения женщины в пазырыкском обществе)].

см. также: Яценко, 1999, с. 153; 2000, с. 354]. Посвятив монографию сбору и анализу всех известных тамг, исследователь исходил из постулата, что тамги были в древности свойственны только ираноязычным народам, хотя в более поздний период эти знаки засвидетельствованы у тюрков. С.А. Яценко отметил при этом отсутствие традиций использования тамг у некоторых ираноязычных народов, например, у хотано-саков Синьцзяна и сарматов Венгрии [Яценко, 2001, с. 4]. Поскольку этот тезис является одним из наиболее серьезных аргументов в пользу того, чтобы сделать юечжей и кушанов иранским народом, анализирую данные этих источников по Бактрии.

Сразу отмечу, что само наличие тамг в регионе может быть связано с саками, явно иранским племенем (вспомним о сакарауках – возможных носителях культуры могильников Бишкентской долины, а также о бактрийцах – восточноиранской народности). С другой стороны, по данным того же С.А. Яценко, на монетах основателя кушанской династии Куджулы Кадфиза тамга заимствована у Гондофара [Яценко, 2001, с. 98], лишь у его наследников появляется свои характерные знаки. Можно долго гадать, почему был использован именно знак Гондофара. С.А. Яценко считает, что присвоение чужого знака могло означать лишь дружественные отношения между владельцем и присвоившим знак лицом, в противном же случае война была неизбежной [Яценко, 2001, с. 22]. Любой из этих вариантов вероятен, хотя столкновение между Куджулой и Гондофаром либо его потомками засвидетельствовано нумизматическим и археологическим материалом (и «Периплом Эритрейского моря», если он повествует об этих царях [Вигасин, 2001, с. 10–12]), в то время как для признания мирных отношений придется привлечь спорную надпись 103 г. неизвестной эры из Тахт-и Бахи, где упоминается Гондофар и некий принц Капа, которого якобы можно отождествить с Куджулой¹. Кроме того, сам факт заимствования в любом случае свидетельствует об отсутствии самостоятельной традиции использования тамг непосредственно в кушанской среде, хотя в самой Бактрии другие племенные группы могли таковой обладать.

Что касается лингвистического направления, то все уравнивания крайне спорны из-за неясности исходных моментов. То, что Кушаны использовали в качестве официального иранское наречие (бактрийский язык), сомнений не вызывает². Но восходят ли имена кушанских царей к иранским

¹ Впервые точка зрения об идентичности Куджулы Кадфиза и принца Капы была высказана Стеном Коновом и нашла поддержку в трудах Й.Э. ван Лохуйзен де Леев и Б.Н. Пури. В то же время другими исследователями, в частности Дж. Розенфилдом, Р.Н. Фраем и Е.В. Зеймалем, она подвергается сомнению, на наш взгляд, вполне справедливому, поскольку это отождествление встречает чисто филологические затруднения. См.: [Van Lohuizen de Leeuw, 1949, p. 25; Rosenfield, 1967, p. 130; Frye, 1984, p. 252; Зеймаль, 1968, с. 25].

² Думается, не имеет смысла останавливаться на широко распространенных во второй половине XIX – первой половине XX в. концепциях о тюркском, монголоидном и тибетском происхождении юечжей, поскольку эти гипотезы основывались в первую очередь на внешнем облике кушанов, прежде всего Канишки, зафиксированном монетами и произведениями искусства. Фактически речь шла о расовой при-

языкам, вопрос сложный. Г. Бэйли предложил иранские этимологии для имен Канишки, Хувишки и Васишки, рассматривая их как содержащие суффикс *-iḱa* [Bailey, 1968, p. 37]. В таком случае *Kaniḱa* обозначает «самый молодой», *Huv-iḱa* – «имеющий самое *huv*-овское качество» от *huv* (**hvai*, авестийское *hvoišta* – «лучший, старший», хотано-сакское *hvāṭa*), *Vajheḱa* – «наиболее сильный, энергичный» (из иранского *vāz-iḱa*). В.Б. Хеннинг отметил сохраняющуюся в таком случае изолированность суффикса *-iḱa* и, пытаясь снять это противоречие, видел в именах на *-iḱa* форму превосходной степени на *-išta*, расширенную иранским суффиксом *-ka-*, весьма продуктивным в языке бактрийских надписей из Сурх-Котала [Henning, 1965, S. 83]. В результате имя *Kaniḱa* приобретало следующее происхождение <**kaništka* <**kaništaka* с выпадением первого гласного у суффикса *-aka*. Точку зрения немецкого исследователя поддержали В.А. Лившиц и И.М. Стеблин-Каменский [Лившиц, 1974, с. 319–321; Стеблин-Каменский, 1981, с. 321, 316].

Но гипотеза Вальтера Хеннинга встретила определенные возражения, так как исследователю, во-первых, не удалось подтвердить закономерность развития группы **ištaka* > **ištka* > *-iḱa* на материалах бактрийского языка. В бактрийском *voṣiḱto* «написал» <*nipixšta* упрощение группы из трех согласных идет за счет срединного *ṣ* [Иванов, 1967, с. 107]. Во-вторых, остается необъясненным, почему в бактрийском в этих именах перед *-ṛk-* выступает гласная *-ṛ-*, а не *-i-*, как в санскрите [Иванов, 1967, с. 107]. Л.Г. Герценберг не считает предложенные иранские этимологии убедительными в семантическом отношении [Герценберг, 1974, с. 345].

В.В. Иванов, используя данные кушанской эпиграфики Индии, кашмирской хроники «*Rājatarāṅgini*», текстов из Средней Азии письмом кхарошти, хотано-сакского языка, установил наличие иного общего элемента для имен Канишки, Хувишки и Васишки – суффикса *-ḱ-* [Иванов, 1967, с. 108–113]. Анализируя его происхождение, он подчеркнул, что наиболее близкая аналогия присутствует в кучанском («тохарском В») языке: *yākwāḱan* «лошадки» от *yākwē* «лошадь», *Yurpaḱe* «малая Юрпа» от *Yurpa* (название монастыря, центра религиозной и литературной деятельности), имена *Wrauḱa* из *Wrau* (ср. *wrau* «ворон»), *Lariḱa* (кучанское *lāre* «любимый», точная типологическая параллель русскому «Любочка»). Особенно важны для понимания кушанских имен, по Иванову, такие параллели, как гибридные имена, соединяющие санскритскую основу с кучанским суффиксом: *Priḱa* (из санскритского *priyā* – «приятный, дорогой») и *Caiytiḱa*

надлежности членов династии, а не их этническом облике. Несмотря на это, некоторые идеи сохранили свое влияние до сих пор, как, например, тезис Стена Конова о сакско-иранском происхождении кушан, поддержанный Б.Н. Пури [Kumar, 1973, p. 1–8; Puri, 1974, p. 182–189]. Б. Кумар вообще не находит нужным рассматривать проблему происхождения кушанов, поскольку, с его точки зрения, их национальность лучше всего передается самим термином «кушан» [Kumar, 1973, p. 7]. Другие мнения он отклоняет по таким основаниям: ни Иран, ни Тибет не были родиной юечжей (а именно ее поиск и следует вести), тюрки жили гораздо позже, поэтому их нельзя приравнивать к юечжам и кушанам (там же).

(из санскритского *caitya* – «святыня») [Иванов, 1967, с. 113]. В отношении имен кушанских владык выдвигается гипотеза о соединении индоиранской либо иранской основы с рассматриваемым кучанским аффиксом, причем Иванов допускает вероятность контаминации последнего с *iška* > *-iška*.

В.А. Лившиц указал в то же время на один факт, вероятно, свидетельствующий в пользу гипотезы В. Хеннинга: имя кушанского божества *Arдохš*, возможно, восходит к иранскому *Arta-vahišta* «лучшая судьба» / «лучшая праведность» [Лившиц, 1974, с. 318; Стеблин-Каменский, 1981, с. 321]. Л.Г. Герценберга смущают значения приведенных Г. Бэйли и В. Хеннингом этимологий, особенно для Канишки. Им были приведены «тохарские» слова, которые могут рассматриваться в качестве исходных для формирования кушанских имен собственных: *kān* «осуществлять(ся)» > *Kaneška* «совершивший, достигший», прилагательное тохарского В *uwe* «ловкий» – *Huveška* «ловкий, искусный», *was* «борьба» тохарского А – *Važuška* «воинственный, воин», *kācke* тохарского А, *katkauna* тохарского В «радость» – *Kozgaška* «радостный» [Герценберг, 1974, с. 346–347].

Я не являюсь специалистом в вопросах сравнительного и иранского языкознания, поэтому трудно судить о степени убедительности каждой гипотезы в отдельности. В пользу семантической вероятности связи имени Канишки с корнем *kan-*, обозначающем «маленький» или «юный, молодой» (*youthful*) может свидетельствовать, на мой взгляд, предложенное В.И. Абаевым поле значений для имени Кира, основателя державы Ахеменидов: «*Kuruš* представляет собой производное от общеиранской и общеперсидской основы **kur-*, которая в качестве глагольной обозначала «рождаться», а в качестве именной – «дитя, детеныш, молодой самец, герой»... имя нескольких Ахеменидов, обозначает «юнец» [Абаев, 1971, с. 270, 271, 264–266 (там обоснование)]. С другой стороны, наличие двух корней в иранском для обозначения одного и того же может вызывать определенные сомнения. Но для древних языков полисемантизм одного слова и наличие нескольких лексем для одного денотата хорошо засвидетельствованы.

По поводу суффикса *-āk-* со своей стороны (вслед за В.А. Лившицем [Лившиц, 1974, с. 321]) заметим, что он с тем же уменьшительно-ласкательным значением есть и в русском: дедушка, бабушка (термины родства), платьишко, пальтишко, милашка, стекляшка, деревяшка (объекты действительности), Алексашка, Танюшка, Степашка, Наташка (личные имена). Но отсюда же не следует русское происхождение кушанов. Более обоснованным выглядит вывод об индоевропейском (?) наследии либо общей иранской (включая хотано-сакский), славянской и тохарской изоглоссе. В любом случае прямое использование суффикса *-āk-* в качестве свидетельства того или иного языкового субстрата, видимо, затруднительно.

Но имя «Вима», насколько можно судить по известной нам литературе, из иранского не этимологизировалось, равно как, впрочем, и из «то-

харского». Таким образом, проблема имеет более загадок, нежели решений. Хотя второй элемент имени Куджулы – «Кадфиз» Г. Бэйли предложил выводить из древнеиранского *kāta-paisa* “of honoured form” [Цит. по: Mukherjee, 1988, p. 33; cf.: Puri, 1974, p. 182].

Остается и вопрос о значении и происхождении социально-политического термина «си-хоу»=«ябгу», хотя, если следовать Г. Бэйли, Р.Н. Фраю и В.А. Лившицу, как будто есть определенные основания признать его иранским по происхождению [О нем см.: Лившиц, 1969, с. 63]. С другой стороны, вполне убедительна и предложенная Э. Пуллеблэнком связь его с тохарскими языками: параллелями будут тох. *A yaroṣ* и тох. *V yure* «страна» [Pulleyblank, 1966, p. 28]. Наиболее серьезным недостатком концепции В. Хеннинга и его сторонников следует считать, как пронизательно заметил Л.Г. Герценберг [ЦАКЭ, т. 1, 1974, с. 350 (обсуждение докладов)], то, что она совершенно не объясняет имени *Kozgaška* (известного в бактрийском языке¹) и слов с суффиксом *-uška* [Иванов, 1967, с. 110; Герценберг, 1974, с. 344–347].

Если отождествить кушанов и юечжей с тохарами античных хроник, что представляется наиболее вероятным из всех предполагавшихся вариантов², то перевод «кучанец=тохарец» косвенно свидетельствует о том, что в эпоху с IV по VII вв. н.э. эти народы рассматривались в единстве. При этом вполне возможен перенос этнонима, равно как и сохранение внешнего (индийского и китайского) термина для обозначения некоего этнического феномена, существующего на территории ранее известного. Совершенно очевидно, что древние германцы не современные немцы. То же можно сказать и о франках и французах. В случае с населением Германии дело вообще обстоит так, что один и тот же народ обладает несколькими этнонимами: русские называют его немцами, англичане – германцами (German), французы – алеманами (Allemand), в то время как самоназвание его – Deutsch [Бромлей, 1983, с. 46, прим. 6]. Тем самым некорректно утверждение о необходимости лишь одного названия для одного народа, причем языковые формы в других языках не обязательно должны быть транскрипциями единого исходного этнонима.

Подведу итоги. Проблема происхождения юечжей пока не получила убедительного решения. Можно выделить две основные версии: юечжи имеют центральноазиатское происхождение или они пришли с запада, будучи частью племен сарматского круга. Поскольку после уточнения интерпретации памятников Бишкентской долины сарматская гипотеза поставлена под сомнение, постольку нет оснований сомневаться в данных китайских хроник. Тем самым допустимо говорить об обитании юечжей в

¹ Это имя упоминается и в новейшем кратком очерке бактрийского языка, принадлежащем перу В.А. Лившица, но оно не включается автором в ту же группу, что и имена кушанских владык Канишки, Хувишки и Васишки [Лившиц, 1999, с. 42, 44–45].

² См. анализ этого вопроса в параграфе «Падение Греко-бактрийского царства».

Ганьсу. Концепция о юечжах как носителях Пазырыкской культуры не выглядит убедительной. Среди индоевропейских народов раньше и дальше всех на восток ушли «тохароязычные» племена [Pulleyblank, 1966, p. 13ff.; Narain, 1990, p. 153ff.]. Поскольку «иранская» концепция не объясняет суффикса *-šk* в слове *Kozgaška*, а также слово «тохарцы» неизменно с IV в. передавалось как «юечжи», то есть определенные основания принять в качестве рабочей гипотезы идею В.В. Иванова, ибо в ее рамках, кажется, рождается менее проблем, нежели при иных подходах. По крайней мере, поддерживая тезис об ираноязычности пришедших из Ганьсу юечжей, необходимо объяснить сохранение на огромной территории (включая Северное Причерноморье) общих для восточноиранского языковых черт¹, поскольку для юечжей, как можно судить по литературе, никогда не предполагалось западноиранское наречие. Еще одно косвенное свидетельство препятствует, на наш взгляд, принятию тезиса об иранском происхождении кушанов: в раннекушанской символике, отраженной на монетах, отсутствует лук как самостоятельный символ, между тем сцена инвеституры луком – одна из наиболее характерных черт иранских народов: парфян, скифов, сарматов [Satya Shrava, 1985, p. 62–96, pl. I–V; Раевский, 1976, с. 81–86; Кошеленко, 1977, с. 84; Зеймаль, 1982, с. 46–49].

¹ О восточноиранском языке см.: [Грантовский, 1975, с. 82; Оранский, 1988, с. 217–218, 142 (И.М. Оранский считает саков и тохаров иранскими племенами)].

Приложение № 2. Современное состояние проблемы кушанской хронологии¹.

История кушанской империи до сих пор не ясна. Одной из наиболее спорных проблем, касающихся не только кушанов, но и всей истории центрально-азиатского и индийского регионов, является абсолютная хронология правления кушанской династии. Важно отметить, что ей были посвящены несколько международных конференций: в Лондоне (1913 и 1960), в Душанбе (1968) и в Вене (1996) [[JRAS. 1913; PDK, 1968; ЦАКЭ, 1974–1975; САС, 1999]]. Обзор отечественного нумизмата Е.В. Зеймалья освещает дискуссию до 1968 г. [Зеймаль, 1968; см. также: Ghirshman, 1957, p. 689–722]. Мне хотелось бы показать современное состояние споров, возникших по поводу недавно открытой надписи из Рабатака.

После проведения конференции по кушанам в Душанбе прошло более трети века, за которую был накоплен колоссальный материал. Но вопросы кушанской хронологии специально не рассматривались, хотя к ним возвращались в связи с теми или иными категориями источников. В отечественной историографии эта проблематика была особенно популярна, поскольку Е.В. Зеймаль на основе гипотезы Д. Бхандарка выдвинул свою хронологическую схему, согласно которой начальная дата Канишки (далее – НДК) – 278 г. н.э. [Зеймаль, 1974, с. 292–301]. Отечественные исследователи постоянно критиковали эту точку зрения, не получившую серьезной поддержки на конференции в Душанбе [ЦАКЭ, т. 1, 1974, с. 308–312; Гафуров, 1972, с. 42–49; Пугаченкова, 1987(1), с. 99сл.; 1989(2), с. 99сл.]. Ж. Фюссман в середине 1970-х гг. поддержал одну из наиболее распространенных концепций, отождествляющую эру Щака (78 г. н.э.) и НДК [Fussman, 1974, p. 38–50]. Такой подход пользуется популярностью в индийской национальной историографии [Banerjea, 1957, p. 234f.; Mukherjee, 1988, p. 70f.]. Э.Д. Рэпсон и Й.Э. ван Лохюйзен де Леев также являются сторонниками этой концепции [Rapson, 1922, p. 583; Van Lohuizen de Leeuw, 1949, p. 65]. Австрийский нумизмат Роберт Гёбль предложил иную дату – 230, а позднее 232 г. н.э. [Göbl, 1967, S. 269 et al.; 1984, S. 61–64]. Такой разброс мнений показывает сложность проблемы. Но существуют и иные концепции, из которых следует отметить мнения А.К. Нарайна (103 г. н.э.), Дж. Розенфилда (110 г. н.э.), Р. Гиршмана (144 г. н.э.) [Narain, 1968, p. 215–243; Rosenfield, 1967, p. 257–258; Ghirshman, 1946, p. 99–108, particulièrement 106 sqq.].

Современный этап дискуссии был открыт публикацией Рабатакской надписи, осуществленной Н. Симс-Вильямсом и Джо Криббом [Sims-Williams, Cribb, 1995/1996, p. 75–142; Симс-Вильямс, 1997, с. 3–10]. Н. Симс-Вильямсу принадлежит чтение и перевод нового эпиграфического

¹ Результаты исследования опубликованы. См.: [Захаров, 2004, с. 5–19].

источника, а Д. Криббу – его исторический комментарий. Благодаря данной надписи историки получили имя ранее неизвестного кушанского царя – Вимы Так[то] и четкую последовательность кушанских владык: Куджула Кадфиз, Вима Так[то], Вима Кадфиз, Канишка I. Тем самым были рассеяны последние сомнения в ошибочности гипотезы о существовании двух кушанских династий – Кадфизов и Канишки I, которая была предложена Р. Гиршманом и поддержана Б.Я. Стависким [Ghirshman, 1946, p. 141 sqq. (Роману Гиршману принадлежит и идея о существовании третьей кушанской династии (p. 162 sqq.)); Ставиский, 1977, с. 23]. В свете Рабатакской надписи несколько яснее стала религиозная политика Канишки I¹. Лидирующее положение в пантеоне занимают Нана и иранские божества, хотя индийские также играют значительную роль (особенно Шива).

Но если указанные выше моменты мало кем подвергаются сомнению, то этого нельзя сказать о предложенной Джо Криббом хронологической схеме. Прежде всего, кратко охарактеризуем его изложенную при публикации надписи систему аргументации. Нумизматические данные свидетельствуют о следующей последовательности кушанских выпусков: Куджула Кадфиз, Сотер Мегас, Вима II Кадфиз и Канишка I [Sims-Williams, Cribb, 1995/1996, p. 99; Cribb, 1999, p. 181–182]². Монеты «Герая» чеканились Куджулой, выступающим современником и наследником индо-парфянских царей Гондофара и Зейониса, с чеканом которого выпуски самого Куджулы обнаруживают тесную связь [Cribb, 1993, p. 107–134]³. Монеты Сотера Мегаса выпускались Вимой Так[то]⁴. Чекан Сотера Мегаса сменяется выпусками Вимы II Кадфиза, которому наследует Канишка I [Cribb, 1999, p. 99]⁵. Монеты Канишки I напрямую связаны с чеканом Хувишки [Cribb, 1999, p. 99; Göbl, 1984, Tafel 9, No 80 (монета Канишки I) und Tafel 23, No 314 (выпуск Хувишки)].

Эпиграфические данные, на которые ссылается Джо Крибб, – надписи кхароштки, датированные 122 и 136 г. по эре Аза. Первая происходит из Гандхары – так называемая надпись из Панджтара (Panjar inscription) – сделана в правление *maharayasa Guānasa* («великого царя Кушана») [Ко-

¹ Ее анализу посвящено множество работ. Фундаментальным исследованием остается монография Джона Розенфилда «The Dynastic Arts of the Kushāṇas» [1967]. См. также: [Fussman, 1998, p. 582–594].

² Положение выпусков Сотера Мегаса после Куджулы Кадфиза было доказано М.Е. Массоном, позднее развито Д. Макдоуэллом, хотя между исследователями существовали разногласия по поводу исторической интерпретации: М.Е. Массон полагал, что монеты Сотера Мегаса выпускал сам Куджула Кадфиз, в то время как английский нумизмат рассматривал данный чекан как выпуски неизвестного кушанского царя, правившего между Куджулой и Вимой Кадфизами [Массон, 1950, с. 11–49; MacDowall, 1974, с. 246–264].

³ Подробный анализ проблемы «Герая» см. в параграфе «Проблема «Герая» и возникновение кушанского царства», но повторим главные аргументы Джо Крибба: иконографическое сходство с выпусками Гондофара и Зейониса; бронзовые выпуски, типологически воспроизводящие облик чекана «Герая» и содержащие легенду с именем Куджулы Кадфиза; связь с чеканом Сотера Мегаса.

⁴ В первой публикации Дж. Крибб не столь жестко увязывал чекан Сотера Мегаса с Вимой Так[то], но в дальнейшем пришел к выводу об обоснованности данной параллели.

⁵ К сожалению, Дж. Крибб не указывает, что четкую последовательность Вима Кадфиз>Канишка установил Р. Гёбль [Göbl, 1957, S. 186].

now, 1929, p. 67–70]. Вторая надпись на серебряном свитке из Таксилы (silver scroll inscription) сообщает о приношении пожертвований в дар за здоровье *maharajasa rajatirajasa devaputrasa Khuṣanasa*, т.е. «великого царя, царя царей, сына богов Кушана» [Konow, 1929, p. 70–77]. Дж. Крибб использует также надпись Вимы, выполненную алфавитом брахми, из Мата в Индии (inscription of Vima at Māṇ in India), где первые две строки читаются как *mahārājo rājādirājo devaputro Kuṣā īaputro āhi Vema Takumasya* [Lüders, 1961, p. 135]; надпись Вимы Кадфиза из Кхалатса и надпись на бактрийском языке из Дашт-е Навура, где Н. Симс-Вильямс считает возможным вслед за Давари и Хумбахом прочесть имя «Вима Такто» [Sims-Williams, Cribb, 1995/1996, p. 95]. Два последних памятника датированы соответственно 284/287 и 279 гг. неизвестной эры [Sims-Williams, Cribb, 1995/1996, p. 100]¹.

Для построения своей хронологической схемы Джо Крибб привлекает и некоторые иные данные. Прежде всего, это китайские хроники, повествующие о возникновении кушанского царства. Это событие связывается с главой владения Гуй-шуан Киоцзюкю [Zürcher, 1968, p. 367], отождествленном еще А. Каннингэмом с Куджулой Кадфизом [Cunningham, 1890, p. 41]. Вима Так[то], согласно Рабатакской надписи, сын Куджулы, по мнению Дж. Крибба, оказывается сыном Киоцзюкю по имени Yen-kaō-chen, которому китайские хроники приписывают завоевание Т'ien-chu (Индии) [Sims-Williams, Cribb, 1995/1996, p. 102; Zürcher, 1968, p. 367]. Упомянутая выше надпись Вимы из деревни Мат, расположенной в 8 милях к северу от Матхуры, позволяет предположить, что район последней был завоеван Вимой Так[то], тем более что в ней упоминается возведенный в его царствование храм и гробница (девакула) и невозможно полагать, что власть Куджулы распространялась на эту территорию. С точки зрения Джо Крибба, китайцы получили информацию о кушанском царстве через Бань Чао и его сына Бань Юна [Sims-Williams, Cribb, 1995/1996, p. 103]. Бань Чао действовал в Восточном Туркестане в период с 73 по 107 г. н.э., а контакты с кушанами имели место в 86 и 90 гг. н.э. Поскольку китайские хроники упоминают первых двух царей кушанов, постольку царствование Вимы Так[то] должно предшествовать 90 г. н.э. [Cribb, 1999, p. 184].

Другой важный синхронизм Дж. Крибба – связь чеканов первых кушанских царей с выпусками правителей Восточного Туркестана. На основании успеха кампании Бань Чао в этом регионе английский нумизмат полагает, что копирование монетных типов кушанов туркестанскими царями должно было иметь место до походов известного китайского полководца [Cribb, 1999, p. 184–185; Sims-Williams, Cribb, 1995/1996, p. 103].

¹ Отметим, что датировка надписи из Кхалатса 284/287 г. – нововведение Джо Крибба, ранее предполагалось, что этот памятник датирован 184/187 г. по эре Аза. К сожалению, статья английского нумизмата с обоснованием своего чтения даты в надписи [Cribb, 1997, p. 215–230] была мне недоступна. Но в чтении имени правителя, предложенного С. Коновом, сомневался Э.Д. Рэпсон [Rapson, 1930, p. 191].

Особое значение имеют взаимоотношения кушанских царей с индо-парфянами, прежде всего с Гондофаром и с его наследниками. Основной источник о правлении Гондофара – надпись из Тахт-и Бахи, датированная 26 г. правления этого царя и 103 г. неизвестной эры. В последнее время считается, что неизвестная эра в этой надписи должна отождествляться с эрой Аза/Викрама, начавшейся в 58/57 г. до н.э. [Fussman, 1980, p. 1–43]. Таким образом, правление Гондофара датируется 19/20–45/46 гг. н.э. [Cribb, 1999, p. 185]. Другие свидетельства об этом правителе имеются в «Деяниях апостола Фомы», упоминающих визит Фомы в Индию к ее царю Гондофару, а также в «Жизнеописаниях Аполлония Тианского» Филострата [Cribb, 1999, p. 185–186; Кошеленко, Гаибов, 2001, с. 24–38 (отмечу, что в данной работе исследователи используют хронологическую схему Джо Крибба)].

Дж. Крибб обращает внимание на параллели между чеканами римских императоров и кушанских владык. Можно согласиться с утверждением, согласно которому «единственная установленная кушанская копия римского прототипа – тип Куджулы Кадфиза «голова Августа» [Sims-Williams, Cribb, 1995/1996, p. 104; Göbl, 1993, No 36–40; MacDowall, 1968, p. 144–145]. Но для хронологии эта параллель не столь важна, так как, по наблюдению Е.В. Зеймалю, тесная связь монет Куджулы обнаруживается с монетами Августа, выпускавшимися с 29–27 гг. до н.э. Тем самым монеты Кадфиза I могли быть выпущены после 29 г. до н.э. [Зеймаль, 1968, с. 116–117], а это означает допустимость любого варианта НДК от 78 до 278 г. н.э.

Одними из важнейших данных для решения проблемы кушанской абсолютной хронологии являются взаимоотношения Кушанов с Сасанидами. Точная дата убийства Артабана V, последнего из царей Парфии, и, соответственно, восшествия на престол первого царя из этой династии Ардашира I лежит между 224 и 227 г. н.э. [Litvinsky, 1994, p. 476]. Хроника Табари сообщает о походах Ардашира I на восток и о том, что ему выразил покорность царь Кушан [Nöldeke, 1879, S. 17; Зеймаль, 1968, с. 92–93; PDK, 1968, p. 391]. Надпись Шапура I на Каабе Зороастра (ŠKZ) свидетельствует о распространении его власти на бывшие кушанские территории: «И владею я шахрами: ... Кушаншахром вплоть до Пашкабура (Паталипутры?)» (пер. В.Г. Лукониной) [Луконин, 1969(1), с. 30–31, издания указаны в прим. 8 на с. 21]. Г.А. Кошеленко обратил внимание на то, что в данной надписи есть еще одно свидетельство распространения власти Шапура на территорию кушанов: в ее начале они присутствуют в перечне стран, принадлежащих сасанидскому правителю¹. Недавно А. Никитин опубликовал монету Варахрана I, наследника Шапура I (276–293 гг. н.э.), выпущенную на монетном дворе Балха [Nikitin, 1999, p. 260, 263 (fig. 2,2a)]. В свете этого становится очевидной несостоятельность точки зрения

¹ Среднеперсидский текст в этой части надписи разрушен, но сохранились греческий (ΚΟΥΣΗΝΩΝ ΕΘΝΗ) и парфянский (kwšnhštr) [Кошеленко, 2000, с. 361, прим. 5].

тех исследователей, которые датировали завоевание кушанского царства IV в. н.э. [См., например: Луконин, 1969(1)]¹ Подчеркну, что нумизматические находки из Северного Тохаристана свидетельствуют о распространении на эту территорию власти кушанских царей, включая Васудеву II и Канишку III [Зеймаль, 1983, с. 215–228]², поэтому датировка их правления должна предшествовать по крайней мере царствованию Варахрана I.

В результате перекрестного анализа комплекса данных Джо Крибб пришел к выводу о том, что «... степень неопределенности относительно первого года эры Канишки уменьшается до четырнадцатилетнего периода: от 107 до 120 г. н.э.» (“... the level of uncertainty concerning the first year of the Kanishka Era is thereby reduced to a 14 year period: AD 107–120”) [Cribb, 1999, p. 202]. Он предложил следующую последовательность кушанских царей, представив ее в виде таблицы:

Кушанские цари	Эры в надписях	Предположительные даты н.э.	
		Ранняя	Поздняя
Куджула Кад-физ	Эра Аза, годы 122–136	30–78 гг.	
Вима I Так[то]	Неизвестная эра, год 279	78–90	78–110
Вима II Кадфиз	Неизвестная эра, год 284/287	90–100	110–120
Канишка I	Эра Канишки, годы 1–23	100–126	120–146
Хувишка	Эра Канишки, годы 26–64	126–164	146–184
Васудева I	Эра Канишки, годы 64–98	164–200	184–220
Канишка II	Эра Канишки, годы [1]05– [1]17	200–222	220–242
Васишка	Эра Канишки, годы [1]22– [1]30	222–240	242–260
Канишка III	Эра Канишки, год [1]41	241–270	261–290
Васудева II	Эра Канишки, год 170	270–310	290–330
Щака	Современник Самудрагупты	310–345	330–365

¹ Изложение проблемы кушано-сасанидских выпусков см.: [Пилипко, 1985, с. 16–22; Вайнберг, 1972, с. 129–154].

² Необходимо отметить, что этот исследователь рассматривал выпуски с именем Васудевы как чекан одного правителя, что представляется несоответствующим в настоящее время уже и эпиграфическим данным: Б.Н. Мукерджи опубликовал надпись 170 г. эры Канишки, в которой читается это имя; тем самым царей по имени Васудева было не менее двух. См.: [Мукерджи, 1992, с. 84–87].

Кинупада		345–365	365–385
----------	--	---------	---------

Источник: [Cribb, 1999, p. 188].

Хронологическая схема Дж. Крибба приобрела сторонников среди археологов и нумизматов. Ее поддержали Э.В. Ртвеладзе, Г.А. Кошеленко и В.А. Гаилов, А.А. Вигасин [Ртвеладзе, 1997(2), с. 67–70; Кошеленко, 2000, с. 344–363; Кошеленко, Гаилов, 2001, с. 12]. В целом согласившись с идеями Дж. Крибба, редакторы второго издания «Истории таджикского народа» высказываются осторожнее: «Следует иметь в виду, что эта хронология не вытекает прямо из содержания надписи, а основана на сопоставлении и интерпретации разных источников. Последующие исследования, возможно, внесут определенные коррективы» [ИТН, т. 1, 1998, с. 698]. Но многие кушановеды остались при своем мнении, высказанном подчас еще в 1960-е гг. Оппонентами хронологической схемы, составленной Джо Криббом, выступили Роберт Гёбль, Михаил Алрам и Жерар Фюссман.

Начать рассмотрение этих точек зрения представляется целесообразным с изложения позиции Р. Гёбля, одного из наиболее решительных, наряду с Е.В. Зеймалем, сторонников поздней даты для НДК (232 г.) [Göbl, 1999, p. 151–175]. С точки зрения австрийского исследователя, данные Рабатакской надписи не могут повлиять на абсолютную хронологию правления кушанской династии. Р. Гёбль предполагает, что данные китайских хроник понимаются Дж. Криббом неверно. Имя Yen-kaio-chen отражает имя Вимы Кадфиза: Yen – Вима, gao-zhen – Кадфиз (австрийский нумизмат использует несколько иную транскрипцию китайских иероглифов). Из этого делается вывод о том, что имя Qiu-jiu-que не может отражать имя Куджулы Кадфиза, так как имя Кадфиз передается через gao-zhen. Далее предлагается рассматривать Qiu-jiu-que как Сотера Мегаса-Виму Так[то]. В этой связи сразу подчеркну, что в данном иероглифе отсутствует имя Вима, если Yen – его транскрипция. Но в принципе неясно, на каком основании Р. Гёбль так «доверяет» китайской традицией, известно же, что китайские хроники имеют некоторые специфические особенности, среди которых первой является сложность передачи на китайском языке иностранных имен и названий, поэтому согласование их данных с другими традициями представляется чрезвычайно сложным. Другое важное обстоятельство: звучание иероглифов со временем меняется, поэтому еще одну проблему представляет установление произношения тех или иных имен и названий на китайском в древности и, соответственно, степени справедливости их соотнесения с именами и названиями, известными из другой языковой традиции [Кошеленко, 1984, с. 258–259].

Аргументами Р. Гёбля являются также римско-кушанские и сасанидо-кушанские параллели в чекане, особое значение принадлежит римско-кушанским медальонам Константина. Однако практически ни один из приведенных Р. Гёблем примеров не демонстрирует прямого заимствования с

Запада [Göbl, 1999, p. 154, pl. 3]¹. Да и в принципе правомерно ли утверждать, что кушанский чекан полностью заимствован с Запада? Думается, такой подход не корректен, поскольку выпуски ранних кушанских царей непосредственно наследуют монетным типам индо-скифов и индо-парфян², последние же достаточно точно датированы благодаря надписи Гондофара из Тахт-и Бахи 103 г. эры Аза/Викрама. Что же касается римско-кушанских медальонов Константина, то интерпретация этих памятников очень проблематична. До сих пор остается в силе замечание Е.В. Зеймалю: «Медальон (и аналогии к изображениям и легендам на нем) не дает ответа на вопросы, возникающие у исследователя: когда, где и почему возникла у художника мысль соединить на одном монетном кружке изображения римского императора и кушанской богини. Пока мы не можем ответить на эти вопросы, римско-кушанский медальон не может служить аргументом в пользу каких-либо кушанских дат» [Зеймаль, 1968, с. 123]. Что касается второго (недавно опубликованного) медальона с изображением богини победы, то вопросы, поставленные Е.В. Зеймалем, сохраняют свою силу. Кроме того, почему не предположить, что оба медальона современные подделки, особенно актуальные в связи с постоянными дискуссиями по кушанской хронологии. Не имея возможности исследовать их непосредственно, мы не настаиваем на таком выводе. Но окончательный ответ на вопрос о месте этих памятников могут дать только находки им подобных в четком археологическом контексте.

М. Алрам многое заимствует у Р. Гёбля, хотя согласен и с некоторыми положениями Джо Крибба [Alram, 1999, p. 19–48]. Он принимает дату НДК по Гёблю – 278 г. н.э., идею об отражении в китайских хрониках имен только Вимы Так[то] и Вимы Кадфиза, но при этом соглашается с датировкой правления Куджулы Кадфиза согласно Криббу 30–80-ми гг. н.э.³, а также с мнением о принадлежности монет «Герая» чекану Куджулы. Правда, в отношении последнего тезиса наблюдается некоторая настороженность: «С другой стороны, не исключено, что монеты «Герая» происходят от главы клана юечжей, который правил к северу от Гиндукуша в районах Бактрии, будучи современником Зейониса, Гондофара и Куджулы Кадфиза» [Alram, 1999, p. 25]. Но такая трактовка находится в противоречии с тем, что на рассматриваемых выпусках присутствует слово «ку-

¹ Если сходство и присутствует, то оно слишком общее. В сценах инвеституры у Сасанидов изображается алтарь в центре и две фигуры по бокам от него, у кушанов же обычной является фигура бога без алтаря. Далее, сцена инвеституры встречалась задолго до Сасанидов, например, парфянские монеты с начала их выпуска изображают на реверсе Аршака с луком в руке, что, по мнению исследователей, обозначает сцену инвеституры [Раевский, 1976, с. 81–86; Кошеленко, 1977, с. 84; Зеймаль, 1982, с. 46–49]. Но наши сомнения вовсе не относятся к установленному факту связи поздних выпусков Васудевы (II) с кушано-сасанидскими монетами.

² Например, тип Куджулы Кадфиза «сидящий царь/Зевс» является продолжением типов чекана Мауэса-Аза [Rosenfield, 1967, p. 15], а тип «бык/верблюд» – «бык/лев» Зейониса [Mitchiner, 1976, vol. 8, p. 675–676, 690–693 (types 1055–1060); vol. 7, p. 594–596 (types 883–886)].

³ Так датировал Кадфиза I и Р. Гёбль [Göbl, 1976, p. 21].

шан»¹. М. Алрам полагает, что нельзя относить выпуски «Герая» к поздним стадиям чекана Куджулы, объясняя это тем, что они демонстрируют последовательность деградации. Кажется, в данном случае трудно решить вопрос о месте чекана «Герая» в хронологической последовательности выпусков Куджулы. Заметим, однако, что концепция М. Алрама совершенно не объясняет, во-первых, наличия на монетах «Герая» грамотной греческой легенды при отсутствии таковой на ранних выпусках Куджулы «Гермей/Геракл»; во-вторых, типологического сходства элементов титулатуры в чекане «Герая» и наследников Гондофара Абдагаса и Сасана: ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ («властвующего») и ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ («царствующего») [Mitchiner, 1976, vol. 8, types 1120, 1122, 1126, 1131–1132, 1140, 1141(?) (Abdagases), 1125 (Sasan)].

Особое место в хронологических построениях М. Алрама принадлежит индо-парфянским синхронизмам. Увы, нельзя не отметить некоего умалчивания при доказательстве: так, М. Алрам думает, что существовало два Абдагаса, но никак это не обосновывает. Более того, практически не получила объяснения в его гипотезе упомянутая выше надпись на серебряном свитке из Таксилы 136 г. эры Аза/Викрама, в которой упоминается царь «кушан», что позволяет предположить распространение власти кушанской династии на Таксилу уже в 78 г. н.э. Это же обстоятельство препятствует любому из поздних вариантов НДК. Не отрицая достоверности данных Рабатакской надписи о последовательности кушанских царей, М. Алрам попадает в затруднительное положение: искусственно удлив число индо-парфянских царей и, приняв гипотезу Р. Гёбля о НДК – это 232 г., он вынужден признать, что «... тогда Вима Так[то] и Вима Кадфиз должны править вместе на протяжении более чем 130 лет» [Alram, 1999, p. 46]. Следующий вывод вполне закономерен: «В настоящем я не вижу решения проблемы» [Alram, 1999, p. 46]. Но это и естественно: при принятии поздних вариантов НДК никаких решений такого рода проблем быть не может, ибо возникают исторические лакуны, заполняемые только прямым насилием над фактами.

Думается, необходимы еще некоторые аргументы для демонстрации несостоятельности поздних вариантов НДК. Прежде всего, это полная невозможность согласовать данные о восточных завоеваниях Сасанидов с расцветом кушанской империи при Канишке I и Хувишке. Два этих монарха находились на троне не менее шестидесяти лет, согласно надписям, датированным по эре Канишки [Зеймаль, 1968, с. 29, 32–43]. Их медные монеты, равно как и медные выпуски Васудевы I, неоднократно встречались в районах Бактрии [Зеймаль, 1983, с. 199–203, 212–213, 219–221; табл. 22–24]. Если эра Канишки началась в 232 г., то необходимо допустить одновременную чеканку на монетном дворе Балха и сасанидских мо-

¹ Это было ясно уже А. Каннингэму. См.: [Cunningham, 1888, p. 49].

нет Варахрана и кушанских выпусков Хувишки. Такое предположение совершенно неубедительно.

Следующее наблюдение связано с данными китайских хроник. В них упоминается посольство царя больших юечжей Po-t'iao ко двору династии Вэй, имевшее место в 230 г. н.э. [Zürcher, 1968, p. 371]. Даже если и предположить, что Вима Кадфиз каким-то образом смог дожить до 20-х годов III в. н.э., в рамках концепции Р. Гёбля – М. Алрама совершенно невозможно согласовать имя Po-t'iao с именем gaο-zhen, означающем, согласно Р. Гёблю, «Кадфиз».

Еще одно свидетельство невозможности поздних вариантов НДК было приведено Деборой Климбург-Салтер: среди статуй стоящего Будды из известняка, принадлежащих к искусству Гандхары, есть две, датированные по эре Щака 196 и 262 гг., вся группа относится ко II–III вв. н.э.; образы же сидящего Будды типа Капардин из Матхуры – ранние в эволюционном ряду изображений Щакьямуни, два образа из последней группы имеют даты 31 и 32 гг. эры Канишки; таким образом, «начало использования эры Канишки позднее чем в середине второго века делает эти образы Будды из Матхуры позднее, чем стоящие гандхарские Будды, что невозможно по стилистическим основаниям» [Klimburg-Salter, 1999, p. 13 (там же ссылки на соответствующую литературу)].

Видимо, можно сделать вывод о неприемлемости гипотезы Гёбля–Алрама. Существенно серьезнее обоснования у сторонников уравнивания эры Канишки=эры Щака (78 г.) Ж. Фюссмана, Б.Н. Мукерджи и др. Остановимся на них подробнее.

В своей работе, посвященной Рабатакской надписи, Ж. Фюссман проанализировал все аргументы Джо Крибба [Fussman, 1999, p. 571–651]. Первое наблюдение Фюссмана, с которым трудно не согласиться, – надпись не принадлежит Канишке I и не относится к первому году его правления. Ее цель заключается в увековечении продолжавшегося долгие годы сооружения высокопоставленными чиновниками Шафаром и Ноконзоком царского храма и его введения в эксплуатацию. О Канишке говорится только в третьем лице. Ноконзок, упомянутый в Рабатакской надписи, вероятно, то лицо, которое присутствует в 4-й надписи из Сурх-Котала, датированной 31 г. эры Канишки и относящейся к правлению Хувишки.

Ж. Фюссман указывает на трудности чтения 13-й строки надписи из Рабатака: «Первая половина 13-й строки почти не читаема. Восстановление первых четырех слов не может рассматриваться как уверенное. Последовательность ООНМО ТАКТОО крайне сомнительна: я читаю только ..НМ...АК..О» [Fussman, 1998, p. 604]. Но чуть ниже, сопоставляя чтение Н. Симс-Вильямса, Б.Н. Мукерджи и свое, исследователь пишет: *ēmo .ak[to]o*. Думается, в настоящее время предложить иную интерпретацию знаков 13-й линии, нежели упоминание в ней Вимы Так[то], невозможно. Это не опровергает идей Дж. Крибба.

Более важен анализ надписей из Мата, об одной из них (упоминающей Виму) говорилось выше. Г. Людерс, публикуя надпись, предложил переводить ее так: «The *mahārāja rājādirāja devaputra*, the scion of the Kuṣans, *oāhi Vema* (?). By the *bakanapati* of Takṣuma(?), Humaṣpala(?), a temple was caused to be made, (moreover) a garden, a tank, an assembly hall, a gateway». Как видно, если принять такой перевод, при котором *Takṣumasya* никак не связано с *Vema*, нет оснований для решения вопроса, о каком Виме идет речь. Именно на таком понимании первых двух строк и настаивает Ж. Фюссман, добавляя также, что необходимо помнить о положении надписи – в ногах у статуи. Отсюда делается вывод, что возможен перевод: «[This is] the *mahārāja rājādirāja devaputra*, the scion of the Kuṣans, [x x *Vema*]» [Fussman, 1998, p. 609]. Следует подчеркнуть, что чтение Дж. Крибба действительно не принимает в расчет разницы в падежах: *Vemo* стоит в именительном падеже, а *Takṣumasya* – родительном. По поводу надписи из Мата, где упоминается Хувишка и его дед, Ж. Фюссман справедливо замечает, что это неполный памятник и его интерпретация затруднительна. Он думает, что святилище в Мате было создано при Канишке, при том этот царь мог быть дедом Хувишки. Если идея о возведении святилища в правление Канишки выглядит довольно убедительно, то последнее предположение никак не вытекает из известных нам материалов.

Ж. Фюссман останавливается и на предложенной атрибуции Виме Так[то] надписи I из Дашт-е Навура [Fussman, 1998, p. 614–619]. Он не отрицает того, что в ее третьей строке читается *ooēmo taktoo*. Исследователь отмечает, что надписи I, III и IV из Дашт-е Навура являются трилингвой и в последней из них в третьей строке читается *vhamakuśasa*. Возможно, имя *Vhama*, легко исправляемое на *Vh[e]ma*, соответствует *ooēmo*, занимающему ту же позицию в DN I. Термин *kuśasa*, исправленный на *ku(ø)a[na]sa*, находит параллель в бактрийском *košano* из 4-й строки DN I. Во всяком случае, имя *Vhama* не сменяется последующим словом, равнозначным *tak-too* [Fussman, 1998, p. 618]. Кроме того, надписи DN I и IV датированы 279 г., что, по Ж. Фюссману, следующему интерпретации А.Д.Х. Бивара, необходимо сопоставить со второй надписью из Сурх-Котала, датированной тем же годом [Bivar, 1963, p. 498–502; Fussman, 1998, p. 618; cf.: Harmatta, 1965, p. 161f.; Harmatta, 1994, p. 427]. Отсюда Ж. Фюссман делает вывод: 279 г. неизвестной эры – предыдущий первому году царствования Канишки и один из последних лет правления Вимы Кадфиза. Но в таком случае необходимо объяснить датировку надписи из Кхалатса, где упоминается Вима Кадфиз, 284/287 г. неизвестной эры.

Ж. Фюссман касается и проблемы интерпретации «безымянного царя» (Сотера Мегаса). С его точки зрения, нет аргументов в пользу того, что его монеты выпускались Вимой Так[то], бывшим при том сыном Куджулы Кадфиза и отцом Вимы Кадфиза. Напротив, возможно, Вима Так[то] в принципе никогда не правил. Исследователь приводит такие доводы, как

история французских и английских династий, с одной стороны, и пример Садашканы, сына Куджулы Кадфиза, носившего, как и Вима Так[то], титул «девапутра». Садашкана действительно никогда не правил [Fussman, 1980, p. 5; Fussman, 1982, p. 1–46], но почему у кушанского царя должен быть только один сын и непременно наследник? Вполне возможно, что у Куджулы за его долгую жизнь (китайские хроники отмечают, что он умер в весьма почтенном для того времени возрасте восьмидесяти с лишним лет отроду) было много детей, и это более соответствует представлению о династии с кочевым прошлым. По поводу личности Сотера Мегаса Ж. Фюссман делает очень странное предположение: «C'est désormais une solution plus simple que de considérer Sōter Megas comme un usurpateur kouchan, ayant interrompu pour une génération la succession régulière des descendants de Kujula Kadphisès, un peu comme Napoléon venu s'intercaler entre Louis XVI et Louis XVIII» [Fussman, 1998, p. 621]. Мне такая интерпретация представляется невозможной по нескольким соображениям, в первую очередь, из-за преемственности между тамгами на монетах Сотера Мегаса и Вимы Кадфиза [Массон М.Е., 1950, с. 36–37]. Не ясно, почему узурпатор (если принять гипотезу Ж. Фюссмана) использует типологически схожий родовой знак другой династии. Сходство титулатуры нельзя не принимать во внимание (у Вимы Кадфиза к титулу «великий царь, царь царей, великий спаситель» добавляется имя) [Зеймаль, 1983, с. 160, 182]. Важно подчеркнуть историческую невероятность концепции Ж. Фюссмана: мощь узурпатора оказывается столь значительной, что ему удается подчинить своей власти огромные территории (это доказывается ареалом распространения его монет), при том наследник Куджулы в том же регионе не находит силы для возвращения на престол. Все эти пертурбации не находят никакого отражения ни в одном из известных источников. В целом, можно заключить, что сомнения Ж. Фюссмана в существовании Вимы Так[то] не убедительны.

Необходимо указать на то, что французский историк высказывает сомнения в справедливости использования для решения проблемы некоторых групп источников, в том числе «Деяний апостола Фомы», римско-кушанского медальона, надписей бактрийским письмом из Точи, эпиграфических памятников из Кхалатса, Панджтара и серебряного свитка из Таксилы [Fussman, 1998, p. 624–627]. Что касается первого из перечисленных источников, то, как показали Г.А. Кошеленко и В.А. Гаилов, он содержит историческое зерно: «... Гундафар «Деяний» должен быть идентичен Гондофару монет... Фома действительно посетил северо-западную Индию в тот период, когда она находилась под властью индо-парфянского царя Гондофара» [Кошеленко, Гаилов, 2001, с. 29, 31–32]. Датировка же правления последнего точно установлена благодаря надписи из Тахт-и Бахи – 19/20–45/46 гг. н.э. (см. выше). В отношении римско-кушанского медальона Ж. Фюссман абсолютно прав, чего нельзя сказать о его взглядах

на надписи из Точи. Несомненно, они датированы по так называемой кушано-сасанидской эре, начавшейся в 232/233 г. [Sims-Williams, 1999, p. 245–258], хотя начало ее использования вполне могло далеко отстоять от этой даты. Возможно, ее ввели после образования кушано-сасанидского наместничества, что имело место не ранее правления Шапура I, по Дж. Криббу [Cribb, 1999, p. 186], или Шапура II, по А. Никитину [Nikitin, 1999, p. 259–263], взяв за начальную дату первый успех Сасанидов на Востоке при Ардашире. В пользу того, что эту эру использовали уже при Шапуре I, говорит опубликованная Н. Симс-Вильямсом надпись, датированная ее 35 г. [Sims-Williams, 1999, p. 254].

Сомнения Ж. Фюссмана в отношении вышеупомянутых надписей кхароштки не всегда представляются обоснованными: если их принять целиком, то окажется, что до Канишки на языках Индии историография не располагает ни одной надписью кушанских царей. Во всяком случае, надпись 136 г. эры Аза (78 г. н.э.) удовлетворительной сохранности. Приписать ее Канишке весьма затруднительно, поскольку этот царь ввел новую эру. Более весомо сомнение Ж. Фюссмана в справедливости использования надписи 122 г. неизвестной эры: она была утеряна в 1853 г. и известна только по данным А. Каннингэма, в эпоху деятельности которого алфавит кхароштки был расшифрован, но его изучение находилось в начальной стадии. Кроме того, надпись неполная. Но следует подчеркнуть, что практически все исследователи полагали данную надпись принадлежащей кушанскому царю – Куджуле [Van Lohuizen-de Leeuw, 1949, p. 361] или Виме [Kumar, 1973, p. 44] Кадфизам, причем первый вариант, как указывалось выше, предпочитает Джо Крибб. Часть надписи 122 г. неизвестной эры *Guānasa* многие авторы, в том числе Стен Конов и Е.В. Зеймаль, рассматривают как транслитерацию имени Кушан [Konow, 1929, p. 67–70; Зеймаль, 1968, с. 20], в чем, наверное, не вполне оправданно сомневается Ж. Фюссман [Fussman, 1998, p. 626]. Известна надпись Васишки из Камры, где также использовано написание *Guānasa* [Mukherjee, 1973, p. 111–117; Dobbins, 1975, p. 105–109].

Что касается китайских хроник, то Ж. Фюссман указывает на невозможность точного соотнесения имени Yen-kaο-chen с Вимой Так[то] или Вимой Кадфизом. Он подчеркивает, что китайские источники представляют собой компиляции разновременных по характеру документов; например, начальная часть описания государства Больших юечжей-кушанов в «Хоу-Ханьшу» заимствована из «Цянь-Ханьшу».

В целом, французский исследователь переносит акцент с проблемы НДК на вопрос о введении эры Щака, и с его точки зрения, именно Канишка, который действительно ввел новую эру, может быть тем царем, кто причастен к эре Щака. По существу, это аргумент логического порядка. Все остальные датировки (такие, как отнесение правления Куджулы Кадфиза к первой половине I в. н.э., а Вимы Кадфиза – к его третьей четверти)

реконструируются исходя из принятия НДК=78 г. Тем не менее, Ж. Фюссман отмечает возможность отнесения НДК к любому году от 78 до 125 г. [Fussman, 1998, p. 633, 599].

Таким образом, можно сделать вывод, что диапазон НДК существенно сузился по сравнению с эпохой лондонской и душанбинской конференций, когда на равных боролась и концепция Р. Гиршмана (НДК=144 г.). Будучи жестко увязанной с сасанидским завоеванием Кушанского государства и с представлением о том, что по эре Канишки надписи датированы только в промежуток с ее 1 по 98 годы, эта гипотеза после открытия надписей 108 и 170 гг. эры Канишки лишилась одного из своих основных аргументов [ЦАКЭ, т. 1, 1974, с. 309; Мукерджи, 1992]. Кроме того, против нее и ранее выдвигался довод, связанный с невозможностью одновременного расцвета Кушанов при Канишке I и подъема Западных кшатрапов при Рудрадамане [Rosenfield, 1967, p. 257].

Прежде чем завершить обзор¹, хотелось бы изложить соображения по поводу дальнейшего уточнения НДК. Не претендуя на окончательное решение, отмечу некоторые данные, делающие затруднительным ранний вариант НДК (78 г.).

Во-первых, сложно согласиться с самим отрицанием правления Вимы Так[то], хотя его длительность остается загадкой². Необходимо также объяснить использование в бактрийских надписях из Дашт-е Навура дат по бактрийской эре, точнее – установить ее вероятное начало. Из эр, о которых часто пишут историки, можно указать на одну – Евкратиды I (171 г. до н.э.) [Bernard, 1985, p. 97–105]. Тогда 279 г. эры Евкратиды оказывается 108 г. н.э. Это автоматически отодвигает НДК к 120 г., поскольку необходимо учитывать царствование Вимы Кадфиза (если надпись из Дашт-е Навура принадлежит Виме Так[то]). Но само существование особой эры Евкратиды вызывает у нас определенные сомнения: во-первых, у нас нет других надписей в той же системе летоисчисления; во-вторых, недавно открытый пергамен (фактически единственный памятник, который может быть сопоставлен с надписью 24 г. из Ай-Ханум) датирован 4 г. правления Антимаха I Теоса, Евмена и Антимаха II Никефора [Bernard, Grenet, Rapin, 1996,

¹ В 2000 г. была опубликована работа Л.А. Боровковой, посвященная анализу НДК. Тесно связанная с общей концепцией истории юечжей, созданной этой исследовательницей (принять которую мы не можем по разным причинам, однако останавливаться здесь на них нет возможности), статья была подготовлена до публикации Рабатакской надписи и имеет, следовательно, скорее историографический, нежели научный интерес, хотя ее вывод НДК=103 следует теории А.К. Нарайна. См.: [Borovkova, 2000, p. 96–119]. Концепция истории юечжей изложена в монографии: [Боровкова, 2001, с. 90–117, 157–180; см. также: Боровкова, 1989; Заднепровский, 1991, с. 155–159].

² В монографии Й.Э. ван Лохюйзен де Леев указывается на интересную особенность пуранического списка царей тохаров (именно под этим именем кушаны были известны в Индии): две разные версии отличаются друг от друга числом правителей – в первом случае их 13/14 (царствовали 104,5 или 199 лет), во втором 10/11 (103 или 199 лет). Голландская исследовательница видит возможность отражения здесь косвенного противостояния группы Кадфизов (третьим правителем она считает Зейониса/Джихонику) и Канишки [Van Lohuizen-de Leeuw, 1949, p. 26]. Поскольку данные пуран весьма противоречивы [Вигасин, 1984, с. 293; Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 45–46], постольку нельзя считать их решающим аргументом, однако в данном случае такая интерпретация не противоречит эпиграфическим материалам.

р. 458–469 (раздел о пергамене написан Клодом Рапеном)]¹. Возможно, в надписях из Дашт-е Навура использована иная эра, причем мы склонны признать последнее, так как не ясны причины, по которым юечжи могли бы заимствовать летосчисление побежденных ими правителей, и такая дата, как будет ясно ниже, не очень удачно согласуется с кушано-сасанидскими параллелями. Есть еще несколько царей Греко-Бактрии и Греко-Индии, которые могли бы стать основателями собственной эры, в том числе Деметрий I, начавший покорение Индии. Приблизительная датировка его правления – 200–190 гг. до н.э. [Borearachchi, 1991, p. 49] Другая возможность, не замеченная Дж. Криббом: успешное преодоление Эвтидемом I осады Антиоха III Великого в 206 г. до н.э. могло привести к введению нового летоисчисления. Впрочем, это недоказанные предположения. Событий же в истории кушанов (тем более юечжей), которые могли бы стать причиной введения нового летосчисления, в конце II в. до н.э. найти не удастся (хотя Э.В. Ртвеладзе считает, что таковым может быть год начала странствования юечжей – 180 г. до н.э., по Е. Цюрхеру [Ртвеладзе, 1997(2), с. 69]).

Во-вторых, нумизматические данные показывают, что наиболее ранние монеты Куджулы чеканились не ранее середины I в. н.э.: это последняя (девятая) группа подражаний монетам Гермия, на реверсе которой стоит имя Кадфиза I, в то время как седьмая их группа датирована О. Бопеараччи 40-ми годами н.э., поскольку один экземпляр шестой группы надчеканен Гондофаром [Borearachchi, 1991, p. 123–124; cf.: Borearachchi, Rahman, 1995, p. 39–40, 44]. Если вспомнить о наличии других типов Куджулы, а также необходимости временного интервала для весьма многочисленных выпусков Сотера Мегаса и монетной реформы Вимы Кадфиза, то 78 г. кажется менее вероятным, нежели начало второго столетия.

Нумизматика может привлекаться и ретроспективно: необходимо помнить о сасанидских связях. Джо Крибб показал, что Васишка и Канишка III были современниками сасанидского завоевания западных территорий кушанского царства при Ардашире I – Шапуре I [Cribb, 1990, p. 151–193], однако этим данные кушано-сасанидской нумизматики не исчерпываются. Дело в том, что поздние монеты с именем Васудевы непосредственно сменяются чеканом кушаншаха Хормизда, будущего царя Сасанидов Хормизда II (303–309 гг.) [Луконин, 1969(2), с. 144; Кошеленко, 2000, с. 360, прим. 3]. Кушаншахом он был, видимо, в конце III в. [Кошеленко, 2000, с. 346–347, 354–358]. На этом основании можно предположить, что чекан Васудевы II должен заканчиваться в последних десятилетиях III в. Помня о чекане Варахрана I в Балхе и наличии поздних выпусков Васудевы (и подражаний им) в Бактрии, следует признать необходимым отказ от помещения

¹ Датировочная формула: βασιλευόντων θεου Ἀντιμάχου καὶ Εὐμένους Ἀντιμάχου] («в правление царей Антимаха, и Евмена, и Антимаха...»).

НДК и в район 120 г. н.э. (если учитывать и надпись Васудевы 170 г. эры Канишки¹).

Как нетрудно убедиться, основой хронологических выкладок являются нумизматические данные. Но другие источники не дают достоверной информации. Е.В. Зеймаль указывал на невозможность существования кушанского царства до 25 г. н.э., поскольку «Цянь-Ханьшу» о нем ничего не знает [Зеймаль, 1983, с. 148]. Этот аргумент не противоречит данным нумизматики, о которых говорилось выше. Что же касается эпиграфических материалов, то здесь ситуация сложнее. Надпись 136 г. на серебряном свитке из Таксилы, датированная по эре Аза, указывает на то, что тогда Канишка еще не правил (для кушанского периода мы не располагаем документами с этим летоисчислением). Но можно ли делать, вслед за Дж. Криббом, вывод о принадлежности ее к царствованию Куджулы Кадфиза? Думается, и здесь прав Ж. Фюссман, это не вытекает из надписи, где нет имени царя. Кроме того, хотелось бы обратить внимание на один уже отмеченный в литературе, но не получивший убедительного объяснения факт незначительного по объему именного чекана Куджулы Кадфиза. М.Е. Массон приписал ему выпуски Сотера Мегаса, что оказалось не соответствующим фактам, а Джо Крибб – чекан «Герая» [Массон М.Е., 1950, с. 11–49; Cribb, 1993, p. 107–134]. Однако если последнее предположение и верно в нумизматическом контексте², то это не дает возможности утверждать, будто Куджула правил очень долго. Монетные данные скорее свидетельствуют о том, что он совершил свои завоевания уже в почтенном возрасте, чем и объясняется малое количество его именных монет. Следовательно, вполне допустимо датировать его походы серединой и третьей четвертью I в. н.э. Таксильская же надпись может относиться к любому из двух Вим, а не только к Куджуле. Городом Таксилью кушаны завладели уже вскоре после Гондофара, точно правившего в 46 г. Вероятно, данное деяние можно приписать первому из Кадфизов [Cribb, 1993, p. 124–125], так как Сиркап дал 2522 его монеты [Fussman, 1998, p. 627, n. 126]. Другой аргумент: в Таксиле располагалась сатрапия Зейониса, по отношению к монетам которого выпуски Куджулы демонстрируют преемственность.

Следует вспомнить и о посольстве ко двору династии Вэй в 230 г. Поскольку в области китайской фонетики до сих пор отсутствует надежность, постольку будет рискованным утверждать, что Po-t'iao представляет собой точную транскрипцию имени «Васудева» [Pelliot, 1934, p. 23; Rosenfield, 1967, p. 105; ЦАКЭ, т. 1, 1974, с. 309–310]. Г.А. Кошеленко предположил, что под этим именем мог скрываться и Васишка, правление которо-

¹ Б.Н. Мукерджи [1992] рассматривает эту надпись как доказательство ранней даты Канишки, между тем, нет оснований для утверждения о полном подчинении Кушанов Сасанидам при Шапуре I, поскольку, например, в Аллахабадской надписи Самудрагупты кушанский царь, видимо, упоминается. См. [Зеймаль, 1968, с. 74–76; Ср.: Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 409–410].

² Его поддержали М. Алрам (см. выше) и Е.В. Зеймаль [Zeymal, 1999, p. 241; cf.: Fussman, 1998, p. 630, n. 132].

го приходится на 220–240 гг. по ранней схеме Дж. Крибба [Кошеленко, 2000, с. 361, прим. 4]. Вряд ли возможно это доказать, но, по крайней мере, другие кушанские имена (Канишка и Хувишка) еще менее соответствуют китайской транскрипции.

Ж. Фюссман задал вопрос о том, кто и почему ввел эру Щака. Оставить его без ответа невозможно, хотя решение французского историка очень заманчиво. Тем не менее, допустим и другой подход: известно, что по эре Щака датированы надписи Западных кшатрапов [Зеймаль, 1968, с. 71]. Не следует ли из этого, что 78 г. н.э. был годом начала царствования их династии? Насколько можно судить по имеющимся материалам, это не противоречит известным данным.

Подводя итоги, можно сделать некоторые выводы. Во-первых, кушанская хронология после открытия Рабатакской надписи стала существенно точнее, нежели ранее. Многие гипотезы следует отбросить, например, Р. Гёбля и Р. Гиршмана. Во-вторых, достаточно убедительно выглядит концепция Джо Крибба, но ее можно уточнить в сторону ранней даты. В-третьих, некоторые сомнения вызывает традиционная концепция, связывающая НДК с эрой Щака. В целом, нам кажется, что наиболее близким к истине будет первое десятилетие II в. н.э.

Приложение № 3. Некоторые проблемы истории Греко-Бактрии первой трети II в. до н.э.

История эллинистических государств, образовавшихся в результате восточного похода Александра Великого, давно привлекает внимание исследователей. После отпадения от державы Селевкидов Бактрии во главе с ее сатрапом Диодотом возникает знаменитое Греко-бактрійское царство – «Дальний Восток эллинистического мира», по выражению У.В. Тарна. Эволюция этого общества интересовала многих авторов: от академика Т.З. Байера, опубликовавшего в 1738 г. первое посвященное ему исследование, и до современных зарубежных и отечественных историков и нумизматов. В последние годы были получены некоторые новые материалы, позволяющие уточнить остающиеся не вполне ясными сюжеты истории Греко-Бактрии. Речь идет о недавно открытом пергамене, содержащем важную информацию о финансовых, политических и социальных институтах этого царства, и разнообразных монетных находках, публикация и тщательный анализ которых принадлежит известному французскому нумизмату О. Бо-пеараччи [Bernard, Rapin, 1994, p. 261–294; Bernard, Grenet, Rapin, 1996, p. 458–469; Rea, Senior, Hollis, 1994, S. 261–280, pl. V–VI; Bopearachchi, 1991; Bopearachchi, Rahman, 1995; Sylloge, 1998]. В нашей работе хотелось бы решить две задачи: во-первых, представить картину политической истории Греко-Бактрии в первой трети II в. до н.э., во-вторых, проанализировать возможности интерпретации открытого пергамена для конструкции исторических явлений в государстве греков в «сердце Азии».

Прежде всего, важно в общих чертах рассказать об основных обстоятельствах политической жизни Греко-Бактрии в конце III в. до н.э. В середине этого столетия бактрійский сатрап Диодот провозглашает себя царем и официально отказывается признавать владычество над своей областью селевкидского государя Антиоха II [Подробнее см.: Bopearachchi, 1991, p. 41–43]. После смерти Диодота I на престол молодого государства вступает его сын Диодот II (Iust. XLI,4), которого вскоре свергает Эвтидем I. Это событие датируется приблизительно 239/238 г. до н.э. Эвтидем I был явно незаурядным правителем. Наиболее известный связанный с ним исторический сюжет – его война с селевкидским царем Антиохом III Великим, решившим повторить успехи Александра Македонского и воссоздать его державу. Предпринятый им «Восточный поход» был описан в труде греческого историка Полибия (дошедшем до нас не полностью), и именно в этом изложении содержатся некоторые сведения по греко-бактрійской истории. В X-й книге Полибия рассказывается о столкновении между войсками Антиоха III и Эвтидема, не очень удачном для владыки Бактрии, так как ему пришлось отступить с поля боя и укрыться в своей хорошо укрепленной столице Бактрах-Зариаспе. Но и Антиоху не удалось достичь своей цели: полного разгрома бактрійского войска. Он был вынужден вести оса-

ду города в 208–206 гг. до н.э. Постепенно селевкидский царь и его бактрийский оппонент стали осознавать невозможность продолжать конфликт, изматывающий их силы, и необходимость разрешить его с максимальным учетом интересов обеих сторон. Начались переговоры, переданные с литературным изяществом у Полибия:

«Эвтидем также был родом из Магнесии и потому в беседе [с Телеем] высказывал, что Антиох действует несправедливо, стараясь лишить его царства. Не он первый, продолжал Эвтидем, восстал на царя; напротив, он достиг владычества над Бактрианою тем, что истребил потомство нескольких других изменников. Долго говорил так Эвтидем и наконец просил Телея оказать ему услугу в мирном посредничестве и убедить Антиоха оставить за ним царское имя и сан; если Антиох не исполнит его просьбы, то положение обоих становится небезопасным. На границе, продолжал он, стоят огромные полчища кочевников, угрожающие им обоим и, если только варвары перейдут границу, то страна наверное будет завоевана ими. С этими словами Эвтидем отпустил Телея к Антиоху. Царь давно уже мечтал о прекращении войны и потому охотно принял сообщенные Телеем условия замирения. Не раз еще Телей переходил от одного к другому; наконец Эвтидем послал сына своего Деметрия привести переговоры к концу. Царь принял его ласково и нашел, что юноша и по наружному виду, и по прекрасному обращению достоин царского сана, поэтому, во-первых, обещал ему руку одной из дочерей своих, во-вторых, согласился удержать за отцом его царское звание. Прочие условия вошли в письменный договор, и клятвенный союз был заключен. Снабдив войска обильными припасами и взяв с собою слонов Эвтидема, Антиох снялся со стоянки... Так завершился поход Антиоха в верхнюю Азию, когда он подчинил своей власти не только сатрапов верхних областей, но также приморские города и владык земель по сию сторону Тавра, вообще упрочил свою власть отвагою и настойчивостью, внушавшими страх всем его подданным. И в самом деле, благодаря этому походу не только народы Азии, но и Европы признали в нем человека, достойного царской власти» (пер. Ф.Г. Мищенко) (Polyb. XI.34.1–10, 14–16).

Насколько можно судить по этому сообщению Полибия, Эвтидем сохранил свой титул, признав номинально власть Антиоха. О реализации замысла селевкидского владыки о восстановлении государства Александра Македонского говорить не приходится: нет никаких сведений, которые могут быть истолкованы как свидетельство административного и финансового контроля Селевкидов над признавшими власть Антиоха землями. Но для Эвтидема результат двухлетней осады тоже оказался плачевным: согласно наблюдениям О. Бопеараччи, в последние годы жизни этого царя начинаются выпуски подражаний его монетам в Согдиане, что свидетельствует об отложении этой области от Греко-бактрийского царства [Voreagachchi, 1991/1992, p. 1–21]. Если после свержения Диодота II Эвтидем за-

нимался укреплением своей власти, а страна находилась в состоянии относительной стабильности, о чем свидетельствует обильный серебряный чекан, в котором могут быть выделены четырнадцать групп различных номиналов [Borearachchi, 1991, p. 154–159, pl. 2–3], то столкновение с Антиохом привело к значительному напряжению сил и неизбежному в условиях осады ослаблению контроля над дальними территориями. Во всяком случае, можно, кажется, утверждать, что после Восточного похода Антиоха III Греко-Бактрия хоть и устояла как самостоятельное государство, все же ослабела внутренне. Это позволяет объяснить два последующих феномена ее истории: борьбу за власть внутри греческой верхушки и медленное завоевание Индии – медленное потому, что для закрепления греческих династий на северо-западе Индостана потребовалось полвека. Лишь после смерти «Великого царя» Евкратида I Менандру I удастся на короткий срок стабилизировать обстановку внутри индо-греческих владений [Borearachchi, 1991, p. 76–88], после чего усобицы вспыхнут с новой силой с участием как греков, так и (с I в. до н.э.) сакских и парфянских династий.

В цитированном выше фрагменте Полибия упоминается сын Эвтидема I Деметрий, который вводит нас уже в избранный для рассмотрения период истории. На рубеже веков Эвтидем умирает и именно Деметрий занимает его место. Остается неясным, выполнил ли Антиох III свое обещание выдать за этого монарха свою дочь, но для нового бактрийского царя более важным оказалось южное направление бактрийской политики: Деметрий I признается историками первым по времени греко-бактрийским завоевателем Индии. Вместе с тем эти завоевания не были обширными, и этот «достойный царского сана» молодой монарх, вероятно, смог подчинить своей власти только Арахосию и Паропамисады [Borearachchi, 1991, p. 49–53]. Исидор Харакский упоминает о существовании в Арахосии города Деметриады (Isid. Charax. Mans. Parth. 19). Изображение Деметрия I на некоторых монетах в головном уборе, покрытом скальпом слона, указывает на связь с Индией [Borearachchi, 1991, p. 164–166, pl. 4, séries 1–3]. Однако некоторые историки и нумизматы высказывали предположение о существовании только одного царя с таким именем [См., например: Массон В.М., 1961, с. 39–45; Curiel, Fussman, 1965, p. 75–76; Mitchiner, 1975, vol. I, p. 46–48; cf.: Macdonald, 1922, p. 448; Tarn, 1951, p. 77–78; Narain, 1957, p. 27–45; Audouin, Bernard, 1974, p. 34–36]. Но стилистические показатели монет и распределение выпусков с этим именем вкладах позволили О. Бопеараччи установить, что Деметриев было двое и содержащаяся у Юстина информация о сопернике Евкратида I, бывшем «королем индов» (Iust. XLI.6.4), относится к Деметрию II. В тексте Страбона, упоминающего покорение ряда земель в Индии «Деметрием, сыном Эвтидема» (Strab. XI.9.1), использована информация Аполлодора из Артемиды, автора достаточно точного, но в данном случае спутавшего двух одноименных владык [Borearachchi, 1991, p. 51].

История Греко-Бактрии в период от Деметрия I до Евкратиды I известна только по монетам, хотя в ряде отношений ее проясняет опубликованный недавно греко-бактрийский пергамен. Монетные выпуски свидетельствуют о существовании Эвтидема II, Агафокла и Панталеона, Антимаха I Теоса, Антимаха II Никефора, Аполлодота I и Деметрия II. Деметрию I, по общему мнению, прекратившему царствовать около 190 г. до н.э., наследовал Эвтидем II, вероятно, сын Эвтидема I. Правда, вопрос о родовых отношениях между этими двумя правителями (хотя не только между ними) решается гипотетически, так как никаких непосредственных данных по нему не имеется. С точностью можно утверждать, что власть Эвтидема II распространялась лишь на территорию собственно Бактрии, а его правление было непродолжительным, поскольку его монетные выпуски довольно немногочисленны [Borearachchi, 1991, p. 168–171, pl. 5–6]. Решить, умер ли он своей смертью или был убит своими соперниками, также не представляется возможным (впрочем, то же может быть сказано о большинстве царей греко-бактрийской и индо-греческой истории). Родственные чувства, если вспомнить об убийстве Евкратиды I собственным сыном (Iust. XLI.6.5), не препятствовали применению насилия в борьбе за власть.

Монеты Эвтидема II обладают стилистической общностью с чеканами Агафокла и Панталеона: на них одинаково расположены концы диадемы, сильно выступающие по отношению к царскому портрету, а сами изображения правителей, согласно О. Бопеараччи, демонстрируют физиогномическую близость [Borearachchi, 1991, p. 55]. Эти три монарха чеканили также, помимо серебряных, медно-никелевые и бронзовые монеты, на которых можно заметить сходство голов Аполлона на выпусках Эвтидема II и Диониса на выпусках Панталеона и Агафокла. Эти два последних царя правили уже на непосредственно индийских территориях, но точное расположение их владений не вполне ясно. Единственное, что не поддается сомнению – распространение власти Агафокла на Таксилу [Borearachchi, 1991, p. 57–58]. Панталеон правил меньшее время, чем Агафокл [Borearachchi, 1991, p. 58].

Наиболее интересные среди доступных нам сведений об этих царях связаны с введением ими двуязычного чекана и использованием изображений уже индийских божеств Васудевы-Кришны и Самкаршаны [Borearachchi, 1991, p. 56–59; Borearachchi, Rahman, 1995, p. 28–29]. Монеты с образами названных индийских богов выпускались только Агафоклом. Божества представлены в виде двух мужских фигур, стоящих в одинаковой позе и облаченных в один и тот же тип одежды, но различающихся своими атрибутами: Самкаршана держит миниатюрную соху и пест, Васудева-Кришна – диск (чакру) с шестью спицами и раковину [Borearachchi, 1991, p. 175, pl. 7, sér. 9; Audouin, Bernard, 1974, p. 6–41]. Это позволяет предположить и значительное развитие земледелия в районах [подробнее см.:

Сердитых, 1996(2), с. 148–156], где царствовал Агафокл, и уважение царем местных культов. Гипотеза об «индианизации» греков в это время напрашивается сама собой, но, поскольку кроме монет других сведений о религиозных воззрениях Агафокла не имеется, допустима и иная точка зрения: греческий монарх использовал в иконографии своего чекана индийских богов с идеологическими намерениями. А наличие, например, одноязычных выпусков этого царя с изображением на реверсе Зевса, держащего Гекату, свидетельствует о сохранении в официальной религиозной идеологии греческого элемента [Vosearatchi, 1991, p. 172–173, pl. 6–7, sér. 1–4]. На лицевой стороне некоторых монет Агафокла и Панталеона представлено и женское божество, держащее в руке лотос, которое рассматривается либо как сестра Кришны Эканамса-Субхадра, либо как Лакшми, богиня плодородия и изобилия [Vosearatchi, 1991, p. 176, pl. 8, sér. 10; Vosearatchi, Rahman, 1995, p. 28]. В таксильском чекане Агафокла использованы традиционные для индийских монетных выпусков (*bent-bars and punch-marked coins*) образы: холм со звездой над ним и дерево внутри прямоугольной ограды [Vosearatchi, 1991, p. 59, 176, pl. 8, sér. 11]. Двухязычные легенды (на греческом языке и на брахми или кхароштхи) некоторых монетных серий Агафокла и Панталеона говорят о том, что эти выпуски предназначались для обращения на территории к югу от Гиндукуша, хотя эти правители чеканили и монеты аттического образца (например, названный выше тип с Зевсом, держащим Гекату, у Агафокла).

Помимо индийских мотивов в чекане Агафокла, в нем существует еще одна примечательная черта, которую он разделяет с Антимахом I Теосом: выпуск «коммеморативных» (памятных/мемориальных) монет [Vosearatchi, 1991, p. 177–180, 187, pl. 8, 10]. Изучение этой нумизматической группы позволило Г.А. Кошеленко и З.В. Сердитых предположить существование в Греко-Бактрии царского культа – института, существовавшего в большинстве эллинистических государств [Кошеленко, Сердитых, 1986, с. 3–30]. В свете недавно открытого пергамена эта концепция, выдвинутая первоначально на основании нумизматических сведений и аналогий из других стран эллинистического мира, получила эпиграфическое подтверждение. Пергамен гласит:

«В правление Антимаха Теоса, и Евмена, и Антимаха, сына последнего (?), в год 4-ый, месяц Олойос, в Асангорне, X был номофилаком, Менодот сборщик налогов (*λογευτης*), в присутствии Y, посланного Демонаксом, кто прежде был... и в присутствии Симоса... через... Диодора «начальника доходов» (*επι των προσδων*), получает от Z, сына Датаэса, того, кто должен сумму в 20 статеров от продажи nnn голов животных для жертвоприношения [список жертв?]]» (перевод Ф. Грене и Кл. Рапэна) [Bernard, Grenet, Rapin, 1996, p. 480].

Необходимо отметить, что в этом любопытном документе присутствует некий Евмен, неизвестное по монетным данным лицо. Второй Анти-

мах, с точки зрения французских и английских исследователей, может быть отождествлен с Антимахом II Никефором [Bernard, Grenet, Rapin, 1996, p. 463–464; Rea, Senior, Hollis, 1994, p. 264, 271]. Вопрос о дате документа следовало бы обсудить подробнее; пока важно указать на то, что, согласно П. Бернару и Кл. Рапэну, месяц Олойос представляет собой один из месяцев македонского календаря «Лос» (Λωος) [Bernard, Rapin, 1994, p. 275–278], приходящийся на июнь–июль. Показательно использование в деловой документации летосчисления, принесенного из Греции. В целом, пергамен является документом хозяйственной отчетности, и многие содержащиеся в нем должности заставили французских исследователей обратиться к вопросу о финансово-административном устройстве греко-бактрийского государства. Происхождение источника из Сангчарака в Афганистане [Bernard, Rapin, 1994, p. 289ff.], территории Западной Бактрии в древности, свидетельствует в пользу того, что власть Антимаха I распространялась на эти земли. Поскольку известны одноязычные монеты с именем Антимаха, но квадратные (индийские) по форме и носящие на лицевой стороне индийский же тип «слон», постольку, по мнению нумизматов, его власть распространялась на Арахосию и Паропамисады – районы, испытывавшие сильное воздействие эллинизации [Voregarachchi, 1991, p. 61–62].

Необходимо остановиться на дате пергамена. С точки зрения П. Бернара и Кл. Рапэна, «год 4-ый», которым датируется документ, относится к эре, введенной Антимахом I Теосом и ранее не известной историкам. Французские исследователи пишут: «La question majeure est de savoir si l'an 4 de la formule de datation se rapporte à une ère ou à une année de règne. Le fait que l'État gréco-bactrien, auquel il faut rattacher le document en question, soit né de la sécession d'une ancienne satrapie du royaume séleucide et que ses structures administratives aient été pour l'essentiel héritées de ce dernier rend vraisemblable la première hypothèse. A l'imitation de l'usage en vigueur dans toute l'étendue du royaume séleucide où la datation des documents, y compris ceux rédigés en babylonien, s'exprimait par rapport à l'ère dynastique de 312/311, on supposera donc que la quatrième année mentionnée ici est celle d'une ère» [[Bernard, Rapin, 1994, p. 271].

Основные допущения, которые представлены в рассуждении П. Бернара и Кл. Рапэна, таковы: во-первых, постулируется преемственность между структурами селевкидского и греко-бактрийского государств, во-вторых, предполагается, что способ датировки может быть жестко связан с административной системой. И то, и другое спорно, так как сами Селевкиды унаследовали административное устройство державы Ахеменидов, а после греков сатрапии, вероятно, использовались и Кушанами. Более важно то обстоятельство, что П. Бернару принадлежит гипотеза о существовании особой эры Евкратиды I, выдвинутая для объяснения одной из важнейших надписей, обнаруженных в Ай-Ханум, на которой стоит дата «24-й год», правда, без указания правителя, в чье царствование она была сделана

[Bernard, 1985, p. 97–105]. И в случае с пергаменом, и в случае с надписью из Ай-Ханум постулировать существование именно эры – устойчивой системы летосчисления, проблематично. В пергамене указывается, что сделка совершена в правление Антимаха I Теоса, Евмена и Антимаха. Поэтому утверждать, что здесь мы имеем дело с эрой, очень сложно. Разумеется, это не означает, что такое предположение невозможно, но, тем не менее, оно остается гипотезой. Можно, конечно, выдвинуть аргумент, связанный с засвидетельствованными системами летосчисления, действовавшими на северо-западе Индийского региона начиная с I в. до н.э. – эрой Аза/Викрама, позже эрами Щака и Канишки¹, и заключающийся в признании заимствования такого способа датировки у греков. При всей привлекательности такого решения оно основано на допущении самой идеи заимствования, при помощи которой объясняется возникновение схожих явлений в разных эпохах и обществах, но применимость которой и надо доказать.

В одной из надписей на реликварии из Баджаура, вновь недавно изученной Ж. Фюссманом, где упоминается знаменитый индо-греческий царь Менандр, нет даже года, хотя указан «14-ый день месяца Карттика» (начало ноября) [Fussman, 1993, p. 101, 103–104]. Третья надпись на этом реликварии датируется 5-ым годом, 26-м днем месяца Вайшакха» (апрель–май) [Fussman, 1993, p. 101, 106–107], но тоже не содержит указания на эру. Ж. Фюссман думает, что равно возможно либо датировать третью надпись из Баджаура по эре Аза, либо здесь перед нами указание на год правления [Fussman, 1993, p. 108]. Пожалуй, следует напомнить в связи с разбором тезиса о заимствовании, что еще в царствование Гондофара I в его надписи из Тахт-и Бахи даны две датировки: по эре Аза/Викрама и по году правления монарха (103 г. по эре Аза и 26 г. правления Гондофара [Fussman, 1980, p. 1–43]). Это можно рассматривать в качестве свидетельства сосуществования еще в I в. н.э. различных способов летосчисления: как по годам царствований, так и по эрам. В любом случае, если в надписи нет четкого указания на использованный в нем способ летосчисления и нет возможности по упоминающимся в ней лицам поместить ее в уже установленный и датированный (пусть относительно, как в случае с кушанской хронологией) исторический контекст, то возможны оба толкования. В вопросе о дате пергамента предположение о летоисчислении по годам царствования пока выглядит более убедительным, поскольку ни в каком другом случае наличие особой эры Антимаха не засвидетельствовано, равно как и существование «эры Евкратиды» (опять-таки в отличие от эр Аза/Викрама, Канишки и Щака). Изобретать эры *ad hoc* представляется недопустимым по методологическим соображениям.

Среди множества сведений, которые предоставил историкам изучаемый пергамен, можно выделить эпиграфическое подтверждение гипотезы

¹ Вопрос о том, совпадает ли эра Щака (78 г. н.э.) с эрой Канишки, до сих пор не может считаться решенным, но я полагаю, что это две разные системы летосчисления. Подробнее см. «Приложение № 2».

о существовании в Греко-Бактрии соправителей царей. Ранее единственным источником, непосредственно говорящим о них, был Юстин, писавший, что Евкратид, возвращаясь из Индии, «был убит в пути сыном, которого ранее сделал соправителем (*quem socium regni fecerat*) и который, не скрывая убийства, как если бы убил не отца, а врага, проехал по крови его на колеснице и приказал бросить его без погребения» (*Iust. XLI.6.5*). Если, подобно Кл. Рапэну и Фр. Грене [Bernard, Grenet, Rapin, 1996, p. 466f.], использовать аналогии с государством Селевкидов, то прийти к выводу о существовании в восточно-эллинистических государствах института соправителей нетрудно. Э. Бикерман замечает, что «соправитель являлся царем только при отсутствии законного монарха» [Бикерман, 1985, с. 24]. Приводимый этим исследователем список соправителей показывает, тем не менее, что были периоды, когда их не назначали [Бикерман, 1985, с. 23]. В Греко-Бактрии и Индо-греческих государствах, вероятно, картина была сходной, хотя данных для решения вопроса о статусе того или иного известного по монетам лица недостаточно.

Рассматриваемый пергамен содержит определенную информацию о финансовой структуре Греко-бактрийского царства (Антимах I Теос правил в Западной Бактрии). По мнению П. Бернара и Кл. Рапэна, упоминание жертв и жертвоприношения позволяет предположить связь сделки, о которой говорится в документе, с деятельностью некоего святилища [Bernard, Rapin, 1994, p. 279]. Французские исследователи подчеркивают, что, напротив, сам текст надписи свидетельствует о царской финансовой администрации, поскольку упоминаются официальные должности – «начальник доходов» *ἐπὶ τῶν προσόδων* и «сборщик налогов» *λογευτής* (Диодор и Менодот соответственно) [Bernard, Rapin, 1994, p. 279]. Связь должности логетов со сбором налогов хорошо засвидетельствована, в том числе эпиграфикой Дура-Эвропос [Bernard, Rapin, 1994, p. 286–287]. Функции номофилака, устанавливаемые с большим трудом по аналогиям из различных эллинистических центров, в любом случае связаны, как полагают П. Бернар и Кл. Рапэн, с регистрацией и хранением актов как публичного, так и частного права (они близки современным нотариусам) [Bernard, Rapin, 1994, p. 280–281 et al.]. В нашем документе номофилак упомянут рядом с логетом, но не в качестве свидетеля/свидетелей, перечисленных далее. Этимологически термин «номофилак» означает «блюститель закона», и в случае с греко-бактрийским пергаменом можно, видимо, предположить, что его присутствие требовалось для признания сделки действительной.

Должность «начальника доходов» встречается на различных уровнях администрации Селевкидов: на высшем этот титул обозначает «если не министра финансов, то по меньшей мере, одного из ведущих финансовых чиновников империи» [Bernard, Rapin, 1994, p. 285; Бикерман, 1985, с. 120], на среднем – управляющего этими вопросами в провинции или сатрапии, на низшем – местного функционера. С точки зрения П. Бернара и

Кл. Рапэна, Диодор греко-бактрийского пергамена располагает определенной властью в финансовых делах некоего святилища, но связь государственной/царской администрации с религиозным организмом остается неизвестной. Вместе с тем, если согласиться с идеей о существовании в Греко-Бактрии царского культа (а не согласиться невозможно, так как для этого придется закрыть глаза на имеющиеся сведения, в том числе и на анализируемый пергамен), то возможна гипотеза о связи сделки данного документа с его отправлением.

В вопросе о том, какой уровень администрации зафиксирован пергаменом, можно согласиться с П. Бернаром и Кл. Рапэном: это местная канцелярия во главе с «начальником доходов», которому помогает некоторое число логоетов (λογευτης), чьей основной задачей являются сбор налогов и платежей и передача их в государственные сокровищницы [Bernard, Rapin, 1994, p. 287–288]. О сложности различения государственной казны и царских сбережений уже говорилось. Но существование центрального финансового ведомства, вне зависимости от названия его руководителя и связей с царской сокровищницей Ай-Ханум, не подлежит сомнению.

Вернемся к вопросам политической истории Греко-Бактрии и Индо-греческих государств. Антимак I Теос часто рассматривается в качестве брата Деметрия I [Кошеленко, Сердитых, 1986, с. 19–20], что, конечно, является предположением – в отличие от нумизматического наблюдения, что именно Антимак I сменяет Эвтидема II на территории Бактрии [Bernard, Grenet, Rapin, 1996, p. 465]. Преемником Агафокла же на индийских землях (Гандхаре, западном Пенджабе) был Аполлодот I, введший в употребление индийский монетный стандарт, основанный на весовой единице в 2.45 г. [Bernard, Grenet, Rapin, 1996, p. 465; Bopearachchi, Rahman, 1995, p. 29]. По последним хронологическим выкладкам О. Бопеараччи, использовавшего наблюдения А.С. Холлиса, Аполлодот I и Антимак I Теос царствовали приблизительно в 174–165 гг. до н.э. [Sylloge, 1998, № 274–298, pl. 15–16; Rea, Senior, Hollis, 1994, p. 268–280]. Вопрос о времени царствования Антимаха II Никефора остается, видимо, открытым: предположение о его совпадении с правлением Антимаха I Теоса, основанное на исследованном выше пергамене [Sylloge, 1998, № 396–429, pl. 20–21], приводит к вопросу о том, разрешено ли было соправителям чеканить свою монету одновременно с главным царем. Если да [Смирнова, 1996, с. 48], то тогда возникает вопрос о времени начала чеканки Антимаха II, ибо на всех своих монетах именуется Никефором, чего нет в нашем эпиграфическом документе. Если нет, то связь Антимахов, пусть даже следующая из последнего, не имеет никакого отношения к вопросу о времени самостоятельного правления второго из них, а тогда остается в силе прежняя датировка его О. Бопеараччи 160–155 гг. до н.э., полученная на основании нумизматических данных [Bopearachchi, 1991, p. 64].

Практически одновременно с Антимахом I Теосом и Аполлодотом на политическом горизонте появляется еще одна фигура – Деметрий II, которого Юстин упоминает в рассказе о Евкратиде I: «Все же Евкратид вел многочисленные войны с великой храбростью; истощенный ими, когда он выдерживал осаду Деметрия, царя индийцев, он постоянными вылазками с 300 воинами одолел 60 тысяч врагов» (Iust. XLI.6.4). По мнению О. Бопеараччи, Деметрий II правил в восточной части территории Бактрии, в то время как западная принадлежала Антимаху I Теосу, и в каком-то районе Индии, где и находился во время переворота, организованного Евкратидом [Bopearachchi, 1991, p. 66]. Царствование Деметрия II современные историки датируют 175–170 гг. до н.э. [Bopearachchi, 1991, p. 65; Bernard, Grenet, Rapin, 1996, p. 465].

Подводя итоги, можно сделать некоторые выводы. Во-первых, история Греко-Бактрии наполнена постоянными схватками за власть, что является и предпосылкой и следствием политической раздробленности. Во-вторых, во второй половине II в. до н.э. греки начинают завоевание Индии, что вынуждает их вводить в свой чекан привычные для индийских подданных символы и придавать ему (чекану) такие же формы. В-третьих, греко-бактрийский пергамен дает определенную информацию о финансовом устройстве государства, но не содержит непосредственных указаний на принятый в нем способ летосчисления.

Очерк 2. The Political Organization of Çrīvijaya in Historiographic Perspective.

Çrīvijaya is one of the most intriguing polities ever existing. For a long time it was almost completely forgotten, and only in 1918 G. Coedès brought to light on this quite ephemeral phenomenon. Since many scholars studied its history. It is very curious because of the scarcity of the relevant data: we have only 9 relatively complete inscriptions written in Old Malay, in an unknown, probably, Proto-Malagasy, and/or in Sanskrit, and some minor records consisting of the only word *siddhayātra*; also some archaeological investigations were undertaken in the last quarter of the twentieth century, and the Chinese chronicles and the Arabian texts contain some information about medieval Southeast Asia. This paper is devoted to the reconstruction of the history of Çrīvijayan studies. The main attention will be paid to the political organization of Çrīvijaya during the 7th–8th centuries A.D. The inscriptions mentioned above belong to this epoch. It appears that the history of Çrīvijayan studies may be conventionally divided into three main stages according to two basic criteria: the growth of the available data and the changes of the theory and methodology used by scholars.

§ 1. The First ‘Positivistic’ Period (1918–1956).

The study of Çrīvijaya began in 1918 when G. Coedès published his well-known paper, in which this Malay polity was called ‘kingdom’ [Coedès, 1918, p. 1–36 = Sriwijaya, 1992, p. 1–40]. The first period of the Çrīvijayan studies can be characterized as ‘positivistic’ because the main attention of scholars was focused on political history, and the inscriptions and the Chinese and Arab texts were used as the main sources. The problems of Çrīvijayan political organization were not discussed before the publication of the famous Telaga Batu (Sabokingking) inscription by J.G. de Casparis [1956, p. 15–46]. The widespread terms for denoting Çrīvijaya were ‘state’, ‘empire’, and ‘kingdom’ [Hall D.G.E., 1964; Coedès, 1918; Coedès, 1930; Coedès, 1968 (1st ed. – 1944); Ferrand, 1922; Nilakanta Sastri, 1949; Majumdar, 1937; Majumdar, 1963; Chatterji, 1967]. The absence of information about its inner structure gave no possibility to study the question in detail. The historians looked only for any information about Çrīvijaya; they tried to offer philological interpretation of the obtained data and sought to establish the historic geography of Medieval Indonesia.

As a whole, the early writings are devoted to political history. It appears to be a result of the character of the nineteenth century historiography. Langlois and Seignobos have begun their famous ‘Introduction to the study of history’ from the thesis: ‘History is written by documents’ [1897, p. 1]. The ‘History of the nineteenth century’ edited by Lavissee and Rambaud dealt mostly with political history. At the same time the scarcity of the data did not prevent the historians from using the concepts cited above for description of Çrīvijaya. E.g., Coedès mentioned ‘the officials... at the head of the provincial administration’

[1968, p. 83] in his summarizing monograph first published in French in 1944. This fundamental book is entitled ‘The Indianized states of Southeast Asia’ assuming *eo ipso* that it concerns the states and not any other political forms. Coedès used the terms ‘state’ and ‘kingdom’ as synonyms, referring to the image of centralized polity with the staff of officials and provincial administration, i.e. the territorial division [1968, p. 81f.]. This circumstance may be explained by referring to the face-to-face situation/personal experience of the historian who worked during the 19th – the beginning of the 20th century. S/he probably knew only the nation-state idea and hence s/he was enforced to describe the phenomena by means of it. Even Engels believed the state was the necessary feature of civilization. Hegel held that history itself had begun with the origin of the state – the idea of the state, in fact (‘a reality of moral will’). And when historians saw the inscriptions, architecture, sculpture, and other signs of civilization, they thought of the state as an agent created them.

Coedès also studied some Çrīvijaya’s inscriptions in his earlier articles. Before him the term *Çrīvijaya* seemed to be a name of the ruler ‘His Majesty Vijaya’. Coedès established the connection of the word *Çrīvijaya* with the Chinese terms *Shih-li-fo-shih* and *San-fo-ts’i* and the Arabian word *Zabaj*. These words denoted a country/polity hence the term *Çrīvijaya* had to refer not to personal name but to a political formation. Coedès interpreted the term *kadātuan* as ‘kingdom’ and *dātu Çrīvijaya* as ‘nobles of Çrīvijaya’ [Sriwijaya, 1992, p. 1–40, esp. 3, 17–19].

In 1930 Coedès published four Old Malay inscriptions dated to the end of the 7th century. He again used the term ‘kingdom’ (*royaume*) to describe Çrīvijaya whereas his compatriot Ferrand chose the concept of empire [Coedès, 1930, p. 29–80; Sriwijaya, 1992, p. 43, 48, 56, 82; Ferrand, 1922, p. 1f.; Ferrand, 1932, p. 296, 321]. Coedès paid attention to the political structure of Çrīvijaya: ‘To administrate dependent on its authority, the king... named *dātu*’s, who each governed a *kadātuan*, and possibly directed military operations’ [Sriwijaya, 1992, p. 59]. The historian changed later his mind about meaning of the term *kadātuan* and translated it as ‘territory under the authority of a *dātu*’, ‘the administrative district of a *dātu*, district administrated by a *dātu*’ [Sriwijaya, 1992, p. 69, 55, 66]. This idea goes back to Blagden and Ferrand. Coedès defined *bhūmi* as ‘land’ without reservation [Sriwijaya, 1992, p. 77, 56]. Vanua is ‘country, kingdom’ [Sriwijaya, 1992, p. 80]. The positivistic paradigm accepted by Coedès becomes obvious in the following citation:

‘Four inscriptions published above, with the passages from I-tsing and the Chinese annals mentioned at the beginning of this study, the only documents in our possession at the present time concerning the early years of Çrīvijaya. For this reason, they have acquired great value, and it is important to extract all certain facts from them and try to understand the allusions the make to the political and religious state of the Sumatran kingdom at the end of the 7th century’ [Sriwijaya, 1992, p. 56].

Collingwood points out that one of the characteristic features of the positivistic program is the idea that the historian can extract ‘certain facts’ from documents. Collingwood writes that such interpretation of the fact may be called ‘separate or atomic’ and gives two rules adopted by the positivistic historian: ‘(i) Each fact was to be regarded as a thing capable of being ascertained by a separate act of cognition or process of research, and thus the total field of the historically knowable was cut up into an infinity of minute facts each to be separately considered. (ii) Each fact was to be thought of not only as independent of all the rest but as independent of the knower, so that all subjective elements (as they were called) in the historian’s point of view had to be eliminated. The historian must pass no judgment on the facts: he must only say what they were’ [Collingwood, 1967, p. 131]. The statement of Coedès about the role of documents repeats the thesis of Langlois and Seignobos cited above. The place of Coedès in the historiography of Çrīvijaya is unique because in fact he created this branch of historical studies.

Some historians assumed that Çrīvijaya was an empire; the first of them was Ferrand [1922, p. 1–104, 161–246; 1932, p. 296, 321]. Sometimes this concept was specified by means of the predicate ‘maritime’ [Chatterji, 1967, p. 50; Hall D.G.E., 1964]. Chatterji’s monograph is curious because of its political vocabulary: the scholar used almost all the terms ‘realm, power, maritime state, kingdom, empire, island state’ to describe Çrīvijaya [1967 (1st ed. – 1927), p. 10, 40, 41, 50, 52]. But Chatterji did not try to establish the interrelations of these concepts.

The study of Çrīvijaya’s political organization was actually begun by the publication of the Telaga Batu inscription (further – TB-2) by De Casparis. The terms of the text were considered to be designations of different officials and/or relatives of the king. De Casparis kept the descriptions ‘state’ and ‘empire’ for Çrīvijaya [1956, p. 15, 17 et al.]. One of the most important fragments of the TB-2 inscription is the list of participants of the oath ceremony which included the drinking of ritual water (*minum sumpah*). ‘*Kāmu vañak=māmu rājaputra proṭṭāra bhūpati senapati nāyaka pratyaya hājipratyaya daīānāyaka ... mūrddhaka tuhā an vatak=vuruō addhyākā nījavar īa vāñkarana kumārāmātya cātabhaā adhikara īa karmma ... kāyastha sthāpaka puhāva ī vaīyāga pratīsāra dā ..kāmu marsī hāji hulun=hāji vañak=māmu ura ī nivinuh sumpaō*’ (lines 3–5) [De Casparis, 1956, p. 32]. De Casparis offered the following translation: ‘[3] All of you, as many as you are, – sons of kings, ... chiefs, army commanders, *nāyaka*, *pratyaya*, confidants (?) of the king, judges, [4] chiefs of ...(?), surveyors of groups of workmen, surveyors of low-castes, cutlers, *kumārāmātya*, *cātabhaā*, *adhikara īa*, ... clerks, sculptors, naval captains, merchants, commanders, ... and you – , [5] washermen of king and slaves of the king, – all of you will be killed by the curse of (this) imprecation’.

The terms *yuvārāja*, *pratiyuvārāja* and *rājakumāra* designate categories of princes: the crown prince, the second crown prince and other princes respec-

tively [De Casparis, 1956, p. 17–18].]. De Casparis admits that the meaning of the first word in the list, i.e. *rājaputra* ‘children of kings’, is fairly diffuse and varies depending on place and time. However, he believes it refers either to the children of king born by concubines or to vassal princes [De Casparis, 1956, p. 19]. The second word of the list *proṇāra* is not clear. The ambivalence of the term *bhūpati* in Sanskrit does not enable one to define its exact meaning in the narrow context of the TB-2. It could mean ‘vassal’, although the term ‘chief’ was used in translation [De Casparis, 1956, p. 19, 37, n. 4].

Concerning the following five terms: *senapati*, *nāyaka*, *pratyaya*, *hājipratyaya*, *daīānāyaka* – the historian emphasizes that neither the first, nor the last cause difficulties in interpretation, denoting the army commander and the judge respectively. In his translation De Casparis kept the *nāyaka* and the *pratyaya* but has assumed that it could be the lowest officials, including responsible for taxation and/or lower district officers [1956, p. 19, 37, n. 5, 6]. The word *hājipratyaya* consisting of the Indonesian and Sanskrit roots is tentatively translated as ‘the confidants of the king’. The version ‘royal sheriffs’ was also given. De Casparis believes the term *mūrdhaka* denotes a leader of a certain group of people, and translates this word as ‘chief of’ [1956, p. 19–20, 37]. But this interpretation is very doubtful. First, there is a lacuna in the inscription before this word. Second, it means ‘*kātriya*’ in Sanskrit [Böhtlingk, T. V, 1884, S. 95].

Tuhā an vatak=vuruh and *adhyākā nīcavar īa* mean ‘surveyors of groups of workmen’ and ‘surveyors of low castes’; *vāñkarana* is ‘cutler’ [De Casparis, 1956, p. 20, 32, n. 6, 37, n. 8]. The following three terms: *kumārāmātya*, *cātabhaṭa*, *adhikara īa* – were not translated. Following M. De and K.P. Jayasval, De Casparis holds that *kumārāmātya* means ‘the minister of not royal blood, but on account of merits considered by royal decree as an equal of a prince’ [1956, p. 20]. The translation of *amātya* ‘minister’ seems to be unconvincing. It is more likely ‘an associate, a companion’ [Leliukhin, 2001, p. 23–24]. The other terms of the TB-2 list do not cause special difficulties. ‘We meet there with clerks (*kāyastha*), architects (*sthāpaka*), shippers (*puhāvam*), merchants (*vañiyāga*), commanders (*pratisāra*), royal washermen (*marsī hāji* if our translation is correct) and royal slaves (*hulun=hāji*)’ [De Casparis, 1956, p. 20]. At the same time, in the translation we find *sthāpaka* instead of ‘architects’ ‘sculptors’, and *puhāvam* instead of ‘shippers’ ‘naval captains’ [De Casparis, 1956, p. 37].

Thus, the list of the TB-2 inscription was interpreted by De Casparis in detail. He also supposed that ‘the inscription consists of one extensive imprecation against all kinds of possible insurgents and traitors. So only those categories of people need be mentioned that might constitute a possible danger’ [De Casparis, 1956, p. 20–21]. The historian also wrote:

“An interesting expression not yet known from the other Çrīvijaya inscriptions is *huluntuhānku*, apparently meaning ‘my empire’ (lines 7, 11, 12, 14, 17 and 23); the literary meaning seems to be: ‘my slaves (*hulun*) and lords (*tu-*

hān)', implying classification of the subjects into two large groups, either slaves and free man or, more probably, the common people and the ruling class, the former comprising also the population of the conquered territories" [De Casparis, 1956, p. 26]. On the same page De Casparis translated the term *kadātuan* as '*kraton*'. But on the page 18 he noticed that *kadātuan* means 'empire' as a whole which is divided into the great number of *ma īālas*, and the meaning of the Old Javanese term '*kēraton*' (royal residence) cannot be applied to *kadātuan*. According to De Casparis, the relation between the *dātu* and *kadātuan* was not direct: the former ruled *ma īāla*. On the contrary, Coedès held that the king appointed *dātu* everyone from whom should rule *kadātuan* [Coedès, 1930, p. 54]). As De Casparis translated two different Old Malay words by the only term 'empire', his theory seems to contain an inner contradiction. It should be emphasized, however, that the term *huluntuhānku* 'my slaves and lords' refers to private connections (bonds) between the ruler and his subjects, instead of the territorial or other formal connections. Besides, Van Naerssen considers *kraton* and *kadātuan* as synonyms meaning the place of the ruler [Van Naerssen, 1977, p. 17, 27]. In any case, De Casparis offered the first detailed theory of the Çrīvijayan political organization.

The posthumous publication of the works of J.C. van Leur made a valuable contribution to the historiography of Çrīvijaya. The sociologist pointed out those two types of social organization existed in Indonesia:

'Here are two clearly outlined forms in opposition to each other. On the one hand the Javanese states, centred in the interior regions in the plains between the volcanoes, difficult to reach from the coast, their power and wealth based on the Indonesian agrarian civilization of those regions, from the time of the earliest data on revealing the type of an *oikos* state, a state based on levies and soccage, with an administrative machinery expanding in patrimonial, bureaucratic forms, a state with a hierarchy of officials. On the other hand the Sumatran state, a coastal state, a "commercial power", a "sea power" lying on the stapling of the international trade of southeast Asia, an expensive maritime power, revealing in its structure certainly not the picture of a patrimonial, bureaucratic hierarchy, but – insofar as the scarce data make any picture possible – a closed aristocratic community as the backbone of royal authority' [Van Leur, 1955, p. 104–105].

According to Van Leur, the Çrīvijayan royal authority based its power on the compulsory stapling to which it enforced upon the international trade of Southeast Asia. For it maritime and military force was used without hesitation. But this force was used not only by the king but also by the nobility. There were tributary overseas possessions and overseas predatory expeditions. Van Leur also noted that 'the chief sphere of power for Çrīvijaya was the river and the sea' and 'the hinterlands of Sumatra were subjugated, but they did not form the heart of the state' [1955, p. 106]. The sociologist thought Çrīvijaya did not possess the 'manpower' which would be comparable with the one possessed by the

medieval Javanese states. These states were able to construct such great architectural edifices as Barabudur and Candi Mendut due to this 'manpower', whereas Çrīvijayan political and social structure as a coastal settlement with a non-extensive exercise of authority prevented any such enterprise [Van Leur, 1955, p. 106]. Van Leur held that the 'Sumatran' type of state may be found in the polities which arose in the coastal regions of the big insular and semi-insular landscapes of Malaysia, Philippines, and Western Indonesia where the population was too limited. The value of Van Leur's theory consists of the typology of the Southeast Asian medieval states adopted later by many historians.

Thus, the first 'positivistic' period of the Çrīvijayan studies is characterized by the interpretation of some epigraphic data, and the description of Çrīvijaya's inner structure by means of two basic concepts 'state' and 'empire'. The role of trade as a factor of its development was also emphasized.

§ 2. The Second 'Transitional' Period (c. 1960–1980).

The renewal of theoretic discussions during the 1950ies led to return to the problem of the Southeast Asian political organization in general, and of Çrīvijaya in particular. The most influential works of this epoch belong to Polanyi and Wittfogel. The Western scholars began to study Marxism in detail and to use it for researches in economy, historiography, sociology etc. The penetration of the Marxian paradigm into historiography can be verified by Wittfogel's classical monograph 'Oriental Despotism' [1957]. The scholar offered the concept of 'hydraulic society' based on irrigation, organization of which necessitates the formation of the bureaucratic state with the deified ruler. Such state was called 'Despotism', or 'Despotic state'. Wittfogel also believed there are two ways of social evolution, one of them is despotic and another is democratic. His conception was based in a great degree on the idea of the 'Asiatic mode of production' elaborated by Marx in his famous 'Grundrisse' [1973, p. 471–514]. But Wittfogel's theory was criticized by many historians and sociologists who had shown that irrigation was only one factor of social evolution, and it did not necessitate the formation of the despotic state [Adams; Lamberg-Karlowksi, Sabloff]. At the same time Benda united Wittfogel's hypothesis and the concept of 'god-king' offered by Heine-Geldern¹ [1942, p. 15–30; Benda, 1962, p. 106–138]. Polanyi tried to interpret 'traditional societies' by means of the concepts of 'autarchic' economies of reciprocity, redistribution, and trade which was controlled in the early states [1957, p. 243–270].

The Southeast Asian countries became independent after the Second World War. It influenced the conceptualization of their historical experience through the critique of western concepts and modes of thinking. First, the concept of 'Indianization' was revised and even rejected. For earlier writers such as Coedès or Krom the origin of the state in the Indonesian Archipelago was an ef-

¹ Heine-Geldern held that the Southeast Asian classical state had the religious nature and was identified with the Universe/macrocsm by the founders of this doctrine [1942, p. 15–30].

fect of Indian influence. Some Indian scholars even preferred to speak about the ‘colonies’ of the Indians in the ‘Greater India’ or ‘Far East’ [e.g., Majumdar, 1937]. This vocabulary was adopted from the western conceptions. But during the second half of the 20th century the social scientists rejected the idea that Southeast Asia depended on foreign influence.

O.W. Wolters published three valuable monographs and a multiple number of articles concerning Çrīvijaya. Originally he believed it was an empire based on trade, and its origin was connected with the shift of trade routes and fluctuations of international trade. It was called ‘a rhythm of trade’. Its main participants were China and Indonesian islands [Wolters, 1967, p. 229–253]. ‘The future of the system did not depend on the wealth of the hinterland of southern Sumatra but on the ability of the princes to insist that their harbours remain the obligatory stages on the voyage to China. The future of the empire of Çrīvijaya was therefore inextricably bound up with the survival of the ancient trade route which led from the Straits of Malacca to south-eastern Sumatra and only then to China’ [Wolters, 1967, p. 247].

In his second monograph Wolters formulated his views more precisely: ‘Wilkinson aptly described this empire as “a sort of federation of trading ports on the fringe of a large area of forest”’ [Wolters, 1970, p. 9]. Wolters also noted that ‘the kingdom based on south-eastern Sumatra, even at the height of its power, was administratively no more cohesive and, in terms of population, much less compact than the other important kingdoms of earlier South East Asia’ [Wolters, 1970, p. 8]. He concluded that ‘Indianization’ was an effect and not the cause of Indonesian progress. ‘Increased wealth, greater familiarity with India and China, and probably a growing population were accompanied by the rise of larger kingdoms, whose rulers sought to assert themselves as regional overlords, whether in the harbour world of southern Sumatra or over the agricultural lands of Java’ [Wolters, 1967, p. 246]. These rulers used for this purpose some Indian practices and skills given by Brāhmaṇas, Buddhists, and other workers of magic. Wolters clarified *eo ipso* Van Leur’s theory in some respect.

In the end of the 1950ies the Soviet historiography returned to the discussion on the Asiatic mode of production¹. This concept was at that time one of the ways of independent theorizing within the scope of the historical materialism. Leonid Sedov held that the Angkor polity may be adequately described by means of this idea [1967]. M.G. Kozlova, L.A. Sedov, and V.A. Tiurin wrote a valuable theoretical paper ‘Types of the early class states in Southeast Asia’ (in Russian) [1968, p. 516–545].

Kozlova, Sedov, and Tiurin described some peculiarities of the Southeast Asian origin of class society². The first peculiarity is the existence of commu-

¹ The first such discussion took place in the end of the twenties – the beginning of the thirties. But it was stopped by the growth of ideological pressure and the strengthening of Stalin’s totalitarian regime.

² It must be noted that the Soviet historiography shared the views of Engels on the process of the state formation. The state is regarded as a consequence of the class origin.

nity preserving some features of the primitive collectivism for a long time and slowly transforming into rural community. 'This community of the transitional type turned out to be the basis of the early class states of Southeast Asia' [Kozlova, Sedov, & Tiurin, 1968, p. 520]. The second characteristic feature is the influence of more developed neighbouring societies, first of all India, on the class formation. 'From our point of view, the Indian influence was not simply a factor which hastened the process of the class formation and the state genesis in Southeast Asia, but one of the motive forces of these processes' [Kozlova, Sedov, & Tiurin, 1968, p. 521–522]. The Soviet scholars rightly pointed out that the regions which did not contact with the Indian and/or Chinese civilizations, e.g. Eastern Indonesia and the Philippines, lagged in development. Even nowadays this argument does not lose its force. At the same time, the Soviet historians did not reduce the state genesis to the Indian influence only.

They distinguished three main types of the early class state in SEA. Their theory reminds Van Leur's conception but is more flexible in relation to the empirical data. "Maritime city-states which may be conventionally called '*nagara*' were the first and the earliest type... Another type, also called conventionally 'irrigational', arose somewhat later in the river valleys of the peninsula of Indochina and Java. The third type arose even later on the basis of synthesis of the state formations of the first and the second types; it is compound in character having features of the *nagara* and the 'irrigational' state. *Nagaras*, which arose on the verge of our era on the Malaccan peninsula, in Western Indonesia, and on the Tenasserim sea-coast, underwent more considerable Indian influence than the state formations of the irrigational type" [Kozlova, Sedov, & Tiurin, 1968, p. 523]. The Soviet scholars gave a detailed description of the *nagara* type. They thought Çrīvijaya belonged to it.

"City-states arose on the sea routes passing through Southeast Asia from Near Eastern countries and India to China. Harbour was the centre of these states. ...City-states usually developed from maritime villages/kampongs situated in the mouth of a river. When inhabitants of such villages maintained close contacts with foreign merchants, Indian colonists arriving to Southeast Asia settled down in these villages. Maritime kampongs were faster influenced by commodity relations... Wealth accumulated due to the trade with foreign merchants, adoption of social and ideological forms brought by Indian colonists – all of them furthered quick transformation of a village elder, still enjoying some functions of a tribal chief, to a petty monarch to whose authority different groups subordinated... *Nagara* usually covered a small territory in the mouth of a river felt into the sea. Its centre was a city situated on the sea-coast or within the estuary. The city was walled by stone walls with gates and towers. Central sanctuary which was sometimes surrounded by temples of lesser size was situated in the centre of the city on the top of natural or man-made hill. ...Territory around the city walls along the coast was usually in the possession of the *nagara* while the interior regions were almost not controlled by the early city-states. *Nagaras*

were the centers of maritime intermediary commerce. The ruling class got main incomes from transit trade and from piracy closely connected with it, and also from slave-trade. ...It is very significant that the early city-states of Southeast Asia did not aim to spread their power on the interior regions out of the scope of the *nagara*'s influence. ...*Nagaras* differed from 'irrigational states' by the absence of the officials' staff coinciding with the ruling class. The state machinery in *nagara* seemed to be weaker than in 'irrigational states' because the former did not need to control such masses of people, with which the ruling class of Cambodia or Java dealt, in physical and ideological obedience. Unlike 'irrigation societies' in which the tendency to establish the uniform staff of official management over all the territory of the state is observed ... in *nagaras* such staff existed only in the centre. ... In the case when the growth of *nagara* took place (Fu-nan of the 3rd century, Çrīvijaya of the 7th–10th centuries), it became not an empire covering extensive spaces and aspiring to create the centralized management personnel, but a thalassocracy dominating on the major sea ways owing to its fleet and contenting sometimes only formal dependence of the majority of its possessions. ...Apparently, Malayan possessions of Çrīvijaya also enjoyed considerable independence, for example, the Langkasuka *nagara*, which arose in the 1st–2nd centuries A.D. and then became a part of Çrīvijaya, is mentioned as an independent state down to the 13th century. The possessions of Çrīvijaya situated in other parts of modern Northern Malaya and Southern Thailand were controlled weakly" [Kozlova, Sedov, & Tiurin, 1968, p. 524–528].

Thus, for the first time the traditional thesis that Çrīvijaya was an empire was rejected. The Soviet scholars distinguished the concept of thalassocracy from the concept of empire, and their conclusions about the weakness of administrative control and spatial expression of thalassocracy seem to be very valuable. They emphasized the connection between maritime commerce and piracy. The idea of Indian influence as one of the causes of the state origin in SEA was inherited from the traditional historiography.

One of the most serious papers on Çrīvijaya is the monograph of Van Naerssen published posthumously [1977]. He was inspired by the idea of Asiatic mode of production and by Van Leur's theory. Van Naerssen held that Çrīvijaya was a centralized and authoritarian form of government, an Indianized empire, but the meagerness of indigenous records makes it hardly possible to reconstruct its administrative system [1977, p. 29, 30, 33]. The historian explained this meagerness referring to the differences in the political and economic organization of the Central Javanese and Sumatran polities. "...the harbour *kratons* were dependent for their existence on sea trade, customs and tolls, whilst the agrarian *kratons* were dependent on the taxes and stature labour of their own subjects, the peasantry. Therefore, because the harbours *kratons* dealt mostly with itinerant foreigners, their relations were of a less stable nature than were the bureaucratic links between the agrarian *kratons* and the permanently settled peasantry by whose produce they were maintained" [Van Naerssen, 1977, p. 33]. Hence, a

peculiarity of Çrīvijaya was its trade character. Van Naerssen considers the terms *kraton* and *kadātuan* as synonyms: they come from *kě-ratu-an*, i.e. the place of the *ratu* [1977, p. 17]. ‘This residence was the centre of the realm, the hub of the religion and its priests, of art and its artists, of administration and its officers’ [Van Naerssen, 1977, p. 17]. Thus, the interpretation of Van Naerssen differs from De Casparis’s approach. Van Naerssen also pointed out that the coastal settlements of Çrīvijaya were in contact with the Sumatran hinterland from which they got rice for themselves and forest product for the international market [1977, p. 30].

Van Naerssen emphasized the connections between the *kadātuan* of Çrīvijaya and the communities of sea nomads (*orang laut*). These connections were the main factor in maintaining the power of *kadātuan*. ‘The formation and development of Çrīvijaya into an empire – in all probability it started long before the intrusion of Hindu culture as a settlement of pirates – is unique’ [Van Naerssen, 1977, p. 36]. The secondary factor in the Çrīvijayan origin was the relationship between *kadātuan* and foreign countries. ‘The neighbouring countries were apparently subdued: to the north Malayu (Jambi) and to the south *Bhūmi Java* (West Java?)’ [Van Naerssen, 1977, p. 36]. It is curious that the expression *Bhūmi Java* from the Kota Kapur inscription was not identified with Java straightforwardly. As epigraphic records contain presumably admonitions and imprecations to the oath-breakers, Van Naerssen concluded that their content reveals a strong belief into indigenous magical powers [1977, p. 34]. He thought the ceremony of ‘drinking the oath’ (*minum sumpah*) was intended for all strata of the society [Van Naerssen, 1977, p. 35]. The historian suggested that the *kadātuan* of Çrīvijaya was a large town surrounded by brick walls and was the centre of an autocratic government. The wealth of the ruler was derived from tolls and custom duties. But the population who lived scattered around did not pay taxes [Van Naerssen, 1977, p. 35]. Van Naerssen noted that foreign policy of Çrīvijaya was so successful that it was acknowledged as a respectable state; there was an exchange of ambassadors with China; as an international emporium Çrīvijaya was frequented by the Arabs, Persians, Indians, and by peoples of the Far East. ‘However its eventual power, based on monopolizing the maritime trade was made possible by the existing linkage between its *kadātuan* and the communities of sea nomads. This linkage was never broken during its history until finally Çrīvijaya degenerated into an ordinary nest of pirates, just as it started its career’ [Van Naerssen, 1977, p. 36].

Therefore, the theory of Van Naerssen contains Van Leur’s ideas (e.g., two types of the state in SEA – the agrarian *kratons* and the harbour *kratons*). Van Naerssen also adopted some theses of Wolters (e.g. Indianization as a consequence of the polity’s origin or the important role of trade in the genesis of Çrīvijaya). At the same time, Wolters and Van Naerssen both held some traditional presuppositions concerning this polity. For example, they did not distinguish the terms of political vocabulary, Çrīvijaya was described as ‘empire’ and

its inner structure was considered to be centralized. Van Naerssen's theory also has much in common with the constructions of Kozlova, Sedov, and Tiurin. First, it is the idea of links between the *kadātuan* of Çrīvijaya and the communities of sea nomads. Second, it is the characteristic of the harbour *kratons*. But the difference between these conceptions is essential since Van Naerssen believed that there was an autocratic centralization in Çrīvijaya. In any case, as Van Naerssen offered the synthesis of all relevant data, his place in the history of Çrīvijayan studies is important.

K. Hall published his valuable paper on Çrīvijaya in 1976. He agreed that this polity was a thalassocracy and therefore was dependent on trade [Hall K., 1976, p. 63, 64, 67]. He also emphasized the connections between the centre of Çrīvijaya – its *kadātuan* – and the Sumatran hinterland. *Eo ipso* he developed partly Wolters's constructions. K. Hall wrote:

‘For instance the Bukit Seguntang (*de facto*, it is Kedukan Bukit – A.Z.) inscription, the earliest of the known Old Malay inscriptions left by the Çrīvijaya empire (NB – A.Z.), states that on April 23, 683 A.D., the king of Çrīvijaya embarked on a boat to go on a *siddhayātra*, and that on May 19 he conducted an army of twenty thousand men from one place and arrived to another. This army included about 200 sailors and 2000 foot soldiers. Since a force of 2000 foot soldiers must have been recruited from the interior, this inscription does not seem to indicate a lack of interaction between the port city and its hinterland, but rather the opposite’ [Hall K., 1976, p. 64].

First, the Kedukan Bukit inscription is dated to 682, not 683 A.D. as Damais has shown [1952, p. 98; cf.: De Casparis, 1978, p. 17]. Second, the figures in this text are the point at issue. E.g., Coedès offered to translate this fragment of inscription as follows: “...he (‘our divine lord’, i.e. the monarch of Çrīvijaya – A.Z.) led an army of twenty thousand [men] plus two hundred following by ship, and one thousand three hundred and twelve [men] by land...” [Coedès, 1964, p. 25]. On the contrary, Russian philologist A.K. Ogloblin has translated this part of the inscription in another way (in Russian): “...his army contained twenty thousand men with two barrels of provisions on boats and there were one thousand three hundred and twelve foot soldiers” [cited from: Parnikel’, 2003, p. 266]. More probably the army consisted of one, not two thousand men. I think that the reasoning of K. Hall lacks the logic when the researcher omits seventeen of twenty thousand men mentioned in the Kedukan Bukit inscription and bases his theory only on the rest – two thousand men and two hundred sailors. Also the deduction from ‘the followers on foot’ to the existence of hinterland seems to be logically arbitrarily because on this ground one would think that sailors never fight on land, where only the inhabitants of hinterland can move. But it does not imply the fallaciousness of K. Hall’s thesis which was substantiated more accurately due to the archaeological studies near Palembang at the beginning of the 1980ies [McKinnon, 1985, p. 1–36].

K. Hall viewed the TB-2 inscription as an evidence of the existence of the developed administrative staff at least in the Çrīvijayan *kadātuan*. Comparing this source with other texts in Old Malay (the Kota Kapur, Karangbrahi, and Pallas Pasemah inscriptions), the historian has pointed out that in spite of the common content – an invocation to punish those subjects who revolted against the ruler of Çrīvijaya – these inscriptions differ from each other. According to the TB-2 inscription, the punishment is carried out by the ruler himself whereas in the other mentioned documents this affair must be realized by a deity. ‘The distinction suggested by these inscriptions is that near the centre of the Çrīvijaya king domain his power was direct, yet in the state’s hinterland the king was forced to emphasize the more theoretical and mythical aspects of his kingship because his power would seem to have been less direct’ [Hall K., 1976, p. 69].

K. Hall analyzed the TB-2 inscription in the part “Çrīvijaya’s State Structure”. It *a priori* implies that its political organization was ‘state’. The scholar follows De Casparis’ interpretation of the terms *yuvarāja*, *pratiyuvarāja*, *rājakumāra*, *daīñanāyaka*, *kumārāmātya*, and *kāyastha* [Hall K., 1976, p. 69–71]. ‘*Nāyaka* were revenue collectors, while *pratyaya* apparently managed the property of the royal family’ [Hall K., 1976, p. 71]. It appears to be rather hypothetical assertion as we know nothing but vocabulary of Çrīvijaya’s Old Malay inscriptions. Thus, whether the inhabitants of Çrīvijaya knew the notion of property as well as the ones of ownership/possession, and usufruct, it is an open question.

K. Hall noticed: “The titles of administrative office listed in the Telaga Batu inscription suggest that the Çrīvijaya king was able to draw upon the resources of the land under his direct control in order to support his position as monarch as well as to expand his control over other rival centers of power in Sumatra and the Straits region. This royal economic base was probably populated by the *hulun hāji*, personal subjects of the king as defined by the inscription, who were controlled by their own local chiefs, *mūrdhaka*. As inhabitants of the area surrounding the state’s capital, they had undoubtedly been forced to subordinate themselves to the Çrīvijaya monarch’ [Hall K., 1976, p. 71]. This interpretation of *mūrdhaka* seems to be incorrect (see above). Moreover, De Casparis translated the term *hulun hāji* as ‘royal slaves’ (ibid.). K. Hall thought the term *sthāpaka* means ‘priest’ referring to De Casparis who suggested that they could take part in some rituals including anointing [Hall K., 1976, p. 71; De Casparis, 1956, p. 20, n. 22; 37, n. 11].

According to K. Hall, the Old Malay texts mention two major classes of military commanders: *parvvāīāa* ‘who commands royal troops’ and *senāpati* ‘commanders in the private armies of the Çrīvijaya king’s subordinate chiefs’ [1976, p. 74–75]. At the same time, De Casparis has interpreted the first word as ‘a rather high official, in command of troops or of a small districts’ [1956, p. 42, n. 52]. It seems to be more careful. K. Hall believed that the sequence of titles shows their structural interrelations. But it is rather doubtful first because the

TB-2 list contains a chaos of titles, some of which refer to the royal domain; others are connected with vassal lands, and some concern foreigners. Second, the very limited number of Old Malay inscriptions implies that the system of epigraphic records' composition was not elaborated in a great degree. Hence K. Hall's theory seems to be doubtful in some respects.

K. Hall held that the term *bhūpati* is a synonym of a traditional Malay title *dātu* 'an important chief' [1976, p. 75]. *Dātu* governed a province *parddātuan* whereas *kadātuan* was the land belonging to the king personally. Unfortunately, K. Hall did not take note of the fact that the monarch of Çrīvijaya is called *dātu*, and not *hāji*, in the Kota Kapur inscription [Sriwijaya, 1992, p. 54–55; Dorofeeva, 2001, p. 250]. Thus, the monarch is named by means of one and the same title as his subjects are. The difference between his position and the position of these people turns out to be only superficial. In any case, K. Hall's conception differs from De Casparis's theory in which *kadātuan* means 'empire'.

K. Hall emphasized that the Çrīvijayan monarch was also a traditional chief. The ruler of Çrīvijaya was a judge; he collected taxes and revenues and had the right of free labour from his subjects. That the king was connected with taxes is obvious due to the idiom *da śāaku da śāa* mentioned in the 15th line of the TB-2 inscription. De Casparis and K. Hall interpreted this idiom as 'are fined by me with fine', but the former did not use this interpretation in his translation of the inscription [De Casparis, 1956, p. 27, 42; Hall K. 1976, p. 80]. K. Hall wrote that the main occupation of *hulun* ('slaves') 'was probably the farming of land over which the Çrīvijaya king had a land right' [1976, p. 80–81]. Hence, he believed that there was landownership in Sumatra in the 7th century A.D. Without doubts, it is a hypothesis as we know nothing about the land rights of the inhabitants of the island during this epoch. There are no authentic sources from this region while any analogy is always superficial.

It is curious that K. Hall viewed the king of Çrīvijaya as a traditional chief. Did the historian distinguish the concept of king and the one of chief? The answer must be negative as he described the Çrīvijayan ruler by means of both these titles. K. Hall also asserted that Çrīvijaya was a state.

K. Hall noticed that the ruler of Çrīvijaya also was a military chief leading an army of allies as the Kedukan Bukit inscription mentions [1976, p. 84]. Following Coedès, the historian interpreted the term *siddhayātra* as 'a mythical supernatural power' whereas Chhabra's interpretation 'success' also is probable [Coedès, 1930, p. 79; Hall K., 1976, p. 84; Chhabra, 1965, p. 24–25]. The Kota Kapur inscription contains the invocations to two deities *Ulu* and *Tandrūn Luah*. An Old Malay word *Ulu* means 'a head, an upper part, upper reaches'. *Tandrūn Luah* was probably the deity of sea-waters. The ruler of Çrīvijaya is called 'the Lord of the Mountain' and 'the *Mahārāja* of the Isles' in some Arabian texts. On this ground, K. Hall concluded that the Çrīvijayan ruler had the magical control over the waters [1976, p. 85]. The monarch also was responsible for fertility and plenty of his country. Abu Zaid writes: 'The Isle of *Mahārāja* is extremely

fertile... all things grow here' [Ferrand, 1922, p. 57]. Chau Ju-Kua notes that the ruler of Çrīvijaya could not eat grain on a specific day of the year for fear of the weather being dry and grain dear to the next year. The Chinese author adds that this monarch did not have to wash in ordinary water to avoid a flood [Chau Ju-Kua, 1996, p. 144]. In the Talang Tuo inscription the Çrīvijayan ruler expressed his anxiety of all the difficulties and wished prosperity and wealth to all people under his rule and to all the country [Nilakanta Sastri, 1949, p. 114; Hall K., 1976, p. 89].

The monarch of Çrīvijaya was connected with such a traditional cultural symbol as serpent. In the Ligor inscription the king is called 'the patron of the *nāgas* (a name of serpents in the Indian mythology – *A.Z.*), their heads halved by the streaks of the luster of gems' [Hall K., 1976, p. 65; Nilakanta Sastri, 1949, p. 120]. The TB-2 inscription is engraved on a Buddhist ceremonial stone the upper part of which is canopied by the heads of seven serpents – *nāgas*. A funnel below the text drained water which was poured over the stone during the ceremonies [Hall K., 1976, p. 65]. After all his reasoning, K. Hall has concluded:

'Despite all these positive attributes – although king was a great military hero, a traditional chief, and the holder of common prosperity – the Çrīvijaya monarch still faced the problem of political fragmentation' [Hall K., 1976, p. 89]. This ruler used in response to these divisive tendencies the act of 'oath taking' which was implied by the inscriptions from Kota Kapur, Karangbrahi, and Telaga Batu-2 [Hall K., 1976, p. 89–90]. Besides, the Buddhist mythology gave the ruler another means, namely, *tantrāmala* 'the secret formula of full salvation' mentioned in the TB-2 inscription. The king promised to give it to his loyal and faithful vassals [De Casparis, 1956, p. 45; Hall K., 1976, p. 90–91].

Thus, K. Hall first studied such problems of the Çrīvijayan structures as the mythical content of the ruler's image and the ways to maintain the unity of Çrīvijaya. He thought the reinforcement of this polity was an effect of extension of the indigenous people's structure [Hall K., 1976, p. 79], and this thesis seems to be absolutely correct. But K. Hall's theory contains a mixture of the terms of political vocabulary. Çrīvijaya was characterized as 'a state', 'a thalassocracy', 'an empire', and 'a federation of ports'. Its ruler turns out to be 'a king', 'a monarch', and 'a chief' at one and the same time. Hence, theoretical implications of K. Hall's conception appear to be traditional. K. Hall follows Wolters when he discovers the origin of the Old Malay polity in the indigenous structure. He adopted De Casparis's interpretation of the TB-2 inscription, and many of his corrections seem to be unconvincing. K. Hall did not analyze his own terminology and his own conceptual schemes as, for example, he used the term 'state' without any definition as it would be absolutely obvious.

B. Bronson elaborated the concept of the coastal state which based on so-called 'dendritic' model of exchange between the centre situated in the river basin and the overseas-power [1977, p. 39–52]. De facto, there is a network of exchange into which some partners are involved (see Figure 1).

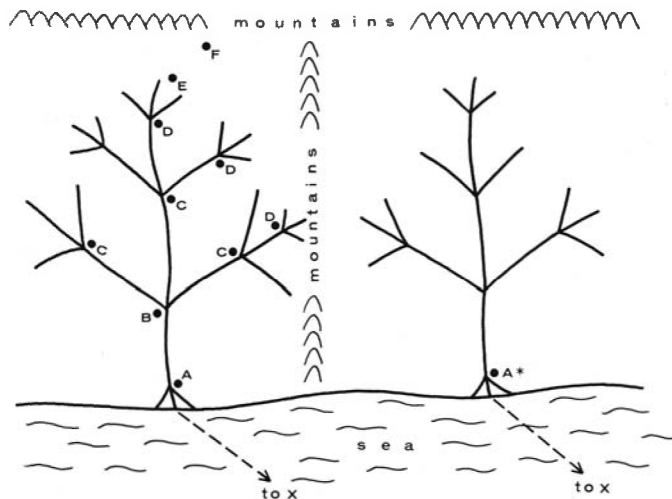

Figure 1: Abstract Model for Exchange between a Drainage Basin Center and an Overseas Power

This model contains the following elements: *A*, the centre at the river mouth; *B* and *C*, second- and third-order centres located upstream and at primary and secondary river junctions; *D* the most distant upstream centre to participate in the *A*-based system of market exchange and the initial concentration point for products originating in more remote parts of the watershed; *E* and *F*, the ultimate producers of these products and perhaps centres of a separate exchange system based on non-market institutions, involving goods only part of which come from or go to the marketized system centered on *A*; *X*, the overseas centre which serves as a main consumer of goods exported from *A* and the principal supplier of its import; and *A**, another river-mouth centre some distance along the coast, controlling a hinterland similar to that of *A* [Bronson, 1977, p. 43].

Bronson pointed out that this assumable system operates some constraints. First, 'the interfluvial countryside of the drainage basin is sufficiently marshy, forested, or mountainous to confine all movements of goods to water routes, rendering the economic pattern closely congruent with the dendritic pattern formed by the main stream and its tributaries' [Bronson, 1977, p. 43]. Second, the overseas centre *X* is economic superior of *A*; it possesses a larger population and more productive and technologically advanced economy. At least, the basin in which *A* is situated does not contain enough concentrated cultivate land to permit the development of a true peasant society, where an elite extracts wealth directly from a land-bound farming population, hence, trade plays a lesser part than the agriculture [Bronson, 1977, p. 43–44]. J. Whitmore noticed that Bronson's dendritic model is applicable to Çrīvijaya [1977, p. 151, n. 4].

Bronson suggested that the idea of an empire of Çrīvijaya may be a historiographic myth and this term is only a common name for some Sumatran polities [1979, p. 395–405]. He referred to his own archaeological investigations which were undertaken by him and gave no data on Çrīvijaya [Bronson & Wiseman, 1978, p. 220–239]. Bronson emphasized that 'nothing which we know about the historical and archaeological Çrīvijaya of the late seventh century forces us to assume a long period of indigenous development' [1979, p. 399].

On the grounds of epigraphy, art, and archaeology, he made the following conclusion:

“Yet the Çrīvijaya of epigraphy is a short-lived and seemingly isolated phenomenon. It appears and then vanishes again within a space of twenty-five years, leaving little more behind it than did the evanescent inscriptional traditions of Pūrīavarman in western Java and Mūlavarman in eastern Borneo” [Bronson, 1979, p. 400].

The data of fine arts are very scarce. How can we coordinate it with famous Chinese and Arabian texts creating the impression of greatness and might of Çrīvijaya? According to Bronson, one may assume that ‘the ancient sources are misleading and their recent interpreters have been built castles in air’. Bronson points out that, for example, I-tsing was not an altogether disinterested witness when describing the splendor and doctrinal authority of the place where he received his training [1979, p. 403]. The historian notices that the assumed transcription of the name of Çrīvijaya ‘*San-fo-ch’ih*’ and ‘*Sribuza*’ mentioned in the Chinese and Arab texts of the tenth to twelfth centuries, is doubtful [Bronson, 1979, p. 403].

However, this skepticism is not necessary and indisputable. Bronson himself refers to the Ligor inscription dated to 775 A.D. and found in southern Thailand which mentions Çrīvijaya. The scholar also points out to the Tanjore inscription of the Rājendra Cola found in southern India. This valuable document concerns the military expedition against Çrīvijaya [Bronson, 1979, p. 403; Nilakanta Sastri, 1949; Chhabra, 1965, p. 26–34]. But Bronson holds that ‘these two items cannot be regarded as decisive evidence for the lasting importance or even the post-750 survival of Çrīvijaya as a socio-cultural entity’. He suggests that the name ‘*Çrīvijaya*’ might have been borne by one or two later and equally short-lived ‘*Çrīvijayas*’ which did not necessarily have a significantly close connection with the seventh- to eight-century kingdom centered around Palembang; multiple ‘Roman empires’ of medieval Europe may be an analogy [Bronson, 1979, p. 403].

Another possibility to coordinate the different data on Çrīvijaya is to suppose that the archaeological exploration has been inadequate. At the same time, Bronson asserts that the considerable growth of epigraphic data is impossible. In any case, it is hard to believe that Çrīvijaya was an empire. Bronson thinks it ‘could have existed essentially in a body of more or less coherent traditions, not necessary embodied in a single dynastic line or any other continuing institution, which from time to time threw up short-lived political entities of great international importance’ [Bronson, 1979, p. 404].

Thus, Bronson also rejected the applicability of concept of empire to Çrīvijaya as the Soviet historians had already done earlier (see above). But since Bronson did not analyze the content of Old Malay inscriptions in detail, his investigation seems to be speculative in some cases. Despite this circumstance, he has deserted with the tradition to view Çrīvijaya as a stable political entity.

Wolters' idea that this polity was a federation of ports was in fact reinforced by Bronson's 'dendritic model'. Hence, K. Hall's thesis that the centre of Çrīvijaya was closely connected with its hinterland was not recognized by scholars immediately.

. Inquiring into the geographical location of Çrīvijaya, Wolters described it by means of almost all terms of political vocabulary such as 'kingdom, (maritime) empire, classical example of an Indonesian coastal state, polity' [1979, p. 1, 7, 9, 14, 16, 18]. He doubted that the *kadātuan* of Çrīvijaya had close connections with its hinterland [Wolters, 1979, p. 20]. But Wolters offered to study this political formation in semiological way: to 'read Çrīvijaya as a text':

"Absence of evidence is as significant as its presence and can be brought into relationship with new and visible signs in order gradually to reveal an inter-related sequence or environment of different signs that will enable 'Çrīvijaya' to be read as a text, just as linguists read a text by paying equal attention to what is and is not present" {Wolters, 1979, p. 15}. Trying to discover some text-like relations between visible and invisible signs, Wolters concluded that 'the Çrīvijayan neighborhood networks were almost certainly stable during the many centuries of the tributary trade' [1979, p. 21]. But the historian did not define more precisely the character of political organization of Çrīvijaya.

In 1980 M. Duverger organized the symposium on 'the concept of empire'. D. Lombard submitted a paper on Southeast Asian polities called 'an empires' by many of his predecessors [1980]. The historian noted that the regional political formations were fragile especially in comparison with China. He emphasized a relatively late appearance of the concepts of 'state' and 'empire' in SEA. Lombard thought 'the concept of the state seems to be superficial in many respects if scientists characterize a multitude of polities existed in this region [1980, p. 433]. It concerns especially 'mountaineers', Bataks, Dayakas, and Toraja.

According to Lombard, the concept of empire is applicable to polities of SEA as the rulers of region and their councilors were interested in the organized and 'universal' power [1980, p. 434]. The idea of the universal lord *cakravartin* was popular in the 'indianized' states of SEA. This thesis comes back to Heine-Geldern's conception [1942]. Lombard pointed out that there were a few countries where the term 'empire' was used without distinction to denote rather different realities; he referred to three empires: Çrīvijaya, Majapahit of the 14th century, and Mataram of the 17th – the 18th centuries [Lombard, 1980, p. 435]. Lombard described the first of them as a kind of thalassocracy which controlled the Straits of Malacca during the 7th – 11th centuries and the centre of which was situated near Palembang. Lombard asserted that one can use the concept of empire only very carefully and must define the character of power relations which it implies more precisely. Following Wolters' theory, Lombard thought Çrīvijaya was a federation of ports situated on the both sides of the Straits of Malacca. This federation exported some goods from its hinterland and was de-

pendent on the fluctuation of international trade [Lombard, 1980, p. 435]. The character of the ruler's power may be reconstructed only due to the TB-2 inscription. Lombard followed De Casparis' interpretation of the text. The type of power which is expressed by the terms *dātu* and *kadātuan* was connected with 'the taking an oath of loyalty'. This taking also was the main means to unite all the subjects of the ruler of Çrīvijaya. Thus, Lombard summoned the main theses of his predecessors and offered to define precisely one's own concepts.

Thus, the second period of the Çrīvijaya's studies is characterized by the change of approaches to this polity. The Soviet scholars and Bronson offered to reject the concept of empire to describe its inner political structure. The attention to Çrīvijaya was caused by theoretical discussions and/or by searches of new data from archaeological investigations. At least, K. Hall emphasized the connections of the Çrīvijayan *kadātuan* with its hinterland, hence the dichotomy between the Javanese and the Sumatran states which was based on the economical contraposition, began to weaken.

§ 3. The Third 'Hermeneutic' Period (c. 1980–2000).

This period of studies is characterized by the elaboration and acceptance of some new paradigms concerning the political organization of Çrīvijaya. The main preconditions of it were seemingly archaeological excavations on Sumatra and on the other islands of the Indonesian archipelago, and the idea of equality of all cultures. This idea was one of the central theoretical premises of hermeneutic and postmodernist theories. It has influenced the historical studies greatly. Many humanitarians decided to describe different cultures in their own terms to achieve their deeper understanding. But this decision appears to have a serious drawback: how can we understand the meaning of any term of different cultural discourse without its translation into our own outlook? *De facto*, we have to translate all we percept, i.e. read/hear/see, into our own cultural code; for that purpose the scientist may use description, definition, ostensive definition if it is possible, and interpretation in the case of complex phenomena. In any case, productive faculty of imagination makes possible the synthesis/juxtaposition of different representations belonging to different cultures. I should emphasize that all scholars continue to use the terms (and hence concepts) of their own tradition, e.g. 'society', 'polity', 'culture', and so on. Thus, the ideological claim not to thrust one's own *Weltanschauung* on different cultural background turns out to be no more than uncritical use of one's own cognitive means.

Return to Çrīvijaya. Long ago Van Leur tried to characterize the empirical data on SEA in their own terms by using the strange concept of the 'Sumatran' state. In this case the type of political organization was conceptualized by means of a geographical indication without a search of inner phenomenal structure. Offering to read Çrīvijaya as a text, Wolters proclaimed a pure hermeneutic method of cognition. The Soviet scholars Kozlova, Sedov, and Tiurin introduced the local term *nagara* 'city-state' to reconstruct the medieval history of SEA.

Tambiah elaborated the concept of ‘galactic polity’ for the same purpose on the ground of Heine-Geldern’s theory of ‘god-king’ in SEA [1976]. The ‘galactic polity’ grows by accreting, but not by absorbing, smaller neighbouring polities. This model comes back to the Buddhist conception of *cakravartin*.

Some Western scholars also introduced the same term *negari* (in Javanese pronunciation). It was used by the native population of SEA for denoting their own unities. Anderson writes: “Indeed the Javanese language makes no clear etymological distinction between the idea of capital city and that of kingdom. In the word *negari* both are included. Thus the state is typically defined, not by its perimeter, but by its centre. The territorial extension of the state is always in flux...” [Anderson, 1972, p. 28]. The state does not have frontiers at all, but its limits are connected with the quality of supernatural power concentrated in the centre and in the person of the king. The administrative structure is composed of stratified clusters of patron-client relationships, and the power of the ruler is straightforwardly dependent on the extent of its clientele [Anderson, 1972, p. 34]. According to Anderson, the Indian concept of *ma īāla* ‘finds itself very comfortably at home in Java’ for description of international relations [1972, p. 30]. He follows Murtono’s interpretation of the term:

“The *ma īāla* (circle, namely of influence, interests or ambitions) can be described as a complex of geopolitical relations, relating to boundaries and to contact with foreign countries. The doctrine emphasized the cult of expansion, a necessary spur to the struggle for existence, self-assertion and world domination, and the dynamic factor calculated to disturb the equilibrium of inter-state relations. A state’s belligerence is in the first place directed towards its closest neighbour(s), thus making necessary the friendship of the state next to the foe, which, because of its proximity, is also a natural enemy of the foe. But if the mutual foe should be conquered, the two allies would become close neighbours, which would create a new enmity. So this circle of alignment and alienation would steadily expand until a universal peace is reached by the establishment of a word-state with a sole and supreme ruler (*cakravartin*)” [Murtono, 1968, p. 71, n. 207].

Clifford Geertz offered to conceptualize the political organization of the traditional Southeast Asian societies by means of the theatre-state idea. All happening is a play, especially if it takes place at the court of the ruler. This construction has much in common with Tambiah’s ‘galactic polity’ since the theatre-state considers being the model of the Universe by its inhabitants. Geertz noted that the ruler draws the state inwards towards the centre using both compulsion and attraction [1980, p. 132]. The monograph of Geertz is entitled ‘*Negara*’, the same term as the Soviet scholars used in 1968 (see above).

On the grounds of Braudel’s structuralism, Tambiah’s ‘galactic polity’, an Indian idea of *ma īāla*, and Heine-Geldern’s conception of the good-king, Wolters has offered the new interpretation of the *ma īāla* theory:

“The map of earlier Southeast Asia which evolved from the prehistoric networks of small settlements and reveals itself in historical records was a patchwork of often overlapping *ma īālas*, or ‘circles of kings’. In each of these *ma īālas*, one king, identified with divine and ‘universal’ authority, claimed personal hegemony over the other rulers in his *ma īāla* who in theory were his obedient allies and vassals... In practice, the *ma īāla* (a Sanskrit term used in Indian manuals of government) represented a particular and often unstable political situation in a vaguely definable geographic area without fixed boundaries and where smaller centres tended to look in all directions for security. *Ma īālas* would expand and contract in concertina-like fashion. Each one contained several tributary rulers, some of whom would repudiate their vassal status when the opportunity arose and try to build up their own networks of vassals. Only the *ma īāla* overlord had the prerogative of receiving tribute-bearing envoys; he himself would dispatch officials who represented his superior status” [Wolters, 1982, p. 16–17].

Thus, Wolters’ theory differs from the conception of Murtono and Anderson because in the former the term *ma īāla* denotes relations within the polity, i.e. its inner structure, whereas in the latter it covers international relations, i.e. connections between some different polities. Wolters characterized Çrīvijaya as *ma īāla* without reservation [1982, p. 17, 22f.]. He also did not use the other terms of political vocabulary to describe Çrīvijaya. Thus, his hypothesis along with Bronson’s constructions was the turning point of scholars’ views on Çrīvijaya. But Wolters did not account for the rare usage of the word *ma īāla* in the available epigraphic data as he did not study them.

However, Wolters made more precise his theory in 1986, reinterpreting the information given by a Chinese Buddhist pilgrim I-tsing. The historian examined the terms applied to Çrīvijaya in the Chinese texts. I-tsing described Çrīvijaya in 671 and 689 by means of the Chinese term *kuo* which was interpreted as ‘country’, ‘kingdom’ and ‘state’ by Chavannes, Takakusu, and Pelliot respectively. But Wolters noted that the term *kuo* was also applied to Funan, a mainland Southeast Asian polity. Cl. Jacques has shown that Funan was a conglomerate of chiefdoms but not a state [1979, p. 371–379]. Hence concerning Çrīvijaya, these meanings of the term *kuo* are probable but not necessary.

“On the other hand, a *kuo* in the Chinese imperial histories may mean a specific place in the form of a ‘capital city’. Professor Wheatley cites the example of Langkasuka *kuo* in the Singora area on the Thai isthmus and considered the word *kuo* in this instance to mean ‘capital’ or simply ‘city’, and he goes on to define quite precisely the nature of the political unit involved as ‘a polity in which a focally situated settlement exercised direct control over a restricted peripheral territory and exacted whatever tribute it could an indefinite region beyond’” [Wolters, 1986, p. 16; Wheatley, 1983, p. 233].

Wolters holds that the Chinese pilgrims knew not only their own Chinese political and geographical vocabulary but also Indian geographical concepts. I-

tsing's predecessor, Hsüan-tsang (c. 596–664), adopting the Indian conventions, wrote that India was 'divided into seventy and more *kuo*'. This traveler "reserves the term *kuo* for smaller territorial units, corresponding with political ones and situated within the large areas signified by 'the regions' of the Five Indias" [Wolters, 1986, p. 16]. I-tsing follows the same usage but prefers to speak about 'the lands' of the Five Indias. He also knows some other *kuo*, e.g. the Tāmralipti *kuo* was between sixty and seventy *yojana* east of Nālandā, famous Buddhist monastery situated in the east of India [Wolters, 1986, p. 17]. Wolters has offered to translate the term *kuo* as 'polity'. It is a neutral term and begs no question about its institutional form [Wolters, 1986, p. 17]. Another Chinese term *chou* is a synonym of a Sanskrit word *dvīpa* 'land bordering on the sea' and 'island' concerning of contemporary Indonesian territory [Wolters, 1986, p. 17–18].

Thus, Çrīvijaya is described by I-tsing as *kuo*. But there is one note in the text of *Mūlasarvāstivāda-ekaçatakarmaṇ*: 'Malayu *chou* has now become one of Çrīvijaya's many *kuo*' [Wolters, 1986, p. 18]. Malayu was also characterized as *kuo* when I-tsing visited it in 672 [Wolters, 1986, p. 19]. Kedah situated on the west coast of the Malay Peninsula was a *kuo* and was dependent on Çrīvijaya [Wolters, 1986, p. 19]. Hence the term *kuo* does not have an exact political dimension as it could denote quite different political units.

Wolters believed the famous phrase of the TB-2 inscription '*sakalama īāalāñña kadātuanku*' indicates that the monarch of Çrīvijaya ruled his own *ma īāala-kuo* while the *dātu* dependent on him ruled their own *ma īāalas* [Wolters, 1986, p. 20]. Thus, Wolters has adopted Wheatley's definition of *kuo* Langkasuga. He also noted that he used the term *ma īāala* earlier as a 'convenient metaphor for conceptualization of sub-regional history' while it may mean both 'a large unit of space' and 'a small unit of space' [Wolters, 1986, p. 21, n. 75]. He referred to the Javanese administrative vocabulary of the 14th century as it has been reconstructed by Pigeaud. The latter has shown that the term *ma īāala* denoted a district in the phrase 'all districts of the island of Java' [Pigeaud, 1960, vol. I, p. 110, vol. 3, p. 158].

Despite Wolters' valuable observations of the Chinese geographical concepts, it should be emphasized that the only case of the usage of this word in the TB-2 inscription gives no possibility to adopt Wolter's theory. The phrase *sakalama īāalāñña kadātuanku* 'you, who protect all the provinces of my *kadātuan*' refers to the territories small in size [De Casparis, 1956, p. 35]. The term *ma īāala* never occurred together with the name Çrīvijaya. But we find the expressions '*kadātuan Çrīvijaya*' in the inscriptions from Kedukan Bukit, Kota Kapur, Palas Pasemah and Bungkuk and '*vanua Çrīvijaya*' in the texts from Kota Kapur and Karang Brahi [Nilakanta Sastri, 1949, p. 113–116; Sriwijaya, 1992, p. VII]. Therefore to define the polity of Çrīvijaya as *ma īāala* seems to be unconvincing.

Wolters tries to turn the Sanskrit term *ma ĩāla* into generic concept to define local polities. But this enterprise seems to be doubtful as the term denotes geopolitical interrelations between the Indian political formations and not an inner political structure. *Ma ĩāla* means a small unit but not the political situation in Çrĭvijaya as a whole, in the available texts of the polity. Thus, one may reject Wolters's hypothesis. As for the historiographic context, Wolters's theory testifies that the historians decided to describe different cultures in their own terms.

K. Hall offered an enlarged version of his views on the early Southeast Asian history in 1985. He applied Bronson's 'dendritic' model to Çrĭvijaya [Hall K., 1985, p. 13, 14]. He also pointed out that alliances were more important for the ruler of Çrĭvijaya than coercion. K. Hall adopted Wolters' concept 'rhythm of trade' [1985, p. 23]. He rejected explicitly the ideas of Indian colonies and/or conquests, and Indian direct control over SEA. According to him, the main question should be the following: how and why the inhabitants of SEA decided to adopt Indian culture. Answering it, K. Hall used the concept of 'ritual sovereignty' elaborated by B. Stein for the history of the early medieval South India. K. Hall wrote: "The adoption of Sanskritic culture was encouraged by leaders in both areas (South India and SEA – A.Z.) because of its potential as a source of political and social cohesion" [1985, p. 47].

K. Hall thought Çrĭvijaya was able to establish an empire. He followed his own earlier description of its political structure [Hall K., 1985, p. 79, 98, 78–102]. He emphasized the inner weakness of the Çrĭvijayan state system and noted that "the Çrĭvijayan state developed continuing 'treaty' relations with different groups of people who would normally have owed each other nothing" [Hall K., 1985, p. 102]. It was a confederation headed by the ruler of Çrĭvijaya. This system consisted of many client networks under the central authority of the *dātu* of Çrĭvijaya. K. Hall has changed his interpretation of the term *hulun hāji*: it was translated as 'personal bondmen of the king' whereas it was understood as 'slave' in 1976 [Hall K., 1985, p. 92].

One of the most influential scientists who studied the political organization of Çrĭvijaya was H. Kulke. He offered the evolutionistic scheme 'chiefdom – early kingdom – empire / imperial kingdom' in 1986. His views on Çrĭvijaya were formulated in two papers published in 1991 and 1993. Kulke focused on the study of spatial concepts mentioned in the relevant inscriptions. He tried to establish regions with different degree of central power and functions of officials. Following Wolters and Tambiah, Kulke believed Çrĭvijaya was a classical example of the concentric state in SEA. He assumed De Casparis's and K. Hall's interpretation of the TB-2 inscription in general. But Kulke thought *bhūpati* means landlords, *nāyaka* are local magnates, and *kadātuan* denotes 'the place of the *dātu*' [1991, p. 8–9]. *Huluntuhānku*, i.e. 'slaves and lords', "obviously denotes the members of the traditional patriarchal household of the *dātu* of Çrĭvijaya" [Kulke, 1991, p. 8]. Unfortunately, the historian gave no proofs of his

reconstruction. By the way, he paid much more attention to some other terms of the TB-2 inscription: *kadātuan*, *vanua*, *samaryyāda*, *ma īāla*, and *bhūmi*.

Kulke asserted that *vanua* is ‘the semi-urban area of Çrīvijaya’ where a Buddhist monastery *vihara* was located. The term *samaryyāda* refers to the neighbouring region beyond the *vanua* Çrīvijaya as it means ‘having the same boundaries’ (*maryyāda*) [Kulke, 1991, p. 9]. Wolters’ favorite *ma īāla* referred to autonomous and semi-autonomous principalities and chiefdoms at the periphery of later imperial kingdoms [Kulke, 1991, p. 10].

“Apart from providing us with a conceivable model of an early concentric state, Çrīvijaya also provided us with the first generic term of such a state. ...Coedès, De Casparis, and Boehari regarded *vanua*, *kadātuan*, and *huluntuhān* as such a comprehensive term and translated them accordingly as ‘le pays’, ‘empire’, or ‘kingdom’. But, according to my interpretation, none of these expressions had a comprehensive spatial connotation in the context of early Çrīvijaya” [Kulke, 1991, p. 10].

Kulke offered the term *bhūmi* as this generic concept. He grounded this idea by means of the following reasoning: “It (the term) occurs twice in Çrīvijaya’s inscription. One instance is in a more or less identical passage found in all the *ma īāla* inscriptions, which threatened the disloyal ‘people inside the land [that is] under the order of *kadātuan*’ (*uran di dalanña bhūmi ājñāña kadātuan-ku*). As this passage occurs only in the *ma īāla* inscriptions it has to be inferred that the places where they have been found either constituted a *bhūmi* or formed part of a larger polity which was called *bhūmi*. Although the first meaning cannot be excluded, two other references make the latter connotation of *bhūmi* more likely in the context of early Indonesian history. The first of these references comes from the important passage of the Kota Kapur inscription of the year 686 which announces the departure of an army expedition against *bhūmi jāva*, which had not yet become submissive to Çrīvijaya. The other evidence of a *bhūmi* polity comes from several inscriptions of the late ninth and early tenth-century Java that refer to *bhūmi* Matarām. As in the case of *bhūmi* Java and *bhūmi* Matarām, the Çrīvijayan concept of ‘the *bhūmi* under the control of my *kadātuan*’ apparently referred to the whole sphere that had come under the control of Çrīvijaya” [Kulke, 1991, p. 10–11].

The hypothesis of Kulke appears to have some serious drawbacks. First, the name Çrīvijaya never occurs with the term *bhūmi* whereas, as it was cited above concerning Wolters’ hypothesis, we find the expressions ‘*kadātuan* Çrīvijaya’ in the inscriptions from Kedukan Bukit, Kota Kapur, Palas Pasemah and Bungkok and ‘*vanua* Çrīvijaya’ in the texts from Kota Kapur and Karang Brahi [Nilakanta Sastri, 1949, p. 113–116; Sriwijaya, 1992, p. VII]. Second, all the passages mentioned by Kulke may be interpreted by means of the main Sanskrit meaning of the word *bhūmi* ‘land, soil’, therefore the implication of specific political form seems to be unnecessary. Third, one has no ground to believe that *bhūmi jāva* considered to be the arch-rival of Çrīvijaya with the same

political structure. The expression *bhūmi jāva* probably means no more than a 'land of Java'.

According to Kulke, Çrīvijaya was the first Indonesian state that succeeded in extending its direct political authority beyond its own *vanua* into the *samaryyāda* hinterland and to conquer even far-off powerful chieftaincies and trade emporia (e.g. Malayu and Kedah) and to establish some sort of hegemony over these outer *ma īāla* [1991, p. 11]. It was ensured by a "fairly developed staff of 'administrators', the *huluntuhān*". This interpretation of the Old Malay word is very strange as one must remember the weakness of Çrīvijayan control over its own subjects.

Kulke has summoned his ideas in the following passage: "...Early Çrīvijaya was neither an empire nor a chieftaincy but a typical Early kingdom, characterized by a strong centre and surrounded by a number of subdued but not yet annexed (or 'provincialized') smaller polities. The unique feature of Çrīvijaya's future development was its peculiarity that it never succeeded, or perhaps even never tried, to change this structure of its *bhūmi* polity ... In fact, one may even argue that the longevity and the flexible greatness of Çrīvijaya was based on the very non-existence of those structural features which historians regard as a prerequisite of a genuine empire" [Kulke, 1993, p. 176; cited from: Wisseman Christie, 1995, p. 268].

Thus, one of Kulke's most important conclusions is that Çrīvijaya was not an empire. He follows in fact the Soviet scholars and Bronson. Using the concept of the 'concentric state', Kulke *eo ipso* elaborated Wolters' concept of *ma īāla* but without reference to Chinese geographical term *kuo*. The search of an authentic description of the Çrīvijayan inner structure seems to be the refusal of defining the examined cultures by means of European concepts. But Kulke's idea of *bhūmi* is unconvincing. In any case, one may conclude that one peculiarity of the Çrīvijayan studies is the construction of new hypotheses on one and the same epigraphic data.

'The Cambridge History of Southeast Asia' contains two different conceptions of the political organization of Çrīvijaya. K. Taylor thinks Çrīvijaya is a generic term for the succession of thalassocracies centered in southeastern Sumatra from the seventh to the fourteenth centuries whereas the inscriptions of the seventh century show the origin of the Sumatran polity as a 'pyramidal network of loyalties among Malay rulers' [Taylor, 1999, p. 173–174]. Hence, Taylor develops Bronson's theses combining it with Wolters' views on the nature of *ma īāla*. He also does not use the concept of empire. On the contrary, K. Hall asserts that Çrīvijaya must be characterized as an empire. "The creation of this realm was a political feat achieved not simply by force but, of equal importance, by the adroit merging of both local Malay and imported and adapted Buddhist symbols of power and authority" [Hall K., 1999, p. 197]. Thus, one and the same phenomenon was interpreted in different ways which are partly opposite each other.

In 1990 some scholars introduced the concept of port-polity to describe the political structure of ancient and medieval Southeast Asia. It appears to be a kind of the well-known city-state idea which is often used to conceptualize the data on Sumer and Ancient Greece and Rome. Kathirithamby-Wells viewed Çrīvijaya as a port-polity [1990, p. 3, 4]. J. Wisseman Christie held that the first Southeast Asian states arose in the 3rd century B.C. long before the penetration of Indian influence into the region [1990, p. 39–60]. She also doubted that Çrīvijaya was an empire and noted that ‘in the last analysis, perhaps the sole *necessary* criterion for defining a polity as a true ‘state’ is the fact that its members so regard it, that they view themselves as members of a political rather than a purely tribal unity’ [Wisseman Christie, 1990, p. 50]. But she assumed that this criterion cannot be verified on the archeological data. She argued in favour of trade as the basic factor of the genesis of the state but the existence of the state without the government (administrative personnel) seems to be very doubtful. We also cannot prove its existence in the 3rd century B.C. in SEA referring only to the evidence of exchange/trade relations. These relations are not inextricably interwoven with the state formation as, e.g., the tin producers of Ancient Britain had not such political organization. Thus, Wisseman Christie’s dating of the first Southeast Asian states seems to be unconvincing.

Wisseman Christie later changed her views on early history of SEA [1995]. She adopts Claessen’s and Skalnik’s definition of the state. They define it as ‘a centralized sociopolitical organization for the regulation of social relations in the complex, stratified society divided into at least two basic strata, or emergent social classes – viz. the rulers and the ruled – whose relations are characterized by political dominance of the former and tributary relations of the latter, legitimized by a common ideology of which reciprocity is the basic principle’ [Claessen & Skalnik, 1978, p. 640]

Wisseman Christie analyzes the Old Malay terminology of the TB-2 inscription more attentively than Wolters, K. Hall, and Kulke did. She thinks Çrīvijaya was a multi-port state [Wisseman Christie, 1995, p. 272]. Wisseman Christie criticizes Wolters and Kulke for their passion for the word *ma īāla* which occurs once only in the TB-2 inscription and means there ‘provinces or territories under the control of the palace’ [1995, p. 267–268]. She agrees with De Casparis’s interpretation of the term *huluntuhān* as ‘empire’. Wisseman Christie notes that this meaning covers all of the uses of the term and the latter emphasizes the political relationships rather than the geography of the state (Çrīvijaya) [1995, p. 267, n. 2; 268]. She also adopts Bronson’s ‘dendritic’ model of exchange for her classification of states. The scholar believes that there were one-port polities and many-ports polities. It probably is the elaboration of Wolters’s earlier thesis that Çrīvijaya was a federation of ports. Certainly, it has much in common with Kathirithamby-Wells’s ideas. But as Wisseman Christie’s classification is connected with Claessen’s and Skalnik’s definition of the early state she should verify the latter but not an existence of ports or trade. Unfortu-

nately, this purpose was not achieved as Claessen does not hold that Çrīvijaya as the unity of its *kadātuan* and the vassal lands was a state [1995, p. 444]. He asserts that the concept of the state is applicable only to the Çrīvijayan *kadātuan*. Claessen refers on the well-known fact established by K. Hall that the control of the Çrīvijaya ruler was weak outside the *kadātuan*. Claessen supposes that Çrīvijaya as a whole was no more than a conglomerate of ‘mutually cooperating, fairly independent regions scattered over a large area of the Indonesian archipelago’ [1995, p. 444]. Thus, one may conclude that the political organization of Çrīvijaya is an open question. One of the causes of this historiographical situation appears to be the controversy of the state and its criteria.

According to S.V. Kullanda, Çrīvijaya was a state, a thalassocracy, and a maritime empire [1991, p. 6, 7; 1995, p. 215–218]. He writes: “On the grounds of scarce epigraphic data one may conclude that the empire consisted of many vassal states (*kadātuan*) headed by the rulers – *dātu*, to whom some chiefs (*hulu*) were subjected. The state was obviously divided into provinces – *deça*. Çrīvijaya itself also could be named *kadātuan* and also *vanua* (the word with the meanings ‘inhabited land’ and ‘community’) and *huluntuhān* (the state, literally ‘slave and lords’). The monarch of Çrīvijaya possessing probably sacral power was named *dapunta hiyang* (*hiyang* – ‘god’) or *hāji*... The state apparently was thought to be consisting of the capital area and the outlying districts. Representatives of all regions and vassal states swore allegiance to the Çrīvijayan monarch by a sacral drinking (‘to drink the oath’ – *minum sumpah*)... Regular professional army was maintained for protection of trade monopoly and of suppressions of rebellions. There was sufficiently developed state machinery at least in the centre of Çrīvijaya. Relatives of the monarch were high officials and bore such Sanskrit titles as *rājaputra*, *yuvarāja*, *rājakumāra*, and *bhūpati* etc. They were responsible for government of the provinces under direct control of the centre” [Kullanda, 1995, p. 217–218].

Kullanda holds that the distinction of the maritime and irrigation states in the history of SEA has no grounds. He refers to the fact that the Malays-seafarers adopted the word *pedoman* ‘compasses’ from the ‘agrarian’ Javanese. The Malay word is formed from the Javanese word *dom* ‘needle’ [Kullanda, 1992, p. 119]. But the distinction between Kullanda’s description of Çrīvijaya and the hypotheses of the other scholars appears to be superficial. With the sole exception of K. Hall, all contemporary historians agree that the connections of the Çrīvijayan monarch and the other *dātu* were vassal in character, and the staff of officials existed primarily/only in the centre (*kadātuan*) of Çrīvijaya. Hence one may conclude that the main problem is the definition of the basic concepts but not an empirical material. One thesis of Kullanda raises some doubts as the term *deça* occurs only once in the TB-2 inscription: “if (such) actions (of other people) are known to you in your region (*deça*)” [De Casparis, 1956, p. 42, 34]. It must bear in mind that the TB-2 list of the participants of bringing the oath

ceremony does not contain the word *deçādhyaḥ* (see above, § 1). Thus, it cannot be an argument of the territorial division existence.

Following G. Ferrand, W. Aichele, and L.-Ch. Damais, who studied the unknown language B of the Çrīvijayan inscriptions, Kullanda believes that there was a civilization of the ancient Austronesians whose language was cognate to some modern languages of southeastern Borneo, moreover to Maanyan and Malagasy [1991, p. 6]. He shows a system of phonetic correspondences of the language B and Old Malay. “Thus, *-s-* of the basic part of [the Çrīvijayan] inscriptions corresponds to *-h-* of the introductory part... *-r-* (from **R*) of the basic part corresponds to *i(y)* of the introduction, e.g. the Old Malay word *parsumpa-han* ‘oath, invocation’ of the basic part corresponds to *paihumpa-an* of the introductory one” [Kullanda, 1991, p. 6]. Kullanda also thinks that an archaic personal article *hang* was adopted by Malay from the language B of the Çrīvijayan inscription, and this lexeme was included into personal names of some popular heroes of the Malay literature such as *hang Tuah* [Kullanda, 1991, p. 7]. Kullanda’s hypothesis seems to be very curious and throws some new light on the place of Borneo in Southeast Asian history. Unfortunately, to verify this supposition is extremely difficult as no other traces of such Borneo civilization are known. But there is a functional correspondence between the basic and introductory parts of the Çrīvijayan inscriptions as it is attested by the terms *parsumpa-han* and *paihumpa-an*, by the mentioning of deity/deities *Tandrun Luah* in both parts of the inscriptions, and by the passive form *winunu* (from the radical *wunu* ‘to kill’) of the basic part of the texts, corresponding to the term *nivunuh* ‘will be killed’ [Kullanda *apud* Dorofeeva, 2001, p. 250, 252]. Therefore, the people who swore allegiance to the Çrīvijayan monarch belonged probably not only to the Malays.

Nowadays Manguin describes Çrīvijaya by means of the city-state concept [2000]. It reminds the *nagara* hypothesis offered by Kozlova, Sedov, and Tiurin, and has much in common with Bronson’s theory. Manguin asserts that Bronson’s ‘dendritic’ model is a ‘schematic representation of the hierarchic upstream–downstream organization of settlements’ [2000, p. 413, fig. 2]. Manguin follows Kulke’s views on Çrīvijaya as a *bhūmi* polity. He rejects explicitly the applicability of the predicate ‘empire’ to it [Manguin, 2000, p. 411–412, fig. 1]. Manguin holds that Çrīvijaya contained more than one harbour-centred city-state. Thus, on the grounds of Manguin’s and Wisseman Christie’s theories one may conclude that the modern historiographic tradition has renounced its point of view on Çrīvijaya as an ‘empire’ and Bronson’s hypothesis became its new paradigm. On the contrary, K. Hall and Russian scientific tradition believe Çrīvijaya may be interpreted in a classical way.

Thus, the third period of the Çrīvijayan studies is characterized by development of new paradigm and can be conventionally named ‘hermeneutic’ as some historians try to interpret the local phenomena in their own terms. At the same time, the theories offered by Wolters and Kulke have some drawbacks.

Kullanda's description of Çrīvijaya coincides *de facto* with its empirical accounts given by the other scholars. Hence, the main problem is to define more precisely our own theoretical premises: what are the state, the empire, etc.

§ 4. The polity of Çrīvijaya according to the inscriptions.

Now I would like to summon all reliable data to define the political organization of Çrīvijaya. First of all, the polity is a political organization of certain form. Political organization is a system of institutions taking part in the political process (policy). The latter consists of relationships concerning the power, i.e. the attitude of the influence implying compulsion/coercion or another type of sanction. The existence of this attitude is constant but its distribution varies depending on space and time. Institution is a reciprocal typification of habitual actions by different actors. The policy is one of the social components. Society is 'the sum of interrelations, the relations within which these individuals stand' [Marx, 1973, p. 265]. This sum of interrelations is not given directly; hence any society is partly conceivable unity as it is constructed by imagination and by the transcendental unity of apperception [for more detail see: *KRV*]. Thus, the polity as a political organization of the society is also a conceivable/thinkable unity. Therefore one must pay attention to the ways of conceptualizing of the manifold of relationships, ties, and attitudes. The historian has to analyze his own way of thinking and such a way which is/was used by the people under examination, to achieve a deeper synthesis of the data.

If one describes a political organization by means of the concept of the state, then one must define what the state is. But there are a lot of the state's definitions as well as ones of any other political form. Probably, the manifold of approaches is a result of the diversity of social relationships and of the differences between actors taking part in. The actors act in the world, constructed during primary socialization through conceptualization of diverse relations, into which an individual is included, by means of language protocols, already constructed and consequently playing the role of pre-constructions in relation to this individual. At the same time, the relevant phenomena continue their existence only as a result of the activity of individuals who internalized these pre-constructions. And since the mastering of the data proceeds differently in various conditions and in view of varying abilities of the concrete people, the social order is characterized by ongoing changes. They also require conceptualization and internalization that leads to constant transformations of all the components of the human world [for more detail see: Berger & Luckmann, 1966]. Thus, different interpretations of the state exist as pre-constructions in relation to the historian who intend to study some phenomena from the point of view of their political organization.

Analyzing Çrīvijaya, I would like to apply some definitions of the state and of the chiefdom to the available data. These definitions play the role of pre-constructions as they were elaborated by the other scholars and exist independ-

ently on my intentions and wishes. The definitions of the state given below will be used as working hypotheses. Consequently, the discrepancy between them and the empirical data does not imply their general fallaciousness. My research does not pretend to prove which of these definitions is true. I think it is more important to study how theoretic constructions ‘work’ in the mind of scholars forming *eo ipso* their ways of perception, thinking, and action (*Habitus*, according to P. Bourdieu) in contemporary social order, including construction of history.

As for Çrīvijaya, nine complete Old Malay inscriptions of this polity are known; Çrīvijaya also is mentioned in the Sanskrit Ligor inscription found on the Malaccan peninsula and dated to 775 A.D. De Casparis published some fragmentary records [1956, p. 1–15]. With the sole exception of the Kota Kapur inscription, all the other complete Old Malay texts were discovered in the area of Palembang on Sumatra. Three inscriptions are dated to 682 A.D. (Kedukan Bukit), 684 A.D. (Talang Tuwo), and 686 A.D. (Kota Kapur). The most important text is the Telaga Batu-2 inscription (TB-2).

On the ground of the TB-2 inscription one may conclude that Çrīvijaya had administrative personnel as this text mentions a lot of posts. But how was the polity organized and how did its administration function? First of all, the TB-2 inscription contains primarily the curse to all perjurers. As K. Hall has shown, the punishment is carried out by the ruler himself in the TB-2 inscription whereas in the other mentioned documents this affair must be realized by a deity. Thus, the power of the Çrīvijayan king was direct near the centre of his domain whereas the king was forced to emphasize the more theoretical and mythical aspects of his kingship in the hinterland because his power would seem to have been less direct (see above).

Then, the ruler of Çrīvijaya is often named not only *hāji* ‘king’ and *dapunta hiyang* ‘god-king’ but also *dātu* ‘chief’. *Dātu* is a traditional Malay title. It is mentioned in the Çrīvijayan inscriptions and is applied to different people dependent on the *dātu* of Çrīvijaya. Thus, the latter was moreover *primus inter pares*. That the officials of the centre of Çrīvijaya controlled directly all vassal lands seems to be very doubtful as the Kota Kapur inscription mentions only the *dātu* of Çrīvijaya and the other *dātu* who recognized his power but no officials [Sriwijaya, 1992, p. 54–56]. The king of Çrīvijaya is also called *bhūpati* in the Ligor inscription [Nilakanta Sastri, 1949, p. 120]. The term *bhūpati* can be found in the TB-2 inscription and is translated by De Casparis as ‘chief’. Hence, still in the 8th century the monarch of Çrīvijaya probably remained the first among equals. The side A of the Ligor record mentions no official and the main actors are the ruler of Çrīvijaya and *sāmantarāja* and *sāmantanāpa* ‘neighbouring kings’ [Nilakanta Sastri, 1949, p. 120]¹. The Çrīvijayan monarch also bears

¹ Coedès proved that the side B of the Ligor inscription was not a continuation of the side A since the former does not mention Çrīvijaya and the ruler bears completely different titles *mahārāja* and *rājādhirāja* [Sriwijaya, 1992, p. 103–111].

some other titles, including *nāpa*, *nāpati*, and *indrarājā*, in this text [Nilakanta Sastri, 1949, p. 120]. At last, the inscriptions of this polity contain only one means of its protection from the internal enemy – the curse to the perjurers. The Old Malay phrase *nivunuh kāmū sumpah* ‘you will be killed by this curse’ is found twenty five times in the TB-2 inscription. The same content is met with five other texts of Çrīvijaya: Karang Brahi, Kota Kapur, Palas Pasemah, Karanganyar, and Boom Baru [Dorofeeva, 2001, p. 39]. Hence, the presence of the management personnel does not imply the integration of all territories under the power of uniform administration.

How did the inhabitants of Çrīvijaya conceptualize their own political organization? De Casparis has translated the term *huluntuhānku* as ‘my slaves and lords’ and has interpreted it as ‘my empire’. In any case, the term refers to private connections (bonds) between the ruler and his subjects, instead of territorial or other formal connections.

We find the expressions ‘*kadātuan Çrīvijaya*’ in the inscriptions from Kedukan Bukit, Kota Kapur, Palas Pasemah and Bungkuk and ‘*vanua Çrīvijaya*’ in the texts from Kota Kapur and Karang Brahi [Nilakanta Sastri, 1949, p. 113–116; Sriwijaya, 1992, p. VII]. *Kadātuan* is etymologically a place/residence of *dātu*, hence this term probably refers in this context to the domain of the Çrīvijayan ruler. *Vanua* means ‘community, inhabited land and country’ [Kullanda, 1995, p. 217; Kullanda, 1992, p. 80–81]. This term is occurred only once in the TB-2 inscription in the expression ‘*di samaryyādapatha di vanua*’, translated as “the frontier regions of my empire” by De Casparis [1956, p. 41, 34]. But the scholar offered the same meaning to two other Old Malay words, namely *kadātuan* and *huluntuhānku*. Thus, his interpretation gives no possibility to keep some linguistic peculiarities of the original. The terms *kadātuan* and *huluntuhānku* are found much more frequently in the Çrīvijayan epigraphy. As the ruler of Çrīvijaya was a *dātu*, the term *kadātuan* could hardly be applied to all people who were dependent on him. The TB-2 inscription mentions some people “who attack my *kadātuan*” (*ura i ārambha kadātuanaku*) and some threats “to destroy my *kadātuan*” [De Casparis, 1956, p. 33, 39–40]. As the word *Çrīvijaya* is met only with the terms *kadātuan* and *vanua*, it seems to be quite probable that the authors of these records did not need the special way to designate the unity of *kadātuan* and the dependent lands.

H.T. Wright writes: ‘In contrast to a developed chiefdom, a state can be recognized as a cultural development with a centralized decision-making process which is both externally specialized with regard to the local processes which it regulates, and internally specialized in that the central process is divisible into separate activities which can be performed in different places at different times’ [Wright, 1977, p. 383]. This interpretation of the state may be formulated simpler: internal specialization is differentiated administration, or system of government, in which separate functions of government are allotted to certain positions/posts. The aggregate of these positions forms the staff of officials. As the

TB-2 inscription contains a list of officials bringing the oath to the Çrīvijayan ruler, one may conclude that the *kadātuan* was a state, according to Wright's definition. But the unity of the *kadātuan* and the subjected lands could not be a state since the officials of the former did not control the latter (see above).

Engels thought that the state is 'the organization of the possessing class for its protection against the non-possessing class'. It is characterized by the existence of the territorial division, the public power separated from people, taxes, and also the professional army (the apparatus of coercion) [Engels, 1972]. First, the existence of slaves in the Marxist sense of the word in Çrīvijaya appeared to be probable as we know the term *hulun* with such a meaning. But the word *huluntuhānku* 'my slaves and lords' covers all people subjected to the Çrīvijayan ruler. One fragmentary inscription found near Palembang contains a curious expression *netā maddāsasenāyāō* 'commander of an army of my slaves' [De Casparis, 1956, p. 6]. Certainly, history gives good examples of armies consisting of slaves, e.g. janizaries, but in the case of Çrīvijaya this meaning seems to be unconvincing as the list of the TB-2 inscription enumerates diverse titles and professions such as 'merchant' (*va īiyāga*), and the same inscription shows the applicability of the word *huluntuhānku* to all these people. Thus, the class differentiation in Çrīvijaya was not strong. One also may recall the role of clan connections in this polity as it was evident from the widespread term *gotra* 'clan'.

Second, as for the territorial division, it could exist because we know the terms *ma īāla* and *deça* which were translated by De Casparis as 'province' and 'region' respectively (see above). But it remains unknown how these territories were organized and whether the monarch and the polity of Çrīvijaya took part in their formation. I also have noted that the word *deçādhyakā* is not mentioned in the Çrīvijayan epigraphy. Hence, the territorial division as an attribute of the state is quite problematic concerning Çrīvijaya.

The finance of Çrīvijaya is practically unknown. The Chinese text of Chau Ju-kua dated to the 13th century contains a negative mention: 'Local people ... pay neither a rent payment-*ch'iu*, nor the land tax-*fu*' (translation of M. Ulianov) [Chau Ju-kua, 1996, p. 143]. As far as this information can be extrapolated for earlier time, it is difficult to say. K Hall holds that the king was connected with taxes referring to the idiom *da īāaku da īāa* of the TB-2 inscription. De Casparis interpreted it as 'are fined by me with fine', but omitted it in his translation of the inscription [De Casparis, 1956, p. 27, 42; Hall K. 1976, p. 80]. The scholar, however, pointed out that it differs greatly from the main intention of the graver sentences which 'almost always death, pronounced against most of the criminals'. It also should be emphasized that only the TB-2 inscription contains this quite strange idiom. In any case, fine is not tax.

As the TB-2 inscription mentions 'an army which will undertake a punitive expedition' [De Casparis, 1956, p. 46, 45], one would conclude that Çrīvijaya was a state, according to Engels' definition. But what was this army and what were the principles of its organization? Such knowledge is contained

only in some Chinese chronicles. Certainly, these sources are dated to later times, but one may rely on them in this respect since all medieval maritime Malay societies enjoyed homogeneous economy based on trade and piracy. Chau Ju-kua writes: ‘The people either lived scattered about outside the city, or on the water on rafts of boards covered over with reeds, and these are exempt from taxation. They are skilled at fighting on land or water. When they are about to make war on another state they assemble and send forth such a force at the occasion demands. They (then) appoint chiefs and leaders, and all provide their own military equipment and the necessary provisions. In facing the enemy and craving death they have not their equal among nations’ [Hirth, & Rockhill, 1911, p. 60f.; Nilakanta Sastri, 1949, p. 88–89]. Chou-k’ü-fei, whose monograph is dated to 1178, refers to the same people’s custom to appoint chiefs and leaders [Fer-rand, 1922, p. 16]. Hence the Çrīvijaya’s monarch did not have the monopoly on armed forces: the people were an army in one and the same time. Thus, Çrīvijaya cannot be described as a state according to its definition of Engels.

A. Johnson and T. Earle think the state in contrast of the chiefdom is a regionally organized society whose population number in the hundreds of thousands or millions and often are economically and ethnically diverse [1987, p. 246]. But the weakness of links between the *kadātuan* of Çrīvijaya and the polities of the other *dātus* gives no possibility to suppose that Çrīvijaya had three levels of administrative control. Therefore, it was not a state within the bounds of Johnson’s and Earle’s theory. These scholars assume that the forerunner of the state is the chiefdom. The latter has two basic forms: simple and complex. Following Carneiro, Johnson and Earle define the chiefdom as ‘regional system integrating several local groups within a single polity’ [1987, p. 207]. The simple chiefdom differs from the complex one by the population quantity. It includes from one to several thousands people whereas the complex chiefdom numbers already tens of thousands people. Johnson and Earle write:

“Within the chiefdom the regional organization is based on an elite class of chiefs, often considered descendants of the gods, who are socially separated and ritually marked. The organization is explicitly conceived as a kin-based community-like organization expanded into a regional governing body. The chiefs are related to each other through descent and marriage, and the idioms of kinship and personal bonds remain central in the political operation of the chiefdom” [Johnson & Earle, 1987, p. 208].

Since the Kedukan Bukit inscription mentions an army of twenty thousands men and I-tsing refers to one thousand of Buddhist monks in Çrīvijaya, one may conclude that this polity numbered (at least, sometimes) tens of thousands people [Coedès, 1964, p. 25; Takakusu, 1896, p. XXXIV]. The role of personal bonds within Çrīvijaya is attested by the bringing the oath ceremony implying the only means to protect the polity from the internal enemy – the curse to the perjurers. As the ruler of Çrīvijaya is called ‘the Lord of the Mountain’ and ‘the *Mahārāja* of the Isles’ in some Arabian texts, K. Hall concluded

that the Çrīvijayan ruler had the magical control over the waters [1976, p. 85]. The monarch also was responsible for fertility and plenty of his country. Chao Ju-Kua notes that the ruler of Çrīvijaya could not eat grain on a specific day of the year for fear of the weather being dry and grain dear to the next year. The pilgrim adds that this monarch did not have to wash in ordinary water to avoid a flood [Chao Ju-Kua, 1996, p. 144]. In the Talang Tuo inscription the ruler of Çrīvijaya expressed his anxiety of all the difficulties and wished prosperity and wealth to all people under his rule and to all the country [Nilakanta Sastri, 1949, p. 114; Hall K., 1976, p. 89]. Hence he was ritually marked. Thus, one may describe Çrīvijaya as a complex chiefdom according to Johnson's and Earle's theory.

One of the most popular concepts of the state (more exactly, 'the early state') was offered by Claessen and Skalnik. They define it as 'a centralized sociopolitical organization for the regulation of social relations in the complex, stratified society divided into at least two basic strata, or emergent social classes – viz. the rulers and the ruled – whose relations are characterized by political dominance of the former and tributary relations of the latter, legitimized by a common ideology of which reciprocity is the basic principle' (see above). Claessen thinks that its main features are a fixed territory, a minimum population of a few thousand persons, production system providing a regular and reasonably stable surplus to maintain aristocracy, an ideology legitimizing the political and social hierarchy, and some sort of sacral position of the ruler [Claessen, 1995, p. 444–445]. These attributes may be attested with some difficulties even concerning the *kadātuan* of Çrīvijaya. Were their inhabitants tribute-givers? They probably were, but we know only Chau Ju-kua's negative answer and a strange mention of fines in the TB-2 inscription. Further, it seems to be unobvious whether the surplus was regular and reasonably stable since the archaeological situation on Sumatra shows the absence of monumental temple architecture which was one of the most famous features of medieval Java.

M. Weber offered to define the state as follows: "A compulsory political association with a continuous organization will be called a 'state', if, and insofar as, its administrative staff successfully claims the monopolization of the legitimate use of physical force in the enforcement of its authority" [Weber, 1962, p. 119]. As the monarch of Çrīvijaya was only *primus inter pares* and relied primarily on the bringing the oath ceremony, one cannot characterize Çrīvijaya as a state, following Weber's conception. These remarks also can be safely applied to E. Gellner's theory of the state. This scholar believed "the 'state' is that institution or set of institutions specifically concerned with the enforcement of order (whatever else they may also be concerned with)" and "exists where specialized order-enforcing agencies, such as police forces and courts, have separated out from the rest of social life": "they *are* the state" [Gellner, 1983, p. 4]. Çrīvijaya was not a state in this case since specialized organizations to keep order also were not attested.

While the concept of ‘empire’ was often applied to Çrīvijaya, it denotes a more developed type of the statehood than, say, the early state. As one cannot describe Çrīvijaya following many concepts of the state, the concept of empire appears to be quite inadequate to conceptualize the empirical data on Çrīvijaya.

Thus, the *kadātuan* of Çrīvijaya may be characterized as a state if one adopts the theories of Wright and Kulke. Çrīvijaya was not a state according to the theories of Engels, Weber, Gellner, Johnson and Earle. This polity was a complex chiefdom if one follows Johnson’s and Earle’s theory. Çrīvijaya, probably, was an early state of Claessen’s scheme but it is rather disputable. The unity of the *kadātuan* of Çrīvijaya and the dependent lands was not conceptualized by their inhabitants by means of general concepts, whereas Wolters’s and Kulke’s theories seem to have no ground. The ruler of Çrīvijaya was *primus inter pares* and possessed, first of all, personal power.

Several concepts of the state were accepted as working hypotheses and were compared to the empirical data. Çrīvijaya is well described by some of them and, on the contrary, cannot be characterized by others. The scholar depending on what approach s/he assumes can represent differently the genesis of the statehood in SEA.

Очерк 3. О способах конструирования «древнего Востока» в российской историографической традиции¹.

Изучение интеллектуальных процедур, посредством которых создаются объекты познания, имеет долгую историю. Но в области изучения древней истории подобного рода исследования распространены сравнительно слабо. В данной статье хотелось бы в некоторой мере восполнить этот пробел рассмотрением ряда концепций «древнего Востока», предложенных в отечественной историографической традиции, начиная с труда Б.А. Тураева и кончая I-м томом коллективной монографии «История Востока».

Данное исследование выполнено в рамках конструктивистской научно-исследовательской программы, восходящей к кантианской критической философии. Согласно Канту, «...мы ничего не можем представить себе связанным в объекте, чего прежде не связали сами...» [KRV, В 130]. Базовой операцией познания является синтез, т.е. «присоединение различных представлений друг к другу и понимание их многообразия в едином акте познания», причём он «есть исключительно действие способности воображения, слепой, хотя и необходимой функции души» [KRV, В 103]. Таким образом, анализ построений советских и российских историков основывается на предположении, что созданный ими объект, а именно древний Восток, есть результат синтеза многообразных определённых созерцаний, синтеза, осуществлённого посредством категорий рассудка и идей разума. Следовательно, *a priori* предполагается, что только созерцаний недостаточно для познания: «Без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один нельзя было бы мыслить. Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы» [KRV, В 75]. В деятельности историков созерцаниями являются источники, содержащие весьма разнообразные сведения, и труды других историков, предшественников и современников. Предлагаемая вниманию читателей работа имеет своими источниками тексты, созданные в российской историографической традиции, что делает возможной её эмпирическую проверку. Целью её является установление тех способов, посредством которых создаётся древний Восток, и его логического статуса.

Начать целесообразно с построений Б.А. Тураева. Он пишет: «История древнего Востока – первая глава истории человечества, история цивилизаций, генетически предшествовавших эллинизму и христианству» [Тураев, 1935, т. 1, с. 1]. Отсюда следует, что до «истории древнего Востока» истории человечества не было, что подтверждается указанием Б.А. Тураева на существование «доисторических культур» [1935, т. 1, с. 27]. Эти идеи восходят к Г.В.Ф. Гегелю [См., например: Гегель, 2000]. Высказывание

¹ В виде статьи очерк был сдан в журнал «Восток (Oriens)». Находится в печати. – А.З.

Б.А. Тураева предполагает идею человечества как единого субъекта истории, следовательно, сама история возможна лишь в форме всемирной (*Weltgeschichte*). Далее, эта история характеризуется посредством уподобления книге, включающей ряд глав (с литературной точки зрения – метафорически), при этом «древний Восток» есть лишь первая из них и уже завершившаяся [Тураев, 1935, т. 1, с. 3–4]. Это приводит к мысли о том, что всемирная история есть стадийный процесс и что отнюдь не все сообщества людей в ней участвовали. Но так как всемирная история включает в себя ряд «глав» (стадий, этапов), то её субъект претерпевает изменения (поскольку в противном случае эти этапы нельзя было бы отличить друг от друга). Изменение же может мыслиться только при наличии субъекта, минимум два состояния коего должны быть зафиксированы: начальное и конечное, времени, благодаря которому два разных состояния предиктируются одному субъекту, и наблюдателю, который, находясь в третьей временной позиции, фиксирует субъекта изменения минимум в двух его состояниях [KRV, В 48–49, 149, 230; Danto, 1965, р. 235–236; Захаров, 2005]¹. Следовательно, представление о древнем Востоке возможно посредством такой априорной формы созерцания, как время. Лишь мысля время в образе линии, можно соединить количественную характеристику – «первая глава» – с качественной, так как речь идёт об истории человечества и «древнем Востоке». Важно отметить, что нет ни одного древневосточного текста, который содержал бы этот предикат («древневосточный») в качестве своей характеристики. Именно историки относят те или иные созерцания и реконструируемые феномены к тому или иному временному периоду.

Процитируем один из абзацев «Введения» для того, чтобы сопоставить его с приведённым выше определением истории древнего Востока и ещё рядом высказываний: *«Термин "Восток", который мы прилагаем к странам, выработавшим начало всемирно-исторической цивилизации, представляет собой наследие римского времени и той культурной двойственности, при которой романизированному Западу противопоставался эллинистический Восток. Сначала для римлян "Востоком" было все за Иллирией... Однако, неоднородность этого "Востока" сознавалась его населением и выражалась... в реакциях против эллинизма. Уже диоклетиано-константиновская префектура "Oriens" обнимает только Египет и переднеазиатские провинции империи... диоцез "Oriens" уже ограничивается только Сирией. Таким образом, наш термин греко-римского происхождения, но для классических народов он был скорее географическим, чем культурно-историческим. Для нас дело обстоит иначе. С одной стороны, наша цивилизация захватила район неизмеримо больший, чем классиче-*

¹ Почему наблюдатель должен находиться в третьей (логически) временной позиции, объясняется тем, что мысль о двух состояниях субъекта изменения, удерживающая их в одном самосознании (благодаря чему возможно их различение), явно не может быть тождественна этим состояниям.

ская, и проникла в страны, для которых области древних цивилизаций отнюдь не могут быть названы восточными, с другой – и древневосточная культура имела свое распространение на западе и на юге и... тем самым сделала “древний Восток” условным культурно-историческим термином для обозначения стран древних цивилизаций, возникших к востоку от Греции и непосредственно хронологически и духовно предшествовавших греко-римской» [Тураев, 1935, т. 1, с. 2].

Анализируя эти строки, можно сделать ряд наблюдений. Во-первых, здесь указывается, что «древний Восток» есть *условный* термин, а это означает, что характеристика содержащихся под ним элементов как «первой главы всемирной истории» проблематична. Правда, Б.А. Тураев в другом месте монографии определяет «древний Восток» как «область культуры, зародившейся в подтропических странах, примыкающих к восточным берегам Средиземного моря, и распространившейся до Индии, Атлантического океана и тропической Африки. От дальневосточных цивилизаций она отделялась непроходимой стеной Гиндукуш и Соломоновых гор» [Тураев, 1935, т. 1, с. 59]. Здесь речь идет уже об «области культуры» в единственном числе, но тогда почему ранее Б.А. Тураев приписывает термину «древний Восток» условный характер? Поскольку же он неоднократно использует выражения «древневосточный мир» и «древневосточная культура» в целом [Тураев, 1935, т. 1, с. 61, 121; т. II, с. 56, 201], постольку можно сделать вывод о противоречии в определениях, данных объекту изучения.

Одно из замечаний Б.А. Тураева делает «древний Восток» именем самостоятельного исторического агента: «Древний Восток давно привык к смешению рас и иноземным владычества» [Тураев, 1935, т. II, с. 206]. А три других высказывания Б.А. Тураева окончательно убеждают в том, что данные «древнему Востоку» дефиниции противоречивы в указанном выше смысле: «...история древнего Востока представляет единственный пример совершенно законченной исторической жизни народов, большей частью окончательно сошедших с исторической сцены... Представляя вполне законченное целое, история древнего Востока должна иметь особенный интерес для исследователей... Если и в прошлом столетии на обособленности древневосточных цивилизаций едва ли можно было настаивать, хотя бы уже в виду ассирийских завоеваний, то в настоящее время новые открытия ее совершенно опровергли, и мы располагаем крупными данными, позволяющими видеть в интересующем нас предмете не комплекс бессвязных историй отдельных стран, а действительно первый отдел всемирной истории» [Тураев, 1935, т. 1, с. 3, 4, 6]. Здесь целостный и отнюдь не условный характер изучаемого объекта подчеркнут с исчерпывающей полнотой.

Для Б.А. Тураева вполне естественно говорить и о «Востоке» как таковом, но не столько в географическом, сколько в «культурно-историческом» смысле: «Около двух тысячелетий, несмотря на погромы и попытки уничтожения (Синаххериб, Ксеркс), несмотря на превратности

политических условий, оставался этот город (Вавилон. – *А.З.*) метрополией Азии, что наиболее красноречиво засвидетельствовал Александр Великий, сделав его столицей новой империи, призванной примирить Восток и Запад»; «Как бы ни были настроены вассалы относительно фараона и какова бы ни была степень их верности, выражения, в которых они к нему обращались, исполнены подобострастия, переходящего часто, как и все на Востоке, всякие границы»¹; «Это “Царство Стран”, под верховенством персидского царя (*Кира. – А.З.*), было переходной ступенью в истории Востока к более централизованной империи Дария и Ксеркса» [Тураев, 1935, т. I, с. 104, 278; т. II, с. 118].

Разумеется, в результате такого словоупотребления возникает вопрос о соотношении «Востока вообще» и «древнего Востока»; усложняет проблему наличие «дальнего Востока», к которому Б.А. Тураев относит (если исходить из определения «древнего Востока» как «области культуры») регионы к востоку от Гиндукуша и Соломоновых гор, включая Индию. Приведём одно из наиболее важных высказываний Б.А. Тураева:

«Имели ли древний и дальний Восток общий корень культуры, или их цивилизации возникли независимо и потекли по параллельным руслам? Наука пока не дает ответа на этот вопрос. Китайская и вавилонская, даже древнеамериканская культуры имеют немало аналогий; непосредственные сношения между ними могли существовать, но сведения об этом ещё слишком несовершенны. Поэтому нашему рассмотрению будут подлежать исторические судьбы народов, среди которых элементы этой цивилизации возникли, то есть египтян, древнейших обитателей Сеннаара, затем семитов Вавилонии и Ассирии. Далее следуют народы, культура которых менее самостоятельна и находится в большей или меньшей зависимости от двух предшествующих, а именно: а) семиты Сирии, Аравии и Финикии, переселившейся семитическое население и восточную культуру на дальний Запад; б) племена “алародийской” или “яфетической” расы, которая, занимая северные области древневосточного мира, распадалась на отдельные народности: хеттов, митанни, халдов; в) эламиты, народ не семитический и не арийский; г) негро-нубийское население мероитского царства; и, наконец, д) древнейшие представители арио-европейского элемента, особенно мидяне и персы, которым принадлежит завершение дела объединения большей части древневосточного мира в одну правильно организованную империю» [Тураев, 1935, т. I, с. 2–3].

Самое любопытное в данной цитате – это то, что древний Восток как единая цивилизация (в том, что Б.А. Тураев предпочитал такое толкование, в свете приведённых выше текстуальных данных вряд ли приходится сомневаться) характеризуется посредством перечисления входящих в него элементов, а вовсе не указанием общих черт, которые разделяют все члены

¹ Здесь Б.А. Тураев характеризует взаимоотношения между фараонами XVIII династии и их азиатскими вассалами – правителями различных подчиненных египетской власти областей в Азии.

класса. Это экстенциональный способ образования логического класса [Кассирер, 2002, т. 3, с. 240–241; Russell, 1903]¹. Следовательно, класс «древний Восток» конструируется Б.А. Тураевым при помощи двух разных способов. В той мере, в какой он полагает его единым объектом, что выражается определениями «область культуры», «цивилизация» и особенно «первая глава истории человечества» и «первый отдел всемирной истории», он пользуется интенциональным способом образования логического класса: задаётся как условие общий признак, которому должны удовлетворять все члены класса [Russell, 1903, V. I, Chapter 6, Sec. 71; цит. по: Кассирер, 2002, т. 3, с. 240]. Так как монография Б.А. Тураева не содержит перечня общих существенных черт того, что можно называть «древневосточным обществом»², попробуем найти его атрибуты.

Начнём с анализа самого словосочетания «древний Восток». Его можно разложить лишь на два компонента. Первое: термин «древний» отсылает к линии времени, на которую для исследователя проецируется многообразное. Это многообразное (Шумер, Египет, Хеттское царство; или «Законы Хаммурапи», «Повесть о Синухете», «Эпос о Керете» и т.п.) связывается воображением в целостное представление, имеющее временную структуру. Вторая отсылка – географическая, а точнее – пространственная. Воображаемый древний Восток имеет не только временную, но и пространственную характеристику. Вспомним «область культуры, зародившейся в подтропических странах, примыкающих к восточным берегам Средиземного моря, и распространившейся до Индии, Атлантического океана и тропической Африки». Могут возразить: почему воображаемый? На это можно ответить указанием на то, что ни одно древнее общество (и

¹ По-видимому, следует уточнить, что классом в логике Б. Рассела назывался агрегат элементов, а в современной логике этим термином обозначается конечная или бесконечная совокупность выделенных по некоторому признаку предметов, мыслимая как целое. Согласно Канту, «всякое понятие... надо мыслить как представление, которое содержится в бесконечном множестве различных возможных представлений (в качестве их общего признака), стало быть, они ему подчинены...» [KRV, В 40]. Он рассматривает понятие как «единство правила», которое «определяет всё многообразное и ограничивает его условиями, которые делают возможным единство апперцепции... понятие по своей форме всегда есть нечто общее, служащее правилом» [KRV, А 105–106]. Он пишет далее, что «представление о всеобщем условии, согласно которому *может* быть полагаяемо (стало быть, одним и тем же способом) какое-нибудь многообразное, называется *правилом*; оно называется *законом*, если согласно ему многообразное *должно* быть полагаяемо» [KRV, А 113]. Таким образом, понятие есть единство представления о всеобщем условии, согласно которому *может* быть полагаяемо какое-нибудь многообразное. Именно этот подход позволяет, на мой взгляд, решить проблему глаголов, которые, будучи общими представлениями в том смысле, что посредством их мыслится связь (отношение) между полагаяемыми в качестве сущих предметами, должны найти своё выражение в логике. Б. Рассел был одним из тех, кто использовал для обозначения всего не-партикулярного термин «универсалия», причём он относил к ним и предлоги, а также их сочетания с существительными, например, «к северу от» [подробнее см.: Рассел, 2000, с. 222сл.] Каким бы термином мы ни пользовались, напрашивается вывод о том, что понятие не тождественно классу, класс можно считать лишь одной из разновидностей его.

² Выдающийся египтолог призывал «относиться крайне осторожно к общим выводам, широким обобщениям и красивым гипотезам в области древневосточной истории», причём «едва ли может идти речь об общих характеристиках культур (напр., о пресловутых: неподвижности, теократизме, деспотизме и т.п.), имевших историю в несколько тысячелетий, прошедших несомненно различные стадии развития и при этом принадлежащих народам самых различных рас» [Тураев, 1935, т. 1, с. 6].

не только оно) не дано непосредственно. Могут спорить и с этим, но это не будет очень убедительно. Читая Библию, например, я вижу буквы, которые связываю в слова, слова – в предложения, а Библия как целостное повествование существует лишь постольку, поскольку в воображении удерживается прочитанное ранее [KRV, А 98–114]. Возвращаясь к анализу «древнего Востока», можно предположить, что аналитически невозможно доказать необходимость объединения всех элементов в один класс. Какие можно привести аргументы в пользу этой гипотезы? По-видимому, сильным аргументом будет указание на то, что границы созданного класса условны (как это отмечал сам Б.А. Тураев). Почему не присоединить к нему, например, древние Индию и Китай? Или убрать Карфаген?

«На вопрос о хронологических пределах истории древнего Востока давались разные ответы. Одни полагают, что она оканчивается там, где культурное первенство переходит к грекам, то есть на времена развития эллинской цивилизации, совпавшем с эпохой после столкновения эллинского мира с объединённым восточным в лице персидской монархии... Но рассматриваемая сама в себе, история восточных стран и после персидского завоевания обнаруживает тот же характер и те же явления, что и до него: национальные культуры продолжают не только жить, но и развиваться, политическая жизнь не умерла и нередко возрождается. Гранью, которая оставила более заметные следы в их судьбах и начала новую эпоху в их истории, были завоевания Александра Великого и планомерное распространение эллинизма, превратившее Восток из древнего в эллинистический. Но и этот переворот, усилив на почве древней культуры новые элементы, не уничтожил этой самой культуры... Народы древнего Востока большей частью рано приняли христианство, но и здесь они не вполне разорвали со своим прошлым, которое напоминает о себе то в суевериях, то в направлении литературы, то в характере богословского мышления, начиная с гностицизма. Мусульманское завоевание, переход множества потомков носителей древневосточных цивилизаций в ислам, господство арабской культуры, наконец, совершенное забвение туземных языков и культурное отчуждение от западного мира обусловили то, что древневосточные цивилизации были окончательно потеряны для историка... Таким образом, арабское завоевание было окончательной предельной гранью древнего Востока, но и христианизация последнего может также считаться концом его, так как новая религия не могла не внести существенных изменений в жизнь и мировоззрение народов, для которых религия была главным и основным элементом культуры. Отсюда в науке различаются Восток древний, христианский и мусульманский; древний с недавнего времени, по почину Масперо, весьма удачно стали называть классическим» [Тураев, 1935, т. I, с. 3; см. также: Масперо, 1911; Maspero, 1895–1908].

Эта длинная цитата показывает, что Б.А. Тураев отдавал себе отчёт о сложностях, порождаемых любой периодизацией. Однако он обходит полным молчанием вопрос о критерии для выделения «древнего Востока»: нельзя же считать таковым ссылку на религию, поскольку ни термин «древний», ни термин «классический» не содержат в себе ничего специфически религиозного. Кроме того, текст монографии Б.А. Тураева включает историю Ирана при Сасанидах (III–VII вв. н.э.), государство которых считаться христианским не может ни по каким соображениям. Это известно историку: он пишет о провозглашении Сасанидами зороастризма государственной религией и о возвращении сасанидского искусства и архитектуры к «древневосточной основе» [Тураев, 1935, т. II, с. 284, 287]. Еще одна неясность: указав на возможность выделения «христианского Востока» наряду с древним и мусульманским, Б.А. Тураев не объяснил причины исключения из периодизации «эллинистического Востока». Тем самым можно сделать вывод о том, что предложенной Б.А. Тураевым периодизации присущи противоречия и что она в целом произвольна. Также не будет преувеличением утверждение о неясности понятия «Восток вообще». Тут наибольшие трудности возникают с необходимостью, не осознававшейся самим Б.А. Тураевым, согласовать предложенное им выделение «древнего, христианского и мусульманского Востока» с известным ему существованием «дальнего Востока», который, будучи охарактеризован именно как «Восток», должен иметь с другими единицами классификации нечто общее.

Так есть ли в построениях Б.А. Тураева та общая черта, которая присуща всем элементам класса «древний Восток»? Ответ, думается, лежит на поверхности: «древний Восток» есть «первый отдел всемирной истории», «первая глава истории человечества». Именно это качество является атрибутом данного класса, его понятием. Но поскольку мы оказались не в состоянии аналитически обнаружить этот признак в элементах класса, рассматриваемых сами по себе, и в его (класса) имени, постольку приходится сделать вывод о том, что «древний Восток» есть регулятивный, но не конститутивный принцип, т.е. его посредством организуется некий эмпирический материал. Иными словами, это понятие выходит за рамки опыта, хотя и относится к нему. Можно даже усомниться в том, что это именно понятие, т.е. «общее представление» в кантовской интерпретации, но для этого, видимо, нет достаточных оснований, о чём говорит то, что «древний Восток» конструирован Б.А. Тураевым как тотальность пространственно-временного фрагмента действительности. Это тотальность, потому что речь идёт о «первом отделе всемирной истории», и это пространственно-временной фрагмент, потому что он отграничен от других феноменов, пусть и произвольно.

Следует пояснить, почему «древний Восток» является регулятивным принципом, или идеей разума. Выше уже отмечалось, что это первый от-

дел (первая глава) всемирной истории, субъектом которой является человечество. Указывалось также, что Б.А. Тураев не включил «дальний Восток» в свои построения, видимо, полагая, что объединённые этим термином пространственно-временные феномены не относятся к всемирной истории. Последнюю он интерпретировал с христианских позиций, что доказывается текстом его монографии: «Библия за много веков до греков (Псевдо-Аристотеля) провозгласила идею единства человечества и создала даже хронологическую схему для этой всемирно-исторической концепции...»; «...еврейский народ опередил, может быть, своих более культурных соседей, не только созрев до идеи единства человечества, до и для классификации его по генеалогической таблице, знаменитой родословной народов в X гл[аве] книги Бытия»; «В интересующую нас эпоху (последние века до н.э. – первые века н.э. – А.З.) Иудейство выполнило свою мировую миссию: “из Сиона вышел закон” для всего человечества» [Тураев, 1935, т. I. с. 4, 64; т. II, с. 276].

Б.А. Тураев рассматривал всемирную историю как прогресс [1935, т. I. с. 147]. Но, во-первых, человечество не может быть дано в созерцании, поскольку охватывает всех представителей вида *homo sapiens*, и живых, и умерших, и будущих. Оно не выводимо из опыта, ибо не тождественно биологическому виду: его сущность не заключается в наборе биологических признаков, а состоит в деятельности, предметами которой являются не только внешние объекты, но и оно само (это, собственно, гегелевское понятие духа). Следовательно, человечество не является эмпирическим по происхождению понятием. Таким образом, это идея разума. Во-вторых, прогресс также не может быть обоснован опытным путём, если мы прилагаем это понятие к человечеству и его истории в целом. Понятие «прогресс человечества» требует такого единства всех входящих в него условий, относящихся ко всем сторонам деятельности субъекта всемирной истории, которого никогда не может дать никакой опыт. Ведь если мы скажем, что человечество прогрессирует в одном и регрессирует либо стоит на месте в другом, то синтез этих высказываний опровергнет общее положение о прогрессе человечества в целом. Эмпирически мы можем констатировать прогресс в сфере материальной культуры, но в отношении всех остальных сфер это понятие использовать крайне затруднительно. Следовательно, прогресс человечества тоже является идеей разума, посредством которой организуется эмпирический материал (он *de facto* подчиняется априорно заданной сообразно постулату практического разума схеме). Поэтому «древний Восток», являющийся «первой главой всемирной истории», есть первый / начальный этап прогресса человечества, по мнению Б.А. Тураева, и идея разума, согласно нашему исследованию его логического статуса.

Таким образом, рассмотрение монографии Б.А. Тураева позволяет предположить, что конструирование понятий историографии связано со

временем и пространством как априорными формами созерцания¹ и что «древний Восток» оказался идеей разума по крайней мере в этой концепции, а вовсе не эмпирическим понятием.

Далее хотелось бы подвергнуть анализу некоторые труды советских историков с тем, чтобы проверить эти промежуточные выводы.

Исследуем теоретические воззрения В.В. Струве, в течение сорока лет бывшего ведущим советским востоковедом–историком «древности» – с середины 1920-х до середины 1960-х годов. Проанализировать хотелось бы его «Историю древнего Востока» [Струве, 1941]. Внимание именно к этому тексту обусловлено тем, что это одна из немногих книг, посвященная «древнему Востоку» вообще, написанная в основной своей части одним автором и потому дающая возможность рассмотреть соотношение общих положений и эмпирических описаний.

В.В. Струве пишет: *«История древнего Востока есть история древнейших классовых обществ. Она охватывает собою историю многочисленных народов и племён, населявших обширную территорию от берегов Средиземного моря и Эгейского моря до Великого океана на протяжении нескольких тысячелетий – от возникновения классового общества в середине пятого тысячелетия и до конца VI века до н.э. Таким образом, и географические и хронологические рамки истории древнего Востока чрезвычайно широки. Самое понятие “древний Восток” условно; ведь большинство “восточных” государств лежит, например, по отношению к СССР не на восток, а на юг. Термин, которым мы определяем “восточные” страны, восходит к древним временам, когда эти страны были провинциями Римской империи и действительно лежали на восток от Рима. Несмотря на условность термина, мы можем называть изучаемые страны восточными, но за этим термином мы не должны забывать, что никакой пропасти между «западом» и «востоком» не существует»* [Струве, 1941, с. 3].

Вместе с тем В.В. Струве даёт и иное истолкование: *«История древнего Востока представляет собою историю многочисленных племён, народов, государств, то появившихся, то исчезавших с арены истории. Древний Восток охватывает громадную территорию, населённую древнейшими народами»* [Струве, 1941, с. 8].

Прежде всего, следует отметить, что утверждение «История древнего Востока есть история древнейших классовых обществ» есть сущностное определение: в самом деле, не может быть других древнейших классовых обществ, или, точнее, согласно ему, все древнейшие классовые общества могут принадлежать только логическому классу «древний Восток». Таким образом, сразу задаётся общий признак класса, следовательно, мы имеем дело с интенциональным способом его образования. Но далее В.В. Струве

¹ Это, конечно, идея Канта, и я лишь попытался применить её к конкретным историографическим феноменам.

начинает перечислять входящие в этот класс элементы, пока не называя их более конкретно, и тем самым готовит переход к экстенсionalному способу. Можно отметить также, что выделение атрибута класса «древний Восток» вступает в противоречие с тезисом об условности этого «понятия» (Sic!). При этом не вполне понятно, как согласовать цитированные выше высказывания друг с другом: ведь если «история древнего Востока есть история древнейших классовых обществ», то все входящие в неё «племена, народы, государства» должны быть классовыми. Вместе с тем, в этих высказываниях сразу обнаруживается проекция на единую линию времени и географические параметры конструируемого объекта, что вновь подтверждает фундаментальную важность априорных форм созерцания.

Территория, которую В.В. Струве относит к «древнему Востоку», в его построениях объединяет народы, племена и государства через её характеристику как «арены истории», а это явная метафора. Тем самым различные образования (классовые общества и т.п.) оказываются «актёрами» на этой сцене. Но поскольку они не даны в имени «древний Восток», В.В. Струве вынужден перечислить их (хотя далеко не всех – в пособии появляются и другие), а следовательно, перейти к экстенсionalному способу образования логического класса: *«Наиболее значительными из них (стран. – А.З.) были государства, возникшие в Месопотамии, в долине рек Тигра и Евфрата: Шумер и Аккад, затем Вавилония и Ассирия. В ближайшем соседстве от них на востоке лежали государства Элама, Мидии и Персии, а на север от Ассирии, в Армянской возвышенности, государство Урарту... На полуострове Малой Азии... было государство хеттов. Южнее Малоазиатского полуострова, по восточному берегу Средиземного моря, расположены многочисленные торговые города Финикии, восточней от них, ближе к Евфрату, – города Сирии, а южнее Финикии – государства Палестины: Израиль, Иуда, Моав и другие. На восток от Иранского плоскогорья, по долинам рек Инда и Ганга, на полуострове Индостана, лежали древние государства Индии, а у берегов Великого океана по долине Хуан-хэ и Янцзы-цзян возникло государство Китая. Единственным государством древнего Востока, расположенным в Африке, был Египет...»* [Струве, 1941, с. 3].

Легко заметить, что перечисленные В.В. Струве государства объединены условно, что впрочем, естественно для класса, элементы (но не содержание!) которого определены перечислением: в самом деле, взаимоотношения Индии и Китая с другими странами возникли позднее, чем появились государства в Месопотамии и Египте, которые и были в строгом смысле слова «древнейшими»; а Израиль и Иудейское царство были кратковременными (например, в сравнении с Ассирией и тем более Египтом) историческими деятелями. В.В. Струве объясняет включение Индии и Китая в класс «древний Восток» тем, что они «внесли свою долю в сокровищницу общечеловеческой культуры» и являлись классовыми [Струве,

1941, с. 4, 5]. Для предпринятого мною анализа в этой аргументации важна в первую очередь идея «общечеловеческой культуры».

Каков критерий, позволяющий судить о том, является ли некое явление частью общечеловеческой культуры? В.В. Струве не этот вопрос не отвечает и, более того, его вообще не задаёт (в этом он, правда, не одинок). Я не берусь судить об этом критерии, но хотел бы подчеркнуть, что идея общечеловеческой культуры логически связана с идеей человечества. Поскольку же последнее есть лишь регулятивный принцип, постольку эмпирически мы не можем избежать произвольных суждений при подведении явлений под него. В самом деле, допустим, что Индия и Китай внесли свою лепту в эту культуру. Является ли это достаточным основанием для того, чтобы отнести их к логическому классу «древний Восток»? Думается, что недостаточно, так как никто не сможет доказать, что, во-первых, древние полинии Вьетнама, появившиеся в IV в. до н.э., не заслуживают места в домене общечеловеческой культуры, хотя их В.В. Струве и не рассматривает; а во-вторых, значительное число кочевых народов, таких как скифы, тоже относятся к человечеству (если исходить, как делает В.В. Струве, из теории исторического материализма, согласно которой человечество и вид *homo sapiens* совпадают своими объёмами), следовательно, они тоже внесли свой вклад в эту культуру. В любом случае, ясно, что без чёткого критерия мы не можем пользоваться понятием общечеловеческой культуры.

По-видимому, данный тезис нуждается в дополнительной аргументации. За неимением места ограничусь лишь некоторыми рассуждениями. Итак, известно, что термин «культура» обладает уже более чем тысячей определений, что существенно затрудняет его применение без оговорок: он уже близок к тому, чтобы быть семантической пустотой, коннотируя как объединения людей, так и способы их поведения, как отдельные артефакты, так и мыслимое «царство ценностей». Поэтому любой разговор о «культуре» и её соотношении с любым иным понятием требует уточнения исходных посылок. Размышления об использовании этого слова в языке убедили меня в том, что оно, с одной стороны, обозначает нечто сущее (в этом смысле говорят о русской культуре или о культуре земледельческого труда), а с другой, нечто должное (тогда речь идёт о культурном человеке, культурных ценностях). Объединить должное и сущее в рамках одного толкования довольно сложно. Поэтому я остановлюсь на трактовке культуры как социально значимого опыта [Семёнов, 1999, с. 32], хотя должен заметить, что в этом случае возникает проблема «опыта», рассматривать которую здесь нет возможности.

Если культура есть социально значимый опыт, то общечеловеческая культура есть такой опыт, который значим для всего человечества. Если мы исходим из того, что человечество охватывает и умерших, и ныне здравствующих, и будущих людей, то как мы можем найти некий опыт,

значимый для них всех? И более того, как осуществить эмпирическую проверку любого положения, к этому опыту отнесённого? Даже «общечеловеческие ценности», например, право на жизнь, не могут быть верифицированы, так как всегда найдутся контрпримеры. Так, если мы определяем раба как «говорящее орудие» (*instrumentum vocale*), и следовательно, рассматриваем его как вещь, то по отношению к нему говорить об этом праве крайне проблематично: как вещь он есть пассивное начало, которое целиком подчинено господину. Любое заказное убийство тоже может быть использовано в качестве свидетельства о том, что в том обществе, где оно имело место, по крайней мере некоторые его (общества) члены не разделяют данной ценности. Поэтому можно утверждать, что общечеловеческая культура, общечеловеческие ценности суть лишь регулятивные, а не конститутивные принципы, применение которых, если и возможно, то лишь с точки зрения практического разума.

Возвращаясь к В.В. Струве, отметим, что он всё-таки допускает существование «древнего Востока» как целостности, что подтверждается упоминанием «древневосточного общества»: «С этого момента (конца III тысячелетия до н.э. – А.З.) и наступает период расцвета финикийских городов, оказавшихся расположенными в самом центре торговых путей Передней Азии и всего древневосточного общества» [Струве, 1941, с. 270]. Ссылаясь на это целостное образование, В.В. Струве использует и другие термины: «Это было большое торговое государство (Новоассирийская империя. – А.З.), причем торговые пути охватывали теперь весь древневосточный мир»; «Недаром древневосточные общества назывались бюрократическими монархиями» [Струве, 1941, с. 336, 182]. Кроме того, В.В. Струве выделяет общие черты «древневосточных обществ». Но прежде чем перейти к их рассмотрению, следует указать на одну явную логическую ошибку – построение хронологии «древнего Востока». В первом приведённом выше определении В.В. Струве датировал завершение истории «древнего Востока» концом VI в. до н.э. Как тогда можно объяснить то, что последняя принадлежащая его перу глава книги «Организация персидского царства при Дарии I» кончается рассказом о падении Персидского царства в результате его завоевания Александром Македонским в IV в. до н.э. [Струве, 1941, с. 386–388]?! Поскольку же В.В. Струве настаивает на включении в историю «древнего Востока» Индии и Китая, постольку ещё более непонятно, почему история Индии доведена до IV в. н.э. [Струве, 1941, с. 4, 425]. Н.А. Шолпо, писавший об Индии и Китае, завершил политическую историю последнего падением династии Хань в 220 г. н.э. [Струве, 1941, с. 453]. В защиту В.В. Струве в данном случае можно сказать, что «мы должны иметь в виду в каждом отдельном случае исследования какое-либо конкретное общество» [Струве, 1941, с. 6], но это не аргумент в пользу того, чтобы выбирать без обоснований для завершения истории какого-либо периода любую дату, если он определён интенционально.

В противном случае получается уникальная ситуация: «история древнего Востока» завершилась в конце VI в. до н.э., но она продолжалась в Индии и в Китае, а также в Персидском царстве Ахеменидов.

Об отличительных чертах древневосточных обществ В.В. Струве пишет: «Эти особенности заключаются прежде всего в сохранении некоторых черт первобытно-общинного строя, в сохранении сельской общины, сохранении некоторых элементов патриархальных отношений, в несколько замедленном, застойном характере развития общества, в чрезвычайной стойкости общинных форм собственности на землю... Деспотическая власть царя в области политической надстройки также является отличительной чертой древневосточных государств» [Струве, 1941, с. 6]. В.В. Струве полагает, что «история древнего Востока показывает нам появление и развитие рабовладельческого строя», который «приобретает своеобразные черты, отличающие его от античного рабства»: «Говоря о процессе развития рабства у варварских германских племен, Энгельс подчёркивает, что «они не довели у себя рабства до его высшего развития, ни до античного трудового рабства, ни до восточного домашнего рабства...». На древнем Востоке рабство сохраняет характер домашнего рабства, оно еще не проникает во все сферы хозяйственной жизни, количество рабов относительно невелико, производство носит преимущественно натуральный характер» [Струве, 1941, с. 5, 7]. Последняя особенность, отмеченная В.В. Струве, — та, что «основой хозяйства восточных обществ является искусственное орошение, ирригация» [1941, с. 7].

Все эти положения требуют проверки на материалах анализируемой монографии. Затруднение состоит в том, что далеко не всегда перечисленные особенности вообще можно обнаружить в предлагаемых В.В. Струве повествованиях о конкретных «древневосточных обществах» (предположим пока, что эти особенности суть атрибуты).

Начнём с проблемы восточной деспотии. Во-первых, применительно к Финикии используется термин «города-государства»; в главе о ней при описании государственного устройства нет ни слова о деспотии [Струве, 1941, с. 80, 268–281, особенно 275–276]. Как соотносятся понятия «деспотия» и «город-государство», не ясно. Если признать «деспотию» характерной особенностью древневосточных обществ, то Финикия, которая не описывается при помощи данного понятия, к таковым не относится. Во-вторых, Финикия не единственная из стран, о которых идёт речь в пособии и которые не характеризуются как деспотии: Элам и царства Израиля и Иуды, например, тоже описаны без использования этого термина [Струве, 1941, с. 120–123, 282–300]. Но если деспотия есть отличительная особенность «древнего Востока» и если «история древнего Востока представляет собою историю многочисленных племен, народов, государств», то тогда у всех этих племен и народов, не говоря уже о государствах, формой политического устройства должна быть деспотия. Поскольку же это требование

логики не выполняется даже применительно к государствам, постольку можно утверждать, что одна из предполагаемых отличительных черт класса «древний Восток» – деспотия – не является его необходимым признаком.

В связи с утверждением В.В. Струве о господстве на «древнем Востоке» рабовладельческого строя заметим, что, во-первых, ссылка на утверждение Ф. Энгельса о германских племенах, которые *«не довели у себя рабства до его высшего развития, ни до античного трудового рабства, ни до восточного домашнего рабства...»*, показывает как раз отличие античности от Востока и противоречит другим высказываниям самого В.В. Струве: «...никакой пропасти между “западом” и “востоком” не существует»; «неправильно было бы вместе с тем подчеркивать...абсолютное отличие древневосточных обществ от обществ Греции и Рима» [Струве, 1941, с. 3, 6]. Во-вторых, опять-таки вовсе не каждый социум, о которых ведёт речь В.В. Струве, оказывается рабовладельческим. Примером может служить тот же Элам: хотя эламиты и захватывали в Вавилонии военнопленных, «которых обращали в рабство», это единственное упоминание рабов во всей главе [Струве, 1941, с. 120–123, 121]. Даже в главе № 9, посвящённой I-й вавилонской династии, В.В. Струве пишет: «Однако основную массу непосредственных производителей составляли крестьяне» [1941, с. 101]. Это означает, что социально-экономический строй данного общества («рабовладельческий») определяется по второстепенному признаку: обыкновенного наличия рабов, не являвшихся основными производителями, оказывается достаточно для характеристики общества в целом, а это весьма распространённый литературный приём метонимии, состоящий в том, что целое обозначается своей частью (не обязательно главной).

Когда В.В. Струве пишет о «несколько замедленном, застойном характере развития общества» на «древнем Востоке», то нужно прояснить соотношение понятий «замедленный» и «застойный». Не ясен и термин «застойное развитие»: не является ли это *contradictione in adiecto*, если развитие понимается не как изменение вообще (тогда перед нами два термина для обозначения одной и той же категории), а как «процесс перехода из одного состояния в другое, более совершенное»¹. В некоторых случаях В.В. Струве прямо указывает на застойность обществ «древнего Востока»: «В застойном обществе Египта пережитки матриархата еще не были преодолены в тот момент, когда оформлялся этот культ основных сил природы»; «...этот памятник («Диалог между господином и рабом о смысле жизни». – А.З.) проникнут безнадёжным пессимизмом. Мы не находим в приведённых произведениях вавилонской литературы («Диалог...», «Не-

¹ В подтверждение того, что В.В. Струве понимал «развитие» во втором из указанных смыслов, можно привести такое его высказывание: «Первые классовые общества возникли в той полосе земного шара, которая раньше других областей северного полушария получила возможность для развития человеческого общества» [Струве, 1941, с. 4]. Здесь можно видеть указание на идею прогресса.

винный страдалец»¹. – А.З.) оптимизма, бодрости, характерных для эпохи подъёма, восхождения рабовладельческого общества в Греции и Риме. Застойность древневосточного общества, отсутствие чётких перспектив отразились в этих произведениях с большой яркостью»; «Общины обеспечивали солидную основу для застойного древневосточного деспотизма» [Струве, 1941, с. 211, 119, 70].

В других местах В.В. Струве подчёркивает скорее изменчивость, чем неподвижность описываемых обществ, но делает это так, чтобы не уничтожить идею застойности, деспотии как формы политической надстройки, медленного темпа эволюции сельских общин: «Медленно в течение последующих веков развивались производительные силы шумерского общества»; «Обработка земли в ирригационном хозяйстве (Шумера. – А.З.) была делом настолько сложным, что доверить его рабу можно было лишь на более высокой ступени развития производительных сил»; «Снова среди знати номов поднимается недовольство громоздкой политической организацией (Нового царства Египта при XIX-й и XX-й династиях. – А.З.), то есть то самое движение, которое было в конце Древнего царства, когда номы, тяготясь деспотией фараона, начали освобождать себя от повинностей, имевших общеегипетский характер» [Струве, 1941, с. 68, 69, 206].

В.В. Струве пишет, что «основой хозяйства восточных обществ является искусственное орошение, ирригация» (см. выше). То, что это фактически пересказ письма Ф. Энгельса К. Марксу, не столь важно. Для В.В. Струве, писавшего свою «Историю древнего Востока» в конце 1930-х годов, ссылки на классиков марксизма-ленинизма, включая И.В. Сталина, были необходимы. Но в результате возникали несоответствия между различными фрагментами единого текста (отнюдь не у одного В.В. Струве). Представление об ирригации как основе хозяйства древневосточных обществ не подтверждается Финикией (уже известной нам своим нарушением теоретической конструкции восточной деспотии) [Струве, 1941, с. 268–281]. В.В. Струве начинает свой рассказ о ней знаменитой цитатой: «Финикийское общество в истории древнего Востока является типичным торговым обществом. “Финикияне, – говорит Маркс, – народ торговый *par excellence*” [Маркс, 1937, с. 147, прим. 90]. Подобное общество, конечно, могло сложиться только тогда, когда уже существовали общества Египта и Вавилонии, которые для развития своего хозяйства нуждались в посредниках по снабжению их техническим сырьём» [Струве, 1941, с. 268]. Впрочем, об ирригации нет ни слова в рассказе о «древней Ассирии», зато о городе Ашшур сообщается, что он в III-м тысячелетии до н.э. «имел преимущественно торговое значение, снабжая Вавилонию необходимым ей

¹ У В.В. Струве этот текст не имеет названия, именуясь описательно: «вавилонское произведение о страданиях одного благочестивого ниппурского гражданина» (Указ. соч., с. 117). Наименование «Невинный страдалец» сейчас распространено в историографической традиции, хотя в древности эта поэма называлась «Владыку мудрости я хочу восславить» по своей первой строке (*Лудлул бел немэки*) [Афанасьева, 1983, с. 475].

техническим сырьём» [Струве, 1941, с. 239–246]. Следовательно, ирригация в качестве характерной особенности «древневосточных» социумов *de facto* не является их атрибутом.

Таким образом, выделенные В.В. Струве отличительные признаки «древнего Востока» не являются необходимыми чертами этого понятия. Попробуем объяснить это явление. Прежде всего, попытаемся сделать это, вспомнив о том, что этот класс образован двумя различными способами: интенциональным и экстенциональным. Используя первый способ, достаточно показать, что описываемые социумы были классовыми (в марксистском смысле слова), и тогда, если верна их пространственно-временная характеристика, они вполне могут быть включены в созданный логический класс. Но при этом возникает та несообразность, что истинно древнейшими классовыми обществами могут быть лишь немногие из описанных в монографии В.В. Струве, именно Шумер и древний Египет. Общества же II–I тысячелетия до н.э., которые советские историки относили к классовым, включают уже и Грецию, и Рим, а потому грань между ними и «древневосточными социумами» нуждается в обосновании, причём посредством установления существенных черт феномена. Это удаётся В.В. Струве с известным трудом, так как выделенные им черты таковыми не являются. В целом, он возвращается к идее Г. Масперо и Б.А. Тураева о том, что «древний Восток» был предшественником античного мира не только по времени своего существования, но и по положению в мировой истории [Струве, 1941, с. 7].

Но есть одно отличие: В.В. Струве подчиняет «древний Восток» понятию рабовладельческой формации. На древнем Востоке, по его мнению, рабовладельческие отношения «сохраняют характер домашнего рабства», отличный от «античного трудового» рабства. Это две стадии (низшая и высшая) в рамках одной формации. Сама рабовладельческая формация является элементом теоретического построения хорошо известной теории – исторического материализма. Согласно этой концепции, человечество прошло в своём прогрессивном развитии пять формаций. Таким образом, мы снова встречаемся с идеями разума, одной из которых является «древний Восток» (в качестве подчинённой идеи).

До этого момента я использовал взгляды на образование логических классов Б. Рассела [Russell, 1903]. Но для решения проблемы *понятия* этого явно недостаточно. Уже Э. Кассирер писал: «Ведь очевидно, что ещё до того, как элементы начинают группироваться в класс и экстенсивно указываться путём перечисления, должно быть принято решение: какие элементы считать *принадлежащими* этому классу. На этот вопрос можно ответить только на основании *понятия* класса в «интенциональном» смысле слова. Объединяемые классом члены связываются друг с другом за счёт выполнения ими определённого условия, формулированного в общем виде» (выделено Э. Кассирером. – А.З.) [Кассирер, 2002, т. 3, с. 241]. На первый

взгляд может показаться, что мы вернулись к логике необходимых и достаточных условий для образования понятия. Но исследования целого ряда мыслителей, например Л. Витгенштейна и М. Вебера, показали, что целый ряд понятий невозможно определить исходя из этой логики, например, понятие «игры», которое создаётся по логике прототипа (или идеального типа) [Витгенштейн, 1994; Вебер, 1990]. При этом невозможно отказаться и от логики необходимых и достаточных условий, которой удовлетворяет любой геометрический концепт, например «треугольник» [KRV, A 105, B 180]. Можно ли предположить, что «древневосточное общество» сконструировано посредством логики прототипа?

Если исходить из предложенных В.В. Струве отличительных черт древневосточных обществ и вспомнить о том, что они в свете нашего анализа не могут считаться их атрибутами, то можно сделать вывод о том, что «древневосточное общество» построено востоковедом не по принципу необходимых и достаточных условий. Следовательно, выбранные им признаки суть типические черты: они вероятны, но не обязательны, и свойственны рассматриваемым обществам в разной степени. Но как тогда быть с имеющимся налицо и играющим важную роль в построениях В.В. Струве сущностным определением «История древнего Востока есть история древнейших классовых обществ»? Ведь, как уже отмечалось выше, не может быть иных древнейших классовых обществ, кроме тех, что относятся к «древнему Востоку». Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о конфликте логики необходимых и достаточных условий и логики прототипа при конструировании понятия «древнего Востока». По-видимому, этот конфликт имеет одной из своих предпосылок то обстоятельство, что «древний Восток» есть идея разума, а не эмпирическое понятие.

Напротив, те черты, которые выделяет В.В. Струве, суть эмпирические по происхождению понятия. Наименее проблематичен в этом отношении концепт «ирригации», т.е. искусственного орошения. Такие понятия, как рабство и производные от него, сельская община, государство, всегда могут быть интерпретированы эмпирически. Мы можем описать отношения рабства между двумя и более индивидами в общезначимых терминах. Сложнее обстоит дело с сельской общиной и государством: ряд исследователей полагает, что последнее есть идея (и то же можно сказать об общине). Не вдаваясь в дискуссию, отмечу лишь, что широко известные признаки государства, выделенные Ф. Энгельсом (отделённая от народа публичная власть, территориальное деление, налоги и аппарат принуждения), эмпирически подтверждаются, по крайней мере, на материалах истории Европы XIX–XX вв. Наиболее сложно с точки зрения своего статуса понятие общества, но думается, оно тоже вполне дедуцируемо из опыта (посредством категорий). Например, возьмём известное определение К. Маркса: «Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся» [Маркс, 1968, с. 214].

Любое человеческое объединение существует постольку, поскольку в нём есть отношения между индивидами. Примерами могут служить карточная партия, разговор в очереди в магазине, научная дискуссия¹.

Возвращаясь к построениям В.В. Струве, хотелось бы указать на то, что эмпирические по своему происхождению понятия отнюдь не необходимо связаны с пространственно-временной характеристикой: они часто универсальны. Все выделенные востоковедом признаки вполне могут быть встречены вне границ древнего Востока: рабовладельческий юг США до Гражданской войны 1861–1865 гг., восточные деспотии средневекового Востока, ирригация, наличествующая в современном мире, и т.п. Классовые общества существовали и после древнего Востока, поэтому сущностной является спецификация «древнейшие» (временное определение). Поэтому конфликт логик, отмеченный выше, вызван, видимо, разными источниками познания: разумом, рассудком и чувственностью. Из самого по себе пространственно-временного определения невозможно вывести конкретных объектов с их специфическими признаками. Предложенные В.В. Струве характерные черты древнего Востока не являются ни временными, ни пространственными характеристиками. Следовательно, синтез их с древним Востоком не может быть дедуцирован из его сущностного определения (данного В.В. Струве). Поэтому связь этих признаков как предикатов и древневосточного общества как субъекта суждения является проблематической.

Итак, можно сделать некоторые дополнительные выводы. При конструировании «древнего Востока» имеет место конфликт логики необходимых и достаточных условий и логики прототипа. Выделяемые отличительные черты его оказываются лишь перечнем типических черт класса, но не необходимыми условиями, а также осмысляются при помощи эмпирических по происхождению понятий. Определение же «древнего Востока» как «древнейших классовых обществ» в своей сущности оказывается временной характеристикой (в сочетании с термином «Восток» пространственно-временной) особой стадии всемирной истории.

Продолжим наше исследование обращением к фундаментальному труду «История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации» [ИДВ, 1983–1988]². Значение этой работы трудно переоценить благодаря огромному собранному в ней эмпирическому материалу, что делает важным и анализ той теоретической основы, на которой она создавалась. Утверждение о том, что авторы этой коллективной монографии «руководствуются теори-

¹ Если понятие общества специфицировать до «человеческого общества» и истолковать последнее как синоним человечества («человеческое общество в целом»), то тогда, конечно, оно становится идеей разума, ибо снова требует мыслить такое единство объекта, который никогда не может быть дан в опыте. Впрочем, это – уже интерпретация идеи, а не определение понятия общества.

² Автор ещё одной «Истории древнего Востока» В.И. Авдиев [Авдиев, 1953] в концептуальном отношении в основном следует В.В. Струве.

ей исторического материализма» [ИДВ, ч. I, 1983, с. 25], само по себе предполагает, что они разделяют идею прогресса человечества и теорию формаций. Но любопытнее рассмотреть их теоретические размышления.

«Затем (после работ В.В. Струве. – А.З.) в территориальные рамки «древнего Востока» были включены также Закавказье и Средняя Азия. Такое расширение границ «древнего Востока» закономерно опирается на фундаментальные положения исторического материализма: названные районы непосредственно входят в ареал древних цивилизаций и по характеру экономического строя относятся в целом к тому же типу, что и «традиционные» древневосточные общества Азии и Африки.

«Что же такое “древний Восток” в нынешнем понимании этого термина, какими рамками следует ограничить его историю и каково занимаемое им место во всемирной истории человечества?

«История древнего Востока – это история древнейших классовых обществ на нашей планете. В Европе лишь цивилизации, возникшие на островах и полуостровах Эгейского моря, могут быть по древности сравнимы с некоторыми относительно более поздними из древневосточных цивилизаций.

«История древнего Востока – это вместе с тем и один из важнейших этапов в культурном развитии человечества, эпоха появления различных наук, литературы, философской мысли, изобразительного искусства...» [ИДВ, ч. I, 1983, с. 18].

Итак, определение «древнего Востока» унаследовано от В.В. Струве. Стадиальность истории подчеркнута вполне ясно, идея прогресса тоже наличествует [ИДВ, ч. I, 1983, с. 24, 17, 18]. Не останавливаясь на том, что априорные формы созерцания делают возможными все данные выше положения (это, на мой взгляд, вполне очевидно), сосредоточимся на проблеме «древнего Востока». Выше отмечалось, что в труде В.В. Струве «древний Восток» и античность соотносились как первая и вторая стадии в рамках одной социально-экономической формации – рабовладельческой, причём первому соответствовало домашнее, а второму – товарное рабство. В коллективной монографии 1983 г. это противопоставление недвусмысленно отвергается и выдвигается гипотеза, что обе формы рабства («патриархальная и классическая», заменившие терминологически домашнее и товарное / античное рабство) могли существовать в любой стране на соответствующей стадии исторического развития и в действительности на древнем Востоке сосуществовали вкупе со множеством промежуточных вариантов [ИДВ, ч. I, 1983, с. 20–22]. Но как тогда обосновать выделение класса «древний Восток»? Этот вопрос тем более важен, что авторы анализируемого труда пишут:

«В странах древневосточных и в странах греко-римского мира существовала одна и та же общественно-экономическая формация, а также одни и те же фазы развития общества. Но эти фазы развития рабовладельческой

формации те и другие страны проходили в разное время. Древневосточные классовые общества и цивилизации возникли из недр классового общества много раньше античных, на значительно более низком уровне развития производительных сил, и развивались они по сравнению с античными обществами и цивилизациями гораздо более медленными темпами. Именно в различии исходных уровней и темпах развития заключается объяснение того, что Греция и Рим дали образцы завершённости социальных процессов в эпоху древности. Но это вовсе не свидетельство того, что античный мир и древневосточный мир относились к разным формациям, а Восток и Запад качественно противостоят друг другу» [ИДВ, ч. I, 1983, с. 22].

Итак, Восток и Запад не противостоят друг другу качественно. Надо полагать, что и древний Восток не противостоит древним Греции и Риму. Следует обратить внимание и на термин «эпоха древности», являющейся временем господства рабовладельческой формации. Но как же обосновать самостоятельность древнего Востока в качестве объекта изучения? Авторы монографии 1983 г. полагают, что его история есть история древнейших классовых обществ. Этого, как уже указывалось выше, недостаточно, ибо во II и I тысячелетиях до н.э. общества, относимые к древнему Востоку и к античности, сосуществовали друг с другом. Логическую грань между ними, основанную на различии в форме рабства, советские историки отвергли. Взамен, к сожалению, ничего предложено не было.

Приведём характерное высказывание: «В нашей “Истории древнего Востока” освещается в основном история стран древней цивилизации Азии и Северной Африки. История тех стран, в которых одновременно с этой цивилизацией ещё не возникло гражданское общество с делением на классы и сформировавшимися государствами или где это произошло только в самом конце периода древности (например, Япония, Корея), нами не рассматривается» [ИДВ, ч. I, 1983, с. 23].

Снова встречается «древность» в качестве самостоятельного объекта, но, по-видимому, внимания заслуживает и то, что термин «цивилизация» в этом фрагменте стоит в единственном числе, предполагая единство объекта. Этим объектом закономерно должен быть «древний Восток», о котором и идёт речь, но он конструируется экстенсionalmente, путём указания на входящие в него объекты – страны Азии и Северной Африки. Существенная характеристика – древнейшие классовые общества – подчиняется данному способу конструирования. Вспомним также, что древний Восток есть один из этапов культурного развития человечества, история которого протекает стадияльно. Допустим, это истинное высказывание. Каково тогда место античности в культурном развитии человечества? Думается, авторы монографии 1983 г. (и не только они) убеждены в том, что античность тоже была одним из этапов такого эволюционного ряда. Далее, если и древний Восток, и античность суть этапы культурного развития человечества, то в каком отношении они стоят друг к другу? Ведь совершенно ясно, что

предположение о сосуществовании их нарушает закон противоречия. Это, может быть, не очень очевидно, поэтому вкратце необходимо объяснить, как это получается.

Дело в том, что человечество, если не мыслить его как агрегат всех представителей биологического вида *homo sapiens*, а видеть в нём основного субъекта истории (как делали Б.А. Тураев и многие другие исследователи), является в данном случае субъектом суждения, которому приписываются (как предикаты) последовательные состояния с точки зрения одной из сторон субъекта, именно его культурного развития. Итак: 1) человечество есть субъект всемирной истории; 2) человечество есть культурно развивающееся; 3) человечество есть культурно развивающееся последовательно. Теперь добавим к этим положениям этапы: 4) древний Восток – один из этапов культурно развивающегося человечества; 5) античность – один из этапов культурно развивающегося человечества. Если теперь мы вспомним о последовательности, предполагаемой нашим утверждением 3, то ясно видна невозможность отождествить древний Восток и античность друг с другом, хотя их характеристика одинакова. Попробуем выразить все эти положения в символической форме. Пусть человечество – S , его культурное развитие – P , тогда S есть P . Это культурное развитие последовательно, поэтому его можно выразить так: $P_1 \rightarrow P_2 \rightarrow P_3 \dots \rightarrow P_n$. Совершенно ясно, что древний Восток и античность, каким бы порядковым номером мы их ни обозначили, не могут быть приписаны человечеству одновременно: суждения « S есть P_1 » и « S есть P_2 » не могут быть истинными одновременно. Предположим, кто-нибудь скажет, что античность и древний Восток относятся к одной и той же стадии культурного развития человечества, так как они качественно не противостоят друг другу. Но это будет противоречить нашим положениям 4 и 5, согласно которым каждый из них есть этап, а главное – авторы «Истории древнего Востока» 1983 г. сами писали о том, что древний Восток – этап, а не часть какого-либо иного этапа (см. выше).

Итак, можно утверждать, что рассматриваемая теория внутренне противоречива. В подтверждение этого вывода приведу лишь один дополнительный аргумент. Авторы коллективной монографии исходят из посылки о том, что древний Восток был рабовладельческим, что на нём существовали многие «категории» рабов, весьма разные по своему статусу. «Но было и нечто общее, присущее всем категориям рабов: все они занимали то место в производстве, которое определили им их хозяева, все были людьми с экспроприированной личностью, чужой собственностью (отдельного лица, храма, государства); экономически это означало, что раб не был собственником своей рабочей силы и результатов своего труда, а политически – что он стоял вне гражданского общества и не обладал правосубъектностью» [ИДВ, ч. I, 1983, с. 20]. Но эмпирические наблюдения И.М. Дьяконова, например, в главе «Первые деспотии в Двуречье» делают это представление ошибочным: «Частный раб имел свой пекулий, из кото-

рого мог делать подарки, а при случае и выкупить себя на волю. Рабы могли оспаривать по суду законность своего обращения в рабство (правда, обыкновенно безуспешно), жаловаться в суд на кражу своего имущества (Sic! – А.З.), отводить свидетелей и требовать приведения к клятве даже собственного хозяина, сами выступать свидетелями по делам, касающихся других рабов. Даже рядовые частные рабы могли иметь семьи. Нередки были и случаи отпуска рабов на волю, но при этом до смерти своего бывшего владельца раб оставался на положении “естественного (=внебрачного?) сына” (*думу-ги*) своего господина и в его патриархальной власти; после его смерти он мог стать гражданином общины (*думу-уру*)» [ИДВ, ч. I, 1983, с. 273].

Каков же статус «древнего Востока» в построениях авторов коллективной монографии 1983 г.? С одной стороны, в той мере, в какой они следуют В.В. Струве, это понятие является идеей разума, подчинённой идеям человечества и его прогресса. С другой стороны, поскольку существенного отличия от античности, одновременной большинству обществ, входящих в класс «древний Восток», установлено не было¹, постольку древний Восток оказывается существенно менее важным конструктом, чем рабовладельческая формация и древность. По-видимому, именно в данной теоретической схеме мы впервые наблюдаем (из всех рассмотренных концепций) усиление (неявное!) гипотезы об условности термина «древний Восток». Его самобытное содержание (быть первой главой всемирной истории или первой стадией рабовладельческой формации) начинает размываться. Предпосылкой этого является не столько накопление эмпирических знаний само по себе, сколько желание включить во всемирную историю все отдельные пути развития, о которых стало известно к концу 1970-х гг. Хорошо известно, что именно в 1970-е начался кризис макроисторических понятий, начиная от отказа от идеи глобальной истории Ф. Броделя и кончая появлением знаменитого «Ориентализма» Э. Саида, где было недвусмысленно сказано, что Восток есть способ говорить о Востоке с целью установления господства над ним, господства символического, экономического и политического. В гегелевской традиции мы могли бы констатировать неснятое противоречие, но с кантианской точки зрения речь можно вести о конфликте идей практического разума: как всё-таки следует мыслить человечество – как единого субъекта или как агрегат множества входящих в него элементов. В любом случае, «древний Восток» как идея разума (подчинённая по характеру) становится проблематичной, что подтверждается знаменитой книгой «Древние цивилизации» 1989 г., где основными объектами изучения становятся меньшие по объёму исторические феномены.

¹ Возможно, эту роль играет представление о том, что древний Восток развивался гораздо более медленными темпами [см.: ИДВ, ч. I, 1983, с. 22], восходящее к более ранней историографии. Но указание на темп изменений не включено авторами в свою интерпретацию, оно остаётся периферийным.

Перейдём к анализу построений Л.С. Васильева. Он пишет, что «предлагает прежде всего авторскую концепцию, то есть одну из возможных трактовок истории Востока, места Востока, ... всего неевропейского мира, во всемирной истории» [Васильев, 1993, т. 1, с. 9]. Таким образом, речь в данном случае идёт уже не о древнем Востоке, а о Востоке как таковом, кроме того, историк сразу принимает идею «всемирной истории», но её истолкование очень необычно (см. ниже).

«Что же это такое – Восток? ... Речь идет не о географическом понятии – скорее об историко-культурном, социополитическом, цивилизационном... Речь идет о гигантской всечеловеческой цельности, пусть в чём-то весьма неоднородной и противоречивой, но всё же почти монолитно цельной в своей глубинной основе – той самой основе, которая, собственно, и породила в свое время дихотомию Восток – Запад?» [Васильев, 1993, т. 1, с. 13]. Это первое приближение к определению содержит принципиальное положение о том, что в истории существует дихотомия Востока и Запада, монолитно цельных в своих основах. Задавшись вопросом о том, что породило эту дихотомию, Л.С. Васильев показывает процессы перехода к производящей экономике, сделавшей возможным разделение труда и социальную и имущественную дифференциацию, и пишет о возникновении античной Греции, что он именует «архаической революцией» [1993, т. 1, с. 17]. Далее идет важнейшее для понимания концепции историка положение:

«Трудно сказать, что явилось причиной архаической революции, которую можно смело уподобить своего рода социальной мутации, ибо во всей истории человечества она была единственной и потому уникальной по характеру и результатам. Одно несомненно: главным итогом трансформации структуры был выход на передний план почти неизвестных или по крайней мере слабо развитых в то время во всем остальном мире частных-собственнических отношений, особенно в сочетании с господством частного товарного производства, ориентированного преимущественно на рынок, с эксплуатацией частных рабов при отсутствии сильной централизованной власти и при самоуправлении общины, города-государства (полиса)... Итак, начиная с античной Греции, в цивилизованном мире возникли две различные структуры – европейская и неевропейская, причем вторая (по времени появления – первая) была представлена многими вариантами, различавшимися в разных районах, но принципиально сходными, однотипными в главном: ей не были знакомы ни господствующая роль частной собственности, ни античное «гражданское общество» [Васильев, 1993, т. 1, с. 17].

В этой связи важно подчеркнуть, что Л.С. Васильев создает неевропейский мир при помощи отрицательного определения, хотя такой метод запрещает традиционная логика. Существенно и то, что две структуры: Восток и Запад – в его построениях с момента возникновения Запада находятся в постоянной борьбе друг с другом. Победить в этой схватке пока не

удалось ни одной, и, по мнению автора концепции, человечество стоит перед угрозой глобальной катастрофы [Васильев, 1993, т. 2, с. 491сл.].

«Если одна структура ведет к капиталистическому развитию в силу заложенных в ней потенций эволюции, а другая, отличная от нее, в силу тех же обстоятельств (иные потенции) к капитализму привести не может, то это и создает не просто несходство структур и путей развития, а как раз ту самую дихотомию, о которой уже упоминалось. Иными словами, противостояние Восток – Запад при этом возрастает до уровня Символа. И с этой точки зрения Восток уже не просто географический Восток, как его воспринимали античные греки и римляне, но в некотором смысле иной мир, основанный на иных порядках...» [Васильев, 1993, т. 1, с. 19].

Итак, если Восток и Запад «в некотором смысле» разные миры, основанные на различных порядках, то что представляет из себя всемирная история? Ясно, что это уже не эволюция человечества, так как Восток и Запад суть участники Символического противостояния и они монолитно цельны в своей основе. Л.С. Васильев не стал пояснять, что он имеет в виду, говоря о противостоянии на уровне Символа. Некоторое разъяснение можно получить, читая его рассуждения о грани между древностью и средневековьем на Востоке: «...нужна грань, пусть условная, пусть как-то соотнесённая с европейской историей, но все-таки имеющая смысл для самого Востока как субъекта исторического процесса» [Васильев, 1993, т. 1, с. 251]. Назвать Восток «субъектом исторического процесса» можно в построениях Л.С. Васильева только тогда, когда подразумевается, что и Запад был таким «субъектом». В противном случае их «Символическое» противостояние было бы невозможно. Следовательно, всемирная история есть конфликт двух основных субъектов: Востока и Запада, что очень напоминает по своему сюжету эпос, например противостояние Пандавов и Кауравов в «Махабхарате». Эти участники похожи и на Инь и Ян китайской философии, хотя близки они, пожалуй, и Гераклу и Антею или ахейцам и троянцам греческой мифологии, тем более что автор концепции не является бесстрастным наблюдателем и активно поддерживает одного из субъектов – Запад.

Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть, как Л.С. Васильев характеризует западную структуру. «В Европе превращение частной собственности в структурообразующую основу и возникновение сложной системы идей и институтов, соответствующих этому и всячески стимулирующих развитие индивидуальности гражданина-собственника, его энергии и предприимчивости, его инициативы и гарантий, прав и обязанностей, привели в конечном счёте к тому, что общество и определявшая его благополучие и процветание экономика стали быстрыми темпами эволюционировать и наращивать накапливаемые *благоприятные* инновации»; «Итак, в основе исторического процесса на традиционном Востоке с древности лежало отчётливо выраженное стремление к консервативной стабильности.

Естественно, это оказало огромное воздействие на динамику процесса. Если в Европе это было движение *от низшего к высшему, от отсталого к передовому*, то есть линейная динамика прогресса, то на Востоке альтернативой ей оказалось цикличное развитие» (выделено мною. – А.З.) [Васильев, 1993, т. 1, с. 227, 230]¹. Ещё одно замечание Л.С. Васильева весьма показательно: «Для нормального жизнеобеспечения такого организма (развитой восточной структуры. – А.З.) необходима была стабильная и разветвленная кровеносная система – роль этой системы начали играть частная собственность и рынок в их *урезанной, убудочной* форме» (выделено мною. – А.З.) [Васильев, 1993, т. 1, с. 80]. Более чёткого выражения личных убеждений трудно желать при проведении анализа теоретических воззрений.

Каким образом конструируется «Восток» в построениях Л.С. Васильева? Ответ уже дан выше: посредством отрицательных определений. «Восток» в данном случае явно есть идея разума, о чём свидетельствует то, что он охватывает всю историю человечества в качестве одного из её субъектов; эту историю эмпирически не может созерцать ни один индивид, и следовательно, эта идея выходит за рамки любого опыта. Выше уже отмечалось, что «Восток» является субъектом исторического процесса. Так как он монолитно целен в своей основе (Л.С. Васильев постулирует существование власти-собственности и государства-класса как его базисных характеристик [1993, т. 1, с. 30–32, 66сл.; ср.: Захаров, 2005]), то «субстанция возвышается до субъекта». Восток не может быть и эмпирическим понятием, равно как и Запад, поскольку его нельзя показать в созерцании. Если этому будут возражать, то можно указать на то, что «всякое понятие... надо мыслить как представление, которое содержится в бесконечном множестве различных возможных представлений (в качестве их общего признака), стало быть, они ему подчинены...» [KRV, В 40]. Отсюда следует то, что это представление должно быть отличаемо от бесконечного множества возможных представлений, в противном случае оно не могло бы быть осмысленным и быть от них абстрагированным в понятие. Абстрагируя, например, понятие тела от многообразных феноменов, данных в пространстве, мы отвлекаемся от всех особенностей этих феноменов, которые не однородны понятию тела, а именно, от конкретных размеров, цвета, запаха, звуков, которые могут сопровождать эти явления, и т.п. Но Восток не мыслится таким образом, он есть пространственное определение воображаемого мира, которое включает *в себя* всё многообразное. Л.С. Васильев указывает, что «под словом “Восток” имеются в виду прежде всего страны Азии и Африки» [1993, т. 1, с. 27]. Но Символическое противостояние стран Азии и Африки Западу никак не выводимо из их географического положе-

¹ Идея циклического развития высказывалась ранее, например, Э. Мейером, но у него цикличность распространялась и на Запад.

ния. Находясь в Японии, Китай воспринимается как запад, а США – как восток.

Таким образом, мы снова встречаем «Восток» в качестве идеи разума, но уже иначе интерпретированной. Позволю себе одно субъективное замечание. Знакомые мне историки довольно единодушно не приняли «Историю Востока» Л.С. Васильева. Думается, этому есть объяснение. Историки, по-видимому, исходят из принципа историзма, толкуемого в том смысле, что все явления надо изучать в изменении (они предпочитают использовать термин «развитие»). Если же принять концепцию Л.С. Васильева, то этот принцип *de facto* становится излишним: суть истории сводится к символическому противостоянию двух субъектов, Востока и Запада, и дальнейшее познание ничего не может прибавить к этому сущностному знанию. Именно поэтому выше утверждалась близость построений китаеведа эпическому жанру, который со времён Г.В.Ф. Гегеля был запрещённым для историков.

Из вопросов, которые не были освещены при рассмотрении взглядов Л.С. Васильева, выделяется проблема времени. Какую роль играет эта априорная форма созерцания в этой концепции, и играет ли вообще? Во-первых, отдельные общества располагаются в построениях синолога сообразно временной последовательности христианской эры и с использованием терминов «древний» и «средневековый». Поэтому на уровне явлений ничего принципиально нового нет: все они обязательно имеют временное определение. Напротив, сам сюжет всемирной истории, заключающийся, по-видимому, в эпическом конфликте двух структур, требует иного образа времени, не прямолинейного, который воплощён христианской системой летосчисления, и не спиралевидного, при помощи коего иногда описывается эволюция восточных обществ [Васильев, 1993, т. 1, с. 230–232], а эпического. Таковым же может быть лишь вечность, для которой все человеческие представления являются недостаточными. Именно это делает построения Л.С. Васильева весьма непохожими на конструкции других историков. Но поскольку мы имеем дело с человечеством, с христианской системой летосчисления, посредством которых организуются представления об отдельных человеческих объединениях и их взаимодействиях, и с географическим пространством Земли, постольку можно утверждать, что априорные формы созерцания – пространство и время – делают возможными эти построения.

В завершение исследования рассмотрим теоретические построения I-го тома «Восток в древности» 6-томной «Истории Востока», написанного под редакцией В.А. Якобсона [1997].

В.А. Якобсон определяет «историю древнего Востока» как «историю древнейших на земле классовых обществ, цивилизаций» [ИБ, т. I, 1997, с. 15, 14]. Это толкование восходит к В.В. Струве, и к нему применимы сделанные выше наблюдения. Но в «Предисловии редколлегии серии» отме-

чается, что «в данной работе “Востоком” называется территория азиатских и североафриканских стран» [ИБ, т. I, 1997, с. 6]. Это восходит и «Истории древнего Востока» 1983 г. (см. выше). Каково отношение этих двух утверждений между собой? Попробуем разобраться в этом, используя принцип взаимозаменяемости, сделав предварительно одну оговорку: второе высказывание с логической точки зрения является номинальным определением, поэтому к нему не применимы категории истинности или ложности; единственное, что допустимо, это проверить, используют ли авторы этот термин в избранном ими значении. Прочтение вышедших в свет томов «Истории Востока» [ИБ, 1995–2005] убеждает в том, что их авторы не вполне последовательны: если они договорились считать Востоком территорию азиатских и североафриканских стран, то им следовало бы включать в текст каждого тома главы о синхронных стратифицированным обществам социумах Азии, например, о России (начиная с конца XVI в. проникавшей в Сибирь, территорию заведомо азиатскую).

Итак, согласно принципу взаимозаменяемости, получаются следующие импликации: если Восток есть территория азиатских и североафриканских стран (или: Азии и Северной Африки [ИБ, т. I, 1997, с. 7]), то история Востока есть история территорий азиатских и североафриканских стран. Уже в этом умозаключении заметна некая неловкость: имеет ли территория историю? Может быть, лучше говорить об объединениях людей? (При этом исходная посылка является чётким пространственным определением.) Далее, если история Востока есть история территорий Азии и Северной Африки, то история древнего Востока есть история древних территорий Азии и Северной Африки (хотя с литературной точки зрения корректнее было бы сказать «в древности»). Как соотносится это положение с тезисом В.А. Якобсона «история древнего Востока есть история древнейших на Земле классовых обществ, цивилизаций»? Получается, что история древних территорий Азии и Северной Африки есть история древнейших на Земле классовых обществ (и наоборот). Несообразность очевидна. Могут возразить, что В.А. Якобсон не является автором «Предисловия редколлегии серии», а потому такое сопоставление тезисов, принадлежащих двум разным авторам (или даже авторскому коллективу), некорректно. На это следует сказать, что целью сопоставления было вовсе не выявление логического противоречия в построениях одного историка и даже в пределах всего многотомного издания, а лишь установление того факта, что одно лишь пространственное определение явно не исчерпывает многообразия способов применения понятия «Восток» в наших теоретико-эмпирических конструкциях.

В.А. Якобсон исходит из идей человечества и его прогресса [ИБ, т. I, 1997, с. 15, 24], как делали и его предшественники (см. выше). Что же такое «древний Восток» и «Восток как таковой» в его понимании? Удивительно, но ответа на этот вопрос найти нельзя. Всё предисловие посвящено

характеристике древней формации, а не установлению того, по какому признаку выделен материал всего тома [ИБ, т. I, 1997, с. 14–26]. Единственное, что сказано историком, это то, что речь идёт о древнейших классовых обществах. Но общества II–I тысячелетия до н.э. уже не могут считаться таковыми (т.е. «древнейшими»).

«Итак, мы все (авторы тома. – А.З.) в той или иной мере придерживаемся материалистического понимания истории, но не в той его плоско-догматической форме, которая еще недавно была у нас официальной идеологией. Мы исходим из того, что крупные изменения в области материального производства влекут за собой очень серьезные изменения в обществе. Однако не обязательно одни и те же, а в зависимости от того, на какой социально-культурный фон накладывается данное техническое нововведение» [ИБ, т. I, 1997, с. 15]. Материалистическое понимание истории у В.А. Якобсона приобретает традиционную для отечественных историков форму теории формаций. Историк подчёркивает существование «цивилизаций», и этот термин включён в определение «истории древнего Востока». В.А. Якобсон полагает, что цивилизация есть «определённый уровень в развитии человеческого общества – классовое или стратифицированное общество, в котором родовые связи оттесняются в сознании людей на второй план, а на первый план выходят связи политические и идеологические, за которыми (в течение тысячелетий – невидимо) стоят связи экономические» [ИБ, т. I, 1997, с. 17–18]. Но далее он переходит к иной трактовке. «Цивилизация же (культура) каждого народа является конкретным способом его существования, определяемым всей предшествующей его историей. Поэтому и для классификации цивилизаций (культур) возможны, видимо, лишь формальные критерии – стадияльные и этногеографические. Различия же между цивилизациями, относящимися к одной стадии, в каждом конкретном случае должны быть объяснены отдельно, исходя из истории их развития» [ИБ, т. I, 1997, с. 20–21]. Итоговое определение цивилизации В.А. Якобсоном таково: «Итак, цивилизации – это особые типы культуры значительных человеческих масс в эпоху классовых обществ» [ИБ, т. I, 1997, с. 21].

Если исходить из принципа взаимозаменяемости, то это противоречит первому определению: если цивилизация есть классовое общество, то как классовое общество может быть особым типом культуры значительных человеческих масс в эпоху классовых обществ!? Перед нами наложение друг на друга двух совершенно разных значений одного и того же слова. В.А. Якобсон пишет о том, что у термина «цивилизация» менялись значения и что он «первоначально употреблялся лишь в единственном числе и в самом широком смысле, но затем, под влиянием накопленных сведений о различных обществах вне Европы, речь идёт уже о множестве различных цивилизаций» [ИБ, т. I, 1997, с. 18]. Но исследователь никак не обосновывает допустимость обозначения одним и тем же термином различных яв-

лений: «определённый уровень в развитии человеческого общества (классовое общество)» и «особые типы культуры значительных человеческих масс в эпоху классовых обществ». Все эти наблюдения позволяют констатировать наличие в языке историков «языковых игр» и внутреннюю противоречивость построений В.А. Якобсона.

По поводу формаций/стадий развития человечества он пишет: *«Первую формацию классового общества мы предлагаем именовать “древним обществом” или даже “древним общинно-гражданским обществом”. Такое название представляется более точно выражающим суть дела, чем принятое и в наши дни “рабовладельческое”. До сих пор идут дискуссии о правомерности этого названия, в частности в связи с вопросом о том, сколько рабов было в обществе древнего Востока и какую роль они играли в общественном производстве. Мнения здесь резко расходятся, и окончательное решение этого вопроса пока невозможно. Однако дело не в количестве рабов. Название той или иной формации дается по тому классу, который является в ней господствующим, который определяет собой экономику и идеологию данного общества... .. именно полноправные граждане являются господствующим классом древнего общества...»* [ИВ, т. I, 1997, с. 22].

В цитированных высказываниях теоретически несостоятелен тезис о том, что «название той или иной формации дается по тому классу, который является в ней господствующим, который определяет собой экономику и идеологию данного общества», поскольку первобытное общество (в рамках теории исторического материализма) есть первая формация, но она не является классовой, а следовательно, дать ей название согласно этому критерию не представляется возможным.

Я уже писал о том, что наиболее уязвимым тезисом В.А. Якобсона, который он выдвинул вместе с И.М. Дьяконовым, является провозглашение древнего общества – и Востока, и античности – гражданским (или общинно-гражданским) [Дьяконов, Якобсон, 1998, с. 22–30; Захаров, 2005(2)]. Так как гражданская община древности в Египте была «полностью уничтожена, что вызвано специфическими географическими условиями...» и «в Египте, например, следов общины почти не удастся отыскать...» [Дьяконов, Якобсон, 1998, с. 26–27; ИВ, т. I, 1997, с. 24, 38–39], древний Египет (логически) не относится к «древнему обществу». Как бы ни объяснялся этот феномен, можно утверждать, что рассматриваемая концепция внутренне противоречива. Подразделяя древность на два периода: раннюю и позднюю – В.А. Якобсон обходит стороной вопрос о критерии [ИВ, т. I, 1997, с. 23].

Поскольку в моём исследовании не ставилась задача анализа способов конструирования древности, постольку дальнейшее рассмотрение взглядов В.А. Якобсона представляется не относящимся к делу. Более важно ответить на вопрос, каков логический статус «древнего Востока» в

его построениях. Уже говорилось, что историк ограничивается единственным определением этого объекта. Следовательно, он (этот объект) не находится в центре его внимания. В той мере, в какой В.А. Яковсон следует предшествовавшей советской историографической традиции, «древний Восток» есть идея разума. Но в той мере, в какой он не стремится дать её интерпретацию, можно, кажется, утверждать, что мы вновь сталкиваемся с «размыванием» идеи (древнего) Востока. Это макроисторическое понятие оказывается в теории В.А. Яковсона излишним: оно заменено древностью. Установленная выше недостаточность одного лишь пространственного определения Востока может быть истолкована как свидетельство о том, что этот концепт всегда был идеей разума. Кроме того, интенциональный способ его образования, хотя и применяется по-прежнему (ибо история древнего Востока и В.А. Яковсоном определена как история древнейших классовых обществ), не даёт возможности решить, каковы границы содержащихся под ним явлений, какова их специфическая сущность и чем они отличаются от всех остальных феноменов. Иначе говоря, понятие «древний Восток» (и скорее всего «Восток» как таковой) на сегодняшний день в российской историографической традиции проблематично.

Подводя итоги, можно утверждать также, что априорные формы созерцания – пространство и время – играют ведущую роль в историографической практике, а при образовании историографических понятий возможен конфликт логик необходимых и достаточных условий и прототипа.

Список сокращений

- АПЦ – Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000.
- АРТ – Археологические работы в Таджикистане. Душанбе.
- ВДИ – Вестник Древней истории. Москва.
- ГИО – Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности). 2-е изд., испр. и доп. М., 2001 [1997].
- ИБ МАИКЦА – Информационный бюллетень Международной Ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Москва.
- ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
- КСИА – Краткие сообщения Института Археологии СССР. Москва.
- ИВ – История Востока. Т. I. Восток в древности. Отв. ред. В.А. Якобсон. М.: Восточная литература, 1997; Т. II. Восток в средние века. Отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. М.: Восточная литература, 1995; Т. III. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI–XVIII вв. Отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян, Н.И. Иванов. М.: Восточная литература, 1999; Т. IV. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.). Книги 1–2. Отв. ред. Л.Б. Алаев, М.Г. Козлова, Г.Г. Котовский, О.Е. Непомнин, И.М. Смилянская. М.: Восточная литература, 2004–2005.
- ИДВ – История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия. Под ред. И.М. Дьяконова. М.: Наука, 1983. Ч. II. Передняя Азия. Египет. Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: Наука, 1988.
- ИТН, Т. 1 – История таджикского народа. Т. 1. М., 1963. 2-е изд. – Душанбе, 1998.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград.
- МНМ – Мифы народов мира. Энциклопедия / гл. ред. С.А. Токарев. Т. I–II. М., 2000.
- НиЭ – Нумизматика и Эпиграфика. Москва.
- ОНУ – Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск.
- РА – Российская археология. Москва.
- СА – Советская археология. Москва.
- ЦАКЭ – Центральная Азия в кушанскую эпоху = Central Asia in the Kushan period: Т. 1–2. Москва, 1974–1975.
- ЭВ – Эпиграфика Востока. Москва.
- BEFEO – Bulletin de l'École Française d'Extrême Orient. Paris.
- BKI – Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde. s'Gravenhage.
- CAC – Coins, Art and Chronology. Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands / ed. by M. Alram & D.E. Klimburg-Salter. Wien, 1999.

CRAI – Comptes Rendus de Académie des Inscriptons et Belles-Lettres. Paris.
 EW – East and West. Roma.
 IB IASCCA – Informational Bulletin of International Association for Studies of
 cultures of Central Asia. Moscow.
 IsMEO – Istituto Italiano per el Medio ed Estremo Oriente. Roma.
 JA – Journal Asiatique. Paris.
 JAOS – Journal of the American Oriental Society. New-York.
 JRAS – Journal of the Royal Asiatic Society. London.
 KRV – Kant I. Kritik der reinen Vernunft. 1 Ausg. Riga, 1781. 2 Ausg. 1787.
 L. – London.
 NC – Numismatic Chronicle. London.
 MSC – Metahistory: Six Critiques // History and Theory. Studies in the Philoso-
 phy of History. Beiheft 19. 1980. No 4.
 P. – Paris.
 PDK – Papers on the Date of Kaniøka, submitted to the Conference on the Date
 of Kaniøka, London, 20–22 April, 1960 / ed. by A.L. Basham. Leiden, 1968
 (Oriental monograph series, vol. IV).
 MDAFA – Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan.
 Paris.
 ZDMG – Zeitschrift der Deutschen Morgeländischen Gesellschaft. Berlin.

Список литературы

- Абаев В.И. Из иранской ономастики // Из истории иранского государства и культуры. К 2500-летию иранского государства. М., 1971. С. 262–276.
- Абдуллаев К. О северных рубежах государственной границы Бактрии в эллинистическую эпоху // РА. 1997. № 4. С. 54–60.
- Абдуллаев К. Города в юэчжийский период (китайские источники и археологическая ситуация) // ПИФК. Вып. IX. Москва–Магнитогорск, 2000(1). С. 208–219.
- Абдуллаев К. Еще раз о подражаниях монетам Гелиокла (к вопросу о политической истории Бактрии во второй половине II в. до н.э.) // ПИФК. Вып. VIII. Москва–Магнитогорск, 2000(2). С. 368–377.
- Авдиев В.И. История древнего Востока. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.; 1953.
- Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978.
- Актуальные проблемы изучения истории Великой Французской революции (Материалы «круглого стола» 19–20 сентября 1988 г.) / отв. ред. Е.Б. Черняк. М., 1989.
- Л.Б. Алаев: община в его жизни. История некоторых научных идей в документах и материалах. М., 2000.
- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева. М., 2001.
- Андрианов Б.В. Ирригация и ее роль в социально-экономической истории Древней Средней Азии // Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана» (тезисы докладов). Ташкент, 1979. С. 5–7.
- Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984.
- Арриан. Поход Александра / пер. с древнегреч. М.Е. Сергеенко. М.–Л., 1962.
- Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / отв. ред. Г.А. Кошеленко. М., 1985.
- Афанасьева В.К. Вавилонская идеология и культура // ИДВ. Ч. I. М., 1983. С. 445–485.
- Бабаев А.Д. Саки, юэджи и Северная Бактрия // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1980. С. 197–204.
- Бадер А.Н. Проблема возникновения и политического устройства Парфянского царства в современной историографии // ВДИ. 1989. № 1. С. 216–231.
- Беленицкий А.М. О “рабовладельческой формации” в истории Средней Азии // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 122. М., 1970. С. 71–76.

- Бернар П. Проблемы греческой колониальной истории и урбанизм эллинистического города Центральной Азии // Проблемы античной культуры / отв. ред. Г.А. Кошеленко. М., 1986. С. 249–258.
- Бернар П., Абдуллаев К. Номады на границе Бактрии (к вопросу этнической и культурной идентификации) // РА. 1997. № 1. С. 68–86.
- Бернштам А.Н. К вопросу об усунь//кушан и тохарах // Советская этнография. 1947. № 3. С. 41–47.
- Бехистунская надпись Дария I / пер. В.И. Абаева, комментарии Э.А. Грантовского // Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 2 / под ред. М.А. Коростовцева, И.С. Кацнельсона, В.И. Кузищина. М., 1980. С. 24–32.
- Бикерман Э. Хронология Древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975.
- Бикерман Э. Государство Селевкидов / пер. с фр. М., 1985.
- Бирюков Д.В. «Герай»: старая проблема и новые данные // Нумизматика Центральной Азии. Вып. 1. Ташкент, 1995. С. 18–28.
- Бирюков Д.В. Между двумя этапами монетной чеканки Евкратиды I // Нумизматика Центральной Азии. Вып. IV. Ташкент, 1999. С. 80–81.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М., 1951.
- Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. Изд. 2-е, доп. / пер. с фр. Е.М. Лысенко. М., 1986.
- Бойс М. Зороастрийцы: верования и обычаи / пер. с англ. 3-е изд., полностью перераб. СПб., 1994.
- Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. М., 1960.
- Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М., 1985.
- Бопераччи О., Грене Ф. Наштен, неизвестный иранский правитель в период между греками и кушанами // Нумизматика Центральной Азии. Вып. IV. Сб. ст. Ташкент, 1999. С. 8–15.
- Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. (Историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М., 1989.
- Боровкова Л.А. Царства «Западного Края» во II–I веках до н.э. Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям их «Ши цзи» и «Хань Шу». М., 2001.
- Бродель Ф. Средиземноморье и Средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1–3. М., 2002–2004.
- Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
- Буржуазные революции XVII–XIX в. в современной буржуазной историографии / отв. ред. И.П. Дементьев. М., 1986.
- Вайнберг Б.И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV–V вв. (в связи с запустением Кара-тепе) // Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1965–1971 гг. М., 1972. С. 129–154.

- Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. – VIII в. н.э. М., 1998.
- Вайнштейн С.И., Семенов Ю.И. [рец. на]: Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976 // Советская Этнография. 1977. № 5. С. 163–166.
- Васильев Л.С. Становление политической администрации: (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству-чифдом) // НАА. 1980. № 1. С. 172–186.
- Васильев Л.С. Протогосударство-чифдом как политическая структура: (обзор) // НАА. 1981. № 6. С. 157–175.
- Васильев Л.С. История Востока. Т. 1–2. М., 1993.
- Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М., 1990.
- Великая французская революция: история и современность // Материалы международной научной конференции 23–24 ноября 1989 г. / под ред. Б.Н. Бессонова. М., 1990.
- Вигасин А.А. Южная Азия // Источниковедение истории Древнего Востока. М., 1984. С. 271–320.
- Вигасин А.А. «Перипл Эритрейского моря» и политическая карта Индии // ВДИ. 2001. № 1. С. 3–13.
- Вигасин А.А., Самозванцев А.М. «Артхашастра». Проблемы социальной структуры и права. М., 1984.
- Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы (часть I) / пер. с англ. М.: Гнозис, 1994.
- Воробьева М.Г. Греко-Бактрия. Парфия // ИТН. Т. 1. М., 1963. С. 290–340.
- Габуев Т.А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999.
- Гаибов В.А. [рец. на]: Schippmann K. Grundzüge der parthischen Geschichte. Darmstadt, 1980 // ВДИ. 1984. № 2. С. 210–218.
- Гаибов В.А., Кошеленко Г.А., Сердитых З.В. Эллинистический Восток // Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 10–58.
- Гарден Ж.-К. Археологические признаки номадизма: исследования в Бактрии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 24–32.
- Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история / отв. ред. Б.А. Литвинский. М., 1972.
- Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / пер. А.М. Водена. СПб., 2000.
- Геродот. История в девяти книгах / пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л., 1972.
- Герценберг Л.Г. Кушанский и сакский // ЦАКЭ. Т. 1. М., 1974. С. 344–349.
- Голубцова Е.С. Рабство и зависимость в эллинистической Малой Азии // Блаватская Т.В., Голубцова Е.С., Павловская А.И. Рабство в эллинистических государствах в III–I вв. до н.э. М., 1969. С. 128–199.

- Голубцова Е.С. Сельская община Малой Азии III в. до н.э. – III в. н.э. М., 1972.
- Голубцова Е.С. Полис и монархия в эпоху Селевкидов // Эллинизм: Восток и Запад. М., 1992. С. 59–84.
- Грантовский Э.А. Племенное объединение Paṛṣu-Paṛṣava у Панини // История и культура древней Индии. М., 1963. С. 68–100.
- Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
- Грантовский Э.А. О восточноиранских племенах кушанского ареала // ЦАКЭ. Т. II. М., 1975. С. 76–92.
- Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М., 1998.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
- Грене Ф. Новая гипотеза о датировке рельефов Халчаяна // ВДИ. 2000. № 2. С. 130–135.
- Григорьев В.В. Греко-Бактрийское царство // Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. СXXXVI. 1867. № 11 (ноябрь). С. 321–359.
- Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред. М.Г. Мошкова. М., 1992. С. 161–178.
- Давидович Е.А. Первый клад тетрадрахм кушанца «Герая» // ВДИ. 1976. № 4. С. 56–76.
- Дадашева С.А. Греко-бактрийские монеты, найденные на территории Кавказской Албании // Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1976. С. 106–109.
- Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
- Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
- Данто А. Аналитическая философия истории / пер. с англ. А.Л. Никифорова и О.В. Гавришиной. М., 2002.
- Денисов Е.П. Могильники на реке Ксиров и тохарско-юечжийская проблема // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М., 1983. С. 36–37.
- Денисов Е.П. Раскопки могильника Ксиров в Дангаринском районе в 1978 г. // АРТ (1978). Вып. XVIII. Душанбе, 1984. С. 131–138.
- Денисов Е.П. Раскопки в Дангаринском и Кобаданском районах // АРТ (1979). Вып. XIX. Душанбе, 1986. С. 147–163.
- Денисов Е.П. Исследования могильников на реке Ксиров (Саргазон) в Дангаринском районе в 1980 г. // АРТ (1980). Вып. XX. Душанбе, 1987. С. 138–147.
- Денисов Е.П. Работы в Дангаринском районе в 1981 г. // АРТ (1981). Вып. XXI. Душанбе, 1988. С. 289–296.

Дигар Ж.-П. Отношение между кочевниками и оседлыми племенами на Среднем Востоке // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 33–54.

Довутов Д. Новая находка монеты, чеканенной в подражание тетрадрахам Евкратиды, в Таджикистане // ВДИ. 1980. № 4. С. 125–127.

Долгоруков В.С. Основные этапы существования основных фортификационных сооружений Дильберджина // Всесоюзная научная конференция «Античная культура Средней Азии и Казахстана» (тезисы докладов). Ташкент, 1979. С. 75–77.

Древние цивилизации. Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: Мысль, 1989.

Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 1994.

Дьяконов И.М., Лившиц В.А. Новые находки документов в Старой Нисе // Переднеазиатский сборник. Вып. II. Дешифровка и интерпретация письменностей Древнего Востока. М., 1966. С. 134–157.

Дьяконов И.М., Якобсон В.А. Гражданское общество в древности // ВДИ. 1998. № 1. С. 22–29.

Дьяконов М.М. Работы Кафирниганского отряда // МИА. № 15. М.–Л., 1950. С. 147–186.

Дьяконов М.М. Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961.

Дьяконов М.М. Александр и его преемники на Востоке // История Востока: в 6 т. Т. 1. Восток в древности / отв. ред. В.А. Якобсон. М., 1997. С. 505–517.

Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.–Л., 1962.

Заднепровский Ю.А. [рец. на]: Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. (Историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М., 1989 // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1991. № 3. С. 155–159.

Захаров А.О. [рец. на]: Sylloge nummorum graecorum. The Collection of the American Numismatic society. Part 9. Graeco-Bactrian and Indo-Greek coins. New York, 1998 // РА. 2000. № 4. С. 218–221.

Захаров А.О. Греко-Бактрия эпохи Евкратиды I // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2001(1). №4. С. 5–11.

Захаров А.О. К этническому аспекту проблемы падения Греко-Бактрии // ПИФК. Вып. X. Москва–Магнитогорск, 2001(2). С. 446–454.

Захаров А.О. Бактрия в I в. до н.э.: «пять владений» юечжей // Восток (Oriens). 2002(1). № 5. С. 18–29.

Захаров А.О. К проблеме происхождения юечжей // ПИФК. Вып. XII. Москва–Магнитогорск, 2002(2). С. 447–455.

Захаров А.О. О современном состоянии кушанской проблемы // Восток (Oriens). 2004. № 2. С. 5–19.

Захаров А.О. Проблема политической организации островных обществ

- Юго-Восточной Азии в раннем средневековье (V–VII вв.)» // Восток (Oriens). 2005(1). № 1. С. 7–24.
- Захаров А.О. Проблема понятия государства на традиционном Востоке в отечественной историографии (теоретические размышления) // Восток (Oriens). 2005(2). № 5. С. 5–20.
- Зеймаль Е.В. Кушанское царство по нумизматическим данным: автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1965.
- Зеймаль Е.В. Монеты Великих Кушан в Государственном Эрмитаже // Труды Государственного Эрмитажа. Т. IX. Нумизматика. Вып. 3. Л., 1967. С. 55–86.
- Зеймаль Е.В. Кушанская хронология (материалы по проблеме). М., 1968.
- Зеймаль Е.В. Начальная дата Канишки – 278 г. н.э. // ЦАКЭ. Т. 1. М., 1974. С. 292–301.
- Зеймаль Е.В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 192–214.
- Зеймаль Е.В. Парфянский лучник и его происхождение // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XLVII. Л., 1982. С. 46–49.
- Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.
- Зеймаль Е.В. Подражания оболам Евкратиды // Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М., 1984. С. 177–191.
- Зеймаль Е.В., Пичикян И.Р. Греко-Бактрия. Парфия // ИТН. Т. 1. Душанбе, 1998 (2-е изд.). С. 338–406.
- Зограф А.Н. Монеты «Герая». Ташкент, 1937.
- Зуев Ю.А. Юечжи и Кушаны в свете китайских источников // ЦАКЭ. Т. 1. С. 198–201.
- Иванов В.В. Языковые данные о происхождении кушанской династии и тохарская проблема // Народы Азии и Африки. 1967. № 3. С. 106–118.
- Ильясов Дж.Я. Изображения на монетах и связи ранних кочевников // Нумизматика Центральной Азии. Т. V. Ташкент, 2001. С. 17–30.
- Илюшечкин В.П. Система внеэкономического принуждения и проблема второй основной стадии общественной эволюции. М., 1970.
- Илюшечкин В.П. Проблемы формационной характеристики сословно-классовых обществ. М., 1986.
- Илюшечкин В.П. Теория стадийного развития общества. История и проблемы. М., 1996.
- История таджикского народа. Т. 1. Древнейшая и древняя история / под ред. Б.А. Литвинского и В.А. Ранова. 2-е изд. Душанбе, 1998.
- Кант И. Спор факультетов // Кант И. Собрание сочинений в 8 тт. Т. 7. М., 1994. С. 57–136.
- Кассирер Э. Философия символических форм / пер. с нем. Т. 1–3. М.–СПб.: Университетская книга, 2002.

- Классен Х.Дж.М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 6–23.
- Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.
- Комиссаров Б.Н. [Рец. на:] Копосов Н.Е. Как думают историки. М.: Новое литературное обозрение, 2001, 326 с. // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. VI. 2003. № 1 (21). С. 205–206.
- Копосов Н.Е. Как думают историки. М., 2001.
- Кошеленко Г.А. Некоторые вопросы истории ранней Парфии // ВДИ. 1968. № 1. С. 53–71.
- Кошеленко Г.А. Царская власть и ее обоснование в ранней Парфии // История иранского государства и культуры. К 2500-летию иранского государства. М., 1971. С. 212–218.
- Кошеленко Г.А. Монетное дело Парфии при Митридате I // НиЭ. Т. X. М., 1972. С. 79–102.
- Кошеленко Г.А. Генеалогия первых Аршакидов (еще раз о нисийском острake № 1760) // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века) / под ред. Б.Г. Гафурова и Б.А. Литвинского. М., 1976. С. 31–37.
- Кошеленко Г.А. Родина парфян. М., 1977.
- Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
- Кошеленко Г.А. Государство Селевкидов и Пергамское царство // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 118–139.
- Кошеленко Г.А. Средняя Азия // Источниковедение истории Древнего Востока. М., 1984. С. 250–270.
- Кошеленко Г.А. Заключение // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / отв. ред. Г.А. Кошеленко. М., 1985. С. 338–350.
- Кошеленко Г.А. Кушано-Сасаниды в истории Мерва // ПИФК. Вып. VIII. Москва–Магнитогорск, 2000. С. 344–363.
- Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. Проблемы изучения миссии апостола Фомы // ПИФК. Вып. X. Москва–Магнитогорск, 2001. С. 24–38.
- Кошеленко Г.А., Новиков С.В. Манумиссии Селевкии-на-Эвлее // ВДИ. 1979. № 2. С. 41–54.
- Кошеленко Г.А., Сердитых З.В. Типология и динамика развития системы расселения в Бактрии эллинистической эпохи // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Ташкент, 1987. С. 54–59.
- Кошеленко Г.А., Сердитых З.В. [Рец. на]: Lyonnet B. Céramique et peuplement du chalcolitique a conquete arabe (Prospection archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978). Sous la direction de Jean-Claude Gardin. Vol. 2). Paris: Éditions recherches sur les civilisations, 1997, 447 p. // РА. 2000. № 1. С. 227–234.

- Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992.
- Крадин Н.Н. Империя хунну. Владивосток, 1996.
- Крадин Н.Н. Имперская конфедерация хунну: социальная организация суперсложного вождества // Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика. СПб., 2000(1). С. 195–223.
- Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000(2). С. 314–336.
- Крадин Н. Н. Кочевники и земледельческий мир: хуннская модель в исторической перспективе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2000(3). № 3. С. 5–16.
- Кругликова И.Т. Городище Емши-тепе в Северном Афганистане // Краткие сообщения Института Археологии АН СССР. Вып. 136. М., 1973. С. 104–113.
- Кругликова И.Т. Дильберджин. Вып. 1. М., 1974.
- Кругликова И.Т. Обол кушанца «Герая» из Дильберджина // КСИА. Вып. 176. Средняя Азия и Кавказ. М., 1983. С. 40–43.
- Кругликова И.Т. Дильберджин – храм Диоскуров. М., 1986.
- Кругликова И.Т. Раскопки Западного храма в Дильберджине (Афганистан) в 1974–1977 гг. // ПИФК. Вып. VII. Москва–Магнитогорск, 1999. С. 5–60.
- Кругликова И.Т. Цитадель Дильберджина // ПИФК. Вып. X. Москва–Магнитогорск, 2001. С. 312–413.
- Кругликова И.Т., Пугаченкова Г.А. Дильберджин. Вып. 2. М., 1977.
- Крюков М.В. Китай. Эпоха Цинь–Хань // Источниковедение Истории Древнего Востока. М., 1984. С. 351–370.
- Крюков М.В. Восточный Туркестан в III в. до н.э. – VI в. н.э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории / под ред. С.Л. Тихвинского и Б.А. Литвинского. М., 1988. С. 223–296.
- Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура) / под ред. Б.Г. Гафурова и Б.А. Литвинского. М., 1976. С. 28–52.
- Кузьмина Е.Е. В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977.
- Курций Руф, Квинт. История Александра Македонского. Сохранившиеся книги / пер. под ред. В. С. Соколова. М., 1963.
- Кызласов И.Д. Мировоззренческая основа погребального обряда // РА. 1993. № 1. С. 98–112.
- Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории / пер. с фр. А. Серебряковой. Изд. 2-е. М., 2004.
- Лелеков Л.А. Авеста в современной науке. М., 1992.
- Лелеков Л.А. Вопросы истории Бактрии в свете данных Михр-яшта // ИБ МАИКЦА. Вып. 3. М., 1982. С. 35–41.

- Лившиц В.А. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1963–1964 гг. Надписи, терракоты, каменные рельефы. М., 1969. С. 47–81.
- Лившиц В.А. Кушаны: письменность и язык // ЦАКЭ. Т. 1. М., 1974. С. 313–321.
- Лившиц В.А. Бактрийский язык // Языки мира. Иранские языки. III. Восточноиранские языки. М., 1999. С. 38–46.
- Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
- Литвинский Б.А. Борьба народов Средней Азии против греко-македонского завоевания // ИТН Т. 1. Душанбе, 1998(1) (2-е изд.). С. 283–321.
- Литвинский Б.А. Социально-экономические отношения и структуры // ИТН. Т. 1. Древнейшая и древняя история / под ред. Б.А. Литвинского и В.А. Ранова. Душанбе, 1998(2) (2-е изд.). С. 544–562.
- Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001.
- Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4. С. 84–110.
- Литвинский Б.А., Мухитдинов Х.Ю. Античное городище Саксанохур // СА. 1969. № 2. С. 160–178.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000.
- Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепай-шах. Культура и связи Кушанской Бактрии. М., 1983.
- Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М., 1984.
- Луконин В.Г. Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии // ВДИ. 1969(1). № 2. С. 20–44.
- Луконин В.Г. Культура Сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969(2).
- Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и Припамирских областей с древнейших времен до X века нашей эры // Труды АН ТаджССР. Т. LIII. Сталинабад, 1957.
- Мандельштам А.М. К предкушанскому чекану Бактрии // ЭВ. Вып. XVII. М., 1966(1). С. 85–91.
- Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию (МИА, № 136). М., 1966(2).
- Мандельштам А.М. Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических данных // ЦАКЭ. Т. 1. М., 1974. С. 190–197.
- Мандельштам А.М. Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 133–141.

- Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975.
- Мандельштам А.М. Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века до нашей эры и первые века нашей эры // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред. М.Г. Мошкова. М., 1992. С. 107–115.
- Манфред А.Б. Великая французская буржуазная революция. М., 1983.
- Маринович Л.П. Время Александра Македонского // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 22–65.
- Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.
- Маркс К. Капитал / пер. с нем. Т. I. М.: Партийное издательство ЦК ВКП(б), 1937.
- Маркс К. К Критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М., 1959.
- Маркс Ф. Экономические рукописи 1857–1858 гг. Часть I // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. М., 1968.
- Масперо Г. Древняя история народов Востока / пер. с фр. М., 1911.
- Массон В.М. Денежное хозяйство в древней Средней Азии по нумизматическим данным // ВДИ. 1955. № 2. С. 37–47.
- Массон В.М. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла // ЭВ. Вып. XI. М., 1956. С. 63–75.
- Массон В.М. Деметрий Бактрийский и завоевание Индии // ВДИ. 1961. № 2. С. 39–45.
- Массон В.М. К вопросу об общественном строе древней Средней Азии // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 93–101.
- Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976.
- Массон В.М. Северная Бактрия // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / отв. ред. Г.А. Кошеленко. М., 1985. С. 250–272.
- Массон В.М. Кочевнические компоненты кушанского археологического комплекса // Проблемы античной культуры / отв. ред. Г.А. Кошеленко. М., 1986. С. 258–264.
- Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. Т. 1. М., 1964.
- Массон М.Е. Происхождение безыменного «царя царей – великого спасителя» // Труды Среднеазиатского Государственного университета. Вып. XI. Гуманитарные науки. Кн. 3. Археология Средней Азии – I. Ташкент, 1950. С. 11–49.
- Матъез А. Французская революция. Т. 1–2. Ростов-на-Дону, 1995.
- Мукерджи Б.Н. К изучению социально-экономической истории Кушанской империи // ВДИ. 1984. № 3. С. 60–71.

Мукерджи Б.Н. Надпись 170-го года эры Канишки // ВДИ. 1992. № 1. С. 84–87.

Мухитдинов Х.Ю. Бактрийский всадник (археологические материалы о бактрийско-скифских контактах) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1980. С. 212–227.

Новиков С.В. Парфянское царство и Греко-Бактрийское царство // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 140–156.

Обельченко О.В. Лявандакский могильник // ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961. С. 97–176.

Обельченко О.В. Курганные могильники эпохи кушан в Бухарском оазисе // ЦАКЭ. Т. 1. М., 1974. С. 202–209.

Обельченко О.В. Культура Античного Согда: по археологическим данным VII в. до н.э. – VII в. н.э. М., 1992.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. 1986. № 1. С. 65–76.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. 1993. № 1. С. 78–97.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. 1995. № 2. С. 85–98.

Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. Изд. 2-е, доп. М., 1988.

Перевалов С.М. Современное состояние аланских исследований в России (по поводу книги: Габуев Т.А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999) // ВДИ. 2002. № 2. С. 207–215.

Периханян А.Г. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени // ВДИ. 1952. № 4. С. 13–27.

Першиц А.Я. Некоторые особенности классовообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государства. М., 1976. С. 280–313.

Першиц А.И. Введение // История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 5–32.

Пидаев Ш.Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978.

Пидаев Ш.Р. Монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла, как исторический источник // Всесоюзная научная конференция «Античная культура Средней Азии и Казахстана» (тезисы докладов). Ташкент, 1979. С. 87–88.

Пидаев Ш.Р. Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Ташкент, 1987. С. 87–97.

Пидаев Ш.Р. Монетные находки из Мирзакул-тепе // Нумизматика Узбекистана. Ташкент, 1990. С. 32–39.

- Пидаев Ш.Р. Керамика греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза // СА. 1991. № 1. С. 210–224.
- Пидаев Ш.Р. Термез греко-бактрийского времени в свете новых раскопок // ОНУ. 1998. № 10/11. С. 48–53.
- Пилипко В. Н. Поселения Северо-западной Бактрии. Ашхабад, 1985.
- Пичикян И.Р. Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды). М., 1991.
- Плиний Старший, [Гай Секунд]. Естествознание. Об искусстве / пер. с лат., предисл. и прим. Г.А. Тароняна. М., 1994.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. I–II. 2-е изд. М., 1994.
- Погребова М.Н., Раевский Д.Н. Ранний железный век // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории / под ред. Б.А. Литвинского и С.Л. Тихвинского. М., 1988. С. 156–189.
- Подосинов А.В. *Ex oriente Lux!* Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.
- Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура: реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений: автореф. дисс... докт. ист. наук. Новосибирск, 1997.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001.
- Пугаченкова Г.А. К иконографии Герая // ВДИ. 1965. № 1. С. 127–136.
- Пугаченкова Г.А. О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства // ВДИ. 1966(1). № 2. С. 27–43.
- Пугаченкова Г.А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966(2).
- Пугаченкова Г.А. Скульптура Халчаяна. М., 1971.
- Пугаченкова Г.А. К неутихающим дискуссиям: варварский Гелиокл, Герай, Сотер Мегас // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Ташкент, 1987(1). С. 98–107.
- Пугаченкова Г.А. Шортепе // ИМКУ. Вып. 21. Ташкент, 1987(2). С. 21–45.
- Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Из работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент, 1989(1).
- Пугаченкова Г.А. Образы юечжийцев и кангюйцев в искусстве Бактрии и Согда // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана в свете новых открытий Узбекистанской искусствоведческой экспедиции / отв. ред. Г.А. Пугаченкова. Ташкент, 1989(2). С. 96–110.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. О «золоте безымянных царей» из Тиллятепе (к проблеме стиля и связей) // Из истории культурных связей Средней Азии и Индии. Ташкент, 1986. С. 209–213.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. М., 1990.
- Пьянков И.В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975.

- Пьянков И.В. Массагеты, соседи индийцев // Средняя Азия в древности и средневековье: сб. ст. М., 1977. С. 53–57.
- Пьянков И.В. Бактрия в античной традиции (общие данные о стране: название и территория). Душанбе, 1982.
- Пьянков И.В. Зороастр в истории Средней Азии: проблема места и времени (опыт исторической реконструкции) // ВДИ. 1996. № 3. С. 3–23.
- Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997.
- Пьянков И.В. Ранние государственные образования // ИТН. Т. 1. Душанбе, 1998 (2-е изд.). С. 238–249.
- Пьянков И.В. К выходу в свет I тома второго издания «Истории таджикского народа» (письмо в редакцию) // ВДИ. 2000. № 1. С. 238–239.
- Раевский Д.С. К вопросу об обосновании царской власти в Парфии («парфянский лучник» и его семантика) // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура) / под ред. Б.Г. Гафурова и Б.А. Литвинского. М., 1976. С. 81–86.
- Ранке Л. Об эпохах новой истории. Лекции, читанные баварскому королю Максимилиану II (в 1854 г.) / пер. с нем. И.И. Шитца. М., 1898.
- Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.–Л., 1950.
- Рассел Б. Проблемы философии // Джеймс У. Введение в философию. Рассел Б. Проблемы философии / пер. с англ. М.: Республика, 2000.
- Ревуненков В.Г. Марксизм и проблема якобинской диктатуры (историко-графический очерк). Л., 1966.
- Репина Л.П., Зверева В.В. Пармонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004.
- Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ / пер. с фр. М.–СПб., 2000.
- Ртвеладзе Э.В. О некоторых спорных вопросах истории и археологии Бактрии до Великих Кушан // Всесоюзная научная конференция «Античная культура Средней Азии и Казахстана» (тезисы докладов). Ташкент, 1979. С. 77–79.
- Ртвеладзе Э.В. К интерпретации слов «ΣΑΝΑΒ» и «Αντεῖχ» на тетрадрахмах Херайя/Хияйя // Нумизматика Центральной Азии. Вып. II. Ташкент, 1997(1). С. 17–23.
- Ртвеладзе Э.В. Новые данные к истории государства Кушан // ОНУ. 1997(2). № 5. С. 67–70.
- Ртвеладзе Э.В. Новый тип монет Фсейгахариса // Нумизматика Центральной Азии. Вып. IV. Ташкент, 1999. С. 82.
- Ртвеладзе Э.В. К истории становления Кушанского государства в Бактрии и Гандхаре // India and Central Asia = Индия и Средняя Азия. Tashkent, 2000. P. 39–42, 145–148.
- Ртвеладзе Э.В., Пидарев Ш.Р. Каталог древних монет южного Узбекистана. Ташкент, 1981.

- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.–Л., 1960.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история в 2 тт. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб., 2003.
- Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
- Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тилля-тепе. М., 1989.
- Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А. Монеты из раскопок некрополя, расположенного на городище Тилля-тепе (Северный Афганистан) // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982. С. 307–318.
- Свенцицкая И.С. Эллинистические государства в Передней Азии // История Востока: в 6 т. Т. 1. Восток в древности / отв. ред. В.А. Якобсон. М., 1997. С. 518–529.
- Седов А.В. Керамические комплексы ай-ханумского типа на правобережье Амударьи // СА. 1984. № 3. С. 171–180.
- Семенов Ю.И. Философия истории от истоков до наших дней: основные проблемы и концепции. М., 1999.
- Сердитых З.В. [Рец. на]: Briant P. Etat et pasteurs au Moyen-Orient Ancien. Cambridge-Paris, 1982 // ИБ МАИКЦА. Вып. 5. 1983. С. 88–92.
- Сердитых З.В. Полис в структуре Греко-бактрийского государства // Раннеклассовые формации. Теоретические проблемы становления государства и города: межвузовский сборник научных трудов. М., 1984. С. 45–48.
- Сердитых З.В. Об одном из вариантов иконографии Митры // Проблемы античной культуры / отв. ред. Г.А. Кошеленко. М., 1986(1). С. 279–282.
- Сердитых З.В. [Рец. на]: Francfort H.-P. Fouilles d’Ai Khanoum III. Le sanctuaire du temple a niches indentées. 2. Les Trouvailles (MDAFA, t. XXVII). Paris, 1984 // ИБ МАИКЦА. Вып. 11. 1986(2). С. 109–111.
- Сердитых З.В. Проблемы экономики Греко-Бактрии и Греко-Индии: дисс... канд. ист. наук. М., 1988.
- Сердитых З.В. История изучения Греко-Бактрии и Греко-Индии // Научные труды Московского Педагогического Государственного Университета им. В. И. Ленина. Серия: Социально-исторические науки. Ч. 1. М., 1996(1). С. 112–124.
- Сердитых З.В. Проблемы сельского хозяйства Греко-Бактрии и Греко-Индии // ПИФК. Вып. III. Москва–Магнитогорск, 1996(2). С. 148–156.
- Сердитых З.В., Валиев А. Ирригация и население Восточной Бактрии // СА. 1987. № 4. С. 283–290.
- Сердитых З.В., Кошеленко Г.А. Проблемы истории и культуры Греко-Бактрии в литературе последних лет // СА. 1987. № 3. С. 237–251.
- Симс-Вильямс Н. Новые бактрийские документы // ВДИ. 1997. № 3. С. 3–10.
- Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.

- Смирнова Н.М. Монетный чекан Греко-Бактрии (период правления Евкратида): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987.
- Смирнова Н.М. О стиле монет греко-бактрийского царя Евкратида II // Монеты и медали. М., 1996. С. 41–67.
- Смирнова Н.М. Находки эллинистических монет на городище Гяур-кала (Туркменистан) // НиЭ. Т. XVI. М., 1999. С. 242–264.
- Ставиский Б.Я. Средняя Азия в кушанский период // ИТН. Т. 1. 1963. С. 341–400.
- Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.
- Ставиский Б.Я. Средняя Азия в ахеменидскую эпоху // ИТН. Т. 1. 1998(1). 2-е изд. С. 250–282.
- Ставиский Б.Я. Средняя Азия в кушанский период // ИТН. Т. 1. 1998(2). 2-е изд. С. 407–467.
- Стеблин-Каменский И.М. Бактрийский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981. С. 314–346.
- Страбон. География в 17 книгах / пер. Г.А. Стратановского. М.: Ладомир (репринт), 1994.
- Стратановский Г.А. Теофраст и его «Характеры» // Теофраст. Характеры / пер. с древнегреч., статья и прим. Г.А. Стратановского. М., 1974. С. 45–83.
- Струве В.В. История древнего Востока. Л., 1941.
- Сулейменов Р.Б. Формационная природа кочевого общества: проблема и метод // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 89–102.
- Сычева Н.С. Античные элементы в керамике Северной Бактрии-Тохаристана кушанского времени и проблема связей Кушанского царства с греко-римским миром // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока (сб. ст.). М., 1978. С. 250–257.
- Тарасенко Р.Ф. К прочтению и интерпретации легенд на монетах «Герая» // ОНУ. 1989. № 8. С. 50–56.
- Тарн В. Эллинистическая цивилизация / пер. с англ. М., 1949.
- Тахо-Годи А.А. Диоскуры // МНМ. Т. I. А–К. М., 2000. С. 382–384.
- Тёкеи Ф. К теории общественных формаций. М., 1975.
- Теофраст. Исследование о растениях / пер. с древнегреч. М.Е. Сергеенко. М., 1951.
- Толстов С.П. Основные вопросы древней истории Средней Азии // ВДИ. 1938. № 1. С. 176–203.
- Толстов С.П. К вопросу о монетах «Герая» (Зограф А.Н. Монеты «Герая». Ташкент, 1937) // ВДИ. 1939. № 2. С. 114–119.
- Толстов С.П. Подъем и крушение империи эллинистического «Дальнего Востока» (Tarn W.W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938) // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 194–209.

- Толстов С.П. К вопросу о периодизации истории первобытного общества // Советская этнография. 1946. № 1. С. 25–30.
- Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948(1).
- Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.–Л., 1948(2).
- Топоров В.Н. Митра // МНМ. Т. II. К–Я. М., 2000. С. 154–157.
- Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / пер. с англ. М., 2000.
- Тревер В.К. Памятники греко-бактрийского искусства. М.Л., 1940.
- Тураев Б.А. История древнего Востока. Под ред. В.В. Струве и И.Л. Снегирева. Т. I–II. Ленинград, 1935.
- Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. Екатеринбург, 2002.
- Уваров П.Ю. Думают ли историки? А если думают, то зачем? Заметки о книге Н.Е. Копосова «Как думают историки» (М., 2001) // Одиссей. Человек в истории. 2003. Язык Библии в нарративе. М., 2003. С. 303–331.
- Умняков И.И. Тохарская проблема // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 181–193.
- Фюре Ф. Постигание французской революции. СПб., 1998.
- Фрай Р.Н. Наследие Ирана / пер. с англ. М., 1972.
- Фуссман Ж. Язык и культура при Кушанах // ИБ МАИКЦА. Вып. 15. М., 1988. С. 45–52.
- Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей. М., 1975.
- Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов-на-Дону.
- Хромов Л.А. (при участии И.В. Пьянкова). Письменные памятники на языках народов Средней Азии (до VIII века н.э.) // ИТН. Т. 1. Душанбе, 1998. 2-е изд. С. 492–523.
- Центральная Азия в кушанскую эпоху = Central Asia in the Kushana period: Т. 1–2. М., 1974–1975.
- Чвырь Л.А. Проблема оседло-кочевнического диалога в Древней Средней Азии (мнения археологов и комментариев этнографа) // Азия – диалог цивилизаций / отв. ред. Б.А. Литвинский, Е.В. Антонова. СПб., 1996. С. 383–433.
- Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова Н.А. Народы, расы, культуры. 2-е изд., доп. и испр. М., 1985.
- Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество / пер. с англ. М., 1987.
- Шахова Н.А. Кушанский город: фортификация и архитектура: автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1996.
- Юркевич Э.А. История изучения кушанских памятников Афганистана // СА. 1969. № 2. С. 103–115.
- Юстин. Эпитома сочинений Помпея Трога *Historiae Philippicae* / пер. А.А. Деконского и М.И. Рижского // ВДИ. 1954, №№ 2–4; 1955, № 1.

- Яценко С.А. Костюм и покровы кочевой аристократии из некрополя Тилля-тепе (Афганистан) // Ученые записки по изучению памятников цивилизаций Древнего и Средневекового Востока (Археологические источники). М., 1989. С. 251–293.
- Яценко С.А. Костюм племен Пазырыкской культуры Горного Алтая как исторический источник // ВДИ. 1999. №. 3. С. 145–170.
- Яценко С.А. Костюм // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство, костюм / под ред. Б.А. Литвинского. М., 2000. С. 296–384.
- Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- Abdullaev K. Nomadism in Central Asia. The Archaeological Evidence (2nd-1st centuries B. C.) // In the Land of Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity / ed. by A. Invernizzi. Firenze, 1995. P.151–161.
- Adams R.McC. The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. Chicago, 1966.
- Allan J. Catalogue of the coins of Ancient India in the British museum. L., 1936.
- Afram M. Indo-Parthian and early Kushan chronology: the numismatic evidence // CAC. Wien, 1999. P. 19–48.
- Anderson B.R.O'G. The Idea of Power in Javanese Culture // Culture and Politics in Indonesia / ed. by C. Holt. Ithaca, 1972. P. 1–69.
- Arrian. Anabasis Alexandri in two volumes / with an English translation by P.A. Brunt. Vol. I. Books I–IV. Vol. II. Books V–VII. Indica. Cambridge–Massachusetts–London, 1976, 1983 (The Loeb Classical Library).
- Audouin R., Bernard P. Trésor de monnaies indiennes et indo-grecques d'Aï Khanoum (Afghanistan) // Revue numismatique. 6e sér. T. XVI. 1974. P. 6–41.
- Bachhofer L. On Greeks and Śakas in India // JAOS. Vol. LVI. 1941. P. 223–250.
- Bailey H.W. Kaniška // PDK. Leiden, 1968. P. 35–38.
- Ball W., avec la collaboration de J.-Cl. Gardin. Archaeological Gazetteer of Afghanistan. Catalogue des sites archéologiques d'Afghanistan. T. I–II. P., 1982.
- Banerjea J.N. The Bactrian Greeks in India // A Comprehensive history of India. Vol. II. The Mauryas and Satavahanas, 325 B.C.–A.D. 300 / ed. by K. A. Nilakanta Sastri. Calcutta, 1957. P. 138–185.
- Banerjea J.N., Jagannath. The Rise and Fall of the Kushāīa power // A Comprehensive history of India. Vol. II. The Mauryas and Satavahanas, 325 B.C.–A.D. 300 / ed. by K. A. Nilakanta Sastri. Calcutta, 1957. P. 222–262.
- Bayer T. S. Historia Regni Graecorum Bactriani. Petropoli, 1738.
- Benda H.J. The Structure of Southeast Asian History // Journal of Southeast Asian History. Vol. 3. 1962. № 1. P. 106–138.
- Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality: a Treatise in the Sociology of Knowledge. Harmondsworth, 1966.

- Bernard P. Ai Khanoum on the Oxus: Hellenistic city in Central Asia // *The Proceedings of the British Academy*. Vol. 53. L., 1967. P. 71–95.
- Bernard P. Le campagne de fouilles de 1970 a Ai Khanoum (Afghanistan) // *CRAI*. 1971. P. 385–452.
- Bernard P. Fouilles d'Ai Khanoum IV. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne (MDAFA, t. XXVII). P., 1985.
- Bernard P. Les nomades conquérants de l'empire gréco-bactrien. Réflexions sur leur identité ethnique et culturelle // *CRAI*. 1987 (novembre-décembre). P. 758–768.
- Bernard P. The Greek kingdoms of Central Asia // *History of the Civilizations of Central Asia*. Vol. II. The Development of Sedentary and Nomadic Civilizations 700 BC to 250 AD / ed. by J. Harmatta. P., 1994. P. 99–129.
- Bernard P. Eucratides // *Encyclopædia Iranica* / ed. by Ehsan Yarshater. Vol. IX. Fasc. I. Ethé – Excavations IV. 2000. P. 63–64.
- Bernard P., Grenet F., Rapin Cl. De Bactres à Taxila: Nouvelles données du géographie historique // *TOPOI*. Vol. 6. Fasc. 2. 1996. P. 457–530.
- Bernard P., Rapin Cl. Campagne de Fouilles 1978 a Ai Khanoum: III. Le palais. La trésorerie // *BEFEO*. T. 68. 1980. P. 10–38.
- Bernard P., Rapin Cl. Un parchemin gréco-bactrien d'une collection privée // *CRAI*. 1994 (janvier-mars). P. 261–294.
- Bhandarkar D.R. Notes on Ancient history of India // *Islamic culture*. 1934. Vol. I. № 2. P. 275–280.
- Bivar A.D.H. The Death of Evcratides in Medieval tradition // *JRAS*. 1950. P. 7–13.
- Bivar A.D.H. The Kanishka dating from Surkh Kotal // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. XXVI. Pt. 3. London, 1963. P. 498–502.
- Böhtlingk O. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. T. I–VII. St. Petersburg, 1879–1889.
- Bopearachchi O. Monnaies Gréco-Bactriennes et Indo-Grecques. Catalogue Raisoné. Bibliotheque Nationale. P., 1991.
- Bopearachchi O. The Euthydemus' Imitations and the Date of Sogdian Independence // *Silk Road Art and Archaeology*. Vol. 2. Kamakura, 1991–1992. P. 1–21.
- Bopearachchi O., Rahman A. Prekushana coins in Pakistan. Karachi, 1995.
- Bopearachchi O., Grenet Fr. Našten, un prince iranien inconnu entre grecs et kouchans // *Studia Iranica*. T. 22. 1993. P. 299–307.
- Borovkova L. The problems of Kushan chronology (1-2 centuries A. D.) according to Chinese sources // *IB IASCCA*. Issue 22. Moscow, 2000. P. 96–119.
- Briant P. Alexandre le Grand. P., 1974.
- Briant P. Etat et pasteurs au Moyen-Orient Ancien. Cambridge-Paris, 1982
- Bronson B. Exchange at the Upstream and Downstream Ends: Notes Toward a Functional Model of the Coastal State in Southeast Asia // *Economic Exchange and Social Interaction in Southeast Asia: Perspectives from Prehistory, History,*

- and Ethnography / ed. by K.L. Hutterer. Ann Arbor, 1977. P. 39–52.
- Bronson B. The Archaeology of Sumatra and the Problem of Śrīvijaya // Early South East Asia. Essays in Archaeology, History and Historical Geography / ed. by R.B. Smith & W. Watson. Oxford–New York–Kuala Lumpur, 1979. P. 395–405.
- Bronson B., Wisseman J. Palembang as Śrīvijaya: The Lateness of Early Cities in Southern Southeast Asia // Asian Perspectives. Vol. 19. 1978. № 2. P. 220–239.
- Casparis J.C. de. Prasasti Indonesia. Selected Inscriptions from the 7th to the 9th century A.D. Vol. II. Bandung, 1956.
- Casparis J.G. de, Indonesian Chronology. Leiden–Köln, 1978.
- Casparis J.C. de, Mabbett I.W. Religion and Popular Beliefs of Southeast Asia before c. 1500 // The Cambridge History of Southeast Asia. Vol. I. From Early Times to c. 1500 / ed. by N. Tarling. Cambridge, 1999. P. 276–339.
- Chatterji B.R. History of Indonesia. Early and Medieval. 3rd ed. Meerut, 1967.
- Chattopadhyay, Bhaskar. The Age of the Kushāīas – A Numismatic Study. Calcutta, 1967.
- Chattopadhyay B. Kushāīa State and the Indian Society. A Study in Post-Mauryan polity and society. Calcutta, 1975.
- Chattopadhyaya S. The Śakas in India. Satiniketan, 1955.
- Chau Ju-kua. “Chu Fang Chi” (1225) (a report on the state of Çrīvijaya), introduction, translation from Chinese into Russian and commentary by M.Yu. Ulianov // Vostok (Oriens) 1996. № 6. C. 141–155.
- Chavannes É. Les Pays d’occident d’après le Heou han chou // T’oung Pao. T. VIII. 1907. Leiden. P. 149–234.
- Chhabra B.Ch. Expansion of Indo-Aryan Culture During the Pallava Rule (as evidenced by inscriptions). Delhi, 1965.
- Claessen H.J.M. How Unique was Śrīvijaya? // BKI. D. 151. Aufl. 3. 1995. P. 443–445.
- Claessen H.J.M., Skalnik P. (eds.). The Early State. The Hague, 1978.
- Claessen H.J.M., Skalnik P. (eds.). The Study of the State. The Hague, 1981.
- Coedès G. Le Royaume de Çrīvijaya // BEFEO. 1918. T. 18. № 6. P. 1–36.
- Coedès G. Les Inscriptions malaises de Çrīvijaya // BEFEO. 1930. T. 30. P. 29–80.
- Coedès G. A Possible Interpretation of the Inscription at Kedukan Bukit (Palembang) // Malayan and Indonesian Studies. Essays presented to Sir Richard Winstedt on his 85th Birthday / ed. by J. Bastin & R. Roolvink. Oxford, 1964. P. 24–32.
- Coedès G. The Indianized States of Southeast Asia / ed. by W.F. Vella, translated by S. Brown Cowing. Honolulu, 1968.
- Collingwood R.G. The Idea of History. Oxford, 1967.
- Cribb J. Numismatic evidence for Kushano-Sasanian chronology // Studia Iranica. Vol. 19. P., 1990. P. 151–193.

- Cribb J. Numismatic Evidence for the Date of the “Periplus” // *Indian Numismatics, History, Art and Culture* / ed. by D.W. MacDowall et alii. Delhi, 1992. P. 131–145.
- Cribb J. The “Heraus” coins: their attributions to the Kushan king Kujula Kadphises, c. AD 30–80 // *Essays in honour of Robert Carson and Kenneth Jenkins*. L., 1993. P. 107–134.
- Cribb J. Numismatic Perspectives on Chronology in the Crossroads of Asia // *Gandharan Art in Context: East-West Exchanges at the Crossroads of Asia* / ed. by R. Allchin, B. Allchin, N. Kreitman & E. Errington. New Delhi, 1997. P. 215–230.
- Cribb J. The early Kushan kings: new evidence for chronology. Evidence from the Rabatak Inscription of Kanishka I // *CAC*. Wien, 1999. P. 177–205.
- Cunningham A. Coins of Alexander’s successors in the East // *NC*. 2nd series. Vol. 8–13. 1868–1873.
- Cunningham A. Coins of the Indo-Scythian king Miaüs, or Heraüs // *NC*. 3rd series. Vol. VIII. 1888. P. 47–58.
- Cunningham A. Coins of Indo-Scythians. Coins of the Śakas // *NC*. 3rd series. Vol. X. 1890. P. 103–172.
- Curiel R., Fussman G. Le trésor monétaire de Qundus (MDAFA, t. XX). P., 1965.
- Curiel R., Schlumberger D. Trésors monétaires d’Afghanistan (MDAFA, t. XIV). P., 1965.
- Daffina P. L’Immigrazione dei Saka nella Drangiana. Roma, 1967.
- Daffina P. The Return of the Dead // *EW*. Vol. 22. 1972. P. 87–92.
- Damais L.-Ch. Liste des principales inscriptions datées de l’Indonésie // *BEFEO*. T. 46. 1952. № 1. P. 1–105.
- Danto A.C. *Analytical Philosophy of History*. Cambridge: Cambridge University press, 1965.
- Debevoise N. *A Political History of Parthia*. Chicago, 1938.
- Diodorus Siculus. *Library of History: in twelve volumes* / with an English translation by C.H. Oldfather, C.L. Sherman, C.B. Welles, R.M. Geer, F.R. Walton. Vol. 1–12. Cambridge–Massachusetts–London, 1979–1984 (The Loeb Classical Library).
- Dobbins K.W. The Kamra Kharoṣṭhī Inscription of Vāsīṣka // *EW*. 1975. Vol. 25. No 1–2. P. 105–109.
- Dorofeeva T.V. *Istoriya pis’mennogo malayskogo yasyka (VII – nachala XX vekov) (History of the written Malay language (7th – 20th centuries))*. M., 2001.
- Earle T. Chiefdoms in Archaeological and Ethnohistorical Perspective // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 16. 1987. P. 279–308.
- Engels F. *The Origin of the Family, Private Property, and the State: In the Light of the Researches of Lewis H. Morgan*. Moscow, 1972.

- Enoki K. The Yüeh-chih–Scythians Identity. A Hypothesis // International Symposium on History of Eastern and Western Cultural contacts (UNESCO). 1959. P. 227–237.
- Enoki K., Koshelenko G.A., Haidary Z. The Yüeh-chih and their migrations // History of the Civilizations of Central Asia. Vol. II. The Development of Sedentary and Nomadic Civilizations 700 BC to 250 AD / ed. by J. Harmatta. P., 1994. P. 171–189.
- Ferrand G. L'Empire Sumatranais de Çrīvijaya // JA. 11 sér. T. 20. 1922. P. 1–104, 161–246.
- Ferrand G. Quatre textes épigraphiques malayo-sanskrits de Sumatra et de Banka // JA. T. CCXXI. 1932. P. 271–326.
- Fouilles d'Ai Khanoum I. Vol. 1–2 (MDAFA, t. XXI) P., 1973.
- Francfort H.-P. Fouilles d'Ai Khanoum III. Le sanctuaire du temple a niches indentées. 2. Les Trouvailles (MDAFA, t. XXVII). P., 1984.
- Frye R.N. The History of Ancient Iran. München, 1984.
- Fussman G. Documents épigraphiques Kouchans // BEFEO. Vol. LXI. 1974. P. 1–66.
- Fussman G. Nouvelles inscriptions Saka: ère d'Eucratide, ère d'Azès, ère Vikrama, ère de Kaniška // BEFEO. Vol. LXVII. 1980. P. 1–43.
- Fussman G. Documents épigraphiques Kouchans (III): L'inscription de Senavarma, roi d'Odi: une nouvelle lecture // BEFEO. Vol. LXXI. 1982. P. 1–46.
- Fussman G. L'Indo-grec Ménandre ou Paul Demiéville revisité // Journal Asiatique. T. 281. 1993. P. 61–137.
- Fussman G. L'inscription de Rabatak et l'origine de l'ère Śaka // Journal Asiatique. T. 286, fasc. 2. 1998. P. 571–651.
- Gardin J.-Cl. Céramiques de Bactres (MDAFA, t. XV). P., 1957.
- Gardin J.-Cl. Les céramiques // Fouilles d'Ai Khanoum 1 (MDAFA, t. XXI). P., 1973. Vol. 1. P. 121–188.
- Gardin J.-Cl. Descriptions des sites et notes de synthèse (Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978). Sous la direction de Jean-Claude Gardin. Vol. 3). P., 1998.
- Gardner P. A coin of Heraus, Saka king // NC. 1874. P. 161–167.
- Gardner P. The coins of The Greek and Scythic kings of Bactria and India in the British museum. L., 1886.
- Geertz Cl. Negara: The Theatre State in Nineteenth Century Bali. Princeton, 1980.
- Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983.
- Gentelle P. Données paléogéographiques et fondements de l'irrigation (Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978). Sous la direction de Jean-Claude Gardin. Vol. 1). P., 1989.
- Ghirshman R. Bégram. Récherces archéologiques et historiques sur les Kouchans (MDAFA, t. XII). Le Caire, 1946.

- Ghirshman R. La problème de la chronologie des Kouchans // *Cahiers d'histoire mondiale*. T. III. 1957. P. 689–722.
- Göbl R. Die Münzprägung der Kušān von Vima Kadphises bis Bahram IV // Altheim F., Stiehl R. *Finanzgeschichte der Spätantike*. Frankfurt-am-Main, 1957. S. 173–256.
- Göbl R. Das neue Datum des Kušānkönigs Kaniška I // Göbl R. *Dokumente zur Geschichte der Iranischen Hunnen in Baktrien und Indien*. Bd. II. Wiesbaden, 1967. S. 269–312.
- Göbl R. A Catalogue of coins from Butkara I (Swāt, Pakistan) (*IsMEO Reports and Memoirs*, vol. 4). Rome, 1976.
- Göbl R. System und Chronologie der Münzprägung des Kušanreiches. Wien, 1984.
- Göbl R. Donum Burns, die Kušānmünzen in Münzkabinett Bern und die Chronologie. Wien, 1993.
- Göbl R. The Rabatak Inscription and the Date of Kanishka // *CAC*. Wien, 1999. P. 151–175.
- Grenet Fr. Mithra au temple principal d'Aï Khanoum? // *Histoire et le cultes de L'Asie centrale préislamique. Sources écrites et documents archéologiques. Actes du Colloque international du CNRS (Paris, UNESCO, 22–28 novembre 1988)*. P., 1991. P. 147–152.
- Guillaume O. Fouilles d'Aï Khanoum II. Les grands propylées de la rue principale (*MDAFA*, t. XXVI). P., 1983.
- Guillaume O., Rougelle A. Fouilles d'Aï Khanoum VII. Les petit objets (*MDAFA*, t. XXXI). P., 1987.
- Gutschmidt A. *Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander der Grossen bis zum Untergang der Arsaciden*. Tübingen, 1888.
- Hagesteijn R.R. *Circles of Kings. Political Dynamics in Early Continental Southeast Asia: Proefschrift ter Verkrijging van de Graad van Doctor in de Sociale Wetenschappen aan de Rijksuniversiteit*. s'Gravenhage, 1985.
- Hall D.G.E. *A History of South-East Asia*. 2nd ed. L., 1964.
- Hall K. State and Statecraft in Early Srivijaya // *Explorations in Early Southeast Asian History: The Origins of Southeast Asian Statecraft* / ed. by K. Hall & J.K. Whitmore. Ann Arbor, 1976. P. 61–105
- Hall K. *Maritime Trade and State Development in Early Southeast Asia*. Honolulu, 1985.
- Hall K. *Economic History of Early Southeast Asia* // *The Cambridge History of Southeast Asia*. Vol. I. From Early Times to c. 1500 / ed. by N. Tarling. Cambridge, 1999. P. 183–275
- Haloun G. Zur Üe-tōi Frage // *ZDMG*. T. 91. 1937. S. 243–318.
- Harmatta J. Minor Bactrian Inscriptions // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. XIII. No 1–2. Budapest, 1965. P. 149–205.
- Harmatta J. Languages and literature in the Kushan empire; Languages and scripts in Graeco-Bactria and the Uka kingdoms // *History of the Civilizations*

- of Central Asia. Vol. II. The Development of Sedentary and Nomadic Civilizations 700 BC to 250 AD / ed. by J. Harmatta. P., 1994. P. 397–416; 417–440.
- Heine-Geldern R. Conceptions of State and Kingship in Southeast Asia // *Far Eastern Quarterly*. 1942. Vol. 2. № 1. P. 15–30.
- Henning W.B. Surkh-Kotal und Kaniøka // *ZDMG*. 1965. Bd. 115. Ht. 1. S.
- Herodotus. Selected works: in four volumes / with an English translation by A.D. Godley. Vol. 1–4. Cambridge–Massachusetts–London, 1981–1982 (The Loeb Classical Library).
- Herzfeld E. Sakastàn // *Archäologische Mitteilungen aus Iran* / ed. by E. Herzfeld. Bd. IV. 1931–1932. S. 1–116.
- Hirth F., Rockhill W.W. Chau Ju-kua, His work on the Chinese and Arab trade in the twelfth and thirteenth centuries, entitled Chu-fan-chi. Saint-Petersburg, 1911.
- Hulsewé A.F.P. China in Central Asia. The Early Stage: 125 B.C.–A.D. 23. An Annotated Translation of Chapters 61 and 96 of the History of the Former Han Dynasty. With an Introduction by M.A.N. Loewe. Leiden, 1979.
- IDV – Istoriya drevnego Vostoka. Zarojdenie drevneishih klassovykh obshchestv I pervye shagi rabovladel'cheskoy tsivilisazii (ИДВ). T. 1. Mesopotamia / ed. by I.M. Diakonoff. Moscow, 1983.
- Iustinus. Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi. Ex recensione Francisci Ruehl. Accedunt prologi in Pompeium Trogum ab Alfredo de Gutschmid recensiti. Lipsiae. In aedibus B.G. Teubneri. MDCCCLXXXVI (1886).
- Jacques C. “Funan”, “Zhenla”: The Reality Concealed by These Chinese Views on Indonesia // *Early South East Asia. Essays in Archaeology, History and Historical Geography* / ed. by R.B. Smith & W. Watson. Oxford–New York–Kuala Lumpur, 1979. P. 371–379.
- Johnson A.W., & T. Earle. The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State. Stanford (California), 1987.
- Karttunen K. King Eucratides in literary sources // *Silk Road Art and Archaeology*. Vol. 6. 1999–2000. Kamakura. P. 115–118.
- Kathirithamby-Wells J. Introduction: An Overview // *The Southeast Asian Port and Polity: Rise and Demise* / ed. by J. Kathirithamby-Wells & J. Villiers. Singapore, 1990. P. 1–16.
- Kennedy J. Heraus ο τύραννος // *JRAS*. 1913. P. 124–127.
- Khazanov A.M. Nomads and the Outside World. Cambridge, 1984.
- Klimburg-Salter D.E. From an art historical perspective: problems of chronology in the Kuşāṇa period // *CAC*. Wien, 1999. P. 3–18.
- Košelenko G. Les cavaliers parthes: Aspects de la structure sociale de la Parthie // *Dialogues d'histoire ancienne*. Vol. 6. Besançon, 1980. P. 177–199.
- Koshelenko G.A. The Problem of the State-formation in Central Asia // Alexeev V.P., Koshelenko G.A., Muntchaev R.M. *Perspectives in Archaeological Research in the USSR*. Roma, 1991. P. 29–40.

- Koshelenko G.A., Pilipko V.N. Parthia // History of the Civilizations of Central Asia. Vol. II. The Development of Sedentary and Nomadic Civilizations 700 BC to 250 AD / ed. by J. Harmatta. P., 1994. P. 131–150.
- Koshelenko G.A., Sarianidi V.I. Les monnaies de la nécropole de Tillia-tépé (Afghanistan) // *Studia Iranica*. T. 21. 1992. Fasc. 1. P. 21–32.
- Kozlova M.G., Sedov L.A., Tiurin V.A. Tipy panneklassovykh obshchestv Yugo-Vostochnoy Asii (Types of the early class societies of Southeast Asia) // *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv* (Problems of history of the pre-capitalist societies). Book 1. Moscow, 1968. P. 516–545.
- Krom N.J. Hindoe-Javaansche Geschiedenis. 2nd ed. s'-Gravenhage, 1931.
- Kulke H. The Early and Imperial Kingdoms in Southeast Asian History // *Southeast Asia in the 9th to 14th Centuries* / ed. by D.G. Marr and A.C. Millner. Singapore, 1986. P. 1–22.
- Kulke H. Epigraphical References to the “City” and the “State” an Early Indonesia // *Indonesia*. D. 52. 1991. P. 3–22.
- Kulke H. “Kadātuan Śrīvijaya” – Empire or Kraton of Śrīvijaya? A Reassessment of the Epigraphic Data // *BEFEO*. T. 80. 1993. № 1. P. 159–180.
- Kullanda S.V. Etnoyazykovaya situatsiya v Shrivijaye i titul hang Tuaha (Ethnolinguistic situation in Çrīvijaya and the title of hang Tuah) // *Malaytsy: etnogenez, gosudarstvennost', traditsionnaya kul'tura* (The Malays: their ethnogenesis, statehood, and traditional culture). M., 1991. P. 4–10.
- Kullanda S.V. Istoriya drevney Yavy (The History of Ancient Java). M., 1992.
- Kullanda S.V. Genesis gosudarstvennosti u narodov Zapadnoy Indonesii. Shrividjaya (Genesis of statehood of peoples of Western Indonesia. Çrīvijaya), *Istoriya Vostoka* (History of the Orient (IB)). T. II. *Vostok v srednie veka* (The Orient in the Middle Ages). M., 1995. P. 215–218.
- Kumar B. The Early Kushāīas (The History of the Rise a Progress of the Kushāīa Powers under the Early Kushāīa Rulers – from Kujula Kadphises to Vāsudeva). New Delhi, 1973.
- Lahiri A.N. Corpus of Indo-Greek coins. Calcutta, 1965.
- Lamberg-Karlowski C.C., & J.A. Sabloff. Ancient Civilizations: The Near East and Mesoamerica. Menlo Park, California, 1979.
- Lassen Chr. Indische Altertumskunde. T. II. Berlin, 1865.
- Leliukhin D.N. Kontseptsia ideal'nogo tsarstva v ‘Arthashastre’ Kautilyi i problema struktury drevneindiyskogo gosudarstva (the conception of ideal kingdom in the ‘Arthaçāstra’ of Kauṇilīya and the problem of structure of the ancient Indian state) // *Gosudarstvo v istorii obshchestva (k probleme kriteriev gosudarstvennosti)* (The State in history of society (to the problem of the criteria of the statehood)). 2nd ed., revised and enlarged. Moscow, 2001. P. 9–148.
- Leriche P. Fouilles d’Ai Khanoum V. Les ramparts et les monuments associés (MDAFA, t. XXIX). P., 1986.
- Leur J.C. van. Indonesian Trade and Society: Essays in Asian Social and Economic History. The Hague, 1955.

- Litvinsky B.A. The Rise of Sasanian Iran // History of Civilizations of Central Asia. Vol. II. The Development of Sedentary and Nomadic Civilizations, 700 BC to AD 250 / ed. by J. Harmatta. P., 1994. P. 473–484.
- Lo Muzio C. The Dioscuri at Dilberjin (Northern Afghanistan). Reviewing their Chronology and Significance // *Studia Iranica*. T. 28. P., 1999. № 1. P. 41–66.
- Lohuizen de Leeuw E.J. van. “The Scythian Period”. An approach to the History, Art, Epigraphy and Paleography of North India from the 1 B. C. to the III A. D. Leiden, 1949.
- Lombard D. Le Concept d’Empire en Asie du Sud-Est // Le Concept d’Empire / sous la direction de M. Duverger. P., 1980. P. 433–441.
- Lüders H. Mathurā Inscriptions. Unpublished Papers / ed. by K.L. Janert. Göttingen, 1961.
- Lyonnet B. Les nomades et la chute du royaume gréco-bactrien: quelques nouveaux indices en provenance de L’Asie centrale orientale. Vers l’identification des Tokhares -Yueh-chi // Histoire et le cultes de L’Asie centrale préislamique. Sources écrites et documents archéologiques. Actes du Colloque international du CNRS (Paris, UNESCO, 22–28 novembre 1988). P., 1991. P. 153–161.
- Lyonnet B. Céramique et peuplement du chalcolitique à conquête arabe (Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978). Sous la direction de Jean-Claude Gardin. Vol. 2). P., 1997.
- Macdonald J. The Hellenic Kingdoms of Syria, Bactria and Parthia // Cambridge History of India. Vol. I. Ancient India / ed. by E.J. Rapson. Cambridge, 1922. P. 427–466.
- MacDowall D.W. Numismatic Evidence for the Date of Kaniška // PDK. Leiden, 1968. P. 134–149.
- MacDowall D. Implications for Kushan chronology of the numismatic context of the Nameless king // ИАКЭ. Т. 1. М., 1974. С. 246–264.
- MacDowall D.W. The Successors of the Indo-Greeks at Begram // South Asian Archaeology – 1983. Papers from the 7th International Conference of the Association of South Asian Archaeologists in Western Europe, held in the Musées Royaux d’Art et d’Histoire, Brussels / ed. by J. Schotsmans & m. Taddei. Vol. 2. Naples, 1985. P. 555–566.
- MacDowall D.W. The Interrelations between Indo-Parthian and Kushan Chronology // Histoire et cultes de l’Asie Centrale Préislamique. Sources écrites et documents archéologiques. Aktes du Colloque International du CNRS (Paris, 22-28 novembre 1988) / sous la direction de P. Bernard et F. Grenet. P., 1991. P. 243–250.
- MacDowall D.W., Wilson N.G. The references to the Kushanas in the Periplus and further numismatic evidence for its date // NC. 1970. P. 221–240.
- Maenchen-Halfen O. The Yüeh-chih problem re-examined // JAOS. Vol. 65. 1945. № 2. P. 71–81.
- Majumdar R.C. Ancient Indian Colonies in the Far East. Vol. II. Suvarnadvipa.

- Part I. Political History. Dacca, 1937.
- Majumdar R.C. Hindu Colonies in the Far East, 2nd ed. Calcutta, 1963.
- Manguin P.-Y. City-States and City-State Cultures in pre-15th-Century Southeast Asia // A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre / ed. by M.H. Hansen. Copenhagen, 2000. P. 409–416.
- Marquart J. Erānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. Mit historisch-kritischen Kommentar und historischen und topographischen Exkursen. Berlin, 1901.
- Marshall J. Taxila. An Illustrated Account of Archaeological Excavations Carried at Taxila under the Orders of the Government of India between the Years 1913 and 1934. Vol. I–III. L., 1951.
- Marx K. Grundrisse. Foundations of the Critique of Political Economy / translated with a Foreword by M. Nicolaus. N.Y., 1973.
- Maspero G. Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique. Vol. I–III. P.: Hachette, 1895–1908.
- McKinnon E.E. Early Polities in Southern Sumatra: Some Preliminary Observations Based on Archaeological Evidence // Indonesia. 1985. D. 40. P. 1–36.
- Mionnet T. Description des Médailles antiques, grecques et romaines. Supplément 8. P., 1837.
- Mitchiner M. The Early Coinage of Central Asia. L., 1973.
- Mitchiner M. Indo-Greek and Indo-Scythian coinage. Volumes I–IX. L., 1975–1976.
- Moertono S. State and Statecraft in Old Java. Ithaca, 1968.
- Mukhamedjanov A.R. Economy and social system in Central Asia in the Kushan Age // History of the Civilizations of Central Asia. Vol. II. The Development of Sedentary and Nomadic Civilizations 700 BC to 250 AD / ed. by J. Harmatta. P., 1994. P. 265–290.
- Mukherjee B.N. Studies in Kushāīa Genealogy and Chronology. Vol. I. Kushāīa Genealogy. Calcutta, 1967.
- Mukherjee B.N. The Ta-hsia and the Problem concerning the Advent of Nomadic peoples in Greek Bactria // EW. Vol. XIX. 1969. P. 395–400.
- Mukherjee B.N. Kamra Inscription of Vajheshka (Vāsioka) // Indian Museum bulletin. 1973. Vol. VIII. No 2. 1973. P. 111–117.
- Mukherjee B.N. Mathurā and its Society. The Śaka-Pahlava Phase. Calcutta, 1981.
- Mukherjee B.N. The Rise and Fall of the Kushāīa empire. Calcutta, 1988.
- Naerssen F.H. van, & R.C. de Jongh. The Economic and Administrative History of Early Indonesia. Leiden–Köln, 1977.
- Narain A.K. The Indo-Greeks. Oxford, 1957.
- Narain A.K. The Date of Kaniška // PDK. Leiden, 1968. P. 215–243.
- Narain A.K. Indo-Europeans in Inner Asia // Cambridge History of Early Inner Asia / ed. by D. Sinor. Cambridge, 1990. P. 151–176.

- Nilakanta Sastri K.A. History of Śrī Vijaya (Sir William Meyer Lectures, 1946–1947). Madras, 1949.
- Nikitin A. Notes on the Chronology of the Kushano-Sasanian kingdom // CAC. Wien, 1999. P. 259–263.
- Novick P. That Noble Dream: The “Objectivity Question” and the American Historical Profession. Cambridge, 1988.
- Novikov S. Ceramics from Public building and sanctuary excavations at Zar-tepe // IB IASCCA. Issue 20. Moscow, 1996. P. 22–37.
- Oikonomides A.N. Eukratides the Great and Hellenistic Bactria // Ancient World. Vol. IX. № 1–2. 1984. P. 29–34.
- Parnikel B.B. Shrivijayskaya literature i problema drevnemalayskoy ‘buddiyskoy literatury (Çrīvijaya’s epigraphy and the problem of Old Malay ‘Buddhist literature’) // Buddizm i literatura (Buddhism and literature) / ed. by N.I. Nikulin. M., 2003. P. 264–292.
- Pelliot P. Le Tokharien et le koutchien // Journal Asiatique. T. 224. No 1. 1934. P. 23–106.
- Pigeaud T.G.Th. Java in the 14th Century. A Study in Cultural History. The Nāgara-kērtāgama by Rakawi Prapañca of Majapahit, 1365 A.D. Vol. I–V. The Hague, 1960–1963.
- Pliny. Natural History in ten volumes / with an English translation by H. Rackham, W.H.S. Jones, D.E. Eichholz. 2nd ed. Vol. I–X. Cambridge–Massachusetts–London, 1969–1989 (“Loeb Classical Library”).
- Polanyi K. The Economy as Instituted Process // Trade and Market in the Early Empires / ed. by K. Polanyi, C.M. Arenburg, & H.W. Pearson. N.Y., 1957. P. 243–270.
- Ptolemaios. Geographie 6, 9–21. Ostiran und Zentralasien. Teil I. Griechischer Text neu hrsg. und ins Deutsche ubertr. von I. Ronca. Roma, 1971.
- Pulleyblank E. G. Chinese and Indo-Europeans // JRAS. 1966. № 1–2. P. 9–39.
- Pulleyblank E.G. Chinese Evidence to the Date of Kaniōka // PDK. Leiden, 1968. P. 247–258.
- Puri B.N. India in the time of Patañjali. Bombay, 1957.
- Puri B.N. India under the Kushāīas. Bombay, 1965.
- Puri B.N. The nationality of the Kushans // IAKO. T. 1. M., 1974. C. 182–189.
- Puri B.N. The Kushans // History of the Civilizations of Central Asia. Vol. II. The Development of Sedentary and Nomadic Civilizations 700 BC to 250 AD / ed. by J. Harmatta. P., 1994. P. 247–263.
- Rapin Cl. Les inscriptions économiques de la trésorerie d’Ai Khanoum // Bulletin du correspondance hellénique. Vol. 107. 1983. No 1. P. 315–372.
- Rapin Cl. Fouilles d’Ai Khanoum VIII. La trésorerie du palais hellénistique d’Ai Khanoum. L’apogée et la chute du royaume grec de Bactriane (MDAFA, t. XXXIII). P., 1992.
- Rapson E.J. The Successors of Alexander the Great // Cambridge History of India. Vol. 1. Ancient India / ed. by E.J. Rapson. Cambridge, 1922. P. 540–592.

- Rapson E.J. [Review of]: Konow S. Kharoshthī inscriptions with exceptions of those of Aśoka // *Corpus Inscriptionum indiarum*. Vol. II. Pt. 1. 1929 // *JRAS*. 1930. P. 186–202.
- Rea J.R., Senior R.C., Hollis A.S. A Tax Receipt from the Hellenistic Bactria // *Zeitschrift für Papyrologie und Egyptologie*. Bd. 104. 1994. S. 261–280. Pl. V–VI.
- Robert L. Les inscriptions // *Fouilles d’Ai Khanoum I*. Vol. 1 (MDAFA, t. XXI). P., 1973. P. 207–237.
- Rochette R. Notes sur quelques médailles grecques inédites appartenant a des rois inconnus de la Bactriane et de l’Inde // *Journal des Savants*. 1835. P. 513–528.
- Rosenfield J. *The Dynastic Arts of the Kushanas*. Berkeley–Los Angeles, 1967.
- Rtveladze E.V. Coins of the Yuezhi Rulers of Northern Bactria // *Silk Road Art and Archaeology*. Vol. 3. 1993/1994. Kamakura. P. 81–96.
- Rtveladze E.V. Parthia and Bactria // *In the Land of Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity* / ed. by A. Invernizzi. Firenze, 1995. P.181–190.
- Russell B. *Principles of Mathematics*. Vol. I. L.: Allen & Unwin, 1903.
- Sallet A. von. Die Nachfolger Alexander der Grossen in Bactrien und Indien // *Zeitschrift für Numismatik*. Bd. 6. № 3. Berlin, 1878. S. 165–231, 271–411.
- Sarkar H.B. *Corpus of the Inscriptions of Java (Corpus Inscriptionum Javanicarum)* (up to 928 A.D.). Vol. I. Calcutta, 1971.
- Satya Shraava M. A. *Kushāīa Numismatics*. New Delhi, 1985.
- Sedov L.A. *Angkorskaya imperiya (The Angkor Empire)*. M., 1967.
- Service E. *Primitive Social Organization*. N.Y., 1962.
- Service E. *Origins of the State and Civilization*. N.Y., 1975.
- Simonetta A. A new essay on Indo-Greeks, the Śakas and the Pahlavas // *EW*. Vol. 1X. № 3. 1958. P. 154–183.
- Sims-Williams N. From the Kushan-shahs to the Arabs. New Bactrian documents dated in the era of the Tochi inscriptions // *CAC*. Wien, 1999. P. 245–258.
- Sims-Williams N., Cribb J. The New Bactrian inscription and Kanishka the Great // *Silk Road Art and Archaeology*. 1995/1996. Vol. IV. Kamakura. P. 75–142.
- Slamet-Velsink I.E. *Emerging Hierarchies: Processes of Stratification and Early State Formation in the Indonesian Archipelago: Prehistory and the Ethnographic Present*. [Ph.D. thesis, Leiden University, 1986].
- Smith V.A. *Catalogue of the coins in Indian museum, Calcutta, including the Cabinet of the Asiatic Society of Bengal*. Vol. 1. Oxford, 1906.
- Sriwijaya. *History, Religion & Language of an Early Malay Polity*. Collected Studies by G. Coedès and L.-Ch. Damais. Kuala Lumpur, 1992.
- Strabo. *The Geography of Strabo: in eight vol.* / with an English translation by H. L. Jones. 2nd ed. Vol. 1–8. L., 1969–1983.

- Sylloge nummorum graecorum. The Collection of the American Numismatic society. Part 9. Graeco-Bactrian and Indo-Greek coins. New York, 1998.
- Takakusu J. A Record of the Buddhist Religion as practiced in India and the Malay Archipelago (A.D. 671–695) by I-Tsing. Oxford, 1896.
- Tambiah S.J. World Conqueror and World Renouncer: A Study of Buddhism and Polity in Thailand against a Historical Background. Cambridge, 1976.
- Tarn W.W. The Greeks in Bactria and India. 2nd ed. L., 1951.
- Taylor K.W. The Early Kingdoms // The Cambridge History of Southeast Asia. Vol. I. From Early Times to c. 1500 / ed. by N. Tarling. Cambridge, 1999. P. 137–182.
- Thomas E. Records of the Gupta Dynasty. L., 1876.
- Vallée-Poussin L. de La. L'Inde aux Temps des Mauryas et les Barbares, Grecs, Scythes, Parthes et Yue-tchi. P., 1930 (Histoire du Monde / publ. sur la direction de E. Cavaignac. T. 6).
- Vann R.T. The Reception of Hayden White // History and Theory. Studies in the Philosophy of History. Vol. 37. No 2. 1998. P. 143–161.
- Veuve S. Fouilles d'Ai Khanoum VI. Le gymnase. Architecture, céramique, sculpture (MDAFA, t. XXX). P., 1987.
- Weber M. Basic Concepts in Sociology / translated and introduced by H.P. Secher. L., 1962.
- Wheatley P. Nāgara and Commandery: Origins of the Southeast Asian Urban Traditions. Chicago, 1983.
- White H. Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore-London, 1973.
- Whitehead R.B. Catalogue of coins in Punjab Museum, Lahore. Vol. I. Indo-Greek coins. Oxford, 1914.
- Whitmore J.K. The Opening of Southeast Asia, Trading Patterns through the Centuries // Economic Exchange and Social Interaction in Southeast Asia: Perspectives from Prehistory, History, and Ethnography / ed. by K.L. Hutterer. Ann Arbor, 1977. P. 139–153.
- Wisseman Christie J. Trade and State Formation in the Malay Peninsula and Sumatra, 300 B.C. – A.D. 700 // The Southeast Asian Port and Polity: Rise and Demise / ed. by J. Kathirithamby-Wells & J. Villiers. Singapore, 1990. P. 39–60.
- Wisseman Christie J. State Formation in Early Maritime Southeast Asia. A Consideration of the Theories and the Data // BKI. D. 151. Aufl. 2. 1995. P. 235–288.
- Wittfogel K. Oriental Despotism: a Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957.
- Wolters O.W. Early Indonesian Commerce: A Study in the Origins of Śrīvijaya. Ithaca–New York, 1967.
- Wolters O.W. The Fall of Śrīvijaya in Malay History. Ithaca–New York, 1970.

- Wolters O.W. Studying Śrīvijaya // Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society. Vol. 52. № 2. 1979. P. 1–32.
- Wolters O.W. History, Culture, and Region in Southeast Asian Perspectives. Singapore, 1982.
- Wolters O.W. Restudying Some Chinese Writings on Sriwijaya // Indonesia. 1986. D. 42. P. 1–42.
- Wright H.T. Recent Research on the Origin of the State // Annual Review of Anthropology. 1977. Vol. 6. P. 379–397.
- Wroth W. Catalogue of the coins of Parthia. L., 1903.
- Zeimal E.V. Tillya-Tepe within the Context of the Kushan Chronology // CAC. Wien, 1999. P. 239–244.
- Zürcher E. The Yüeh-chih and Kaniøka in the Chinese chronicles // PDK. Leiden, 1968. P. 346–390.